ИГ5
Г 529

НАУКА

О

ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

СОЧИНЕНІЕ

ДИМИТРІЯ ГЛИНКИ,

РОССІЙСКАГО ЧРЕЗВЫЧАЙНАГО ПОСЛАННИКА И УПОЛНОМОЧЕННАГО МИНИСТРА ВЪ БРАЗИЛІИ.

Съ четвертаго, вполнѣ передѣланнаго изданія

перевелъ

П. А. Бибиковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1870.

НАУКА
О
ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НАУКА

О

ЧЕЛОВѢЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

СОЧИНЕНІЕ

ДИМИТРІЯ ГЛИНКИ,

россійскаго чрезвычайнаго посланника и уполномоченнаго министра въ Бразиліи.

Съ четвертаго, вполнѣ передѣланнаго изданія

перевелъ

П. А. БИБИКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, у Владимірской церкви, д. № 15

1870.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2006

ИГЗ Р
Г529

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 490
БИБЛИОТЕКА
5052

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Отъ переводчика VII
Предисловіе къ четвертому изданію XI

Глава I.

Право. 1
§ I. Объ идеѣ права и о первомъ ея слѣдствіи — личной собственности . . . . . —
§ II. Критическій разборъ теоріи нѣмецкихъ философовъ о правѣ и свободѣ 18

Глава II.

Право гражданское 29
§ I. О правѣ перваго занятія 30
§ II. О различіяхъ, установленныхъ относительно гражданскаго права 33
§ III. О различныхъ видахъ гражданскаго права 37
1°. О закладѣ или даровой ссудѣ 38
2°. О дарѣ и завѣщаніи 40
3°. О договорахъ 43

Глава III.

О нарушеніяхъ права 53
§ I. Объ уничтоженіи духовнаго начала въ правѣ . . . —
§ II. Объ уничтоженіи матерьяльнаго начала въ правѣ . 55
§ III. Объ ошибкѣ 56
§ IV. Объ обманѣ 57
§ V. О насиліи 58
§ VI. О кражѣ 60

Глава IV.

Правосудіе 64
§ I. Объ идеѣ правосудія . . . . . —
§ II. О различныхъ видоизмѣненіяхъ идеи правосудія . . 69
§ III. Объ обычаяхъ и законахъ 71
§ IV. О расправѣ 79
1°. Объ уголовномъ судѣ 80
а) О преступленіяхъ и наказаніяхъ . . . . . —
б) О степеняхъ преступленій и наказаній . . . 88
2°. Объ отличіяхъ и преимуществахъ 97

Стр.

Глава V.

акольная власть 106
§ I. О первобытномъ семействѣ 107
§ II. Объ идеѣ власти 111
§ III. О различныхъ видахъ власти 114

Глава VI.

Свобода 118
§ I. Объ идеѣ свободы . . . . . —
§ II. О различныхъ видахъ свободы и о зависимости между собой соціальныхъ идей 125
§ III. О равноправности 139
§ IV. О власти закона 149

Глава VII.

Общественное право. (Первая часть) 155
Патріархальное общество и преимущественно монархія . . . . —
§ I. Опредѣленіе общественнаго права . . . . . —
§ II. О патріархальномъ обществѣ 158

Глава VIII.

Объ общественныхъ учрежденіяхъ въ Римѣ 171

Глава IX.

Общественное право. (Вторая часть) 227
Республика . . . . . —

Глава X.

Объ общественныхъ учрежденіяхъ въ древнихъ Аѳинахъ . . . 239

Глава XI.

Общественное право. (Третья часть) 277
Феодальное устройство . . . . . —

Глава XII.

Общественное право. (Четвертая часть) 301
Конституціонное устройство . . . . . —

Глава XIII.

Общественное право. (Пятая часть) 336
Второстепенные общественные принципы . . . . . —
§ I. Теократическое устройство 338
§ II. Военное устройство 343
§ III. Торговое устройство 358

Глава XIV.

Общественныя формы, разсматриваемыя въ ихъ совокупности 364

Глава XV.

Международное право 384

Я полагаю, что оказываю нѣкоторую услугу русскому обществу переводомъ на русскій языкъ книги одного изъ нашихъ соотечественниковъ, отличающейся столько же смѣлыми, сколько оригинальными воззрѣніями на самые сложные и запутанные вопросы общественной жизни, книги, удостоившейся весьма лестныхъ отзывовъ лучшихъ органовъ и критическихъ обозрѣній иностранной прессы, наконецъ, книги, весьма интересной самой по себѣ, что̀ доказывается выдержанными ею въ непродолжительное время четырьмя изданіями.

Быть можетъ, ни въ одной научной области не распространено столько шаткихъ, сбивчивыхъ и хаотическихъ понятій, какъ въ наукѣ о человѣческомъ обществѣ или соціологіи. Причина этого понятна и уважительна. Она понятна и уважительна, потому что соціологіи подлежатъ самыя трудныя, самыя сложныя, менѣе всего поддающіяся анализу явленія. Причина этой шаткости и неопредѣленности останется за наукой о человѣческомъ обществѣ навсегда. Но нельзя также сразу не замѣтить, что есть и другая причина неудовлетворительности нашихъ свѣдѣній въ этой научной области,—я имѣю въ виду методъ, которымъ до сихъ поръ пользовались при изслѣдованіи вопросовъ, касающихся общественной жизни. Извѣстно, что этотъ методъ былъ, вопервыхъ, вполнѣ апріористическій, какимъ отчасти онъ вѣроятно останется и на будущее время по самимъ свойствамъ этихъ

вопросовъ, а во вторыхъ, методъ этотъ былъ всегда психологическій. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ общественныхъ или политическихъ вопросахъ мы постоянно встрѣчаемся съ двумя понятіями, имѣющими ближайшее отношеніе къ психологіи: съ понятіемъ о правѣ и съ понятіемъ о свободѣ, вслѣдствіе чего прежде всего предстояло рѣшить, что̀ такое право, и что̀ такое свобода. Задачу эту естественно брала на себя психологія. Такой путь оказывается неудовлетворительнымъ, что̀ доказывается несомнѣнной сбивчивостью и неопредѣленностью всѣхъ современныхъ политическихъ и общественныхъ теорій. Самые свѣтлые умы великаго восемнадцатаго вѣка оказались несостоятельными въ своихъ воззрѣніяхъ на сложныя задачи общественной науки, а между тѣмъ они руководились главнымъ образомъ естественно-историческимъ путемъ. Дѣло въ томъ, что путь ихъ дѣйствительно былъ естественно-историческій, но односторонній. Для объясненія права и свободы они обращались къ законамъ человѣческой природы, и пришли къ полнѣйшему отожествленію двухъ этихъ понятій, результатомъ чего и явилось хаотическое состояніе воззрѣній, отличающихъ политическія науки.

Г. Глинка попытался стать главнымъ образомъ на историческую точку зрѣнія, оказавшуюся столь плодотворной въ примѣненіи ко всѣмъ сложнымъ, запутаннымъ и труднѣйшимъ вопросамъ во всѣхъ научныхъ областяхъ, и пришелъ къ результатамъ діаметрально противуположнымъ существующимъ понятіямъ о правѣ и свободы. Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ обнаружилъ такую оригинальность и смѣлость, столько проницательности и остроумія, что уже однихъ этихъ качествъ достаточно, чтобы обратить особенное вниманіе на его сочиненіе, хотя бы и подлежали оспариванію сдѣланные имъ выводы.

Главная задача его состоитъ въ томъ, чтобы связять изученіе исторіи съ изслѣдованіемъ современнаго общественнаго устройства всѣхъ народовъ, а основное его положеніе состоитъ, наперекоръ существующимъ мнѣніямъ, въ строгомъ разграниченіи между понятіемъ о правѣ и понятіемъ о свободѣ.

Въ высшей степени интересно прослѣдить за философскимъ развитіемъ его главнѣйшихъ мыслей. Какъ право, такъ и свобода суть, разумѣются, результаты функцій человѣческаго организма, дѣйствующаго въ средѣ, представляемомъ обществомъ, но между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Право самопроизвольно, оно отличается меньшею сознательностью, часто оно бываетъ даже совсѣмъ инстинктивнымъ. Свобода всегда раціональна, сознательна и разумна. Право является результатомъ не силы, какъ учатъ современные философы и моралисты, а превосходства человѣка надъ вещественнымъ міромъ. Затѣмъ, оно становится раціональнымъ въ признаніи такого же превосходства надъ матерьяльнымъ міромъ за всякимъ человѣкомъ — результатомъ чего является справедливость и ея примѣненіе къ человѣческому обществу въ видѣ правосудія, основаннаго на законной власти (autorité légitime). Свобода есть результатъ дальнѣйшаго развитія, сознанія равнаго духовнаго достоинства за всѣми людьми, результатомъ чего является равноправность и правосудіе, основанное на власти закона (autorité légale). Итакъ, что же такое свобода? Она не есть какое бы то ни было право, какъ опять таки учатъ современные философы и моралисты, а протестъ противъ права или результатъ такого протеста.

Это самая смѣлая, самая оригинальная и, прибавлю, самая плодотворная мысль автора. Изъ нея не слѣдуетъ, впрочемъ, заключать, что г. Глинка относится съ неуваженіемъ къ праву и къ его продуктамъ—суду и власти.

Такое заключеніе было бы преждевременно и ошибочно. Напротивъ того, признавая исключительно за правомъ положительное, созидающее, творческое значеніе въ человѣческомъ обществѣ, видя въ свободѣ значеніе только отрицательное, приписывая ей силу только передѣлывать, пересоздавать, видоизмѣнять то, что̀ создано правомъ, соотечественникъ нашъ относится къ праву со всевозможнымъ уваженіемъ и осторожностью. Еслибы такого спокойнаго и безстрастнаго мыслителя, какимъ онъ является въ своей книгѣ, можно было заподозрить въ большемъ пристрастіи къ той или другой разбираемой имъ идеѣ, то мы скорѣе имѣли бы право поставить его въ ряды защитниковъ права, чѣмъ свободы. Его приговоры надъ германскими мыслителями, философами-энциклопедистами и надъ великими деклараціями сѣвероамериканской и французской республики, быть можетъ, болѣе строги, чѣмъ справедливы.

Тѣмъ не менѣе, за нимъ останется честь того, что онъ сказалъ, какъ говорятъ французы, le mot de l'énigme, и доказалъ это философски. Въ подтвержденіе своихъ воззрѣній и ради наглядnаго ихъ объясненія онъ обращается за примѣрами къ исторіи, и представляетъ прекрасныя характеристики общественнаго устройства у различныхъ народовъ и въ различныя эпохи. Въ этихъ то характеристикахъ онъ обнаруживаетъ главныя черты своего метода — необходимости исторической основы для объясненія современныхъ вопросовъ всякаго общественнаго устройства, и неудовлетворительности пріемовъ умозрительныхъ и неопирающихся на дѣйствительные факты.

П. Бибиковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Медленно и трудно сознаются нами явленія, обусловливающія общественныя отношенія. Прошли вѣка, прежде чѣмъ люди стали размышлять о человѣческомъ обществѣ, прежде чѣмъ они обратили вниманіе на зарожденіе и назначеніе слагающихся въ немъ отношеній. Только немногіе великіе мыслители пытались отдать себѣ въ нихъ отчетъ. Платонъ и Аристотель, св. Августинъ, св. Фома Аквитанскій, Дантъ избрали общественную науку предметомъ для своихъ размышленій. Но имъ удалось охватить только нѣкоторыя части, отдѣльныя черты того цѣлаго, въ которомъ переплетаются противурѣчащія другъ другу идеи и порождаемыя ими безчисленныя явленія.

Въ новѣйшія времена наука эта стала мало по малу освобождаться изъ окружавшаго ее мрака. Она испытывала свои силы, и принимала разныя названія: права войны и мира, общественнаго договора, философіи или метафизики права, естественного права [1]). Замѣчено было

---

[1]) Каждое изъ этихъ названій соотвѣтствуетъ особенной точкѣ зрѣнія, съ которой старались уловить сущность общественныхъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, общество можетъ находиться или въ мирномъ, или въ военномъ состояніи. Общественный договоръ имѣетъ только частное значеніе, потому что служитъ основой не для каждой формы общественаго быта, а только для одной, конституціонной. Стало быть, ошибочно основывать на немъ всякую общественную форму. Названіе

наконецъ, что общественныя учрежденія имѣютъ причину своего существованія, но, вмѣсто того, чтобы искать объясненія послѣдней въ фактахъ, въ которыхъ она проявляется, ее старались уловить однимъ порывомъ мысли, умозрѣніемъ, и терялись въ метафизическихъ отвлеченностяхъ, не обращая вниманія на дѣйствительность.

Эти изслѣдованія обнаружили, однако, существованіе двухъ общественныхъ началъ, на всѣхъ языкахъ обозначаемыхъ словами *право* и *свобода*. Начала эти, впрочемъ, никогда не проявляются вполнѣ раздѣльными одно отъ другаго, и входятъ въ постоянныя сочетанія между собой. Относительное значеніе каждаго изъ нихъ въ этихъ сочетаніяхъ измѣняется до безконечности.

Это отношеніе между общественными началами было замѣчено, но не было обращено вниманія на раздѣляющія ихъ отличія, и, вслѣдствіе этого, заключили, что различій этихъ вовсе не существуетъ. Результатомъ было отожествленіе обоихъ началъ. Это ошибочное заключеніе было принято наконецъ за основное положеніе общественной науки; оно не подтверждалось никакимъ доказательствомъ, оно никогда не подвергалось даже изслѣдованію или опроверженію. Не имѣя никакого раціональнаго основанія, оно опиралось только на безчисленныя опредѣленія, на формулы, все назначеніе которыхъ состояло, повидимому, въ прикрытіи научными терминами безсилія мысли. Мы приведемъ только одно изъ этихъ опредѣленій, сдѣланное Гегелемъ, такъ какъ выраженное, на этотъ разъ, удобопонятно, оно лучше другихъ показываетъ настоящій смыслъ предвзятой аксіомы. «Право, говоритъ, онъ, есть тѣло, душу котораго составляетъ свобода».

философіи или метафизики права показываетъ цѣль—узнать вызывающія его причины, а названіе *естественнаго права* — разъяснить свойства его въ томъ случаѣ, когда ничто не препятствуетъ его свободному проявленію.

Настоящее сочиненіе, напротивъ того, имѣетъ цѣлью доказать, что право и свобода суть два совершенно различныя понятія. Это существенная черта теоріи автора, черта, отличающая ее отъ всѣхъ остальныхъ теорій.

Въ предисловіи невозможно всестороннее изслѣдованіе какого либо вопроса, въ особенности, если дѣло идетъ о вопросѣ первостепенной важности. Вслѣдствіе этого, предисловія къ философскимъ сочиненіямъ имѣютъ то неудобство, какъ замѣтилъ еще Гегель, что они не могутъ быть поняты вполнѣ. Въ нихъ предполагается знакомство съ такими предметами, которые именно и подлежатъ доказательству: такъ что, предисловія такого рода могутъ имѣть только то значеніе, что они указываютъ на содержаніе сочиненія и на главнѣйшія положенія, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе.

Поэтому, достаточно будетъ, если мы скажемъ въ настоящемъ мѣстѣ, что *идея права* состоитъ въ томъ движеніи мысли, которое сопровождаетъ дѣйствія человѣка, устанавливающія его право. *Идея свободы* развивается въ противуположномъ направленіи идеѣ права, и останавливаетъ одностороннее развитіе послѣдняго, развитіе, которое, въ противномъ случаѣ, имѣло бы слѣдствіемъ обращеніе человѣка въ автомата.

Такимъ образомъ, эти двѣ идеи нетолько не тожественны, но существенно отличны одна отъ другой. Каждая изъ нихъ отличается отдѣльнымъ раціональнымъ основаніемъ, противуположными стремленіями, и вызываетъ различныя послѣдствія. Та и другая вытекаютъ, правда, изъ разума, служатъ его проявленіемъ, и, стало быть, находятся въ зависимости отъ одного и того же средоточія; но эта зависимость не составляетъ ихъ отличительнаго свойства, такъ какъ и всѣ прочія идеи и разсудочныя способности вытекаютъ изъ того же средоточія, представляющаго внѣшній признакъ человѣческой личности.

Раціональнымъ основаніемъ *идеи права* служитъ превосходство человѣка надъ остальными земными созданіями. Раціональнымъ основаніемъ *идеи свободы* служитъ равное духовное достоинство всѣхъ людей относительно другъ друга.

Идея права стремится къ матерьяльному міру, и въ немъ воплощается. Она есть зиждительное начало того вещественнаго порядка, который обезпечиваетъ существованіе человѣка, какъ отдѣльной личности и какъ члена общества. *Идея свободы* стремится освободить человѣка отъ захватовъ права, принимающаго чрезмѣрное развитіе. Она сдерживаетъ возрастающую силу права различными проявленіями, представляющими, каждое, особенный видъ свободы.

Результатомъ *идеи права* является право личности и право общества, какъ общества, то есть, личное право и общественное право. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эта идея вступаетъ въ новую фазу. Превосходство, заявляемое человѣкомъ надъ остальнымъ міромъ, оказывается въ каждомъ человѣкѣ, вслѣдствіе чего это превосходство признается за всѣми людьми. Это заключеніе сообщаетъ новый характеръ идеѣ права, придаетъ ей особенное значеніе и важность: она перемѣняетъ даже свое названіе, и обращается въ *идею справедливости*. Идея справедливости состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, что превосходство надъ матерьяльнымъ міромъ признается уже не за человѣкомъ, разсматриваемомъ отдѣльно, а за всѣми людьми. Идея права представляетъ еще одну фазу; это — когда она превращается во *власть*. Власть называютъ *законной*, когда она вытекаетъ изъ идеи права.

Идея свободы, по мѣрѣ своего развитія, видоизмѣняетъ въ большей или меньшей степени всѣ эти виды права. Въ наивысшемъ своемъ проявленіи она обращаетъ личныя права въ одно, принадлежащее всему обществу, и

частную собственность въ собственность общественную. При такомъ общественномъ порядкѣ *справедливость* уступаетъ мѣсто *равноправности*, а власть, предписываемая закономъ, *власть закона (autorité legale)* замѣняетъ собой власть, истекшую изъ права, или *законную власть (autorité légitime)*.

Такимъ образомъ, обѣ соціальныя идеи обусловливаютъ, каждая, свой особенный строй учрежденій и общественныхъ явленій. Но ни та, ни другая не можетъ быть осуществлена отдѣльно, въ полной своей чистотѣ; попытки же къ такому ихъ осуществленію въ теоріи оканчивались однѣми только отвлеченными системами, а на практикѣ приводили къ безграничному деспотизму и террору. Объясняется это тѣмъ, что право, какъ и свобода, служатъ источникомъ первѣйшихъ условій, необходимыхъ для существованія человѣка. Отстранить то или другую, вполнѣ или въ значительной степени, то же, что̀ исключить одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ человѣческой природы.

Право является чѣмъ то положительнымъ, матерьяльно осязаемымъ, свобода обнаруживается только противудѣйствіемъ постороннему праву, проявленія ея существенно отрицательны. Вотъ почему и дѣйствія ея ограничиваются видоизмѣненіемъ и переработкой того, что̀ создано правомъ. Изъ этого вытекаетъ, что свобода существуетъ при томъ только условіи, чтобы существовало право, какъ предметъ для нея.

Итакъ, изученіе общественныхъ отношеній должно начинаться правомъ.

При своемъ происхожденіи право оказывается до того простымъ, можно сказать, до того скромнымъ, что люди науки проглядѣли его, не обративъ вниманія на то, что въ самую первую минуту своего существованія оно содержитъ уже плодотворныя идеи, служащія основой для

общественныхъ отношеній. Но, чтобы прослѣдить за движеніемъ какой либо идеи, для этого необходимо захватить ее при ея зарожденіи. Это движеніе состоитъ въ непрерывномъ рядѣ развитій, логически связанныхъ одно съ другимъ. Произвольно избрать одно изъ нихъ за точку отправленія значило бы разорвать эту связь,—начать изслѣдованіе фактомъ, оторваннымъ отъ всего предъидущаго, и, стало быть, лишеннымъ всякаго раціональнаго основанія. Вотъ почему идея права, взятая для изслѣдованія въ моментъ, удаленный отъ ея зарожденія, не поддавалась послѣдовательному развитію, а потому, и не могла быть объяснена удовлетворительно. Вотъ почему величайшіе изъ мыслителей, Кантъ, Фихте, Гербартъ откровенно сознаются, что понятіе о правѣ остается неразъясненнымъ.

Замѣтивъ эту ошибку, авторъ обратился къ зарожденію идеи права, затѣмъ прослѣдилъ за ея развитіемъ, изслѣдовалъ различныя фазы ея и производимые ею результаты. Такому же изслѣдованію онъ подвергнулъ идею свободы, что̀ доставило ему возможность точно опредѣлить различія, существующія между обѣими основными соціальными идеями и способъ сочетанія ихъ между собой.

Обѣ идеи, рѣзко развиваясь въ ущербъ одна для другой въ свойственномъ для каждой изъ нихъ направленіи, выражаются особенной соціальной формой: идея права—патріархальной формой общественнаго быта, въ которомъ власть принадлежитъ или одному лицу, или меньшинству; идея свободы — республикой, въ которой воля большинства составляетъ законъ. Сочетаніе обѣихъ идей въ опредѣленныхъ размѣрахъ порождаетъ двѣ другія общественныя формы. Если отношенія между этими идеями опредѣлены до малѣйшихъ подробностей многочисленными соглашеніями, то̀ результатомъ является *феодальная* общественная форма, а если отношенія эти опре-

дѣляются либо однимъ только соглашеніемъ или хартіей, либо нѣсколькими, дополняющими одно другое, то мы получаемъ *конституціонную* общественную форму.

Формы общественнаго быта, хотя и опирающіяся на двѣ основныя соціальныя идеи, испытываютъ вліяніе и другихъ условій. Происхожденіе и дѣйствіе этихъ условій совершенно иныя, и съ первыми имѣютъ общаго только то, что на развитіе общественныхъ отношеній они оказываютъ нерѣдко рѣшительное вліяніе. Эти условія, которыя мы назовемъ *второстепенными общественными принципами*, вытекаютъ, одно—изъ *духовной власти*, другое—изъ *военной силы*, и третіе—изъ *торговли*. Общества могутъ, безъ сомнѣнія, испытывать вліяніе и другихъ еще условій, они могутъ находиться въ исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя придадутъ имъ особенный характеръ, обусловятъ, напримѣръ, ихъ распространеніе [1]), тѣмъ не менѣе, эти условія никогда не получаютъ такого важнаго значенія, какъ три предъидущія.

Идеи и общественные принципы производятъ свое дѣйствіе въ средѣ, въ которой развиваются, какъ въ нравственной атмосферѣ, чувства и особенныя черты, отличающія отдѣльныя группы людей?—Эти чувства, которыя можно назвать политическими, измѣняются сообразно съ временемъ и мѣстомъ: они бываютъ различны—какъ приверженность къ монарху, къ національности,—но оказываются тоже связывающей силой, нейтрализующей дѣйствіе условій, стремящихся разъединить людей, и умѣряющей ту жесткость, которою сопровождается борьба между соціальными принципами.

---

[1]) Обширныя равнины Европы, и въ особенности Азіи, благопріятствуютъ образованію великихъ обществъ съ однообразнымъ характеромъ; пересѣченная мѣстность Греціи или Швейцаріи породила маленькія, независимыя одно отъ другаго общества.

При изученіи отношеній, существующихъ въ человѣческомъ обществѣ, мы имѣемъ предъ собой реальный предметъ. Онъ состоитъ въ результатахъ, созданныхъ соціальными идеями: эти результаты распредѣлены были по отдѣльнымъ категоріямъ, получившимъ названія *гражданскаго права*, *общественнаго*, *международнаго*, которыя старались объяснить съ отдѣльной, свойственной каждому изъ нихъ точки зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, можно смотрѣть на общественныя отношенія съ обыкновенной точки зрѣнія, какъ на всякій реальный предметъ, имѣя въ виду непосредственное ихъ значеніе. Это будетъ наука *законовѣдѣнія*.

Можно также сдѣлать предметомъ спеціальнаго изслѣдованія практическія слѣдствія каждой общественной формы, вліяніе ея на могущество и внѣшнее величіе государства, разсматривать зависимость отъ соціальныхъ идей безопасности, цивилизаціи или благосостоянія общества; это будетъ *политическая* сторона общественной науки. Можно, наконецъ, обратиться къ первоначальной причинѣ соціальныхъ отношеній, и изслѣдовать сущность ихъ. Въ такомъ случаѣ мы становимся на *философскую* точку зрѣнія.

Авторъ разсматриваетъ человѣческое общество главнымъ образомъ съ послѣдней точки зрѣнія, а на первыя двѣ обращаетъ вниманіе, на сколько онѣ неразрывно связаны съ его предметомъ. Онъ постоянно сопоставляетъ идеи и факты, что̀ даетъ ему возможность повѣрять согласіе первыхъ съ послѣдними. Такимъ образомъ, тѣ и другія могутъ быть подвергнуты опыту, который считается вообще свойственнымъ только точнымъ наукамъ. Тѣмъ не менѣе, послѣднія науки безсильны проникнуть въ самую сущность вещей, онѣ касаются только внѣшней стороны явленій, и безплодны будутъ усилія человѣка проникнуть до первоначальной ихъ причины и

уловить ихъ происхожденіе. Человѣку отказано въ способности постигать происхожденіе вещей, онъ можетъ понять только ихъ видоизмѣненія.

Общественныя отношенія, напротивъ того, суть созданія самого человѣка, они обязаны своимъ происхожденіемъ идеямъ, тѣмъ проявленіямъ разума, которыми одаренъ человѣкъ. Ему несомнѣнно принадлежитъ способность понимать то, что̀ вытекаетъ изъ его разума; этимъ онъ только приводитъ къ сознанію собственныя свои дѣйствія. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣческое общество можетъ быть объяснено вполнѣ, между тѣмъ какъ этого не можетъ быть никогда съ предметами наукъ точныхъ. Если же до сихъ поръ общественныя отношенія не были достаточно разъяснены, то вина въ этомъ падаетъ на людей, занимавшихся ими, а не на науку.

Порядокъ, въ которомъ размѣщены предметы этой науки въ настоящемъ сочиненіи, совершенно не похожъ на тотъ, который принимался доселѣ. Причина этого заключается въ иномъ объясненіи ихъ, предлагаемомъ авторомъ. Эти предметы изслѣдывались отдѣльно, они опредѣлялись болѣе или менѣе точно, а потомъ связывались въ систему законовѣдѣнія или политики, по плану, освященному рутиной. Затѣмъ, являлись философы, объяснявшіе ихъ не въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ дѣйствительности, а согласно съ какою либо предвзятою идеей. Методъ автора состоитъ въ томъ, чтобы уловить прежде всего раціональное зарожденіе какой либо идеи, затѣмъ—прослѣдить за ея развитіемъ, и указать на результаты ея по мѣрѣ ихъ обнаруженія. Этотъ методъ, столь тѣсно связанный съ предметомъ изслѣдованія, что составляетъ только выводы изъ него, приводитъ къ результатамъ, вовсе непохожимъ на тѣ, которыя получаются иными путями.

Такъ какъ главный предметъ этого сочиненія состо-

итъ въ изложеніи идей, касающихся общества, то авторъ считаетъ необходимымъ въ точности опредѣлить свои понятія объ идеяхъ. Онъ постарается въ этомъ отношеніи быть сколь можно краткимъ.

Предметы реальнаго міра, окружающіе человѣка, производятъ на него впечатлѣнія чрезъ посредство чувствъ, которыми онъ одаренъ. Эти дѣйствія на чувства вызываютъ въ человѣкѣ другую дѣятельность—разсудочную. Онъ направляетъ ее на предметы, остановившіе на себѣ его вниманіе, и результатомъ этой дѣятельности является идея. — Итакъ, происхожденіе идей не слѣдуетъ искать въ какой либо одной, отдѣльной причинѣ, какъ разумъ или вещественный міръ: онѣ порождаются отношеніемъ, устанавливаемымъ, при содѣйствіи разума, между человѣкомъ и вещественными предметами. Идея остается инстинктивной, пока она направляется только впередъ, къ предмету: въ этомъ и состоитъ инстинктъ животныхъ. Но, возвращаясь отъ предмета къ разсудочному центру, изъ котораго она вышла, это движеніе становится обдуманнымъ. Идея, сопровождаемая размышленіемъ, переходитъ въ сознаніе человѣка.

Существуетъ множество философскихъ теорій относительно отправленій разума, способовъ его дѣятельности правилъ, которымъ онъ слѣдуетъ, всего того, что получило названіе логики. Но, что всего замѣчательнѣе, всѣ эти теоріи приписываютъ мышленію самопроизвольную дѣятельность. Гегель основываетъ даже на этой самопроизвольности разсудочную дѣятельность всей природы, вслѣдствіе чего онъ и поставилъ на первое мѣсто между всѣми существами человѣка, какъ главное орудіе ея проявленія.

Между тѣмъ, логика есть неболѣе, какъ видимое отправленіе мозговаго механизма. Дѣятельность мозга возможна только при посредствѣ словъ или другихъ, види-

мыхъ, то есть, матерьяльныхъ знаковъ, — соотношеніе между словами или знаками и есть именно то, что̀ называется логикой. Ея пріемы, ея постройки соотвѣтствуютъ спеціальному назначенію разума, какъ пріемы и механическое строеніе глаза или уха соотвѣтствуютъ спеціальной дѣятельности зрѣнія и слуха. Логика вытекаетъ изъ отправленій мозга, какъ дѣятельность зрѣнія или слуха вытекаетъ изъ отправленій глаза или уха. Устройство всѣхъ органовъ одинаково у всѣхъ людей, различіе существуетъ только въ неодинаковой ихъ силѣ. Вотъ почему идеи подчиняются однимъ и тѣмъ же логическимъ законамъ, хотя бы даже онѣ приняли ложное направленіе. Это—какъ глазъ, отправленія котораго совершаются по однимъ и тѣмъ же законамъ, будетъ ли онъ обращенъ непосредственно на предметъ, или же будетъ смотрѣть на него чрезъ призму.—Только въ первомъ случаѣ предметъ сохраняетъ свою природу, а во второмъ онъ становится искуственнымъ.

Результатомъ возвращенія мысли отъ предмета къ разсудочному средоточію является, какъ мы сказали, обдуманная идея, такая, о которой человѣкъ имѣетъ сознаніе. Итакъ, идея есть черта, связывающая двѣ точки, предметъ и разумъ человѣка; она обусловливается только существующимъ между ними отношеніемъ. Вотъ почему при изслѣдованіи идей всегда оказывается двѣ стороны, изъ коихъ одна зависитъ главнымъ образомъ отъ разума, а другая отъ реальныхъ предметовъ.

Еще Гегелемъ замѣчено было существованіе двухъ этихъ сторонъ въ идеяхъ, но онъ не отдалъ себѣ отчета въ этомъ явленіи, и ограничился поверхностнымъ ихъ различеніемъ подъ именемъ *одной стороны* и *другой стороны* (Eine Seite, die andere Seite). Этому открытію онъ обязанъ всей своей славой, хотя онъ заслужилъ ее только отчасти, ибо не уловилъ настоящаго значенія идей.

Вслѣдствіе того, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на то обстоятельство, что одна изъ этихъ сторонъ неизбѣжно должна быть въ зависимости отъ реальнаго міра, онъ упустилъ ее изъ виду, и запутался въ отвлеченностяхъ, лишенныхъ всякаго объективнаго основанія [1]).

Методъ автора, напротивъ того, не допускаетъ разсудочнаго отправленія, независимаго отъ дѣйствительности. Для него идея есть не болѣе какъ отношеніе между разумомъ человѣка и предметомъ. Это отличительный характеръ его метода.

Если *мысль*, направленная къ предмету, достигаетъ цѣли безъ логическихъ отклоненій, то она исполняетъ движеніе, свойственное всякой идеѣ — это движеніе названо Гегелемъ діалектическимъ. Но, прежде чѣмъ достигнуть цѣли, идея можетъ отклониться, и даже совсѣмъ заблудиться отъ дѣйствія постороннихъ вліяній. Поэтому, подъ именемъ діалектическаго мы разумѣемъ такое движеніе идеи, при которомъ она сохранилась во всей своей чистотѣ. Оно приводитъ къ цѣли, къ которой направилась идея, и отъ заключенія къ заключенію ко всѣмъ фазамъ, черезъ которыя она можетъ пройти, ко всѣмъ послѣдствіямъ, какія только возможны для нея.

Ничто не препятствуетъ человѣку достигнуть собственными силами до всесторонняго знакомства съ идеями, но въ дѣйствительности трудъ этотъ совершается медлен-

---

[1]) Гегель указалъ, впрочемъ, на движеніе идей только въ главномъ своемъ сочиненіи — *феноменологіи человѣческаго духа*. Но это сдѣлано имъ крайне неудовлетворительно уже потому, что подвергнутыя имъ изслѣдованію явленія духа почти неуловимы. Въ прочихъ своихъ сочиненіяхъ Гегель только пытался указать на движеніе идей, но вмѣсто этого, представилъ только рядъ логическихъ формулъ, нерѣдко произвольно связанныхъ между собой и никогда несовпадающихъ съ дѣйствительностью.

но, нерѣдко изъ поколѣнія въ поколѣніе. Фактъ этотъ подтверждается всей исторіей.

Размышляя при содѣйствіи одинаковыхъ, сходныхъ по своимъ отправленіямъ органовъ, люди приходятъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ, какъ при коллективныхъ, такъ и при единичныхъ усиліяхъ. Если посылки вѣрны, то они достигаютъ истины, если посылки ложны, то и выводы ихъ ложны, хотя въ томъ и другомъ случаѣ послѣдніе могутъ быть одинаково логичны.

Итакъ, идеи права и свободы существовали вѣчно, онѣ всегда управляли дѣйствіями людей и развитіемъ общественныхъ отношеній, но сознавались онѣ смутно. Вслѣдствіе этого, нерѣдко, вмѣсто того, чтобы осуществить эти идеи въ общественныхъ учрежденіяхъ, отъ нихъ только удалялись. Повторенные опыты, очевидность совершенныхъ ошибокъ заставляли избирать новые пути,—такъ что только опытомъ и ощупью люди получали понятіе о настоящемъ значеніи идей.

Чтобы облегчить трудъ людей, которые пожелали бы познакомиться съ настоящимъ сочиненіемъ, полезно будетъ указать на главныя черты его,—что въ немъ есть новаго—съ трехъ точекъ зрѣнія: философіи, законовѣдѣнія и политики.

Разсматривая общественныя отношенія съ философской точки зрѣнія, авторъ показываетъ, что первая причина ихъ не есть одинъ какой либо принципъ, а двѣ основныя идеи и нѣсколько второстепенныхъ принциповъ, сочетающихся между собой въ различныхъ отношеніяхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что совокупность соціальныхъ отношеній, то, что называютъ общественной формой, не можетъ быть однородной, идеаломъ, который можно было бы отыскать при содѣйствіи науки, чтобы затѣмъ осуществить его въ дѣйствительности. Напротивъ того, общественныя формы неизбѣжно разнородны, смотря по тому, какъ переплетаются въ нихъ соціальные принципы.

Что̀ касается до второй точки зрѣнія, съ которой можно смотрѣть на человѣческое общество, точки зрѣнія юридической, то настоящее сочиненіе представляетъ новые взгляды на слѣдующіе главные вопросы.

Въ законовѣдѣніи вообще принималось до сихъ поръ ученіе, что всѣ сдѣлки, порождаемыя правомъ, суть особенные виды договора. Авторъ доказываетъ, что всѣ такого рода сдѣлки приводятся къ тремъ отдѣльнымъ видамъ, получающимъ названіе *ссуды*, *дара и договора*. Мы имѣемъ *ссуду*, когда воля владѣльца остается въ предметѣ, переходящемъ во владѣніе другаго лица. Въ *дарѣ* владѣлецъ отказывается отъ воли своей надъ предметомъ, чтобы уступить свое мѣсто другому лицу. Наконецъ, *договоръ* состоитъ въ томъ, что два или нѣсколько лицъ совокупно владѣютъ однимъ или нѣсколькими предметами, или одновременно обязываются на извѣстныя дѣйствія на началахъ взаимности.

По мнѣнію автора, *международное право* не есть нѣчто однородное, какъ это вообще принимается, но состоитъ изъ двухъ существенно разнородныхъ частей, изъ коихъ одна основывается на правѣ, другая — на употребленіи силы. — Международное право имѣетъ своимъ предметомъ преимущественно послѣднее, которое крайне необходимо подчинить какому нибудь общему закону по единодушному соглашенію народовъ.

Съ политической точки зрѣнія настоящее сочиненіе пытается доказать, что чрезмѣрное развитіе одной изъ соціальныхъ идей на счетъ другой искажаетъ общество, придавая ему характеръ, противурѣчащій естественному порядку вещей. Поэтому, задача государственнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы найти необходимое во всякомъ случаѣ равновѣсіе между соціальнымн идеями. Равновѣсіе это опредѣляется степенью развитія соціальныхъ идей въ данномъ обществѣ, уровнемъ нравственности,

вліяніемъ, оказываемымъ религіей, и безчисленнымъ множествомъ условій, касающихся отдѣльныхъ стремленій каждой группы людей, а также внѣшними или случайными обстоятельствами.—Задача, слѣдовательно, вполнѣ практическая, но которую лучше всего исполнитъ государственный человѣкъ, одаренный здравымъ умомъ, безкорыстными стремленіями и вполнѣ посвященный въ вопросы, подлежащіе его разрѣшенію. Ему придется не упускать изъ виду особенное значеніе идей того и другаго порядка; ему слѣдуетъ проникнуться сознаніемъ, что право служитъ основой для общественныхъ отношеній, что оно соединяетъ людей, а съ другой стороны, что съ свободой связано все, что́ есть возвышеннаго въ людяхъ, хотя она и стремится разъединить ихъ. Если чрезмѣрно ослабѣетъ право, то отношенія, связывающія общество, оказываются искуственными, и поддерживаются однимъ только закономъ. Такое общество не имѣетъ внутренней связи, а потому, оно будетъ непрочно и крайне подвижно. Если, напротивъ того, право получитъ чрезмѣрное преобладаніе, въ ущербъ свободѣ, то общество окажется скопищемъ людей, лишенныхъ тѣхъ способностей, которыми они стоятъ выше прочихъ земныхъ тварей.—Общество сдѣлается совершенно матеріальнымъ.

Сколько разъ было высказано, что умѣренность въ политикѣ, примиреніе крайностей есть дѣло самое похвальное, хотя по большей части и самое неблагодарное. На него указывали, его выставляли, какъ самое мудрое и полезное. Авторъ показываетъ, что соглашеніе соціальныхъ принциповъ есть необходимое слѣдствіе ихъ существованія, — что иначе и быть не можетъ; ибо принципы эти существуютъ въ дѣйствительности не въ отвлеченной раздѣльности, а въ неизмѣнномъ сочетаніи въ какой бы то ни было пропорціи, и дѣло состоитъ только въ отысканіи лучшей, то есть, такой, которая лучше всего согласуется съ обстоятельствами.

Поэтому, авторъ вовсе не имѣлъ въ виду доказывать превосходство одного принципа передъ другимъ. Напротивъ того, онъ старался держаться вдали отъ такого возрѣнія на предметъ; вся цѣль его состояла только въ томъ, чтобы уразумѣть человѣческое общество такимъ, какимъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Онъ пытался объяснить общественныя отношенія, учрежденія, соціальныя формы, которыя дѣйствительно слагались, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ, и тѣмъ самымъ становился на точку зрѣнія, независимую отъ духа какой либо партіи.—Впрочемъ, люди, знакомые съ чувствомъ, возбуждаемымъ въ человѣкѣ открытіемъ въ какой либо области знанія, согласятся, что главная забота состоитъ въ такомъ случаѣ въ томъ, чтобы сдѣлать очевиднымъ свое открытіе; а есть одно только средство для этого, это—держаться истины. Этимъ и объясняется, что можно оставаться вполнѣ безпристрастнымъ и недоступнымъ для притязаній партій при изслѣдованіи вопросовъ, порождающихъ и увлекающихъ эти партіи.

Практическая польза настоящаго сочиненія состоитъ въ доказательствѣ, что общественныя явленія вызываются не одной идеей, называемой *правомъ-свободой*, какъ предполагали нѣмецкіе философы, но что въ самомъ выраженіи этомъ лежатъ двѣ, не только различныя, но противуположныя одна другой идеи. Каждое общественное явленіе необходимо входитъ въ область той или другой изъ нихъ, и авторъ пытался распредѣлить ихъ въ такомъ смыслѣ.

Необходимость знать, къ какому порядку въ логической послѣдовательности принадлежитъ каждое соціальное явленіе, одинакова для всѣхъ людей, какого бы мнѣнія или какой бы партіи они ни придерживались, ибо только отдѣленіемъ одного явленія отъ другаго и сравненіемъ ихъ можно составить себѣ понятіе о ихъ настоящемъ значеніи.

Тѣмъ не менѣе, авторъ приступилъ къ изслѣдованію своего предмета не съ какой либо отвлеченной точки зрѣнія: главная цѣль его состояла въ указаніи результатовъ, производимыхъ соціальными идеами въ человѣческомъ обществѣ, то есть, въ установленіи отношеній этихъ идей къ дѣйствительности. Для этого, онъ избиралъ такія общества, въ которыхъ одна изъ основныхъ соціальныхъ идей, или одинъ изъ второстепенныхъ соціальныхъ принциповъ выразились самымъ очевиднымъ и несомнѣннымъ образомъ, и старался представить очеркъ учрежденій такого общества. Подобные примѣры, почерпнутые изъ исторіи, должны пролить на общественные вопросы больше свѣта, чѣмъ всякая теорія.

Идея права нигдѣ не осуществлялась въ такихъ строгихъ формахъ, она нигдѣ не достигала такого крайняго развитія, какъ въ Римѣ, такъ что ничего не можетъ быть поучительнѣе для ознакомленія съ результатами идеи права, какъ изученіе политическихъ и общественныхъ учрежденій Рима. Очеркъ этихъ учрежденій, помѣщенный въ VIII главѣ, содержитъ необходимыя указанія для подобнаго изученія.

На Аѳины смотрѣли во всѣ времена, какъ на отечество свободныхъ идей въ древнемъ мірѣ. Въ X главѣ авторъ показываетъ, какъ аѳиняне понимали свободу и какъ они ею пользовались. Впрочемъ, этотъ примѣръ не представляетъ такихъ очевидныхъ результатовъ, какъ первый, ибо древнее общество не имѣло точныхъ представленій о свободѣ. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на нее съ настоящей точки зрѣнія и признать ее за общій принципъ, — какъ равное духовное достоинство всѣхъ людей относительно другъ друга,—древніе народы ограничивали ее, и признавали за небольшимъ числомъ привилегированныхъ гражданъ. Подобный взглядъ на свободу могъ породить только неполные результаты.

Когда идеи свободы и права стремятся къ сочетанію въ неизмѣнныхъ пропорціяхъ, то подобное сочетаніе можетъ осуществиться до малѣйшихъ подробностей, или огромнымъ числомъ договоровъ, или немногими, или только однимъ. Въ XI главѣ авторъ показываетъ, какимъ образомъ осуществилось въ Европѣ первое сочетаніе, главнымъ образомъ во Франціи и Германіи, при содѣйствіи соціальной формы, называемой феодальною.

Въ XII главѣ онъ разбираетъ второе сочетаніе, порождающее конституціонную соціальную форму. Въ обѣихъ главахъ онъ старается показать также, какимъ образомъ совершился переходъ отъ феодальнаго порядка къ конституціонному. Этотъ переходъ лучше всего обрисовывается учрежденіями, существовавшими въ германской имперіи тогдашней эпохи; вотъ почему авторъ и заимствовалъ изъ нея самыя характеристическія черты этого перехода.

Въ XIII главѣ помѣщенъ краткій очеркъ общественныхъ учрежденій Египта, Спарты и Карфагена, какъ примѣръ обществъ, въ которыхъ рѣзче всего выразились слѣдствія принциповъ теократическаго, военнаго и торговаго.

Перечисленныя главы представляютъ сборникъ историческихъ очерковъ, которые могутъ быть прочтены отдѣльно тѣми, кто не пожелаетъ познакомиться съ философскою частью этого сочиненія.

Какъ бы то ни было, настоящее сочиненіе только исподволь получило тотъ видъ, въ которомъ оно теперь является. Предшествующія его изданія суть не болѣе какъ опыты, обозначавшіе минуты роздыха въ трудномъ пути, пройденномъ авторомъ. Его поддерживало одно только непоколебимое убѣжденіе, что онъ не отклоняется отъ истины, отъ единственнаго пути, который въ состояніи привести его къ цѣли, то есть, ко всестороннему но-

пиманію общественныхъ отношеній. Помѣхой ему служила только трудность вполнѣ отрѣшиться отъ ошибочныхъ ученій, испоконъ вѣку распространенныхъ въ обществѣ, особенно отъ ученія о тожествѣ права и свободы. Торжественно провозглашенное законодательными собраніями Англіи и Франціи, оно принималось, прямо или косвенно, всѣми писателями. Великіе философы Германіи, въ которой болѣе чѣмъ гдѣ либо занимаются этими вопросами, придали этому ученію научный видъ. Разъединенные по всѣмъ общественнымъ вопросамъ, они сходились только на одномъ, въ которомъ и состояло ихъ капитальное заблужденіе. Фихте, Кантъ, Гегель — защитники самодержавія народа, Сталь, Тренделенбургъ — поклонники монархіи, были единодушны, когда дѣло шло о доказательствахъ единства между правомъ и свободой. При такомъ единодушіи относительно основнаго соціальнаго вопроса и полученнаго имъ широкаго приложенія, авторъ долго колебался, прежде чѣмъ рѣшился отказаться отъ всѣхъ преданій науки и идти однокимъ по избранному пути.

Наконецъ, онъ рѣшился на это.

Первыя три изданія появились подъ заглавіемъ: *философія права*, потому что такое названіе даютъ обыкновенно сочиненіямъ, трактующимъ объ общественныхъ отношеніяхъ. Но такъ какъ такое заглавіе указываетъ на одну только соціальную идею (хотя идея эта, дѣйствительно, оказывается самой плодотворной), то оно становилось неудовлетворительнымъ, какъ скоро авторъ ясно убѣдился въ существованіи двухъ отдѣльныхъ соціальныхъ идей. Это соображеніе побудило его замѣнить прежнее заглавіе новымъ: *Наукой о человѣческомъ обществѣ.*

Перемѣна заглавія указываетъ въ то же самое время и на измѣненія въ самомъ сочиненіи. Содержаніе треть-

яго изданія вошло не болѣе какъ пятой частью въ настоящее, — все остальное написано заново. Впрочемъ, идеи остались тѣ же, съ тою только разницей, что то, что̀ прежде утверждалъ авторъ безъ достаточныхъ доказательствъ, на этотъ разъ, если ему позволено будетъ высказать свое искреннее убѣжденіе, можетъ считаться вполнѣ доказаннымъ.

Предшествовавшія изданія вызвали критическія замѣчанія, что̀ даетъ автору право предположить, что подобныя замѣчанія будутъ вызваны и настоящимъ изданіемъ. А такъ какъ ему было бы весьма интересно знать о нихъ, то онъ рѣшается высказать свое желаніе, чтобы авторы такихъ критическихъ статей были бы настолько обязательны, чтобы переслали ихъ ему по почтѣ по̀дъ бандеролью, надписывая адресъ, указанный на страницѣ, содержащей заглавіе сочиненія.

Петрополь, близъ Ріо-Жанейро.

Іюль, 1867.

ГЛАВА I.

Право.

§ 1.—объ идеѣ права и о первомъ ея слѣдствіи—личной собственности.

Изъ всѣхъ существъ, населяющихъ землю, одинъ только человѣкъ одаренъ разумной волей [1]). Но это разумное начало одушевляетъ тѣло, матерьяльная природа котораго подчинена всѣмъ законамъ, обусловливающимъ существованіе организма. Тѣло человѣка имѣетъ потребности, незаглушимый голосъ которыхъ прежде всего поглощаетъ всѣ его разсудочныя способности. Занятый удовлетвореніемъ этихъ потреб-

[1]) Самые глубокомысленные метафизики единодушно признаютъ за волей разумный характеръ, и видятъ въ ней только одно изъ проявленій разума. По мнѣнію *Канта*, воля составляетъ тотъ видъ разума, который названъ имъ *практическимъ разумомъ*. *Фихте* подтверждаетъ то же самое въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «воля есть принадлежность, существеннѣйшее свойство разума, его практическая сила; она есть самая внутренняя сущность *я*». (Das Wollen ist der eigentliche, wesentliche Character der Vernunft, das practische Vermögen, ist die innigste Wurzel des Ich). *Шеллингъ* высказывается въ томъ же смыслѣ: «Та дѣятельность духа, которою онъ отрѣшается отъ предмета, не можетъ быть объяснена иначе, какъ самоопредѣленіемъ духа. Это самоопредѣленіе духа называется волей. (Jene Handlung selbst aber wodurch der Geist vom Object sich losreisst, läst sich nicht weiter erklären als aus einer Selbstbestimmung des Geistes. Jene Selbstbestimmung des Geistes heisst Wollen). *Гегель* говоритъ, что воля человѣка есть конечное выраженіе его безконечнаго духа, но допускаетъ другую, низшую волю, которую называетъ *естественной*, подобно Шеллингу, тоже дѣлающему различіе между абсолютною и эмпирическою волей. Ученіе *Гербарта* объ этомъ предметѣ выражено слѣдующей формулой: «Одно и то же разумное существо желаетъ и заключаетъ, заключаетъ и желаетъ». (Ein und dasselbe Vernunftwesen will und urtheilt, urtheilt und will).

ностей, человѣкъ пользуется доступными ему произведеніями природы, такъ что вскорѣ начинаетъ цѣнить ихъ только по той пользѣ, или по тому удовольствію, какія они ему доставляютъ. Онъ видоизмѣняетъ ихъ по своему усмотрѣнію, приспособляетъ къ своимъ нуждамъ и привыкаетъ наконецъ смотрѣть на себя, какъ на властелина земли, обязанной подчиняться его верховной волѣ и измѣнять свой видъ согласно его желаніямъ.

Такимъ образомъ, человѣкъ подчиняетъ своей волѣ внѣшніе предметы, измѣняетъ ихъ первоначальную форму трудомъ, или другимъ какимъ либо дѣйствіемъ, и даетъ имъ новое назначеніе. Предметы эти сохраняютъ на себѣ слѣды этой дѣятельности, и эти слѣды, по которымъ мы узнаемъ о ней, дѣлая видимымъ отношеніе между человѣкомъ и внѣшнимъ предметомъ, ясно свидѣтельствуютъ о связи между ними.

Это и есть *право* въ первую минуту своего появленія. Оно устанавливается прежде всего видоизмѣненіемъ вещественныхъ предметовъ, и затѣмъ, узнается по слѣдамъ, оставленнымъ на нихъ дѣятельностью или трудомъ человѣка. Выраженіе *право* относится къ человѣку, и указываетъ на превосходство его надъ предметомъ [1]). Послѣднему даютъ наименованіе *собственности,* чтобы обозначить, что онъ становится принадлежностью человѣка, и поступаетъ въ личную отъ него зависимость.

Человѣкъ направляетъ свою волю не на одни только внѣшніе предметы; онъ видоизмѣняетъ также и совершенствуетъ органы, представляющіе орудія для его духовныхъ или физическихъ способностей, и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ свѣдѣнія, ловкость, таланты. Этотъ прогрессъ не представляется, впрочемъ, результатомъ только его сознательной воли. Онъ совершается и самъ собой, вслѣдствіе одной только жизнен-

---

[1]) Сама этимологія слова, которымъ обозначается право въ большей части языковъ, если не во всѣхъ, указываетъ на господство человѣка надъ окружающими его предметами и на вытекающую изъ этого зависимость ихъ отъ него. Слово *droit* происходитъ отъ *diriger*—управлять (Principes de droit par Burlamaqui, стр. 2); *jus* происходитъ отъ *jubeo*—повелѣваю, *право*— отъ *править*.

ной дѣятельности, свойственной всѣмъ организованнымъ существамъ, независимо отъ воли, или, по крайней мѣрѣ, безъ сознательнаго ея участія. Вслѣдствіе этого, трудно становится отличить дѣйствія, обязанныя своимъ происхожденіемъ волѣ, отъ дѣйствій, представляющихъ простое органическое развитіе. Тѣмъ неменѣе, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію существованіе обоихъ родовъ человѣческихъ дѣйствій, то и необходимо имѣть ихъ въ виду, чтобы составить себѣ полное понятіе о сферѣ, охватываемой правомъ.

Такимъ образомъ, усовершенствованіе организма вызывается отчасти сознательной волей человѣка, отчасти его естественнымъ развитіемъ, и, наконецъ, отчасти воспитаніемъ, направляемымъ другимъ лицемъ. Послѣдній способъ пріобрѣтенія познаній порождаетъ особенныя отношенія между лицемъ, получающимъ воспитаніе, и его воспитателемъ. Эти отношенія придаютъ особенный характеръ праву, съ которымъ мы познакомимся ниже подъ именемъ власти.

Право представляетъ весьма важное различіе, смотря по тому, касается ли оно внѣшнихъ предметовъ, или организма человѣка. Въ первомъ случаѣ оно проявляется опредѣленнымъ дѣйствіемъ, направленнымъ на какой нибудь реальный предметъ, который тѣмъ самымъ и опредѣляется. Вотъ почему право этой категоріи должно быть строго обозначено и матерьяльно осязаемо. Существованіе его возможно только при такомъ условіи. Можно оспаривать существованіе права, если оно принадлежитъ тому или другому лицу, можно сомнѣваться въ его объемѣ, въ принадлежащемъ ему значеніи. Пока длится эта неизвѣстность, существованіе права не подтверждено. По недостатку строгой опредѣленности, оно остается смутнымъ. Но какъ только оно будетъ точно обозначено во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, то получаетъ такое же значеніе, какъ и всякій реальный предметъ. Опираясь такимъ образомъ на дѣйствительные факты, по характеру своему подлежащіе точной оцѣнкѣ, положительные признаки права въ такомъ случаѣ получаютъ названіе *положительнаго права.*

Право второй категоріи, объусловливаемое измѣненіями въ органахъ тѣла и усовершенствованіемъ свойственныхъ чело-

вѣку способностей, напротивъ того, представляется смутнымъ или, вѣрнѣе, неподдающимся строгому опредѣленію, такъ какъ въ такомъ случаѣ дѣло идетъ о разграниченіи животныхъ отправленій организма отъ проявленій его воли.

Нерѣдко высказывалось мнѣніе, что жить, дышать, видѣть тоже составляютъ отдѣльныя проявленія права. Но уподоблять праву простыя животныя отправленія, общія человѣку съ животными, отправленія, въ которыхъ воля проявляется только тѣмъ, что онъ пользуется ими, значитъ не имѣть никакого понятія о значеніи права. Нѣкоторыя изъ этихъ отправленій находятся даже внѣ всякой зависимости отъ воли человѣка. Онъ можетъ на время прервать ихъ, какъ можно, напримѣръ, задержать на минуту дыханіе, или несмотрѣть, но это будетъ противно естественному порядку вещей. Свойственная человѣку организація, различныя способности, которыми онъ одаренъ, получили свое происхожденіе не отъ его воли. Только впослѣдствіи воля могла измѣнить ихъ, сдѣлать ихъ болѣе совершенными, и такимъ образомъ придать имъ характеръ права. Такой видъ права касается сокровеннѣйшихъ свойствъ человѣческой природы; чтобы можно было подвергнуть его изслѣдованію, то есть, чтобы можно было точно узнать, какія свойства человѣка зависятъ отъ права и какія составляютъ результатъ его организаціи, для этого необходимо было бы умѣть строго отличать въ человѣкѣ врожденное отъ пріобрѣтеннаго.

Поставленный такимъ образомъ вопросъ показываетъ крайнюю трудность, чтобы не сказать невозможность, его разрѣшенія. Въ такомъ случаѣ дѣло идетъ объ изслѣдованіи внутренней природы человѣка, на что̀ мы не можемъ отважиться по недостатку нашихъ свѣдѣній. Но если такой видъ права оказывается смутнымъ или, вѣрнѣе, темнымъ, то причина этого лежитъ не въ безсиліи самого права, а въ безсиліи нашихъ познаній. Отличительная, характеристическая черта всякаго права состоитъ въ томъ, что оно вытекаетъ изъ воли человѣческой, и носитъ на себѣ отпечатокъ ея дѣятельности. Эта характеристическая черта права встрѣчается и въ личномъ усовершенствованіи, пріобрѣтенномъ человѣ-

комъ. Мы признаемъ, что ловкость, умѣнье въ какомъ либо искусствѣ или ремеслѣ составляютъ право, но мы не въ состояніи точно оцѣнить его. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ воля человѣческая участвовала въ установленіи этого права, какая часть послѣдняго должна считаться даромъ природы, и какая, наконецъ, обязана своимъ происхожденіемъ воспитанію, полученному отъ другаго лица. Мы замѣчаемъ въ такомъ случаѣ существованіе права, но мы не въ силахъ прослѣдить за его происхожденіемъ до сокровеннѣйшей глубины человѣческой природы, не въ силахъ точно обозначить его объемъ, а потому, и не имѣемъ права назвать его положительнымъ правомъ.

Вслѣдствіи того, что совершенствованіе естественныхъ способностей человѣка спутано было съ органическимъ его развитіемъ, съ одной стороны, чисто животныя его отправленія приняты были за права, а съ другой, праву и общественнымъ учрежденіямъ приписаны были какія то органическія свойства.—Постоянно раздается рѣчь о соціальномъ организмѣ, объ органическихъ учрежденіяхъ, даже объ органическихъ законахъ, какъ будто дѣло идетъ о какомъ то растеніи. Право есть продуктъ разумной воли, и потому, развивается согласно съ логическими законами, а не съ законами, управляющими развитіемъ органическихъ тѣлъ [1]).

[1]) Гегель въ особенности содѣйствовалъ распространенію этого ошибочнаго ученія, и придалъ ему научный видъ. Онъ отожествилъ между собой не только огромное число идей и способностей человѣка, но и логическое движеніе идеи съ жизненнымъ отправленіемъ. По его мнѣнію, жизнь есть непосредственная идея. (Die unmittelbare Idee ist das Leben. Der Begriff ist als Seele in einem Leibe realisirt.—Die Encyklopedie der philosophischen Wissenschaften, I, 391). Но понять смыслъ этого выраженія невозможно, потому что самъ Гегель, вопреки своему обыкновенію, сознается, что жизнь есть непостижимая тайна. Въ его системѣ, идеи, или, вѣрнѣе, отвлеченности, выдаваемыя имъ за идеи, составляютъ безусловное (абсолютъ), и охватываютъ все сущее, изъ чего слѣдуетъ, что логическое движеніе поглощаетъ движеніе жизненное, и тѣмъ самымъ отожествляется съ нимъ. Вотъ почему въ его сочиненіяхъ на каждомъ шагу встрѣчаются выраженія: *государственный организмъ, жизнь государства, органическая причина (Das organische Moment)*, и проч.

Понятіе о правѣ затемнѣно было еще однимъ обстоятельствомъ. Предположено было существованіе одного или нѣсколькихъ врожденныхъ человѣку правъ, предшествовавшихъ всякому реальному праву. Подойдя ближе, нетрудно замѣтить, что эти воображаемыя права человѣка придуманы были ради того, чтобы замѣнить ими объясненіе права. Такъ какъ не умѣли составить себѣ понятіе о его дѣйствительномъ развитіи и опредѣлить минуту его зарожденія, то и явилась необходимость предположить существованіе перваго, очевиднаго, неоспоримаго права, чтобы, какъ говорилось, имѣть точку отправленія, причину существованія всѣхъ прочихъ правъ. Тѣмъ неменѣе, люди науки никогда не были единодушны на счетъ этого воображаемаго, основнаго или первоначальнаго права. Тогда на помощь имъ явились законодатели различныхъ народовъ. Опредѣленія права, неудававшіяся наукѣ, предписывались властью деклараціями, въ которыхъ торжественныя формы замѣняли отсутствіе внутренняго содержанія.

Чтобы составить себѣ понятіе о слѣдствіи, порожденномъ этими деклараціями, необходимо начать съ той, которая издана была парламентомъ въ царствованіе Карла I, подъ именемъ *прошенія о правѣ* [1]); она перечисляетъ права, принадлежащія каждому англичанину. Нѣсколько позже, подобнаго же рода декларація была вручена маркизомъ Галифаксомъ, въ присутствіи обѣихъ палатъ, принцу Оранскому, чтобы познакомить его съ правами народа, избравшаго его на престолъ. Впослѣдствіи она обращена была въ законъ подъ именемъ *билля о правѣ* [2]).

---

[1]) Такъ какъ этотъ актъ былъ обнародованъ въ формѣ закона, то за нимъ и осталось названіе *прошенія о правѣ (petition of rights)*.

[2]) Въ *прошеніи о правѣ* перечисляются нарушенія правъ, законно принадлежащихъ англичанамъ. Нарушенія эти касаются взиманія налоговъ, неутвержденныхъ парламентомъ, военной постойной повинности, произвольнаго тюремнаго заключенія и военнаго суда. Въ *биллѣ о правахъ* равнымъ образомъ перечисляются злоупотребленія власти относительно правъ, признанныхъ закономъ за каждымъ англичаниномъ. Это перечисленіе довольно длинно, но касается точныхъ фактовъ, какъ прекращеніе дѣйствія законовъ, неутвержденные налоги, учрежденіе чрезвычайныхъ судовъ, противузаконное содержаніе армій.

Ни въ той, ни въ другой декларации не имѣлось въ виду какого либо теоретическаго вопроса: парламентъ желалъ только обозначить права каждаго англичанина. Но, распространяя ихъ на каждаго члена общества, правамъ этимъ придавался общій характеръ, примѣнимый и ко всякому другому обществу. Вотъ почему, съ нашей точки зрѣнія на вопросъ, англійскія декларации заслуживаютъ особеннаго вниманія, такъ какъ онѣ вызвали прочія декларации, распространившія ученіе о первоначальномъ правѣ.

Конгресъ Соединенныхъ Штатовъ, декларацією 4 іюля 1776, не ограничился объявленіемъ правъ гражданъ новой республики, но провозгласилъ существованіе нѣкоторыхъ правъ, принадлежащихъ всякому человѣку. Такимъ вмѣшательствомъ въ совершенно чуждый ему философскій вопросъ конгресъ только еще болѣе запуталъ его. Онъ принялъ за аксіомы неопредѣленно или неудачно выраженныя положенія, какъ напримѣръ слѣдующее, послужившее основаніемъ для прочихъ: „Мы считаемъ за истины, нетребующія доказательствъ, что всѣ люди созданы равными; что они одарены создателемъ нѣкоторыми неизмѣнными правами, какъ жизнь, свобода, стремленіе къ счастію (the pursuit of hapiness)“. Несравненно вѣрнѣе было бы сказать: „Всѣ люди являются на свѣтъ безпомощными и зависимыми, такъ что они тотчасъ же погибли бы безъ посторонней помощи.“

Американскіе законодатели рѣшительно не имѣли никакого яснаго понятія о правѣ, такъ какъ приняли за равносильные ему такіе несовмѣстные съ нимъ предметы, какъ жизнь, свобода и даже желаніе или стремленіе къ счастію. А между тѣмъ, одно изъ этихъ положеній, приравнивающее право къ свободѣ, имѣло огромное значеніе, ибо послужило поводомъ къ отожествленію двухъ этихъ принциповъ. Эта декларація искажаетъ право, такъ какъ, въ случаѣ принятія такого ея толкованія, слѣдовало бы признать и за животными тѣ же самыя неизмѣнныя права, какъ и за людьми, ибо и животныя тоже

Билль о правѣ утверждаетъ также за каждымъ англичаниномъ право обращаться съ прошеніемъ къ королю, свободу выборовъ, смягчаетъ наказанія и пени.

живутъ, любятъ свободу и по своему стремятся къ счастію [1]).

Французское національное собраніе издало 3 ноября 1789 *декларацію правъ человѣка* и *гражданина*, послужившую введеніемъ для конституціи 3 ноября 1791. *Статья I* говоритъ: „Люди раждаются, и остаются свободными и равными относительно правъ!!“ *Статья II* гласитъ: „Цѣль всякаго политическаго общества состоитъ въ охраненіи естественныхъ и неизмѣнныхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе притѣсненію.“

Нетрудно замѣтить, что эта декларація есть подражаніе деклараціи конгреса. Съ теоретической точки зрѣнія она выше послѣдней, ибо между воображаемыми неизменными правами она заключаетъ несомнѣнное право — собственность. Французскіе законодатели замѣнили *жизнь* и *стремленіе къ счастію*, составляющія неизмѣнныя права по мнѣнію американцевъ, *безопасностію* и сопротивленіемъ *притѣсненію;* послѣднія понятія, съ извѣстной точки зрѣнія, дѣйствительно вытекаютъ изъ природы права.

Статья IV гласитъ: „Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что̀ не причиняетъ вреда другому человѣку. Поэтому, пользованіе естественными правами можетъ быть ограничено только тѣмъ, что̀ обезпечиваетъ за прочими членами общества пользованіе тѣми же самыми правами.“ Это опредѣленіе ясно показываетъ, что въ глазахъ французскихъ законодателей свобода была не что иное, какъ пользованіе правомъ, какъ это, впрочемъ, и высказано ясно во второй половинѣ статьи.

Конституціи, изданной конвентомъ 24 іюня 1793, тоже пред-

---

[1]) Жизнь есть свойство, общее всѣмъ организованнымъ существамъ нисколько независимое отъ ихъ воли и неимѣющее никакого отношенія къ праву. То же самое слѣдуетъ разумѣть и о «стремленіи къ счастію». Это есть расположеніе, желаніе, вполнѣ естественное, но неимѣющее ничего общаго съ правомъ, если только не предположить счастія единственно въ одномъ только пріобрѣтеніи правъ, и преимущественно — собственности. Изъ трехъ неизмѣнныхъ правъ, провозглашенныхъ конгресомъ, только свобода имѣетъ отношеніе къ праву, но мы покажемъ ниже, что въ этомъ случаѣ должно имѣть въ виду противорѣчіе между ними, а не ихъ тожество.

шествовала декларація правъ [1]), представляющая новый варіантъ. Въ I статьѣ ея говорится: „Эти права (естественныя, неизмѣнныя) суть: равенство, свобода, безопасность, собственность.“ На этотъ разъ въ числѣ правъ помѣщено равенство, которое, какъ мы покажемъ ниже, принадлежитъ къ области понятій о свободѣ.

Гораздо позже франкфуртскій парламентъ, въ свою очередь, издалъ декларацію *основныхъ правъ нѣмецкаго народа*, проникнутую тѣми же доктринами, какъ предъидущія, *и отличающуюся отъ нихъ* только болѣе подробнымъ изложеніемъ [2]).

Во всѣхъ этихъ декларацiяхъ право является какой то неопредѣленной способностью, обнаруживающейся въ различнаго рода проявленіяхъ, какъ то: жизнь, желаніе счастія, собственность, безопасность, сопротивленіе притѣсненію, равенство, свобода. Всѣ онѣ оличаются одна отъ другой во многихъ отношеніяхъ, и сходятся только въ одномъ — всѣ принимаютъ свободу за неизмѣнное право, и тѣмъ самымъ отожествляютъ право и свободу.

Эти декларацiи имѣли огромное значеніе во всей Европѣ; увлеченіе охватило и нѣмецкихъ ученыхъ. *Фихте* первый облекъ въ научныя формы доктрину, что *первоначальное право* (Urrecht) есть не что иное, какъ *свобода*. *Кантъ* послѣдовалъ за нимъ по этому пути [3]). Но оба они еще колебались въ нѣкоторой степени относительно этого вопроса. Наконецъ, *Гегель*

---

[1]) Эта декларація написана была Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ; декларація 1790 написана Кондорсе. (См. Баранта, Histoire de la convention nationale, III, 171, 173).

[2]) Члены нѣмецкаго парламента никакъ не могли придти къ соглашенію относительно правъ, предполагаемыхъ, впрочемъ, очевидными и неизмѣнными. Они были обнародованы Намѣстникомъ имперіи 21 декабря 1848. (См. Zoepfl, Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechts, I, 490).

[3]) Философія права *Фихте* явилась въ 1796, а *Канта* въ слѣдующемъ году; но такъ какъ вся философская система Канта предшествовала ученію Фихте, то и является нѣкоторое недоразумѣніе относительно первенства, принадлежащаго каждому изъ нихъ по многимъ вопросамъ философіи права, въ которыхъ Фихте дѣлаетъ приложеніе общихъ принциповъ, уже установленныхъ Кантомъ.

провозгласилъ безусловное тожество права и свободы, какъ основную аксіому философіи права. Многочисленные послѣдователи его распространяли все болѣе и болѣе эту мнимую аксіому. Даже тѣ нѣмецкіе философы, политическія убѣжденія которыхъ болѣе всего расходились съ убѣжденіями вышеприведенныхъ мыслителей, Шталь, Тренделенбургъ, тѣмъ не менѣе признавали это тожество между правомъ и свободой.

Эти деклараціи и системы нѣмецкихъ философовъ имѣютъ ту общую черту, что не объясняютъ ни происхожденія права, ни отличительныхъ свойствъ его. Вслѣдствіе этого, понятіе о правѣ осталось смутнымъ и неопредѣленнымъ; его объясняли различнымъ образомъ, но никогда не отдѣляли отъ свободы.

Право не есть какая либо особенная, вполнѣ готовая способность, но оно не есть и отвлеченность, неимѣющая никакого отношенія къ дѣйствительности. Право устанавливается фактомъ, въ которомъ проявляется воля, но самый фактъ осуществляется только тогда, когда существуетъ предметъ, на который могла бы дѣйствовать воля. Когда говорятъ правоспособность, способность имѣть право, то это вовсе не означаетъ, чтобы у человѣка была способность, спеціально относящаяся къ праву, но означаетъ только, что человѣкъ имѣетъ возможность или власть приступить къ дѣйствію, устанавливающему право.

Только путемъ умозрѣнія можно отличить предметъ права отъ дѣйствія, которымъ оно установляется, ибо право и есть именно продуктъ сочетанія между двумя этими факторами. Невозможно, стало быть, существованіе права безъ первоначальнаго предмета, а съ другой стороны, какъ только послѣдній подчинился дѣйствію воли и испыталъ связь съ ней, то обращается въ предметъ права.

Анализируя явленіе, порождающее право, мы замѣчаемъ въ немъ два фактора: дѣйствіе, получающее названіе труда, упражненія, изученія, или какого бы то ни было усовершенствованія. Результаты его проявляются въ измѣненіи, претерпѣваемомъ предметами или человѣческими способностями. Это—матерьяльный элементъ права, представляющій тѣло его.

Другой факторъ есть начало, вытекающее изъ разума. Онъ

узнается по раціональному отношенію, устанавливающемуся между всѣми явленіями, порождаемыми правомъ, по логической смѣнѣ претерпѣваемыхъ имъ фазъ. Проявленіе, развитіе права постоянно согласуются съ логикой, что̀ говоритъ о присутствіи въ нихъ разума.

Право не можетъ быть установлено какимъ либо явленіемъ чисто физическимъ или неосмысленнымъ. Оно основано на превосходствѣ человѣка надъ прочими созданіями [1]), а такъ какъ превосходство это лежитъ исключительно въ разумѣ, которымъ онъ одаренъ, то изъ этого слѣдуетъ, что всѣ его дѣйствія, относящіяся къ праву, должны быть запечатлѣны разумомъ.

Это раціональное движеніе и называемъ мы *идеей права*. Послѣдняя есть главный двигатель всѣхъ результатовъ, всѣхъ проявленій права. Это движеніе можетъ совершаться независимо отъ лица или лицъ, изъ которыхъ оно вытекаетъ, и развиваться въ силу одного только логическаго механизма; но человѣкъ можетъ также и сознавать его, размышляя о дѣйствіи идеи и о вызываемыхъ ею результатахъ. Движеніе идей и вызываемые ими результаты остаются постоянно одни и тѣ же, во всѣ времена и во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, потому что они совершаются при содѣйствіи одной и той же логики, одинаковой для всѣхъ людей. Если слѣдствія или дѣйствія идей представляютъ различіе, то это потому что послѣднія отклонились отъ своего пути, по причинѣ, вызванной другими идеями или чуждыми имъ явленіями.

Мы уже замѣтили, что физическія нужды и разсудочныя стремленія побуждаютъ человѣка присвоивать себѣ окружаю-

---

[5]) Превосходство человѣка надъ прочими земными созданіями не можетъ быть оспариваемо послѣдними; оно можетъ быть оспариваемо только людьми, что̀ и существуетъ дѣйствительно до нѣкоторой степени. Нетолько нѣкоторые мыслители, но и религіозныя вѣрованія ограничиваютъ человѣка въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, запрещеніе убивать животныхъ, съ цѣлью употреблять ихъ въ пищу, ограничиваетъ право, приписываемое себѣ человѣкомъ. Покровительство, оказываемое животнымъ противъ дурнаго обращенія, хотя и основанное только на чувствѣ состраданія, тоже ставитъ преграды неограниченному праву относительно ихъ.

щіе предметы и совершенствовать естественныя способности, которыми онъ одаренъ. Онъ можетъ заботиться объ удовлетвореніи этихъ потребностей инстинктивно, подобно животнымъ, приготовляющимъ себѣ жилище и собирающимъ необходимую для нихъ пищу по инстинкту самосохраненія. Но онъ можетъ и размышлять о своихъ потребностяхъ и о средствахъ для ихъ удовлетворенія. Въ томъ и другомъ случаѣ разнообразныя потребности человѣка вызываютъ происхожденіе права. Но здѣсь нѣтъ еще идеи права, а есть только побужденіе для вызова его дѣятельности. То же побужденіе вызываетъ и животныхъ къ дѣйствіямъ, которыя имѣютъ внѣшній видъ права, за исключеніемъ идеи, которая придала бы имъ раціональный характеръ.

Итакъ, идея права есть разсудочное движеніе, сопровождающее дѣйствіе человѣка, направленное на вещественные предметы или на собственное тѣло. Здѣсь дѣло идетъ исключительно о логическихъ процессахъ человѣческой воли и о способѣ ея проявленія среди вызванныхъ ею явленій.

Идея права, переходя отъ одного логическаго заключенія къ другому, останавливается на каждомъ изъ нихъ, чтобы вызвать новое слѣдствіе. Заключенія, заканчивающія идеи, выражаются такимъ образомъ въ реальномъ мірѣ явленіями. Когда извѣстное число такихъ явленій представляетъ замѣтныя отличія отъ ряда предшествовавшихъ явленій, то это означаетъ, что идея вступила въ новую фазу, и тогда она получаетъ другое названіе. Такимъ образомъ, мы увидимъ, какъ идея права преобразуется послѣдовательно въ идею справедливости и власти, и какъ подобныя же превращенія испытываетъ идея свободы.

Когда право установилось, и человѣкъ пожелаетъ воспользоваться имъ, то онъ не можетъ сдѣлать этого иначе, какъ путемъ какого либо дѣйствія. Имѣть право значитъ быть въ состояніи воспользоваться имъ, значитъ сдѣлать что̀ либо. Вслѣдствіе того, что не дали себѣ отчета въ томъ, что̀ значитъ пользоваться правомъ, его смѣшали съ свободой.

Пользоваться своимъ правомъ, употреблять его такъ или иначе, есть актъ произвола, входящаго въ сферу права и

остающагося совершенно чуждымъ свободѣ. *Произволъ* [1]) есть свойственная человѣку способность, состоящая въ избраніи между многими идеями или впечатлѣніями одной или одного, въ повиновеніи имъ или въ воздержаніи отъ нихъ, въ пользованіи или въ непользованіи подлежащей ему способностью. Остановившійся на чемъ либо и упрочившійся произволъ получаетъ названіе воли.

Свобода остается до сихъ поръ совершенно чуждой всѣмъ этимъ явленіямъ. Поэтому, первая ошибка состояла въ смѣшеніи произвола съ свободой. Пользованіе правомъ есть актъ, вытекающій изъ произвола, а нисколько не изъ свободы. Если говорятъ, что такой то человѣкъ свободенъ воспользоваться своимъ правомъ, то это не болѣе какъ фраза, на разговорномъ языкѣ имѣющая то значеніе, что ничто не препятствуетъ этому человѣку. Въ философскомъ смыслѣ слово свобода ничего не имѣетъ общаго съ правомъ. Это — идея, неимѣющая инаго назначенія, какъ остановить развитіе права, и преобразовать въ иномъ смыслѣ общественныя учрежденія. Въ настоящемъ мѣстѣ мы должны ограничиться этимъ простымъ указаніемъ, такъ какъ подробныя объясненія идеи свободы могутъ быть представлены только въ той части сочиненія, которая спеціально предназначена для ея изслѣдованія.

Смѣшеніе свободы съ произволомъ и съ отправленіемъ права неизбѣжно должно было повести къ отожествленію или, вѣрнѣе, къ смѣшенію свободы съ самимъ правомъ, такъ какъ отправленіе права есть не болѣе, какъ право въ дѣятельномъ состояніи. Такимъ образомъ, явился взглядъ на свободу, какъ на дѣятельное начало, душу права, а на самое право, какъ на осуществленіе, на тѣло, внѣшнее проявленіе свободы. Вслѣдствіе этого, право потеряло бы свое самобыт-

---

[1]) Просимъ читателя строго отличать философскій смыслъ слова *произволъ—le libre arbitre,* отъ своеволія, каприза воли — *l'arbitraire, le bon plaisir, la propre volonté*, такъ какъ въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ два эти, вполнѣ отличныя понятія постоянно смѣшиваются, и обыкновенно говорятъ: *свободный поступокъ* — вмѣсто *произвольный поступокъ*, и *произвольный поступокъ* — вмѣсто *своевольный поступокъ*. *Прим. перев.*

ное, независимое существованіе, а идея права лишена была бы всякаго раціональнаго основанія. Тѣмъ неменѣе, во всѣхъ философскихъ сочиненіяхъ о правѣ говорится объ идеѣ права; — подобное противорѣчіе явилось необходимымъ слѣдствіемъ произвольнаго отожествленія двухъ, рѣзко различныхъ идей. — Инстинктивное сознаніе истины становилось въ противурѣчіе съ ложнымъ научнымъ воззрѣніемъ.

Различные виды права, со всѣми своими подраздѣленіями и видоизмѣненіями, составляютъ спеціальную область права. Все, входящее въ послѣднюю, должно неизбѣжно согласоваться съ идеей права до тѣхъ поръ, пока въ нее не проникнетъ какой либо внѣшній, посторонній принципъ. Всѣ явленія, происходящія въ этой сферѣ, восходятъ къ первоначальной идеѣ права или къ одной изъ вытекающихъ изъ нея идей. Это—характеристическая черта всякаго явленія, зависимаго отъ права, черта, по которой послѣднее узнается всегда и при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ. Если въ какомъ либо явленіи замѣчается дѣйствіе какого либо инаго начала, напримѣръ, свободы или насилія, то такое явленіе не принадлежитъ уже исключительно къ области права. Оно можетъ принадлежать ей какой либо своей стороной, но это не будетъ право во всей его чистотѣ; посдѣднее искажено, и, при помощи анализа, всегда есть возможность указать на примѣшавшійся къ нему посторонній принципъ.

Такъ какъ лице, съ принадлежащими ему правами, стѣсняется въ опредѣленныхъ границахъ правами другихъ лицъ, и такъ какъ каждый человѣкъ одаренъ врожденной способностью къ расширенію и увеличенію средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей, то казалось бы, что при возникновеніи спора по какому либо вопросу права, дѣло идетъ объ антагонизмѣ на почвѣ права; но не должно упускать изъ виду, что право не можетъ опираться на дѣйствіе, выражающее покушеніе на право другаго лица. Такое происхожденіе права несогласно съ логикой, нераздѣльной съ идеей права. Существовало бы противурѣчіе въ предположеніи, что можетъ возникнуть новое право, противудѣйствующее волѣ человѣка, которому оно до этого принадлежало.

Всякое положительное право претерпѣваетъ безпрерывныя измѣненія: оно переходитъ изъ рукъ въ руки, увеличивается или уменьшается; — пока происходятъ эти измѣненія безъ насилія надъ правомъ другаго лица, оно не покидаетъ почвы права. Даже оспариваніе права не теряетъ своего характера, пока спорящія стороны не заявятъ требованій во имя права, на которое каждая изъ нихъ объявитъ притязаніе. Въ такомъ случаѣ дѣло идетъ только о рѣшеніи, кому принадлежитъ право протеста: въ этомъ только и можетъ состоять вопросъ о сомнительномъ правѣ. Но столкновеніе или насильственный антагонизмъ между правами, дѣйствительно существующими и всѣми признанными, невозможны.

Если въ идеѣ права или въ ея результатахъ замѣчаются измѣненія, противурѣчащія логикѣ права, то это можетъ быть вызвано какимъ либо принципомъ, чуждымъ праву. Ниже мы покажемъ, что измѣненія во внѣшнихъ проявленіяхъ права, противурѣчащія присущей ему логикѣ, дѣйствительно вытекаютъ изъ совершенно чуждыхъ ему принциповъ—изъ нравственнаго или физическаго насилія. Но право измѣняется не только во внѣшнихъ своихъ проявленіяхъ, а и въ самой своей сущности, въ приписываемомъ ему значеніи, въ важности его результатовъ. Иногда оно принимаетъ, такъ сказать, безграничное развитіе, и достигаетъ крайнихъ результатовъ, какіе только возможны для него. Такъ бываетъ въ томъ случаѣ, когда ничто не стѣсняетъ дѣйствія его идеи, а идея свободы не въ состояніи проявиться или проявляется слабо. При такихъ условіяхъ, человѣкъ сохраняетъ на вѣчныя времена право на вещи, которыя разъ составляли его собственность, даже на пищу, перешедшую въ тѣло другаго человѣка. Вотъ гдѣ начало чудовищныхъ представленій о правѣ безграничномъ на предметы, а затѣмъ и на людей.

Иногда же, напротивъ того, движеніе идеи права стѣсняется; ей нѣтъ возможности развиваться согласно съ свойственными ей стремленіями.—Зиждительная сила оставляетъ ее; она вызываетъ только неполные результаты. — Границы индивидуальнаго права исчезаютъ; ему недостаетъ точности,

опредѣленной формы. — Частная собственность принимаетъ характеръ смутной общности; вмѣсто принадлежности лицу, она становится въ зависимость отъ общества, какъ общества. — Предметы, вмѣсто того чтобы принадлежать лицамъ, становятся общимъ достояніемъ всѣхъ.—Ниже мы покажемъ, что такого рода измѣненія въ самой сущности права вызываются принципомъ, находящимся въ постоянномъ антагонизмѣ съ нимъ, едеей свободы.

Кромѣ свободы, право можетъ быть подчинено и другимъ принципамъ: въ средніе вѣка оно подчинялось принципу духовной власти. Смотрѣть на наслѣдственное право, какъ на нѣчто неприкосновенное, считалось въ то время ересью, ибо это значило ограничивать всемогущество папы [1]).

Такимъ образомъ, какъ въ томъ случаѣ, когда право ограничивается во внѣшнемъ своемъ проявленіи, такъ и въ томъ случаѣ, когда оно претерпѣваетъ измѣненіе въ своемъ принципѣ, даже въ своей идеѣ, не имѣется борьбы между какими либо различными правами, а существуетъ борьба между правомъ и совершенно чуждыми ему принципами.

Идея права является въ каждомъ обществѣ во множествѣ формъ, которыя въ совокупности получаютъ названіе *права*. Поэтому, *право* есть совокупность всѣхъ результатовъ идеи права. Значеніе и объемъ права измѣняются, смотря по степени развитія, какую удастся ему получить, то есть, смотря по тому, какъ понимается право въ извѣстную эпоху и въ извѣстной странѣ. Но, хотя бы значеніе права доведено было до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, все же оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вполнѣ отстранено изъ общественныхъ отношеній—вполнѣ исчезнуть. Ибо начала его лежатъ въ природѣ человѣческой, въ стремленіи человѣка къ преимущественному удовлетворенію своихъ собственныхъ потребностей, физическихъ и нравственныхъ, а потому, оно должно существовать, пока будетъ существовать родъ человѣческій. Изъ этого слѣдуетъ, что когда называютъ право незыблемымъ, вѣчнымъ, то эти эпитеты должно принимать

---

[1]) Фактъ этотъ подтверждается лордомъ Маколеемъ и Гизебрехтомъ.

въ томъ смыслѣ, что въ такомъ случаѣ разумѣется право во всей его совокупности. Но границы всей области права то расширяются, то стѣсняются. Качество, значеніе, объемъ права мѣняются, такъ что, съ этой послѣдней точки зрѣнія, оно является какъ бы подвижнымъ и измѣнчивымъ.

Всѣ факты, приведенные въ настоящемъ сочиненіи, имѣютъ цѣлью доказать, что право имѣетъ раціональную причину для своего существованія въ превосходствѣ человѣка надъ прочими земными созданіями, и вытекаетъ изъ акта разумной воли. Оно возможно только при этомъ условіи. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда человѣкъ пользуется правомъ наперекоръ собственной волѣ, вслѣдствіе принужденія другаго лица, или какихъ либо внѣшнихъ обстоятельствъ, лишившихъ его свободной воли, характеръ права измѣняется. Актъ, вынужденный насиліемъ, или невольный, перестаетъ быть правомъ, и становится физическимъ дѣйствіемъ, исполняемымъ роковымъ образомъ, именно вслѣдствіе того, что человѣкъ лишенъ пользованія волей. Такія явленія не принадлежатъ болѣе къ ряду явленій, управляемыхъ разумомъ человѣка; ихъ мѣсто среди явленій, вызываемыхъ физическими законами.

Съ другой стороны, если раціональное побужденіе присуще каждому акту, относящемуся къ праву, то право, какого бы оно ни было вида или рода, непремѣнно должно быть направлено на какой нибудь предметъ или явленіе. Идея права, подобно всякой другой идеѣ, можетъ быть осуществлена только при условіи существованія предмета, на который она могла бы направиться. Отвлеченнаго права, то есть, независимаго отъ дѣйствительности, существовать не можетъ. Право необходимо относится къ какому нибудь предмету, какъ въ области собственно такъ называемаго права, касающейся частной или общественной собственности, такъ и въ другихъ его фазахъ, въ которыхъ идея его проявляется въ видѣ власти или суда, ибо и въ нихъ она имѣетъ дѣло съ соціальными учрежденіями, частными или общественными.

Итакъ, на право нельзя смотрѣть, какъ на простое физическое явленіе, безъ связи съ человѣческимъ разумомъ, но

и нельзя искать происхожденія и объясненія права въ глубинѣ чистаго разума, независимо отъ дѣйствительности; его должно принимать, какъ оно существуетъ, то есть, какъ результатъ сочетанія между человѣческимъ разумомъ и реальнымъ міромъ, представляемымъ предметами и самимъ человѣкомъ.

Въ какихъ бы условіяхъ ни проявлялось право, оно должно быть узнаваемо по какому нибудь внѣшнему признаку, указывающему на дѣйствіе человѣческой воли. Воздѣланное поле, жилища или человѣческія сооруженія, различныя орудія и снаряды, которыми пользуется человѣкъ, плоды науки, искуства или промышленности, носятъ на себѣ такіе видимые знаки. Въ болѣе развитомъ состояніи общества право выражается нерѣдко письменными актами или документами. Послѣдніе нисколько не измѣняютъ его природы, и служатъ только удобнѣйшимъ средствомъ для подтвержденія его существованія и для облегченія его обращенія.

§ II.—Критическій разборъ теоріи нѣмецкихъ философовъ о правѣ и свободѣ.

Мы показали, что̀ такое идея права и результатъ ея—самое право, но для всесторонней оцѣнки представленнаго нами объясненія мы сопоставимъ его съ объясненіемъ, сдѣланнымъ великими мыслителями Германіи, ученіе которыхъ о правѣ принималось до настоящаго времени за авторитетъ.

Напрасно стали бы мы искать объясненія права у грековъ; эта идея была чужда имъ въ ту великую эпоху, въ которую они обратились къ главнѣйшимъ задачамъ мысли, и старались объяснить себѣ сущность всѣхъ предметовъ. Въ эту эпоху предъ ихъ глазами были только искуственныя соціальныя отношенія, обязанныя своимъ существованіемъ или идеямъ свободы, крайне несовершеннымъ, или личнымъ воззрѣніямъ законодателей. Право, безъ всякаго сомнѣнія, уже съ давнихъ временъ существовало въ весьма развитомъ видѣ въ Греціи, и въ особенности въ Афинахъ, сдѣлавшихся позже колыбелью идей свободы для древняго міра;—но, подчиненное произвольному законодательству, оно кончило тѣмъ, что потеряло всякое значеніе.

Нигдѣ право не получало такого широкаго и такого крайняго развитія, какъ у римлянъ; но они отличались, какъ и во всемъ остальномъ, разработкой однихъ только подробностей, доступныхъ оцѣнкѣ и примѣнимыхъ къ жизни, и мало обращали вниманія на общее ихъ значеніе. Имъ рѣшительно недоступны были философскія воззрѣнія; въ особенности же, они были безсильны въ разъясненіи смутныхъ представленій о правѣ, перешедшихъ къ нимъ отъ грековъ, ихъ наставниковъ въ области мысли. Мы могли бы привести только нѣсколько фразъ объ этомъ предметѣ Цицерона, но онѣ не имѣютъ никакого научнаго значенія. Римскіе правовѣды никогда не обращали вниманія на раціональную причину явленій, въ толкованіи и разъясненіи которыхъ они выказывали столько искуства [1]).

Всѣ средніе вѣка въ философіи и въ правовѣдѣніи слѣдовали ученію грековъ и римлянъ, а потому, не могли дойти до сознанія права, хотя послѣднее служило главной основой общественныхъ учрежденій этой эпохи.

Когда въ новѣйшія времена умъ человѣческій настолько освободился отъ традиціонныхъ научныхъ воззрѣній, что могъ независимо смотрѣть на вещи, наука о человѣческомъ обществѣ съ перваго же шага вступила на ложный путь, и съ того времени постоянно блуждала, не видя настоящей дороги. Ошибка ея состояла въ томъ, что она силилась объяснить общественныя отношенія однимъ умозрѣніемъ, вмѣсто того, чтобы искать этого объясненія въ вызывающихъ эти отношенія фактахъ.

На предъидущихъ страницахъ мы показали, что законода-

[1]) Римскіе правовѣды вовсе не изслѣдовали того, что̀ мы называемъ общими принципами права, — *естественнымъ правомъ*. Точкой отправленія служили имъ извѣстныя аксіомы, извѣстные предшествовавшіе законы, а искуство ихъ состояло въ разъясненіи ихъ послѣдствій. Вотъ почему римскіе правовѣды были необыкновенно ловкими и сильными діалектиками, но никогда не были философами». *(Guizot, Histoire de la civilisation en France*, II, 327). «Римская эпоха не представляетъ никакого успѣха въ познаніи коренныхъ основъ и идей права, никакого движенія въ философіи права». *(Stahl, Die Philosophie des Rechts*, I, 47).

тельныя собранія Соединенныхъ Штатовъ и Франціи установили теорію общественной науки, провозгласивъ тожество между правомъ и свободой, очевидно не подозрѣвая важнаго значенія этого вопроса. Но любопытнѣе всего, что и германскіе философы легкомысленно приняли эту теорію. Они и не предполагали даже, что можетъ быть какое нибудь различіе между идеями права и свободы, и допустили тожество между ними безъ всякаго доказательства, безъ спора, безъ изслѣдованія даже вопроса. Всѣ ихъ философскія системы права построены на этомъ тожествѣ, между тѣмъ какъ отрицаніе послѣдняго разрушаетъ всю эту отрасль философской науки. Въ подтвержденіе этого мнѣнія мы представимъ общій очеркъ главныхъ системъ, созданныхъ въ Германіи по этому предмету. Въ основѣ ихъ лежитъ положеніе, „что право вытекаетъ изъ одного только разума“, и въ заключеніе они приводятъ другое положеніе, „что право и свобода безусловно тожественны“.

Кантъ раздѣляетъ разумъ на двѣ половины, изъ коихъ одна, называемая имъ *практическимъ разумомъ*, по его мнѣнію, служитъ источникомъ права и нравственности. Но подъ словомъ *практическій* онъ вовсе не разумѣетъ какого либо отношенія между разумомъ и предметами видимаго міра; Кантъ не признаетъ реальности за этими предметами. Онъ признаетъ реальнымъ только законъ, управляющій дѣйствіями, находящимися въ связи съ правомъ и нравственностію. Законъ этотъ, называемой имъ *категорическимъ повелительнымъ*, необходимый и безусловный. Вытекая изъ практическаго разума, который, по его мнѣнію, есть та же разумная воля, законъ этотъ получаетъ господство надъ самимъ разумомъ, и подчиняетъ его себѣ. Но для объясненія, въ чемъ состоитъ сущность этого закона по отношенію къ праву, Кантъ приводитъ однѣ только умозрѣнія, безъ какого бы то ни было отношенія къ дѣйствительности. Мало того, вмѣсто того, чтобы стараться отыскать согласіе между приведеннымъ имъ представленіемъ о правѣ и существующими явленіями, которыя оно должно объяснить и опредѣлить, Кантъ относитъ эти явленія въ примѣчанія къ тексту, чтобы, какъ онъ

говоритъ, „эти сложныя и запутанныя объясненія не нарушили стройной симетріи теоріи".

Фихте и *Гегель* выводятъ право тоже изъ высшаго, по ихъ мнѣнію, свойства разума—свободной и разумной воли, но не упоминаютъ о томъ, что для осуществленія права необходимо еще совершеніе какого нибудь дѣйствія или явленія. Такъ что, при этомъ опредѣленіи, право не выходитъ изъ отвлеченнаго состоянія. По мнѣнію Фихте и Гегеля, разумная воля сама устанавливаетъ безусловное, и вовсе не подчиняется ему, какъ у Канта. Изъ этого слѣдуетъ, что хотя три эти философа приписываютъ праву одно и то же происхожденіе—свободную и разумную волю, и приходятъ почти къ одинаковымъ выводамъ, что̀ касается до соціальныхъ отношеній, Кантъ все таки поставилъ право выше двухъ другихъ философовъ. Ибо, по его мнѣнію, право вытекаетъ изъ закона, происходящаго, правда, изъ практическаго разума, но оно становится затѣмъ безусловнымъ, и подчиняетъ себѣ разумъ. Онъ признаетъ, стало быть, за правомъ независимое значеніе, чего не допускаютъ два другіе философа.

Фихте, согласно съ своей философской системой, долженъ былъ искать опредѣленіе права въ единственномъ, по его мнѣнію, безусловномъ началѣ, въ *я*, которое имѣетъ такое же значеніе, какъ и безусловная воля. Право, говоритъ онъ, состоитъ въ отношеніи, устанавливающемся между свободными и разумными существами, такъ чтобы свобода одного находилась въ согласіи съ свободой всѣхъ [1]). Но онъ самъ сознается, что это законъ отвлеченный и непримѣнимый, если люди не придутъ къ соглашенію относительно способа его приложенія. Поэтому, этотъ, такъ называемый основной принципъ находится въ зависимости отъ одного условія—отъ согласія между людьми. Но что̀ должно привести къ этому согласію, почему оно должно утвердиться, Фихте не говоритъ. Переходя отъ общихъ взглядовъ къ объясненію реальнаго права, Фихте принимаетъ одно только первоначальное

[1]) Der Begriff des Rechts ist sonach der Begriff von dem nothwendigen Verhältnisse freier, vernünftiger Wesen zu einander.

право (Urrecht), источникъ всѣхъ прочихъ правъ. Право это, говоритъ онъ, есть результатъ соглашенія, дѣйствительно установившагося между людьми, такъ что каждый чѣловѣкъ ограничиваетъ свою свободу свободой другихъ людей [1]). Впрочемъ, онъ добросовѣстно сознается, что это первоначальное право есть не что иное, какъ фикція, придуманная, по его мнѣнію, въ интересахъ науки [2]).

Вотъ вкратцѣ рядъ его выводовъ относительно права. Фиктивная идея, первоначальное право (das Urrecht) устанавливаетъ *абсолютное право*, во имя котораго назначеніе человѣка въ реальномъ мірѣ быть только *причиной* или *принципомъ*. *Абсолютное право* есть не что иное, какъ *абсолютная свобода*. *Абсолютная причина* и *абсолютная воля* одно и то же [3]). Такимъ образомъ, не только право и свобода, но первоначальная причина всѣхъ вещей и человѣческая воля суть тожественныя представленія. Итакъ, по мнѣнію Фихте, существованіе права обусловливается одной только разумной волей, которая вызываетъ и видоизмѣняетъ его независимо отъ какихъ бы то ни было явленій.

Кантъ говоритъ, что право есть не что иное, какъ „совокупность условій, вслѣдствіе которыхъ свободная воля одного человѣка можетъ придти въ соглашеніе съ свободной волей прочихъ людей, согласно съ общимъ закономъ свободы“ [4]). Это опредѣленіе права очевидно ничѣмъ не отличается отъ опредѣленія Фихте. Какъ по мнѣнію одного, такъ и по мнѣнію другаго, источникомъ права служитъ все та же свобода.

---

[1]) Jeder beschränkt seine Freiheit durch den Begriff der Freiheit der andern.

[2]) Ein Urrecht ist daher eine blosse Fiction, aber sie muss zum Behuf der Wissenschaft nothwendig gemacht werden.

[3]) Das Urrecht ist das absolute Recht der Person in der Sinnenwelt nur *Ursache* zu seyn. Im Urrecht liegt das Recht der *absoluten Freiheit*—das Urrecht läuft in sich selbst zurück, wird ein *absolutes Recht*—das Recht freie Ursache zu seyn und der Begriff eines absoluten Willens sind dasselbe.

[4]) Das Recht ist der Inbegriff der Bedingungen unter denen die Willkür des Einen mit der Willkür des andern nach einem allgemeinen Gesetze der Freiheit vereinigt werden kann.

Кантъ высказываетъ это положеніе еще въ слѣдующихъ словахъ: „Свобода, насколько она допускаетъ свободу всякаго другаго лица, согласно съ общимъ закономъ, есть право". — „Существуетъ только одно и единственное первоначальное право — свобода" [1]). Это то же самое, какъ еслибы мы сказали, что право есть свобода, а свобода есть право. Самъ Кантъ чувствовалъ неудовлетворительность этого объясненія права, и категорически сознался въ этомъ [2]). На этомъ же основаніи онъ замѣчаетъ, что онъ имѣлъ въ виду представить только очеркъ элементарныхъ основаній права, а не полную его теорію: „Подобная теорія, говоритъ онъ, должна бы была заключать въ себѣ всю совокупность принадлежащихъ къ ней явленій, но это было бы дѣломъ невозможнымъ.

Теорія права Гербарта основана на такихъ шаткихъ и смутныхъ принципахъ, что она по истинѣ не соотвѣтствуетъ извѣстности, какой пользуется этотъ философъ въ Германіи. Вотъ почему теорія эта мало извѣстна. Онъ предполагаетъ, что право обязано своимъ происхожденіемъ отвращенію, вызываемому въ людяхъ спорами (Streit) относительно собственности. Для избѣжанія ихъ, вначалѣ всѣ они отказались отъ обладанія какими бы то ни было предметами: затѣмъ, послѣдовала минута недовѣрія и всеобщаго колебанія, а тѣ, которые воспользовались этимъ временемъ и захватили никому не принадлежащія вещи, пріобрѣли право на нихъ, при томъ, однако, условіи, что прочіе люди воздержатся отъ послѣдованія ихъ примѣру. Это воздержаніе ихъ принято было за одобреніе, и установило право. Итакъ, по мнѣнію Гербарта, право возникло вслѣдствіе явленія, столь же мало понятнаго,

---

[1]) Das angeborene Recht ist nur ein einziges — Freiheit, sofern sie mit jedes andern Freiheit nach einem allgemeinen Gesetz zusammen bestehen kann, ist dieses einzige ursprüngliche, jedem Menschen kraft seiner Menschheit zustehende Recht.

[2]) См. его «Критику чистаго разума», стр. 417 и 756 Рижскаго изданія, на которыхъ онъ говоритъ о представленіяхъ, по сущности своей смутныхъ, какъ *право*, *справедливость*, и проч. Мы не нашли этихъ мѣстъ въ собраніи сочиненій Канта, изданномъ послѣ его смерти Розенкранцемъ. Вѣроятно издатель нашелъ, что подобныя признанія неумѣстны въ устахъ такого великаго мыслителя.

какъ и неправдоподобнаго. Сдѣланный выводъ такъ мало удовлетворяетъ самого Гербарта, что онъ сознается, что если-бы спросили послѣ этого, что же такое право, то философія не съумѣла бы отвѣчать на этотъ вопросъ. „Ибо, говоритъ онъ, право есть нѣчто столь же недостаточное, сомнительное и шаткое, какъ и самый фактъ, порождающій его". Онъ опредѣляетъ его слѣдующей формулой: „Право состоитъ въ законѣ, устанавливаемомъ, съ общаго согласія, волей многихъ людей ради избѣжанія распри" [1]).

Гегель принялъ ученіе Фихте и Канта о происхожденіи права и о его безусловномъ тожествѣ съ идеей свободы, и придалъ этому ученію большее развитіе и бо̀льшую точность. Ему обязана философія права болѣе законченными воззрѣніями и научными формами. По мнѣнію Гегеля, источникъ права заключается исключительно въ духѣ (im Geiste), и ближайшимъ образомъ — въ свободной волѣ, такъ что право существенно свободно, и сущностью своей имѣетъ свободу [2]). Осуществленіе послѣдней и есть право. Но, тѣмъ неменѣе, право получаетъ настоящее значеніе и прочность только посредствомъ закона [3]). Такимъ образомъ, Гегель не признаетъ за правомъ никакого самобытнаго значенія, кромѣ того, какое придается ему закономъ. Вслѣдствіе безусловнаго отожествленія права и свободы, не можетъ существовать никакой свободы, кромѣ той, которая допускается закономъ. Поэтому, Гегель оспариваетъ всякую свободу, всякое естествен-

---

[1]) Recht ist Einstimmung mehrer Willen als Regel gedacht, die dem Streit vorbeuge.

[2]) Der Boden des Rechts ist überhaupt *das Geistige*... und seine nähere Stelle und Ausgangspunct der Wille, welcher frei ist, so dass die Freiheit seine Substanz und Bestimmung ausmacht. Das Rechts-System ist das Reich der verwirklichten Freiheit,—die Welt des Geistes, aus ihm selbst hervorgebracht.—Die Einheit des Daseyns und Begriffs, des Körpers und der Seele ist die Idee. Die Idee des Rechts ist die Freiheit. Das Recht ist überhaupt die Freiheit als Idee.

[3]) Was Rech ist erhält erst damit dass es zum Gesetze wird, nicht nur die *Form* seiner Allgemeinheit, sondern seine wahrhafte Bestimmtheit. Was *an sich* Recht ist, in seinem objectiven Daseyn *gesetzt*—das gesetz.

ное право человѣка, и дѣлаетъ изъ послѣдняго автомата, который не можетъ иначе дѣйствовать, какъ на основаніи закона. Ясно, что никакой самовластный и безсердечный тиранъ не придумывалъ такого деспотизма, какой неколеблясь допускается творцами умозрительныхъ системъ.

Гегель не ограничивается отожествленіемъ права и свободы, онъ отожествляетъ ихъ еще съ собственно такъ называемой нравственностью (сознаніемъ добра и зла). Онъ придумалъ, кромѣ того, особенный видъ нравственности, который назвалъ Sittlichkeit [1]). По его мнѣнію, послѣдняя управляетъ отношеніями семейными, гражданскими и политическими. Эти различныя представленія, говоритъ онъ, составляютъ результатъ человѣческой воли или свободы, ибо та и другая имъ опять таки отожествляются.

Гегель и большая часть германскихъ философовъ, повидимому, преднамѣренно отожествляютъ предметы, между которыми они не могутъ или не хотятъ замѣтить различій. Какъ бы то ни было, это весьма удобный способъ выдти изъ затруднительнаго положенія. Всѣ способности человѣка естественно связаны между собой, потому что всѣ онѣ сосредоточиваются въ одной и той же личности—человѣкѣ. Его воля, разумъ, произволъ во многихъ отношеніяхъ связаны между собой, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы они были безусловно тожественны. А между тѣмъ, Гегель, болѣе чѣмъ всякій другой философъ, постоянно пользуется нелогическимъ пріемомъ заключать отъ свойства предмета къ самому предмету. *Воля* человѣческая *свободна*, слѣдовательно, говоритъ онъ, *воля* и *свобода* тожественны. Такой способъ доказательства постоянно принимался германскими философами, но Гегель воспользовался имъ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что сдѣлалъ изъ него главную опору всей своей системы: очевидно,

---

[1]) Гегель не нашелъ въ нѣмецкомъ языкѣ словъ для обозначенія двухъ, придуманныхъ имъ видовъ нравственности. Поэтому, онъ называетъ настоящую нравственность латинскимъ словомъ, а соотвѣтствующее ему нѣмецкое названіе—*Sittlichkeit*—употребляетъ для обозначенія той воображаемой нравственности, которую онъ устанавливаетъ на почвѣ, принадлежащей праву.

система эта должна рухнуть, какъ только будетъ подвергнута сомнѣнію справедливость такого заключенія.

Что̀ сказали бы мы о физической теоріи, въ которой встрѣтили бы такое положеніе: „Этотъ плодъ красный, слѣдовательно этотъ плодъ и красный цвѣтъ, то есть, красные лучи солнца, тожественны“. То же самое слѣдуетъ сказать и о философскихъ вопросахъ. Воля, разумъ, произволъ сходятся въ однѣхъ точкахъ, но расходятся въ другихъ. Разумъ, напримѣръ, повинуясь логическому заключенію, утрачиваетъ свой произволъ. Онъ принужденъ заключить, что дважды два—четыре, и не можетъ заключить, что дважды два—пять. Слѣдовательно, произволъ или, какъ обыкновенно говорятъ, свобода и разумъ расходятся въ этой точкѣ. Задача метафизики именно въ томъ и состоитъ, чтобы указать, какъ на единство, такъ и на различіе между различными умственными способностями, То же самое и въ соціальной наукѣ. Она обязана указать, какъ на точки соприкосновенія между правомъ и свободой, такъ и на точки, въ которыхъ они расходятся.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы тожество между правомъ и свободой, или ученіе о происхожденіи права исключительно изъ одной только воли, придумано было германскими учеными ради интересовъ какой либо политической партіи; ибо всѣ философы отличаются единодушіемъ по этому вопросу, не исключая и *Шталя*, открытаго поборника религіозныхъ и монархическихъ принциповъ.

По мнѣнію Шталя, право есть порядокъ вещей, установленный въ человѣческомъ обществѣ во имя закона. Изъ этого слѣдуетъ, что право можетъ существовать только въ обществѣ, и не можетъ быть принадлежностью человѣка независимо отъ общества. На основаніи этой теоріи, право существуетъ на столько, на сколько оно допускается закономъ. Шталь говоритъ, что законъ этотъ находитъ человѣкъ въ самомъ себѣ, то есть, въ своей разумной волѣ; а такъ какъ онъ отожествляетъ волю съ свободой [1]), какъ и свободу съ правомъ, то это равносильно тому, что соціальныя учрежде-

[1]) Freiheit und Wille, fallen in ihrem Urbegriffe völlig zusammen.

нія не имѣютъ инаго источника происхожденія, какъ человѣческую волю, независимо отъ реальнаго міра и существующихъ уже явленій.

Шталь становится, поэтому, на точку зрѣнія прочихъ германскихъ философовъ, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что доказываетъ, что воля человѣческая вдохновляется божественной волей, нетолько въ смыслѣ религіозной нравственности, но и какъ законъ для соціальныхъ учрежденій. Его идеалъ— теократія; на гражданское общество онъ смотритъ, какъ на переходный порядокъ вещей, между естественнымъ бытомъ, по его мнѣнію, неизбѣжно безпорядочнымъ, и царствомъ Божіимъ [1]). Онъ силится примирить философскія ученія, принятыя въ Германіи, съ своими собственными религіозными воззрѣніями, но противорѣчіе между тѣми и другими такъ велико, что попытки его остались безуспѣшны; вслѣдствіе этого, вся система Шталя состоитъ изъ ряда однихъ противурѣчій.

Шталь представилъ собой еще тотъ примѣръ, что, при обращеніи идеи свободы въ единственный зиждительный принципъ соціальныхъ отношеній, не трудно придти къ какому угодно идеалу. Однимъ и тѣмъ же путемъ Фихте нашелъ идеалъ общественнаго устройства въ учрежденіи эфоровъ (судей), Гегель — въ такъ называемомъ нравственномъ стремленіи, а Шталь — въ теократическомъ управленіи. Одна только идея права можетъ удержать безпорядочные порывы воображенія, ибо она одна возвращаетъ его къ дѣйствительному порядку вещей.

Итакъ, всѣ философы, ученія которыхъ пользуются авторитетомъ въ Германіи, упустили изъ виду самобытное существованіе идеи права, и приняли свободу за единственный двигатель соціальныхъ отношеній. И тѣмъ неменѣе, мы встрѣчаемъ идею права, болѣе или менѣе точно выраженную, во всѣхъ сочиненіяхъ, трактующихъ о соціальныхъ принципахъ. Но такъ какъ идея эта являлась, такъ сказать, безвѣдомо для,

[1]) Die bürgerliche Ordnung ist so eine Mittelstrasse zwischen dem Reiche der Natur (ein Regel und ordnungsloses Zusammenleben) und dem Reiche Gottes. (Die Sittliche *Welt* in ihrem wahren Zustande).

самого автора, который искалъ ея объясненія постоянно не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, то она и не могла получить надлежащаго развитія. *Кантъ* ставитъ въ основѣ своей философіи права слѣдующее положеніе: „Все, что́ связано со мной такимъ образомъ, что пользованіе имъ другимъ, безъ моего согласія, причинило бы мнѣ вредъ, принадлежитъ мнѣ по праву [1])". Чтобы получить точное понятіе о происхожденіи права изъ этого положенія, достаточно замѣнить неопредѣленное выраженіе *мое по пра́ву* словомъ право. Къ тому же, трудно понять смыслъ, придаваемый Кантомъ словамъ *мое по праву*. Ибо, въ его глазахъ, это не можетъ быть ни право, которому, какъ мы видѣли, онъ придаетъ совсѣмъ иной смыслъ, ни собственность, происхожденіе которой онъ относитъ къ совокупному обладанію всѣхъ предметовъ всѣми людьми [2]). Въ философіи права Гегеля мы находимъ слѣдующее положеніе: „Человѣкъ имѣетъ право налагать свою волю на всякій предметъ, который тѣмъ самымъ становится его принадлежностью, и получаетъ такимъ образомъ отъ его воли существенное значеніе, котораго прежде не имѣлъ, опредѣленіе и душу. Это и есть безусловное право человѣка на присвоеніе себѣ всѣхъ предметовъ [3]). „Если замѣнить въ этомъ предложеніи слова *безусловное право на присвоеніе* словомъ *право*, именно и заключающимъ въ себѣ понятіе о присвоеніи, то мы получимъ точное представленіе о правѣ въ первую минуту его появленія, при томъ, впрочемъ, условіи, что дѣло идетъ о предметахъ, еще не занятыхъ другимъ лицемъ.

Но и въ системѣ Гегеля, точно такъ же какъ и у Канта,

---

[1]) Das rechtlich—Meine (meum juris) ist Dasjenige womit ich so verbunden bin dass der Gebrauch den ein Anderer ohne meine Einwilligung, von ihm machen möchte, mich lädiren würde.

[2]) Das Recht in einer Sache ist ein Recht des Privatgebrauchs einer Sache, in deren (ursprünglichen oder gestifteten) Gesammtbesitze ich mit allen Andern bin.

[3]) Die Person hat das Recht in jede Sache ihren Willen zu legen, welche dadurch die Meinige ist, zu ihrem Substantiellen Zwecke, da sie einen solchen nicht in sich selbst hat, ihrer Bestimmung und Seele meinen Willen erhält, — absolutes Zueignungsrecht des Menschen auf alle Sachen.

не имѣется настоящаго понятія о правѣ, такъ какъ послѣднее поглощается въ ней свободой, а для собственности признается въ ней одинъ только источникъ происхожденія—договоръ [1]).

ГЛАВА II.

Право Гражданское.

Право человѣка ограничивается правами прочихъ людей. Такимъ образомъ, различныя индивидуальныя права, ограничивая другъ друга, принимаютъ опредѣленную форму, и въ совокупности своей образуютъ частное право, которое въ правовѣдѣніи называется *гражданскимъ правомъ* [2]).

Итакъ, результатомъ идеи права, на первой ступени развитія, является неопредѣленное личное право, обращающееся въ опредѣленное, когда, среди безграничнаго своего расширенія, оно останавливается правомъ другихъ людей.

Рядомъ съ частными или личными правами каждаго человѣка слагается право, охватывающее ихъ всѣхъ, такимъ же образомъ, какъ общество охватываетъ всѣхъ людей, его составляющихъ. Вслѣдствіе этого, послѣднее право получаетъ общее значеніе, а такъ какъ все, имѣющее подобное значеніе въ обществѣ, называется *общественнымъ*, то и этотъ родъ права получилъ названіе *права общественнаго*.

Третій великій отдѣлъ права называется *международнымъ правомъ*. Онъ обнимаетъ собой отношенія, слагающіяся между независимыми обществами, какъ на основаніи права, такъ и впослѣдствіе устанавливающагося между ними соглашенія.

Тѣмъ неменѣе, предметы какой бы то ни было науки, въ осо-

---

[1]) Das Eigenthum kommt durch den Vertrag zu Stande.

[2]) Частное право получаетъ названіе права гражданскаго въ такомъ случаѣ, когда, достигнувъ извѣстнаго развитія, оно слагается въ цѣлую систему. Вначалѣ соціальныя отношенія слагаются инстинктивно; когда законодательство и правовѣдѣніе устанавливаютъ ихъ, тогда является рефлексія.—Наконецъ, стараются доискаться до первоначальныхъ ихъ причинъ при содѣйствіи изслѣдованій, принадлежащихъ къ области философіи.

бенности правовѣдѣнія, не могутъ быть совершенно разбиты на независимые отдѣлы. Какъ части одного цѣлаго, они необходимо соприкасаются между собой извѣстными сторонами. Общество, какъ общество, можетъ, подобно лицамъ, обладать частными правами, а личныя права получаютъ характеръ права общественнаго, когда они предоставляютъ въ руки человѣка власть, или одинъ изъ ея атрибутовъ. Примѣромъ можетъ служить случай, когда извѣстная собственность или извѣстный доходъ дѣлаетъ людей способными исправлять общественныя должности.

Поэтому, вмѣсто рѣзкаго разграниченія между двумя видами права, *частнымъ* и *общественнымъ*, справедливѣе было бы сказать, что частное право состоитъ изъ результатовъ той фазы идеи права, которая относится главнымъ образомъ къ лицамъ, а право общественное—изъ тѣхъ, которыя касаются общества, какъ общества. Но лица, соединенныя въ общество, уже не могутъ разсматриваться исключительно ни въ раздѣльности, ни въ совокупности, и такъ какъ представленіе объ индивидуальности не можетъ быть вполнѣ отдѣлено отъ представленія общественности, то и нельзя установить опредѣленнаго основанія для строгаго раздѣленія между правомъ гражданскимъ и общественнымъ.

Идея права не ограничивается установленіемъ собственно такъ называемаго права, представляемаго собственностью, частною или общественною; она переходитъ къ другимъ фазамъ существованія, въ которыхъ является въ новомъ видѣ и съ новыми названіями—*суда* и *власти*.

Но прежде чѣмъ послѣдовать за идеей права въ этихъ новыхъ ея проявленіяхъ, мы остановимся на ней, пока она находится въ фазѣ частнаго или гражданскаго права.

§ 1. — О ПРАВѢ ПЕРВАГО ЗАНЯТІЯ.

Еслибы мы хотѣли узнать первоначальное происхожденіе права, то намъ слѣдовало бы обратиться къ происхожденію самого общества. Когда незначительное число людей занимаетъ обширныя страны, то люди находятъ достаточное количество необходимыхъ имъ, еще незанятыхъ предметовъ, и

ничто не препятствуетъ имъ присвоить ихъ себѣ. Совсѣмъ иное представляется въ странахъ, давно населенныхъ и людныхъ. Полезные предметы въ нихъ давно уже заняты, такъ что ихъ мало или вовсе не встрѣчается въ первобытномъ состояніи. Человѣкъ видитъ себя окруженнымъ исключительно такими предметами, которыми овладѣла воля, подобная его волѣ, и которыя предназначены для употребленія, другаго, такого же человѣка. Замѣчая признакъ этой посторонней воли, человѣкъ узнаетъ, что предметъ принадлежитъ другому человѣку. Если онъ воздержится отъ насилія, и не порветъ этой связи предмета съ другимъ человѣкомъ, если онъ приметъ ее въ уваженіе, то онъ признаетъ тѣмъ самымъ право другаго, какъ слѣдствіе перваго занятія. Такимъ образомъ возникаетъ право перваго занявшаго, источникъ всѣхъ прочихъ положительныхъ правъ.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что происхожденіе права обусловливается превосходствомъ человѣка надъ прочими земными созданіями; но право не подлежитъ сомнѣнію только до тѣхъ поръ, пока дѣятельность человѣка не встрѣчаетъ препятствія. Если же она останавливается правомъ другаго, то первоначальная идея права видоизмѣняется.

Эта дѣятельность можетъ, стало быть, проявляться только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Она ограничивается, что̀ и порождаетъ опредѣленное право. Причина, останавливающая неограниченное расширеніе права, можетъ быть или чисто физическая, если встрѣчается отпоръ со стороны прочихъ людей, или разсудочная, если человѣкъ останавливается, потому что признаетъ за своимъ ближнимъ такое же преимущество, какимъ самъ онъ пользуется. Ибо, заключаетъ онъ хоть инстинктивно, онъ не одинъ властелинъ земли, и долженъ имѣть въ виду силу, подобную его силѣ. Вотъ причина видоизмѣненія, совершающагося въ идеѣ права, вслѣдствіе которой она преобразуется въ идею справедливости. Но въ настоящую минуту было бы преждевременно входить въ большія подробности по этому предмету; достаточно будетъ упомянуть, что идея справедливости возникаетъ въ одно время съ опредѣленнымъ правомъ, то есть, съ правомъ, облеченнымъ въ форму и заключеннымъ въ точныя границы.

Право остается смутнымъ или сомнительнымъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается очевиднымъ, что оно сложилось согласно съ идеей права. Когда же случится это, то оно можетъ быть или неопредѣленнымъ, если не заключено въ точныя границы, или опредѣленнымъ, если границы эти обозначены. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ право будетъ положительнымъ, въ противуположность первому случаю, когда оно остается неопредѣленнымъ.

Тѣмъ неменѣе, право перваго занятія не устанавливается простымъ захватомъ никому непринадлежащаго предмета.

Предметъ можетъ быть подчиненъ дѣятельности человѣка, можетъ даже уже служить ему, безъ всякаго намѣренія со стороны послѣдняго вполнѣ удержать его за собой. Въ такомъ случаѣ, право не устанавливается, и остается неопредѣленнымъ.

Это различіе можетъ показаться безполезной тонкостью, а между тѣмъ, такое заключеніе будетъ ошибочнымъ, ибо въ извѣстныхъ обстоятельствахъ такое различіе можетъ получить важное значеніе, и послужитъ опорой въ случаѣ споровъ.

Предположимъ, что открытъ островъ лицами, принадлежащими къ различнымъ націямъ, и что каждое изъ нихъ объявляетъ свои притязанія на него во имя первенства занятія. Рѣшеніе будетъ зависѣть въ такомъ случаѣ не только отъ этого факта, но и отъ того обстоятельства, насколько случившійся фактъ свидѣтельствуетъ о намѣреніи присвоить островъ; ибо въ такомъ случаѣ дѣло идетъ не о простомъ физическомъ, но и о разсудочномъ дѣйствіи, о которомъ человѣкъ долженъ имѣть сознаніе, такъ какъ только такимъ путемъ устанавливается право.

Въ Европѣ, и вообще въ густонаселенныхъ странахъ, право перваго занятія имѣетъ скорѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе, такъ какъ въ такихъ странахъ оно можетъ относиться къ небольшому только числу предметовъ. Но въ обширныхъ странахъ земнаго шара, вовсе неимѣющихъ или имѣющихъ незначительное населеніе, право перваго занятія получаетъ огромное значеніе, какъ относительно частнаго, такъ и относительно общественнаго права.

Еще недавно право перваго занятія толковалось въ смыслѣ исключительно благопріятномъ для цивилизованныхъ и господствующихъ народовъ;—такъ что, въ силу такого толкованія, эти народы захватывали, въ случаѣ открытія, даже населенныя страны подъ тѣмъ предлогомъ, что жители ихъ дикари.

Но различіе въ интелектуальномъ развитіи людей не оказываетъ никакого вліянія на ихъ право, которое обусловливается только превосходствомъ человѣка, какъ человѣка, надъ вещественными предметами. Мы не можемъ, поэтому, признать за какой нибудь человѣческой расой, или за нѣсколькими людьми, способность устанавливать право и отказывать въ такой же способности прочимъ людямъ. Если мы не согласимся, что первоначальная основа права есть превосходство всѣхъ людей вообще, безъ исключенія, то право не можетъ имѣть причины для своего существованія. Вотъ почему всякій захватъ чужаго права, подъ предлогомъ, что имъ пользуется неразвитый или несвѣдущій человѣкъ, представляетъ актъ, во всѣхъ отношеніяхъ сходный съ насиліемъ надъ правомъ другаго лица.

Нельзя, впрочемъ, не согласиться, что съ нѣкотораго времени право перваго занятія толкуется въ смыслѣ, согласномъ съ общей идеей права, то есть, требуется, чтобы право это не было основано ни на насиліи, ни на обманѣ. Цивилизованные народы чувствуютъ необходимость облечь въ формы права свои сношенія съ дикарями, и хотя эти формы нерѣдко оказываются недостаточными, самый фактъ сохраняетъ свое значеніе, какъ доказательство уваженія къ праву.

§ II.—О различіяхъ, установленныхъ относительно гражданскаго права.

Предметы, присвоиваемые себѣ человѣкомъ посредствомъ права, могутъ быть одушевленные и неодушевленные, организованные или неорганизованные.

Животныя, способностями которыхъ пользуется человѣкъ, или которыя служатъ ему пищей, подчиняются его волѣ, измѣняются въ своихъ качествахъ, и приходятъ въ прирученное состояніе, которое обращается въ зависимость, связывающую ихъ съ господиномъ.

Такъ какъ воля человѣка замѣнила свойственные имъ ин-

стинкты, то онъ становится въ нѣкоторой степени отвѣтственнымъ за нихъ, въ особенности въ томъ случаѣ, когда они причиняютъ вредъ другому лицу. Это — тягость, падающая на собственника, такъ какъ въ собственности существуетъ не одна только выгодная сторона,—въ ней могутъ встрѣтиться и нѣкоторыя неудобства.

Обрабатываемая человѣкомъ земля, естественныя ея произведенія, приспособленныя имъ къ своимъ нуждамъ, носятъ на себѣ отпечатокъ его труда, и свидѣтельствуютъ о томъ, что они принадлежатъ ему.

Но человѣкъ можетъ овладѣть предметами съ цѣлью воспользоваться ими впослѣдствіи, не видоизмѣняя тотчасъ же ихъ форму или ихъ природу. Въ такомъ случаѣ, ему нужно только обозначить границы этого завладѣнія, чтобы право его опредѣлилось, а не оставалось бы смутнымъ. Впрочемъ, при болѣе развитомъ соціальномъ бытѣ, извѣстный условный знакъ можетъ тотчасъ же указать на принадлежность и на самыя границы ея, если послѣднія естественны, какъ напримѣръ границы острова. Въ противномъ же случаѣ, приходится обозначить еще и объемъ занятія.

По мѣрѣ того какъ обезпечивается существованіе тѣла человѣка, разумъ его все болѣе и болѣе предается свойственной ему дѣятельности. Онъ направляется къ матеріи, къ веществамъ минеральнаго и растительнаго царства, къ условнымъ знакамъ, какъ буквы азбуки—возникаетъ наука и искусство. Чѣмъ совершеннѣе преобразуется сырой матерьялъ, тѣмъ очевиднѣе становится дѣйствіе человѣческой воли.

Но способы обнаруженія превосходства разума надъ матеріей, болѣе или менѣе возвышенная цѣль, имѣющаяся человѣкомъ въ виду при подчиненіи матеріи, съ точки зрѣнія права, не могутъ породить различія въ дѣйствіи воли на матерію. Право состоитъ въ одномъ только присвоеніи предметовъ на какую нибудь интелектуальную или физическую потребность человѣка. Поэтому, будетъ ли превращена матерія въ предметъ высокаго искуства, или въ предметъ самаго обыкновеннаго пользованія, превращеніе это не оказываетъ никакого дѣйствія на значеніе права, не измѣняетъ его природы. Право

не измѣняется, смотря по тому, въ большей или въ меньшей степени проявляется въ немъ разумъ.

Существуетъ законное распоряженіе, предоставляющее въ собственность художнику или ремесленику изготовленный ими предметъ изъ матерьяла, принадлежащаго другому человѣку, съ обязательствомъ возвратить владѣльцу стоимость матерьяла. Этотъ законъ противурѣчитъ идеѣ права. Онъ внушенъ чувствомъ пристрастія человѣка къ созданіямъ разума; но если быть послѣдовательнымъ, то на этомъ основаніи достаточно обладать болѣе высокимъ умомъ, чтобы имѣть право присвоивать себѣ чужую собственность.

Итакъ, что̀ касается до права, нельзя допустить различія, ни относительно пользующихся имъ лицъ, ни относительно имѣющейся ими въ виду цѣли, то есть, право сохраняетъ одно и то же значеніе, какого бы оно ни касалось лица или предмета.

Значеніе права измѣняется въ такомъ только случаѣ, когда оно встрѣчаетъ препятствіе для безграничнаго своего развитія: ниже мы покажемъ, что развитіе это останавливается на различныхъ ступеняхъ идеей, посторонней праву—свободой.

Воля человѣческая обращается не на внѣшніе только предметы; дѣятельность ея можетъ направиться внутрь, на собственное тѣло человѣка, и придать ему различныя свойства и способности. Дѣятельность воли относительно внѣшнихъ предметовъ порождаетъ *вещественное право*, а дѣятельность ея, ограничивающаяся самимъ человѣкомъ, по аналогіи, получила названіе *личнаго права*.

Личное право не имѣетъ существеннаго различія отъ права вещественнаго. Въ немъ мы встрѣчаемъ то же духовное начало — волю человѣка, и тотъ же предметъ вещественнаго права—матерію, представляемую собственнымъ тѣломъ человѣка, развиваемую и совершенствуемую разумной волей.

Тѣмъ неменѣе, два эти вида права обыкновенно раздѣляются, и отличительнымъ признакомъ между личностью и вещественною собственностью принимаютъ ощущеніе боли, испытываемой человѣкомъ при нападеніи на его личность, ощущеніе, будто бы неиспытываемое имъ при насиліи надъ его ве-

щественной собственностью. Однако же, человѣкъ, у котораго отняли бы одежду въ холодную погоду, котораго выгнали бы изъ жилища, котораго лишили бы необходимой пищи, можетъ даже умереть отъ причиненныхъ ему физическихъ страданій. Съ другой стороны, части человѣческаго тѣла оказываются совершенно нечувствительными въ извѣстныхъ болѣзняхъ; онѣ даже могутъ быть отняты, напримѣръ, волоса, безъ всякаго болѣзненнаго ощущенія. Поэтому, боль не можетъ быть принята за отличительный признакъ различія между личностью и собственностью. — Опредѣленіе личности, какъ части самого человѣка, и вещественной собственности, какъ внѣшняго предмета, такъ же неосновательно, ибо существованіе человѣка обусловливается постепеннымъ превращеніемъ внѣшнихъ предметовъ въ его тѣло, а съ другой стороны, части, отдѣлившіяся отъ его тѣла, въ свою очередь, становятся для него внѣшними предметами.

Вслѣдствіе невозможности найти точныя границы между двумя этими принадлежностями человѣка, должно заключить, что ихъ вовсе не существуетъ, и что онѣ могутъ быть отличены только тогда, когда разсматриваются отдѣльно; но это различіе исчезаетъ, какъ только обѣ онѣ становятся нераздѣльнымъ предметомъ права. — Поэтому, вещественную собственность мы должны принимать за дальнѣйшее развитіе личной принадлежности или личности человѣка. Слѣды такого воззрѣнія мы находимъ въ большей части положительныхъ законодательствъ [1]).

Однако же, вещественныя права невсегда оказываются неразрывно и матерьяльно связанными съ лицемъ, которому они

---

[1]) Нѣмецъ представляется какъ бы сросшимся съ своей собственностью, такъ что за вредъ, причиненный его лошади, онъ считаетъ необходимымъ такое же возмездіе, какъ и за вредъ, причиненный его глазу или носу. (*Geschichte der italienischen Staaten.* v. Leo, I, 115).— Принадлежность внѣшнихъ предметовъ, или вещественная собственность, есть только слѣдствіе и какъ бы различіе личной собственности. Воздухъ, которымъ мы дышемъ, вода, которую мы пьемъ, плоды которые мы ѣдимъ, превращаются въ нашу сущность вслѣдствіе безсознательной или произвольной работы нашего тѣла». (*Préliminaires de la Constitution de 1789,* par l'abbé Sieyès).

принадлежатъ. Послѣднее можетъ быть и удалено отъ принадлежащаго ему предмета, такъ что оно можетъ быть и не въ прикосновеніи съ нимъ, или же оно можетъ пріобрѣсть право на предметъ, находящійся отъ него въ удаленіи.

Эти случайныя обстоятельства нисколько не измѣняютъ самого права, пока въ послѣднемъ будутъ находиться оба фактора, обусловливающіе право, присутствіе разумной воли и слѣды ея дѣятельности, и пока существованіе ихъ можетъ быть подтверждено доказательствами, имѣющими вѣсъ въ глазахъ прочихъ людей.

Существованіе человѣка обнаруживается движеніемъ. Онъ пользуется способностями, которыми одарила его природа и которыя онъ пріобрѣтаетъ развитіемъ своей личности при содѣйствіи права. Онъ пользуется послѣдними, приводя ихъ въ дѣятельное состояніе; такимъ образомъ, и само право, представляющееся результатомъ дѣйствія, проявленія воли, становится въ свою очередь основой дѣятельности.

Такимъ образомъ, право является то подвижнымъ, то неподвижнымъ. При изслѣдованіи предметовъ, къ которымъ оно прилагается, мы замѣчаемъ, что они иногда способны къ перемѣщенію, иногда же неспособны; различіе это и породило раздѣленіе имуществъ на *движимыя* и *недвижимыя*.

Но это различіе имѣетъ не большее значеніе, какъ и различіе между *вещественнымъ* и *личнымъ* правомъ, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ животныя причисляются къ недвижимой собственности, и существуетъ фиктивное понятіе о *недвижимомъ имуществѣ*, *обратившемся въ движимое*, и о *фиктивной недвижимости*, понятіе, при содѣйствіи котораго недвижимая собственность превращается въ движимую, и обратно.

§ III. — О различныхъ видахъ гражданскаго права.

Вначалѣ человѣкъ представляется нераздѣльнымъ со всѣми своими правами. Но въ послѣдствіе сдѣлокъ, порождаемыхъ правомъ, между нимъ и ими является различнаго рода разъединеніе.

Во первыхъ, собственность можетъ быть отдѣлена отъ владѣнія, какъ въ *залогѣ* или *ссудѣ;* во вторыхъ, человѣкъ мо-

жетъ отказаться и отъ владѣнія, и отъ принадлежности ему какого либо предмета права однимъ изъ актовъ, называемыхъ *даромъ;* и наконецъ, въ третьихъ, онъ можетъ отказаться отъ своего исключительнаго права, и раздѣлить его съ другимъ лицемъ на извѣстныхъ условіяхъ, вслѣдствіе чего являются сдѣлки, извѣстныя подъ именемъ *договора.*

1°. О закладѣ и даровой ссудѣ или безвозмездномъ займѣ.

Если собственникъ какого нибудь предмета, ради сохраненія послѣдняго, поручитъ его другому лицу въ видѣ заклада, то этимъ нисколько не измѣняется природа права. Ибо наружное владѣніе предметомъ кѣмъ либо другимъ равносильно простому матерьяльному разъединенію собственника отъ его собственности, и не въ силахъ дать право новому владѣльцу, пока воля послѣдняго не проникнетъ глубже въ предметъ, занятый другой волей.

Тѣмъ неменѣе, можетъ случиться, что отданному на сохраненіе предмету будетъ причиненъ вредъ, котораго именно и опасался собственникъ. Но такъ какъ возможность вреда предполагалась болѣе неизбѣжной, еслибы предметъ не былъ отданъ на сохраненіе, то изъ этого слѣдуетъ, что и вредъ не можетъ быть приписанъ этому обстоятельству, и что хранитель предмета свободенъ отъ отвѣтственности, если только съ его стороны не было злоупотребленія довѣріемъ. Въ такомъ случаѣ убытокъ падаетъ на собственника, какъ еслибы имущество оставалось подъ его собственной охраной.

Отдача на сохраненіе вызывается личнымъ интересомъ собственника; но и противуположное побужденіе, такой же интересъ другаго человѣка, тоже можетъ побудить собственника отдать въ его пользованіе принадлежащую ему, собственнику, вещь. Въ такомъ случаѣ, является даровая ссуда или безвозмездный заемъ, и вещь поступаетъ во владѣніе новаго лица; но послѣднее, тѣмъ неменѣе, не можетъ считать ее принадлежащей ему до тѣхъ поръ, пока изъ нея не будетъ извлечена воля прежняго владѣльца.

Если вещь будетъ повреждена вслѣдствіе случайности, независимой отъ воли заемщика, послѣдній не будетъ отвѣчать

за нее, если такого же рода случайность могла бы постигнуть вещь и въ рукахъ ея собственника. Но если порча вещи можетъ быть разсматриваема, какъ послѣдствіе ссуды, то отвѣтственность должна упасть въ такомъ случаѣ на заемщика, по той причинѣ, что заимодавецъ имѣлъ въ виду уступить только пользованіе вещью, а не принадлежность ея.

Къ такого же рода актамъ принадлежитъ всякое дѣятельное и безвозмездное вспомоществованіе одного человѣка другому. Право вообще, и въ особенности личное право, можетъ проявляться какъ въ дѣятельномъ, такъ и въ покойномъ состояніи. Дѣятельное вспоможеніе есть не иное что, какъ личное право въ движеніи, направленномъ на помощь другому; это—ссуда дѣйствіемъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ, въ отдачѣ вещи на сохраненіе и въ отдачѣ ея въ ссуду, предметъ разъединяется съ человѣкомъ, чтобы перейти во владѣніе другаго лица.

Отсюда вытекаетъ различіе, которое слѣдуетъ дѣлать въ словахъ *собственность* и *владѣніе*.

Слово *собственность* означаетъ, что лице имѣетъ право на вещь.

Слово *владѣніе* говоритъ, что права нѣтъ, или по крайней мѣрѣ, что оно не принимается въ соображеніе, что дѣло идетъ просто о фактѣ, о возможности располагать какимъ нибудь предметомъ права.

Владѣніе есть, стало быть, фактъ, который можетъ согласоваться съ правомъ или нѣтъ, но который не относится къ вопросу о правѣ. Ибо самый захватъ никому не принадлежащей вещи еще не рождаетъ право, такъ какъ послѣднее устанавливается разумнымъ дѣйствіемъ воли, дѣйствіемъ, которое въ настоящемъ случаѣ должно свидѣтельствовать о намѣреніи взять предметъ въ свою собственность.

Несмотря на это коренное различіе между владѣніемъ и собственностью, то и другая нерѣдко смѣшиваются нетолько въ обыкновенномъ разговорѣ, но и въ весьма важныхъ актахъ гражданскаго и общественнаго права. Такъ что, съ этой точки зрѣнія, самое прочное право можетъ быть подорвано, еслибы, согласно съ такимъ смѣшеніемъ, оно было обращено во владѣніе.

2°. О дарѣ и завѣщаніи.

Человѣкъ, одаренный свободной волей, можетъ остановить свою волю на какомъ либо предметѣ, но можетъ такъ же и извлечь ее изъ него. Если онъ поступитъ въ послѣднемъ смыслѣ, то предметъ будетъ оставленъ, и можетъ поступить въ распоряженіе перваго, кто захочетъ взять его. Но если человѣкъ отказывается отъ предмета только ради другаго лица, или другихъ лицъ, на которыхъ онъ болѣе или менѣе точно указываетъ, то такое дѣйствіе называется даромъ.

Такъ какъ природѣ человѣка свойственно дорожить правами, которыя доставляютъ ему возможность расширять кругъ своихъ способностей и дѣятельности, то простое отреченіе отъ права можетъ встрѣтиться только при исключительныхъ обстоятельствахъ. Поэтому, на даръ должно смотрѣть, какъ на усиліе, на которое рѣшается человѣкъ только изъ за благотворительной цѣли. Но если лице, въ пользу котораго совершается это благотвореніе, отказывается отъ него, то даръ въ такомъ случаѣ не состоялся. И такъ какъ воля дарителя остается въ предметѣ дара, пока мѣсто ея не займется волей человѣка, принимающаго даръ, то въ случаѣ отказа послѣдняго, прежній хозяинъ остается владѣльцемъ предмета.

Поэтому, существуетъ простое отреченіе, или оставленіе предмета, и отреченіе подъ условіемъ принятія предмета, или даръ. Первое дѣйствіе обусловливается однимъ отреченіемъ, второе — отреченіемъ и принятіемъ. Кромѣ того, это отреченіе имѣетъ силу въ такомъ только случаѣ, если оно остается неизмѣннымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ принятъ даръ, такъ какъ послѣдній не можетъ совершиться, несмотря на принятіе его, если даритель перемѣнитъ свое намѣреніе прежде, чѣмъ лице, принимающее даръ, возьметъ послѣдній въ свое владѣніе. Ибо новый владѣлецъ можетъ принять вещь въ свое владѣніе не раньше, какъ прежній владѣлецъ дѣйствительно извлечетъ изъ нея свою волю.

Разъ совершенный даръ становится неизмѣннымъ, такъ какъ всѣ отношенія между прежнимъ владѣльцемъ и принадлежавшимъ ему предметомъ порваны; съ этой минуты предметъ такъ же тѣсно связанъ съ новымъ владѣльцемъ, какъ былъ

связанъ съ старымъ. Поэтому, на законъ, дозволяющій требовать возвращенія дара въ случаѣ неблагодарности, должно смотрѣть не иначе, какъ на наказаніе за неблагодарность, а не какъ на слѣдствіе, вытекающее изъ самой природы дара. Ибо, какъ только связь между прежнимъ владѣльцемъ и предметомъ порвана, то ее какъ бы вовсе не существовало между ними. Что же касается до закона, допускающаго отреченіе отъ дара по случаю неожиданнаго рожденія дѣтей, то его нельзя оправдать съ точки зрѣнія права, хотя онъ и можетъ быть объясненъ человѣческой непредусмотрительностью или другими *субъективными* соображеніями.

Мы только что сказали, что даръ обусловливается нетолько принятіемъ его со стороны другаго человѣка, но и неизмѣнностью намѣренія дарителя, пока даръ окончательно не состоится.

Между тѣмъ, между первымъ заявленіемъ намѣренія дарителя и приведеніемъ его въ исполненіе можетъ пройти значительный промежутокъ времени: то есть, вмѣсто того чтобы совершиться немедленно, даръ можетъ быть отложенъ до времени, опредѣленнаго волей дарителя, или зависѣть отъ какого нибудь будущаго событія.

Если это событіе будетъ смерть дарителя, то даръ перемѣняетъ свое названіе, и становится завѣщаніемъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ дарѣ не происходитъ никакихъ существенныхъ измѣненій: онъ все таки обусловливается продолжительностью тѣхъ же намѣреній или распоряженій со стороны дарителя. Только, такъ какъ послѣднія тѣмъ легче могутъ измѣниться, чѣмъ продолжительнѣе срокъ приведенія ихъ въ исполненіе, то даръ будущій чаще можетъ подлежать отмѣнѣ, чѣмъ даръ, совершающійся немедленно.

Тѣмъ неменѣе, еслибы такого рода обѣщанія, то есть, обѣщанія отмѣнимыя, и не были обязательны по закону, то различныя обстоятельства могутъ сдѣлать ихъ нравственно неизмѣнными, въ особенности вслѣдствіе важнаго значенія для дарителя сохранить свое достоинство, которое было бы подорвано легкомысленнымъ или ложнымъ обѣщаніемъ.

Со смертью завѣщателя, покинувшее его жизненное начало

покидаетъ въ то же самое время и принадлежавшіе ему предметы; послѣдніе, оставшись безъ хозяина, могли бы быть захвачены первымъ встрѣчнымъ; но они будутъ принадлежать лицу, которое, будучи предупреждено, приметъ мѣры для принятія ихъ.

Въ первобытномъ состояніи общества этотъ переходъ предметовъ совершается немедленно же; семейныя узы, удерживая людей ближе другъ къ другу, даютъ возможность ближнимъ и родственникамъ первымъ принять наслѣдіе умершаго. А такъ какъ почитаніе умершихъ составляетъ одинъ изъ догматовъ всѣхъ первобытныхъ религій, то послѣднія распоряженія покойника тѣмъ болѣе уважаются.

Въ болѣе развитомъ состояніи общества законы охраняютъ предметы, освободившіеся смертью бывшаго ихъ владѣльца, до той минуты, какъ они поступятъ въ распоряженіе наслѣдника; такъ что они не могутъ быть захвачены въ этотъ промежутокъ времени третьимъ лицемъ.

Если наслѣдство передается неиначе, какъ подъ извѣстными условіями, то наслѣдникъ, принимая его, обязывается выполнить эти условія. Это такія же ограниченія, какія встрѣчаются въ обществѣ для всѣхъ правъ, по крайней мѣрѣ, что̀ касается до ихъ объема, потому что всѣ они соприкасаются между собой какой нибудь стороной, и такимъ образомъ ограничиваются другъ другомъ. Если завѣщатель пользуется правомъ свободно располагать своимъ имуществомъ, отчуждать его или дарить по своему усмотрѣнію, то онъ можетъ также и передать его подъ извѣстными условіями, представляющими особенный видъ права. Въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, мы встрѣчаемъ право, основанное на условіи неизмѣняемости распоряженій, ибо это условіе есть выраженіе послѣдней воли, измѣнить которую уже невозможно. По стремленію къ неизмѣнности, этотъ видъ права представляется, такимъ образомъ, исключеніемъ изъ общаго правила, такъ какъ всѣ прочія положительныя права отличаются подвижностью.

Неизмѣнныя условія держатъ, такимъ образомъ, наслѣдство въ границахъ первоначальнаго его установленія, и могутъ быть причиной, вызвавшей самое завѣщаніе, ибо завѣщатель,

быть можетъ, иначе распорядился бы своимъ имуществомъ, еслибы не былъ увѣренъ въ точномъ исполненіи его намѣреній. Наслѣдникъ не имѣетъ, стало быть, права дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ условіяхъ, во имя которыхъ получено имъ наслѣдство, и на которыхъ основывается его право. Въ противномъ случаѣ, онъ запятналъ бы себя насиліемъ и недобросовѣстностью, и тѣмъ самымъ навлекъ бы на себя кару правосудія. Но духъ нашей эпохи высказывается противъ права завѣщать на вѣчныя времена, и во многихъ странахъ законодательство ограничиваетъ или запрещаетъ такія завѣщанія. Въ нихъ видятъ насиліе надъ будущимъ, и установленіе опасное для государства; въ сущности же, этотъ видъ права осуждается главнымъ образомъ потому, что онъ противенъ господствующему въ настоящую эпоху духу всеобщаго уравненія.

3°. О договорахъ.

Мы видѣли, что въ безвозмездной ссудѣ собственность отдѣляется отъ владѣнія, а въ дарѣ само право переходитъ отъ одного лица къ другому. Въ третьемъ случаѣ право раздѣляется между нѣсколькими лицами: этотъ видъ гражданскаго права называется *договоромъ*.

Потребность людей во взаимномъ вспомоществованіи порождаетъ сдѣлки, состоящія въ обмѣнѣ правъ или услугъ. Этотъ обмѣнъ производится условно, то есть, договаривающіяся стороны передаютъ другъ другу права, личныя или вещественныя, на условіяхъ взаимности. Поэтому, ни одна изъ нихъ не отказывается отъ своего права просто и рѣшительно, но передаетъ его на опредѣленныхъ условіяхъ.

Обязательство въ исполненіи этихъ условій основывается на слѣдующемъ движеніи идеи права.

Договаривающіяся лица отказываются отъ своего права только подъ условіемъ получить взамѣнъ его какой нибудь другой предметъ права. Изъ этого слѣдуетъ, что ни одна изъ сторонъ не отступаетъ отъ своего права, ибо каждая остается связана съ нимъ условіемъ, выговореннымъ за уступку.

Съ другой стороны, ни одна изъ договаривающихся сторонъ

не пользуется своимъ правомъ нераздѣльно, такъ какъ каждая допускаетъ въ него, хотя и условно, постороннюю волю. Такимъ образомъ, ни одна изъ нихъ не сохраняетъ за собой исключительнаго права на предметы договора, и владѣетъ собственностью сообща, до исхода времени договора. Еслибы каждый предметъ продолжалъ принадлежать одному только владѣльцу, то тѣ изъ предметовъ, которые были бы переданы или заложены первыми, перешли бы къ новому владѣльцу, между тѣмъ какъ послѣдній не отдалъ еще взамѣнъ ихъ соотвѣтствующіе предметы. Вслѣдствіе этого, право перваго было бы поколеблено, такъ какъ, по крайней мѣрѣ временно, оно не существовало бы, и ничѣмъ не обезпечивалось бы, кромѣ добросовѣстности другой стороны. Напротивъ того, если предметы останутся въ общемъ владѣніи, то въ пользованіи правомъ той и другой стороны не будетъ перерыва, каждая сохранитъ вліяніе на другую договаривающуюся сторону, такъ что взаимное обязательство исполнять принятыя условія становится очевиднымъ.

Договоръ, по которому обязываются на какой либо актъ, то есть, по которому закладывается личное право, можетъ отдать въ общее распоряженіе даже личность одной стороны, или обѣихъ, если обязательства будутъ взаимны. Человѣкъ можетъ уступить другому лицу право располагать его трудомъ или его умственными и физическими силами, въ той мѣрѣ, какая указана договоромъ. Такимъ образомъ, посторонняя воля овладѣваетъ въ извѣстномъ смыслѣ тѣломъ другаго лица, разумѣется, насколько это допускается договоромъ. Она не можетъ перейти за указанныя границы. Ниже мы покажемъ, что это не единственный случай, когда тѣло человѣка можетъ подчиниться волѣ другаго лица, и что такое же явленіе, только въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, случается при установленіи безусловной власти.

Еслибы одна изъ сторонъ захотѣла уничтожить договоръ, то она могла бы сдѣлать это не иначе, какъ пожертвовавъ заложеннымъ правомъ, ибо она не въ состояніи располагать произвольно собственностью, которая уже не безусловно принадлежитъ ей.

Поэтому, договоръ можетъ быть уничтоженъ не иначе, какъ съ обоюднаго согласія. Или же, только исполненіемъ выговоренныхъ условій заложенныя права освобождаются изъ общаго владѣнія, и возвращаются въ то состояніе, въ которомъ они находились до заключенія договора.

Все, что относится къ личному или вещественному праву, можетъ быть предметомъ договора: поэтому, въ договоръ можетъ войти обмѣнъ правъ, обмѣнъ пользованія вещественными предметами, личною дѣятельностью или ограниченіемъ въ пользованіи какимъ нибудь правомъ.

Различныя сочетанія всѣхъ этихъ видоизмѣненій права вызываютъ разнообразныя сдѣлки, представляющія все тотъ же договоръ, основанный на взаимныхъ выгодахъ двухъ сходящихся сторонъ. Поэтому, всякій договоръ обязываетъ непремѣнно двѣ стороны, такъ что актъ, въ которомъ участвовала только одна воля, не можетъ быть договоромъ, и есть болѣе или менѣе полный даръ. Тѣмъ неменѣе, договоръ, при происхожденіи своемъ хотя и обязывающій двѣ стороны, можетъ обратиться въ актъ односторонній, если одна изъ сторонъ по какой либо причинѣ потеряетъ свое право, между тѣмъ какъ другая сохранитъ его.

Такъ какъ люди могутъ ссужать другъ друга взаимною помощью только посредствомъ какого либо дѣйствія, и такъ какъ нетолько собственно такъ называемая дѣятельность, но и передача предмета и пользованіе имъ представляютъ тоже дѣйствія, то изъ этого вытекаетъ, что всякій договоръ непремѣнно относится къ дѣйствію.

Дѣйствіе это должно быть возможнымъ, такъ какъ договоръ, какъ и всякое иное видоизмѣненіе права, есть выраженіе разумной воли человѣческой; такъ что, если эта воля окажется лишенной разумности, задавшись невозможной цѣлью, то и самая сдѣлка будетъ чуждой праву и лишенной значенія.

Договоръ окажется равнымъ образомъ безсильнымъ, если хоть одно изъ помѣщенныхъ въ немъ условій окажется противнымъ законодательству, ибо послѣднее воспротивится въ такомъ случаѣ приведенію его въ исполненіе.

Мы не можемъ назвать ни одного предмета права, кото-

рый не подходилъ бы подъ одну изъ трехъ приведенныхъ категорій: ссуду, даръ и договоръ. Это означаетъ, что гражданское право представляетъ только три главныя видоизмѣненія, смотря по тому, удерживается ли оно, переходитъ къ другому или становится общимъ. Нерѣдко случается, что сдѣлка не можетъ быть отнесена цѣликомъ къ одному изъ этихъ видоизмѣненій права, но касается и двухъ другихъ; тѣмъ неменѣе, еслибы встрѣтилась необходимость указать принадлежащее ей мѣсто, то слѣдуетъ поступить согласно съ представляемыми ею отличительными характеристическими чертами.

Три главныя видоизмѣненія права подраздѣляются на второстепенныя группы съ признаками, по которымъ онѣ могутъ быть приведены въ извѣстную систему. Мы не примемъ на себя этого труда, такъ какъ настоящее сочиненіе имѣетъ главнымъ образомъ въ виду скорѣе совокупность соціальныхъ отношеній, чѣмъ какія либо частныя подробности; но мы считаемъ небезполезнымъ представить нѣкоторыя указанія на методъ установленія классификаціи съ указанной точки зрѣнія.

Категорія заклада и безвозмездной ссуды заключаетъ въ себѣ сдѣлки, въ которыхъ отъ одного лица къ другому переходитъ одно только обладаніе предметомъ.

Въ закладѣ эта отличительная черта сохраняется во всей своей чистотѣ; въ даровой ссудѣ къ владѣнію предметомъ присоединяется пользованіе имъ.

Если ссуда состоитъ изъ предметовъ, расходуемыхъ вслѣдствіе употребленія, напримѣръ, изъ зернового хлѣба или денегъ, вслѣдствіе чего заемщикъ обязывается вернуть такіе же предметы, такъ какъ онъ не можетъ возвратить тѣхъ же самыхъ предметовъ, то ссуда подвергается видоизмѣненію, приближающему ее къ договору. Заимодавецъ не отказывается отъ своего права на эти предметы, но соглашается, чтобы они замѣнены были другими, подобными же. До окончанія этой сдѣлки заимодавецъ и заемщикъ пользуются сообща правомъ на предметы ссуженные и на тѣ, которые замѣнятъ ихъ собой. Общее право придаетъ въ такомъ случаѣ даровой ссудѣ характеръ договора, но такъ какъ ссуда принимаетъ такой видъ только мимоходомъ и отчасти, и такъ какъ въ

ней отсутствуетъ условіе взаимности, то въ существенныхъ чертахъ она и сохраняетъ видъ ссуды. Ссуда за извѣстный процентъ, напротивъ того, превращается въ договоръ относительно своихъ существенныхъ свойствъ, но еще сохраняетъ отчасти свой первоначальный доброхотный характеръ, если сопровождается какимъ нибудь пожертвованіемъ или неудобствомъ заимодавца въ пользу заемщика. Поэтому, ссуда вполнѣ уподобляется договору въ такомъ только случаѣ, когда принятыя тою и другой стороной условія будутъ въ равновѣсіи, такъ что въ основѣ сдѣлки окажется обмѣнъ условленныхъ обязательствъ.

Такимъ образомъ, между сдѣлками, слывущими подъ именемъ договора, нѣкоторыя только отчасти, а другія вполнѣ принадлежатъ ему, вслѣдствіе чего и были смѣшаны оба вида актовъ.

Ссуда можетъ также обратиться и въ даръ, или силою воли заимодавца, или мало по малу, вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ причинъ.

Итакъ, одна и та же сдѣлка переходитъ изъ одной категоріи въ другую, смотря по обнаруживающимся въ ней характеристическимъ признакамъ. Но то же самое можетъ произойти и отъ дѣйствія времени, когда право измѣняетъ свое значеніе.

Такимъ образомъ, въ исторіи всякаго народа встрѣчаются эпохи, въ которыя идея права получаетъ такое исключительное преобладаніе, что за начальникомъ признается право держать въ своей собственности предметы, которые онъ передаетъ въ пользованіе подчиненнымъ; но онъ теряетъ совсѣмъ, или отчасти, это право, когда въ общество проникнутъ идеи свободы. Такъ что актъ, имѣющій значеніе ссуды въ обществѣ первобытномъ, въ болѣе развитомъ становится даромъ, вслѣдствіе ли добровольной уступки, или вслѣдствіе требованій обычая и законодательства.

Категорія даровъ подраздѣляется на два главные отдѣла, смотря по тому, совершаются ли сдѣлки между живыми людьми, или по смерти дарителя. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ могутъ быть произвольны, или зависѣть отъ законодателя. Каждое

изъ подраздѣленій представляетъ множество отдѣльныхъ случаевъ, то отличающихся одинъ отъ дуугаго, то сходныхъ по аналогіи, и потому, представляющихъ новыя рубрики. Но отличительный характеръ дара въ болѣе широкомъ смыслѣ состоитъ въ томъ фактѣ, что право переходитъ отъ одного лица къ другому, не сопровождаясь взаимностью.

Послѣдняя составляетъ отличительную черту договора, который не можетъ существовать безъ этого условія. Ибо условіе взаимности такъ же необходимо въ договорѣ, какъ принятіе необходимо въ ссудѣ или дарѣ.

Если сдѣлку, въ которой нѣтъ условія взаимности, называютъ договоромъ, то въ сущности это замаскированный даръ, или актъ, въ которомъ отсутствіе взаимности объясняется ошибкой или какимъ нибудь обстоятельствомъ, постороннимъ праву.

Всякаго рода договоры имѣютъ еще ту общую характеристическую черту, что они связываютъ обѣ стороны до тѣхъ поръ, пока выговоренныя условія не будутъ выполнены.

Вслѣдствіе этого существеннаго сходства, договоры могутъ дѣлиться по произволу на большее или меньшее число рубрикъ, главнымъ образомъ на основаніи предметовъ договора,— его продолжительности, его условій, личности договаривающихся сторонъ, значенія акта, или на основаніи другой какой либо отличительной черты.

Категорія договоровъ заключаетъ наибольшее число сдѣлокъ, совершающихся въ области права, такъ какъ они нетолько не налагаютъ на людей жертвъ, но имѣютъ въ виду удовлетворить ихъ потребностямъ или ихъ желаніямъ.

Категорія даровъ охватывала бы небольшое число случаевъ, еслибы не состояла преимущественно изъ такого рода даровъ, которые неизбѣжно вызываются смертью.

Категорія безвозмездныхъ ссудъ не обширна, такъ какъ для такого рода актовъ нѣтъ такого сильнаго побужденія, какимъ служитъ смерть для дара.

Новѣйшіе правовѣды смотрятъ на всякаго рода сдѣлки въ области права, какъ на договоры. Древнее римское законодательство почти не признавало ихъ; полное покровительство

оказывали суды только даровой ссудѣ, дару между живыми [1]) и простѣйшимъ договорамъ, — ссудѣ на проценты (nexum), прямой продажѣ изъ рукъ въ руки (mancipatio) и нѣсколькимъ другимъ видамъ договора, — напримѣръ, заключаемымъ именемъ государства съ частными людьми, договорамъ римлянъ съ итальянцами, находившимися подъ покровительствомъ международнаго права [2]). Прочіе договоры охранялись одной только добросовѣстностью договаривающихся сторонъ и страхомъ боговъ; правосудіе же не вмѣшивалось въ нихъ [3]).

Малое значеніе, первоначально придаваемое римлянами договору, было результатомъ логической послѣдовательности,

[1]) До эпохи децемвировъ римскій гражданинъ могъ располагать только движимымъ имуществомъ, такъ какъ недвижимая собственность и земли принадлежали всему племени (gens). Даръ имѣлъ силу въ такомъ только случаѣ, когда совершался немедленно, и предметъ переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. (Mommsen, Römsiche Geschichte, I, 73). Даръ въ случаѣ смерти, то есть, право дѣлать завѣщаніе, долгое время считался привилегіей римскаго солдата. Только солдатъ имѣлъ право дѣлать завѣщаніе въ присутствіи и съ согласія куріи, а позже центуріи, къ которой онъ принадлежалъ. (Mommsen, I, 73, 85). То же право распространено было безразлично на всѣхъ римскихъ гражданъ только законами XII таблицъ. (Mommsen, I, 404). Это была первая мѣра, подорвавшая родовыя имущества, до того времени представлявшіяся нераздѣльными.

[2]) Существовала еще одна сдѣлка, принимавшаяся римлянами за договоръ, подлежавшій вѣдѣнію судовъ, это—нарушеніе обѣщанія, даннаго отцемъ отдать въ замужство свою дочь. Но на такой актъ можно смотрѣть, какъ на договоръ въ такомъ только случаѣ, когда, какъ у римлянъ, отецъ семейства имѣетъ право располагать дѣтьми, какъ вещами.

[3]) Mommsen, I, 142. «Строгіе договоры на точныхъ условіяхъ и на непродолжительные сроки представляются дѣломъ щекотливымъ и затруднительнымъ для суда; къ тому же, они и встрѣчаются только въ развитыхъ и хорошо организованныхъ обществахъ, имѣющихъ власть, способную слѣдить за ихъ исполненіемъ. Взгляните ближе на гражданскую жизнь народовъ варварскихъ, или близкихъ къ варварству,— пробѣгите *Формулы Маркульфа*, всѣ почти встрѣчающіяся въ нихъ сдѣлки или отличаются быстрымъ, немедленнымъ исполненіемъ, или заключены навѣчно, или, по меньшей мѣрѣ, на всю жизнь. Договоры на ограниченное время встрѣчаются въ нихъ рѣдко; такъ какъ послѣдніе болѣе сложны, то они не были бы достаточно гарантированы». (Guizot, *Histoire de la civilisation en France*, III, 239).

которою они были одарены въ высшей степени. Они допускали только такія юридическія сдѣлки, которыя были очевидны сами собою. Они прекрасно понимали такіе простые акты, какъ даръ, ссуда обоихъ родовъ, прямая продажа, но судьи ихъ не знали, что̀ такое продажа въ кредитъ, а тѣмъ менѣе, запутанные договоры. Для нихъ вполнѣ яснымъ было только очевидное, какъ переходъ предмета изъ однѣхъ рукъ въ другія, а формальности, которыми они облекали такой переходъ, свидѣтельствуютъ объ отличавшемъ ихъ здравомъ смыслѣ.

Въ продажѣ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ у нихъ вѣсы для измѣренія условленнаго количества мѣди, и присутствіе свидѣтелей для подтвержденія правильности продажи, то есть, что предметъ и плата за него перешли изъ рукъ одной стороны въ руки другой.

Но они не могли ни представить себѣ, ни пріискать точную форму для сдѣлокъ, основанныхъ на взаимности, долгосрочныхъ и зависимыхъ отъ случайныхъ обстоятельствъ. Они не видѣли причины, почему такіе договоры были бы обязательны, а потому, и не признавали ихъ за акты раціональные. И если они допускали ихъ, то изъ одной терпимости и необходимости.

Но нельзя не сознаться, что если римляне были въ особенности требовательны относительно юридической логики въ сношеніяхъ между собой, то они далеко не были такъ взыскательны въ этомъ отношеніи, когда дѣло шло о союзникахъ или иностранцахъ. Такимъ образомъ, въ интересахъ торговли, они допускали *mutuum*, такую же ссуду, какъ и *pecuit*, но отличавшуюся отъ нея отсутствіемъ формальностей. Достаточно было, чтобы позаимствованная сумма перешла изъ рукъ въ руки [1]). Всѣ договоры, заключаемые между римлянами и итальянцами, поступали подъ охрану судовъ, между тѣмъ какъ это только отчасти соблюдалось для договоровъ между римскими гражданами.

Интересно прослѣдить, до какой степени новѣйшіе пра-

[1]) Mommsen, I, 146.

вовѣды упустили изъ виду эти различія между различными юридическими сдѣлками, впервые поставленныя римскимъ законодательствомъ, законодательствомъ, принятымъ за образецъ и правило новѣйшей юридической наукой.—Правовѣды, какъ и философы нашего времени, вообразили, что всѣ юридическія сдѣлки основаны только на одномъ договорѣ, или, другими словами, что всѣ онѣ суть не что иное, какъ видоизмѣненія договора; самый даръ, одинъ изъ простѣйшихъ актовъ, болѣе всего отличающійся отъ договора, причисленъ ими къ договорамъ [1]). Упущено было изъ виду, что точкой отправленія для римскаго законодательства послужилъ не договоръ, а даровая ссуда и даръ между живыми; что же касается договоровъ, то оно допускало только простѣйшіе, ссуду за процентъ и прямую продажу. Эти акты и представляютъ именно три главные типа сдѣлокъ въ частномъ правѣ.

Договоръ есть одно изъ важнѣйшихъ видоизмѣненій какъ частнаго, такъ и общественнаго права, но смотрѣть на него, какъ на единственный источникъ соціальныхъ отношеній, есть одна изъ тѣхъ односторонностей, которыя порожденны умозрѣніемъ, упустившимъ изъ виду другую сторону вопроса. Нельзя обобщать и распространять на всѣ случаи правило, приложимое только къ опредѣленному числу случаевъ.

Въ 17 вѣкѣ договоромъ старались объяснить нетолько всѣ отношенія между людьми, но Кокцей и его школа воображали даже, что сама религія не имѣетъ инаго основанія, какъ договоръ между Богомъ и человѣкомъ [2]).

Эти односторонности не могли существовать долго, и

---

[1]) Статья 894 Гражданскаго кодекса начинается: «Даръ между живыми есть актъ, которымъ, и проч,» Въ проектѣ этой статьи кодекса употреблено было слово *договоръ* вмѣсто *акта*, что служитъ доказательствомъ, что французскіе правовѣды сомнѣвались въ природѣ дара. (См. Les codes français expliqués par Rogron, I, 161). Но самъ Рогронъ доказываетъ, что даръ есть договоръ.

[2]) Англійскій парламентъ вмѣшался въ этотъ вопросъ, какъ позже другія законодательныя собранія вмѣшивались въ вопросы философіи права. Въ царствованіе Якова II палата лордовъ рѣшила большинствомъ 55 голосовъ противъ 46, что въ основаніи монархіи лежитъ договоръ, заключенный между королемъ и народомъ.

Лейбницъ одинъ изъ первыхъ поколебалъ вѣру во всемогущество договора. Въ концѣ послѣдняго вѣка ученіе объ общественномъ договорѣ снова приняло чрезмѣрное, и потому, ложное развитіе, но съ того времени оно нѣсколько ослабѣло.

Точка зрѣнія правовѣдовъ, что̀ касается до безграничнаго значенія, приписываемаго договору, можетъ быть до нѣкоторой степени оправдана однимъ только аргументомъ,— что во всякой юридической сдѣлкѣ являются двѣ стороны, приходящія къ соглашенію, совершенно такъ, какъ бываетъ при заключеніи договора. Но въ даровой ссудѣ и дарѣ соглашеніе это ограничивается принятіемъ для одной изъ сторонъ; въ нихъ нѣтъ и помину о взаимности. Послѣдняя, существуетъ только въ договорѣ. — Итакъ, между всѣми юридическими сдѣлками существуетъ то сходство, что онѣ могутъ заключаться не иначе, какъ между двумя сторонами, но обѣ стороны оказываются дѣятельными только въ договорѣ. — Въ прочихъ сдѣлкахъ одна только сторона бываетъ дѣятельной, другая же ограничивается исключительно пассивнымъ актомъ—принятіемъ.

Приведенное нами замѣчаніе касается, впрочемъ, только второстепенныхъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, имѣющихъ отношеніе къ праву. Существенное, отличительное свойство ихъ состоитъ въ трехъ различныхъ видахъ, въ которыхъ проявляется въ нихъ воля. Въ ссудѣ она не покидаетъ предмета, переходящаго въ руки другаго лица; въ дарѣ она покидаетъ его, а въ договорѣ она раздѣляетъ владѣніе предметомъ съ допущенной ею чужой волей. Но чтобы понять истинное значеніе каждаго явленія, относящагося къ человѣческому обществу, мы не имѣемъ инаго средства, какъ найти его отношеніе къ волѣ человѣка, ибо въ ней одной лежитъ главная причина, породившая эти явленія.

ГЛАВА III.

О нарушеніяхъ права.

Мы видѣли, что во внѣшнемъ своемъ проявленіи личное право ограничивается правомъ другихъ лицъ; ниже мы покажемъ, какъ измѣняется внутренняя его сила и значеніе, когда развитіе его останавливается другой идеей — идеей свободы. Намъ остается теперь разсмотрѣть различныя причины, искажающія право, или прекращающія его существованіе.

Однѣ изъ этихъ причинъ естественны, какъ уничтоженіе одного изъ факторовъ, объусловливающихъ право; другія вытекаютъ изъ заблужденій разума. Но причины, главнымъ образомъ подрывающія существованіе права, суть обманъ и насиліе, какъ явное, такъ и скрытое. Источникъ ихъ происхожденія находится внѣ области права; они проникаютъ въ нее, и нападаютъ на право одинъ — разсудочной своей стороной, другое — матерьяльными своими свойствами.

§ I. — объ уничтоженіи духовнаго начала въ правѣ.

Мы уже сказали, что человѣкъ можетъ извлечь свою волю изъ принадлежащаго ему предмета; но такъ какъ разумное начало само по себѣ неуловимо, то вслѣдствіе этого, актъ человѣческой воли, которымъ послѣдняя оставляетъ предметъ, не былъ бы признанъ другими людьми, еслибы онъ оставался неуловимымъ, или, еслибы, съ матерьяльной стороны права, объ этомъ не свидѣтельствовалъ какой либо очевидный признакъ. Но и самый признакъ этотъ нельзя было бы принимать за прямой результатъ удаленія разумнаго начала, такъ какъ матерьяльныя послѣдствія, вызываемыя послѣднимъ, могутъ длиться довольно долго.

Предметы, измѣненныя человѣкомъ и затѣмъ оставленные имъ, сохраняютъ еще нѣкоторое время слѣды испытаннаго ими измѣненія.

Частное право, лишившись духовнаго начала, прекращаетъ, правда, свое существованіе, такъ какъ одинъ изъ составля-

ющихъ его факторовъ исчезъ; но пока оно не измѣнилось внѣшнимъ образомъ, пока ничто не указываетъ на испытанное имъ измѣненіе, до тѣхъ поръ исчезновеніе въ немъ духовнаго начала не можетъ быть признано. Напротивъ того, пока замѣтны на предметѣ слѣды человѣческой дѣятельности, до тѣхъ поръ можно подозрѣвать существованіе права на него, ибо, по свойству разумной своей природы, человѣкъ не станетъ тратить свою дѣятельность безвозмездно, какъ это было бы, если бы онъ, безъ особаго побужденія, покидалъ результаты ея.

Но, по мѣрѣ того какъ слѣды этой дѣятельности изглаживаются, по мѣрѣ того какъ матерьяльная сторона права тоже исчезаетъ, прекращеніе права становится очевиднымъ, ибо въ такомъ случаѣ оба элемента, обусловливающіе его, не существуютъ болѣе.

Въ юриспруденціи это прекращеніе права получило названіе просрочки или давности. Послѣдняя не есть, поэтому, произвольная мѣра законодательства, разсчитанная единственно на томъ, чтобы избѣгнуть затрудненій, представляемыхъ юридическими тяжбами, какъ на нее обыкновенно смотрятъ, но основывается на внутренней природѣ права. Назначеніе ея состоитъ въ томъ, чтобы указать на прекращеніе права, вслѣдствіе исчезновенія его матерьяльнаго элемента, покинутаго еще ранѣе духовымъ началомъ.

Но если другое лицо приметъ на себя заботу о покинутомъ предметѣ, и предупредитъ его погибель, то предметъ этотъ обратится въ его собственность по истеченіи срока, въ который, безъ его заботъ, предметъ пришелъ бы въ совершенную негодность. Ибо, еслибы предметъ пришелъ въ свое первобытное естественное состояніе, то каждый человѣкъ могъ бы завладѣть имъ на основаніи права перваго занятія, а новый его владѣлецъ, наложивъ уже на него свою волю, при предположеніи, что предметъ былъ покинутъ, первый занялъ его послѣ того, какъ онъ былъ оставленъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ законодательствахъ, особенно новѣйшихъ, право давности слишкомъ уже ограничено; ему слѣдовало бы соотвѣтствовать времени, потребно-

му на то, чтобы слѣды, оставляемые на предметахъ трудомъ человѣка, настолько изгладились бы, что предметы возвратились бы въ то естественное состояніе, въ какомъ они находились до занятія ихъ человѣкомъ.

По той же самой причинѣ, давность естественно не можетъ быть одинакова во всѣхъ случахъ, ибо поземельная, напримѣръ, собственность возвращается въ первобытное или дикое состояніе по истеченіи болѣе значительнаго промежутка времени, чѣмъ то, какое необходимо для одичанія домашнихъ животныхъ или для совершеннаго разрушенія предметовъ, требовавшихъ незначительнаго труда.

Пока фактъ сохраненія или оставленія права прежнимъ владѣльцемъ не можетъ быть доказанъ или извѣстенъ, до тѣхъ поръ нельзя принимать права угасшимъ; оно представляется только сомнительнымъ. — Поэтому, давность прерывалась бы всякимъ положительнымъ и очевиднымъ заявленіемъ лица о своемъ правѣ. И должно согласиться, что распоряженія законодательства вообще слишкомъ стѣснительны въ этомъ отношеніи, и требуютъ исполненія такихъ формальностей, упущеніе которыхъ подрываетъ существованіе права.

§ II. — О РАЗРУШЕНІИ МАТЕРЬЯЛЬНАГО НАЧАЛА ВЪ ПРАВѢ.

Мы только что показали, что за исчезновеніемъ духовнаго начала въ правѣ слѣдуетъ полное уничтоженіе послѣдняго. Но право такимъ же точно образомъ перестаетъ существовать и при разрушеніе его матерьяльнаго начала. Такой случай встрѣтился бы, напримѣръ, еслибы какое нибудь имущество или заведеніе было разрушено водой или огнемъ, такъ что на немъ не осталось бы ни одного слѣда, который бы свидѣтельствовалъ о трудѣ человѣка. Еслибы, къ тому же, владѣлецъ не былъ въ состояніи доказать бывшаго своего права никакимъ видимымъ признакомъ или подтверждающимъ его документомъ, то въ правѣ его остался бы только духовный элементъ, что есть, воля человѣка, желающая сохранить предметъ. Но такъ какъ духовный принципъ въ своемъ отвлеченіи непонятенъ людямъ, то онъ и не былъ бы признанъ ими.

Свидѣтельство другихъ людей и особенныя доказательства разумѣется, могли бы подтвердить право бывшаго владѣльца.

Но это—случайныя или внѣшнія обстоятельства, которыя, могутъ встрѣтиться или не встрѣтиться. Они не неизбѣжно сопровождаютъ право, такъ какъ не вытекаютъ изъ его идеи, единственнаго источника явленій, относящихся къ праву. Свидѣтельство другихъ людей можетъ только подтвердить существованіе права, облечь его въ надлежащую достовѣрность, но тамъ, гдѣ нѣтъ права, оно не можетъ установить его, такъ какъ оно не можетъ создать никакого права. Въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, свидѣтельство должно имѣть въ виду охраненіе предмета отъ покушенія посторонняго лица, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о правѣ.

Если нѣтъ возможности привести ни существеннаго, ни даже внѣшняго подтвержденія въ пользу права, то мѣсто, на которомъ устроено было заведеніе, окажется вакантнымъ, и можетъ подлежать новому занятію. Вотъ какимъ образомъ утрата матерьяльнаго начала права ведетъ къ такому же полному разрушенію права, какъ и утрата духовнаго его начала.

§ III. — объ ошибкѣ.

При распоряженіи своимъ правомъ или при его употребленіи, человѣкъ можетъ быть введенъ въ заблужденіе по недостатку разсудительности.

Еслибы, по ошибкѣ, онъ отказался отъ своего права, то вернуть это рѣшеніе невозможно для него, ибо, если онъ разъ извлекъ свою волю изъ предмета, чтобы уступить мѣсто волѣ другаго человѣка, то уже не можетъ болѣе возвратить своего права. То же самое былобы, еслибы, по ошибкѣ, онъ заключилъ невыгодный договоръ, ибо въ такомъ случаѣ предметъ его права уже поступилъ въ общее владѣніе.

Такимъ образомъ, послѣдствіемъ ошибки является потеря права, но на это послѣдствіе слѣдуетъ смотрѣть, какъ на результатъ свободной воли, принадлежащей человѣку, результатъ, невыходящій изъ области права.

Соображенія о практической пользѣ подтверждаютъ вы-

воды, вытекающіе изъ идеи права. Для надежности совершаемыхъ сдѣлокъ необходимо, чтобы ни одна изъ сторонъ не могла, собственной волей, отказаться отъ факта, совершившагося на почвѣ права, подъ предлогомъ ошибки, такъ какъ послѣдняя нерѣдко ускользаетъ отъ оцѣнки и, къ тому же, подала бы поводъ къ нарушенію всякаго рода сдѣлокъ.

Но для ограниченія числа случаевъ, въ которыхъ подобныя ошибки могли бы имѣть самыя гибельныя послѣдствія, законодательства всѣхъ народовъ признаютъ дѣйствительными только дѣйствія человѣка, разумъ котораго получилъ полное свое развитіе, и находится въ нормальномъ и здоровымъ состояніи.

§ IV. — овъ обманѣ.

Всѣ видоизмѣненія, всѣ нарушенія даже права, которыя мы разсматривали до сихъ поръ, обусловливаются различными причинами, оказывающими вліяніе на волю человѣка, но всѣ они не выходятъ изъ области права.

Мы только что видѣли дѣйствіе ошибки, сдѣланной самимъ человѣкомъ; но человѣкъ можетъ быть введенъ въ ошибку и другимъ лицемъ, посредствомъ ложнаго представленія фактовъ.

Въ такомъ случаѣ сталкиваются два разсудка, изъ коихъ одинъ прибѣгаетъ къ внушеніямъ, основаннымъ на лжи и обманѣ, чтобы вызвать другой на поступокъ, о которомъ онъ не имѣетъ полнаго сознанія. Человѣкъ посягаетъ, такимъ образомъ, на право другаго лица посредствомъ нарушенія нравственнаго закона. Поэтому, обманъ представляется несравненно болѣе покушеніемъ противъ нравственности, чѣмъ покушеніемъ противъ разсудка другаго человѣка; вотъ почему обманъ лучше всего опредѣляется выраженіемъ — *нравственное насиліе.*

Лице, вытѣсненное изъ своего права обманомъ, разумѣется, будетъ стараться воротить его. Еслибы оно прибѣгло къ тѣмъ же средствамъ, которыя были употреблены противъ него, то это было бы не что иное, какъ отраженіе,

вытекающее изъ идеи справедливости. Такъ что, одно и то же дѣйствіе, которое представляется обманомъ относительно обиженнаго человѣка, получаетъ иной характеръ, когда оно является въ видѣ отпора.

Но лукавые пріемы, хотя бы они имѣли въ виду только возмездіе, противны человѣку, чувствующему свое собственное достоинство, и встрѣтили бы порицаніе съ нравственной точки зрѣнія. Кромѣ того, еслибы они перешли за извѣстную мѣру, то сами получали бы характеръ обмана. Вотъ почему такого рода отраженіе не можетъ быть терпимо обществомъ, которое одно только находится въ условіяхъ, необходимыхъ для безпристрастной оцѣнки всякаго нарушенія права.

§ V. — О НАСИЛІИ.

Только что разсмотрѣнныя нами причины, подрывающія право, имѣютъ только ограниченное дѣйствіе. При помощи благоразумія и предусмотрительности, человѣкъ вообще можетъ избѣгнуть ихъ. Совсѣмъ иное представляетъ насиліе, которое можетъ быть сдержано только силой.

Подъ именемъ силы слѣдуетъ разумѣть совокупность прирожденныхъ человѣку средствъ, которыми онъ можетъ вызывать физическія явленія и которыя онъ можетъ разширять и совершенствовать своимъ разумомъ. Съ этой точки зрѣнія, сила тѣсно связана съ правомъ, какъ и со всякою другою способностью человѣка, и нераздѣльна съ нимъ, пока остается въ области права и находится подъ контролемъ разума. Но какъ только она освободится изъ подъ его вліянія, то руководится уже однимъ только произволомъ, и тогда безпорядочною своею дѣятельностью она сталкивается съ правомъ другаго.

Такимъ образомъ, существуетъ сила правильно направляемая, служащая выраженіемъ права, и сила безпорядочная, которую называютъ насиліемъ. Она всегда сохраняетъ послѣднее значеніе, когда принимается въ противуположность праву. Насиліе можетъ быть оказываемо какъ противъ самого человѣка, такъ и противъ принадлежащихъ ему лич-

ныхъ и вещественныхъ правъ. Оно можетъ выказаться во многихъ формахъ и въ различныхъ степеняхъ, но во всѣхъ случаяхъ оно сохраняетъ ту отличительную черту, что нарушаетъ право.

Въ правильно устроенномъ обществѣ не дозволяется произвольное употребленіе силы; послѣдняя можетъ проявляться только въ границахъ, допускаемыхъ правомъ.

Но сила общественная можетъ оказаться недостаточной для удержанія въ должныхъ границахъ индивидуальныхъ силъ, или же само общество можетъ прибѣгнуть къ насилію противъ другаго общества. Въ такомъ случаѣ, движеніе всѣхъ соціальныхъ идей, какъ права, такъ и свободы, останавливается; на мѣсто ихъ становится физическая сила, которая и дѣлается единственной руководительницей общественныхъ отношеній.

Существовали первобытные народы, которые обращались къ силѣ для разрѣшенія вопроса, кому должна будетъ принадлежать власть въ супружескомъ союзѣ, мужчинѣ или женщинѣ [1]).

Мы можемъ оказать насиліе надъ нашимъ ближнимъ не-только прямымъ захватомъ его права, но и простымъ пользованіемъ нашимъ собственнымъ правомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пользованіе правомъ не можетъ простираться до дозволенія человѣку разрушить принадлежащее ему зданіе, если при этомъ насильственномъ разрушеніи послѣдуетъ вредъ для сосѣднихъ зданій и для проходящихъ людей.

Еслибы вода, протекающая чрезъ имѣніе, была отведена въ сторону, или остановлена, то земли, лежащія выше, были бы затоплены ею, а лежащія ниже сдѣлались бы безплодными за отсутствіемъ орошенія.

Разработка новыхъ земель начинается во многихъ мѣстно-

---

[1]) Слѣдующее мѣсто у Элія, приводимое Пуфендорфомъ, представляетъ примѣръ такого случая: «Если кто изъ нихъ (саксонцевъ) пожелаетъ избрать себу жену, то вступаетъ съ избранной дѣвушкой въ сраженіе; если она одержитъ верхъ, то беретъ его въ плѣнъ, и владѣетъ имъ, если же окажется слабѣе его, то подчиняется ему».

стяхъ тѣмъ, что зажигаютъ траву и лѣсъ; но огонь можетъ перейти на участки сосѣдей. Въ такомъ случаѣ, тоже былъ бы нанесенъ вредъ другимъ людямъ и ихъ имуществамъ, вслѣдствіе неограниченнаго пользованія правомъ.

Ясно, стало быть, что существенное свойство права состоитъ въ постоянномъ подчиненіи его разуму, нетолько при его возникновеніи, но и при пользованіи имъ.

Человѣкъ можетъ пользоваться своею дѣятельностью съ безграничной свободой въ такомъ только случаѣ, когда онъ находится въ условіяхъ одиночества. Въ обществѣ же дѣятельность его ограничивается столкновеніемъ съ другими людьми и ихъ правами.

Акты насилія могутъ быть одиноки, или производиться постоянно. Въ послѣднемъ случаѣ, сила оказалась бы побудительной причиной всѣхъ поступковъ. Разумное ея употребленіе состояло бы въ выборѣ опредѣленныхъ средствъ въ каждомъ данномъ случаѣ и въ вѣрномъ разсчетѣ для достиженія цѣли.

Допущеніемъ такой побудительной причины для всѣхъ поступковъ былъ бы отстраненъ всякій разумный или нравственный принципъ, такъ какъ, вмѣсто результатовъ и явленій, порождаемыхъ идеями, мы имѣли бы только явленія, порожденныя физической силой.

§ VI. — о кражѣ.

Такъ какъ правильно организованное общество не допускаетъ открытаго насилія, то въ немъ совершаются дѣйствія, имѣющія въ виду достигнуть той же цѣли тайными средствами. Вытекающее изъ этого нарушеніе права называется *кражей*. Матерьяльныя слѣдствія кражи тѣ же, что̀ и насилія, и первая отличается отъ послѣдняго только употребленными средствами. Физическое насиліе представляетъ нарушеніе закона; — то же самое и съ кражей. Только первое есть открытое его нарушеніе, между тѣмъ какъ воръ главнымъ образомъ старается уйти отъ закона, и пользоваться своей добычей въ тайнѣ. Кража отличается этой послѣдней чертой и отъ нравственнаго насилія, тоже разсчитывающаго увер-

нуться отъ закона или обойти его, но съ тѣмъ, чтобы пользоваться открыто полученными результатами.

Вотъ почему нравственнымъ или физическимъ насиліемъ слѣдовало бы считать только открыто совершенныя дѣйствія; всѣ же, совершенныя тайно, имѣютъ характеръ кражи, хотя бы, по обычаю, имъ и не давали этого названія.

Различные случаи, разрушающіе право, могутъ быть раздѣлены на двѣ групы. Первая заключаетъ въ себѣ три первыя категоріи этихъ случавъ, то есть, случаи уничтоженія того или другаго существеннаго принципа права, и ошибки. Всѣ они происходятъ въ области права, и остаются въ ней. Вторая група содержитъ въ себѣ случаи трехъ послѣднихъ причинъ, нарушающихъ право, нравственнаго или физическаго насилія и кражи. Они возникаютъ внѣ области права, и проникаютъ въ нее со стороны. Дѣятельность общества, стремящаяся охранить право отъ всѣхъ этихъ покушеній того и другаго порядка, имѣетъ въ своемъ основаніи, какъ мы покажемъ ниже, идею справедливости, но она, тѣмъ неменѣе, раздваивается, смотря по тому, къ какому порядку она относится.—Часть ея, остающаяся на почвѣ права, опирается на гражданское законодательство, другая—на законодательство уголовное.

Такъ какъ основа всякаго положительнаго права есть право перваго занятія, то изъ этого слѣдовало бы, что еслибы переходъ предметовъ изъ рукъ въ руки совершался постоянно юридическимъ путемъ, то всякое положительное право въ концѣ концевъ опиралось бы на первое занятіе, совершенно согласно съ идеей права, то есть, безъ подрыва самого себя посягательствомъ на право другаго лица.

Но мы уже видѣли, что право можетъ подвергаться различнаго рода нарушеніямъ, такъ что входящія въ него явленія и предметы нерѣдко оказываются искаженными, и носятъ на себѣ слѣды обмана и насилія.

Еслибы можно было добраться до начала каждаго права, и прослѣдить за всѣми переходами его впродолженіи столѣтій, то вѣроятно весьма немногія изъ нихъ оказались бы вполнѣ

чистыми отъ всякаго обмана и насилія, или свободными даже даже отъ ошибокъ.

Весьма значительное число правъ въ дѣйствительности никогда не осуществлялось по той причинѣ, что лица, которымъ они принадлежали, не пользовались ими, то по невѣдѣнію, то вслѣдствіе какихъ либо препятствій. Законодательство всѣхъ народовъ охраняетъ освободившіеся изъ владѣнія предметы, но только ограниченное время, и по прошествіи опредѣленнаго срока, оставленное имущество переходитъ во владѣніе другаго лица, что̀ можетъ быть согласно съ закономъ, но можетъ быть оспориваемо съ точки зрѣнія права.

Несовершенство права можетъ еще вытекать изъ недоразумѣній и неразрѣшимыхъ противурѣчій, встрѣчающихся въ дарѣ, завѣщаніи, договорѣ, или во всякомъ другомъ выраженіи воли, въ особенности же въ самомъ законѣ. Мы только что перечислили нарушенія, испытываемыя правомъ и лишающія его принадлежащихъ ему характеристическихъ свойствъ. Но замѣчательно, что несовершенства права представляютъ ступени, и что есть различіе между несовершенствомъ, вызываемымъ въ немъ ошибкой, недоразумѣніемъ и другими обстоятельствами, независимыми отъ человѣческой воли, и несовершенствомъ, вытекающимъ изъ обмана и насилія. Только послѣдніе искажаютъ право, примѣшивая къ нему несовмѣстные съ нимъ элементы.

Тѣмъ неменѣе, если права искажаются, то они могутъ быть и возстановлены во всей своей цѣлости при содѣйствіи исправленій, производимыхъ нерѣдко однимъ только временемъ. Искаженное право, довѣрчиво принимаемое новымъ владѣльцемъ, получаетъ, что̀ касается до послѣдняго, характеръ настоящаго права, и затѣмъ, переходитъ изъ рукъ въ руки возстановленнымъ, по крайней мѣрѣ съ виду. Такъ какъ искажавшіе его обстоятельства и факты, со временемъ, прекращаютъ свое существованіе, на самомъ ли дѣлѣ, или потому что исчезнутъ изъ памяти людей, то исчезаетъ и всякое доказательство несовершенства права, и оно будетъ казаться совершеннымъ въ глазахъ людей. И еслибы оно не было такимъ въ дѣйствительности, то въ такомъ случаѣ истина будетъ такъ же не-

доступна для человѣка, какъ и множество другихъ истинъ, находящихся предъ его глазами. Для человѣка право уже довольно дѣйствительно, если оно не противурѣчитъ совершенному, или по крайней мѣрѣ установившемуся праву по тому же предмету.

Законодательства всѣхъ народовъ имѣютъ цѣлью удалить несовершенство или неправильность, представляемыя положительными правами. Но если право не установилось еще на самомъ дѣлѣ, то законодательство можетъ только дать несовершенному праву видъ совершеннаго. Это достигается слѣдующими мѣрами:

Поддержаніемъ въ извѣстныхъ случаяхъ владѣнія фактическаго, хотя и сомнительнаго съ точки зрѣнія права;

Ограниченіемъ естественнаго срока давности, и

Предположеніемъ добросовѣстности въ томъ случаѣ, когда нѣтъ средствъ доказать противнаго.

Весьма нерѣдко недобросовѣстность или злыя намѣренія существуютъ, но не могутъ быть доказаны; для достиженія послѣдняго было бы необходимо, чтобы человѣкъ имѣлъ способность знать и раскрывать сокровеннѣйшія намѣренія своего ближняго, что̀ ему рѣшительно недоступно. Такой пріемъ законодательства искажаетъ право болѣе, чѣмъ всякій другой, потому что онъ выдаетъ за несомнѣнное даже такое право, о которомъ есть поводъ думать совершенно противное.

Еслибы законодательство не регулировало права, даже искаженнаго обманомъ и насиліемъ, то множество случаевъ не могло бы быть разрѣшено, или о нихъ постоянно подымался бы вопросъ. Такъ какъ истина не можетъ быть всегда обнаружена, то она оцѣнивается, согласно съ законами, одинаково дѣйствительными для всѣхъ сходныхъ случаевъ. Этою то стороной право попадаетъ главнымъ образомъ подъ удары законодательства.

Эти соображенія, вызванныя необходимостью и пользой, не могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія права. Ибо, поставивъ на одну доску настоящее право съ правомъ, основаннымъ на принципахъ, разрушающихъ право, какъ обманъ и насиліе, мы уничтожаемъ различіе между дѣйствительнымъ и

ложнымъ правомъ, и смѣшиваемъ ихъ. Но несовершенство всего, созданнаго человѣкомъ, побуждаетъ прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ. Есть случаи, которые могутъ быть рѣшены съ надлежащей достовѣрностью не иначе, какъ обращеніемъ къ происхожденію права, хотя бы оно терялось во мракѣ временъ, или хотя бы дѣло шло о возстановленіи истинныхъ намѣреній людей, принадлежащихъ къ давнопрошедшимъ поколѣніямъ. Смутность, противурѣчіе, представляемыя вопросомъ права, могутъ окружить его такимъ мракомъ, что умъ человѣческій уже не въ состояніи отличить въ немъ истины отъ лжи, существенное отъ побочнаго.

Въ такихъ случаяхъ, право неизбѣжно становится сомнительнымъ, и такъ какъ правильное рѣшеніе стало невозможнымъ, то оно будетъ зависѣть отъ случайныхъ обстоятельствъ; но это значило бы подвергать себя неизвѣстности. Если при такихъ условіяхъ судъ натолкнется на истину, то это будетъ только счастливой случайностью. Между тѣмъ, истина, тѣмъ неменѣе, существуетъ, но только трудно раскрыть ее.

Такимъ образомъ, рядомъ съ правомъ, вытекающимъ изъ идеи права, возникаетъ право, основывающееся на законѣ; или, другими словами, несовершенное право, освященное закономъ, отожествляется съ совершеннымъ правомъ.

Нѣтъ болѣе высокой цѣли для соціальной науки, какъ указаніе различій, существующихъ между совершеннымъ правомъ и различными видами несовершеннаго права. Оно достигаетъ этого открытіемъ путей, по которымъ направляется идея права, если никакой посторонній принципъ не отклоняетъ ее въ сторону. Мы научаемся такимъ образомъ отличать явленія, вызываемыя собственно правомъ, и оцѣнять видоизмѣняющія ихъ условія, приходящія извнѣ.

ГЛАВА IV.

Правосудіе.

§ I. — объ идеѣ правосудія.

Мы объяснили происхожденіе личнаго или частнаго права, порождаемыя имъ сдѣлки и нарушенія, которымъ оно подвер-

гается, но мы не указали еще на причину, обезпечивающую прочность права и уваженіе къ нему. Человѣкъ не находится въ независимомъ положеніи относительно окружающихъ его вещественныхъ предметовъ; онъ сталкивается съ дѣятельностью въ томъ же направленіи другихъ людей. Возникающія вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ отношенія между людьми представляютъ двѣ стороны:

Или человѣкъ продолжаетъ настаивать предъ прочими людьми на своемъ превосходствѣ надъ вещественными предметами; или же онъ признаетъ, что и ближніе его тоже одарены такимъ же превосходствомъ, и заключаетъ изъ этого, что всѣ люди одинаково одарены способностью установлять право.

Первый случай представляется, если люди, въ своихъ воззрѣніяхъ на право, приписываютъ ему такое незыблемое значеніе, что считаютъ его неизменнымъ, въ какихъ бы условіяхъ ни находился предметъ, къ которому относится право. Съ этой точки зрѣнія, оно продолжается, хотя бы даже предметъ, напримѣръ питательныя вещества, перейдя въ тѣло другаго человѣка, превратился въ сущность послѣдняго. Вслѣдствіе этого, человѣкъ, преслѣдующій свое право въ тѣлѣ другаго человѣка, полагаетъ, что получилъ относительно послѣдняго такое же превосходство, какое получаетъ посредствомъ права надъ всѣми предметами. Измѣняется только предметъ права: вмѣсто вещественныхъ предметовъ, животныхъ и собственнаго тѣла, дѣло идетъ о другихъ человѣческихъ существахъ. Это существенное различіе придаетъ идеѣ права новый характеръ, и обозначаетъ ее новымъ названіемъ—названіемъ *власти*. Моментъ, въ который дѣятельность идеи права измѣняетъ предметъ, служитъ точкой отправленія для движенія, значеніе котораго отличается отъ идеи собственнаго такъ называемаго права. Появляется новая идея — *идея власти*. Исторія показываетъ, что у нѣкоторыхъ народовъ идея права дѣйствительно достигала до такихъ крайнихъ послѣдствій, и что при общественномъ зарожденіи почти всѣхъ народовъ, впродолженіи болѣе или менѣе длинной эпохи, идея эта принималась, если не въ такомъ крайнемъ, то все же въ чрезвычайно строгомъ смыслѣ.

Второй случай порождаетъ другую идею — *правосудія*. Если человѣкъ доходитъ до сознанія, что ближній его обладаетъ такимъ же, какъ и онъ, превосходствомъ надъ всѣми земными созданіями, то онъ перестаетъ считать одареннымъ только себя этимъ превосходствомъ, и признаетъ его за всѣми людьми. Отсюда вытекаетъ принципъ, что всѣ люди одинаково способны установлять право, и пользоваться имъ. Равенство духовныхъ способностей человѣка относительно матерьяльнаго міра признано.

Такимъ образомъ, равенство это означаетъ, что всѣ люди одарены разсудочнымъ началомъ, которое всѣмъ имъ даетъ превосходство надъ прочими земными твореніями, и дѣлаетъ ихъ способными достигнуть сознанія о своемъ превосходствѣ.

Діалектическое развитіе мысли, вытекающей изъ этого положенія и указывающей на его приложеніе, даетъ начало *идеѣ правосудія*. Къ изслѣдованію этой идеи мы приступимъ, отложивъ анализъ идеи власти до слѣдующей главы.

Равенство духовнаго начала людей, разсматриваемое, какъ слѣдствіе умственнаго ихъ превосходства, имѣетъ двойное значеніе. Въ одномъ случаѣ, оно принимается только относительно внѣшнихъ предметовъ, и порождаетъ *идею правосудія*. Въ другомъ случаѣ, оно принимается относительно самихъ людей, и означаетъ тогда, что они одарены одинаковымъ духовнымъ достоинствомъ относительно другъ друга. Въ этомъ состоитъ раціональное начало *идеи свободы*. Слѣдствіемъ этого вывода, логическое основаніе котораго мы изложимъ ниже, является принципъ, что право человѣка не можетъ развиваться неопредѣленно въ ущербъ прочимъ людямъ, до того, чтобы лишить ихъ наконецъ свободной воли.

Различіе между предметами идеи справедливости и предметами идеи свободы ведетъ логическимъ путемъ къ различнымъ послѣдствіямъ; — вслѣдствіе чего обѣ идеи становятся во взаимное противурѣчіе. Діалектическое развитіе одной направляется къ предметамъ права, и сливаясь съ ними, предохраняетъ ихъ отъ всякаго покушенія; развитіе другой идетъ навстрѣчу идеѣ права, чтобы остановить ее на различныхъ ступеняхъ развитія.

Право и справедливость, какъ идеи и какъ общественныя явленія, находятся въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ. Идея права опирается на превосходство человѣка, разсматриваемаго отдѣльно, относительно матерьяльнаго міра; идея справедливости обобщаетъ этотъ принципъ признаніемъ превосходства за всѣми людьми. Съ точки зрѣнія права превосходство это признается за тѣмъ или за другимъ лицемъ, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія справедливости оно одинаково признается за всѣми лицами.

Что́ касается до явленій, вытекающихъ изъ обѣихъ идей, то между ними существуетъ то отношеніе, что идея права порождаетъ извѣстные результаты, а идея справедливости стремится закрѣпить и предохранить ихъ отъ всякаго покушенія, при содѣйствіи учрежденій законодательныхъ и судебныхъ.

Представленіе объ одинаковомъ духовномъ достоинствѣ людей, разсматриваемое нетолько въ смыслѣ свободы, но и въ смыслѣ справедливости, доходитъ до всеобщаго сознанія крайне медленно, какъ результатъ умственнаго и нравственнаго развитія, составляющаго часть того цѣлаго, которое называется цивилизаціей. Въ первобытномъ состояніи общества люди смотрятъ на вещи только съ личной точки зрѣнія, и не обращаютъ вниманія на точку зрѣнія другихъ людей. Они заняты исключительно собственными своими интересами, и не думаютъ подняться до общихъ соображеній. Такая среда въ высшей степени благопріятна для развитія идеи права въ исключительномъ смыслѣ. Индивидуальное право вождя разширяется въ такомъ случаѣ до того, что поглощаетъ права прочихъ людей, или вѣрнѣе, не даетъ достаточно простора для ихъ развитія. Личность его стоитъ до такой степени выше прочихъ членовъ общества, что и не мыслимъ какой либо принципъ о равенствѣ между ними съ какой бы то ни было точки зрѣнія. При такихъ условіяхъ, ни идея свободы, ни идея справедливости не могутъ принять правильнаго развитія и прочности, потому что принципъ, служащій основой для нихъ, или не допускается вовсе, или допускается въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ.

Въ нѣкоторыхъ обществахъ такое состояніе не измѣнилось со времени появленія ихъ въ исторіи; другія общества достигаютъ мало по малу до сознанія, что всѣ люди одарены однимъ и тѣмъ же духовнымъ началомъ, и что съ этой точки зрѣнія, всѣмъ имъ принадлежитъ одинакое превосходство относительно вещественнаго міра. — Только съ этой минуты идея справедливости можетъ возникнуть въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ.

Такъ какъ идея правосудія состоитъ въ признаніи одинаковаго духовнаго достоинства за каждымъ человѣкомъ, то и проявленіе этой духовности, дѣйствія людей, тоже должны имѣть, согласно съ справедливостью, одинакое достоинство. Дѣйствіе есть не что иное, какъ движеніе человѣческаго тѣла, согласное съ одущевляющею его волей. А такъ какъ тѣло человѣка, съ той точки зрѣнія, съ которой мы до сихъ поръ смотрѣли на него, есть личное право, которому вещественныя права даютъ болѣе широкое развитіе, то одинаковое достоинство дѣйствій означаетъ одинаковую способность пользоваться правами, разширять ихъ, или пріобрѣтать новыя.—Такимъ образомъ, существенный принципъ идеи правосудія, въ практическомъ примѣненіи, ведетъ къ матерьяльному неравенству. Въ силу свойственнаго всѣмъ людямъ превосходства, каждый человѣкъ имѣетъ одинаковую способность установлять права; но такъ какъ способностью этою приходится пользоваться при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, то изъ этого выходитъ, что одни люди пріобрѣтаютъ больше правъ или болѣе широкія права, чѣмъ другіе.—Сопровождающая всѣ эти явленія справедливость приводитъ къ матерьяльному неравенству, хотя сама она вышла изъ принципа равенства духовнаго. Но и поддерживая это неравенство, она все таки не уклоняется отъ своего основнаго принципа, такъ какъ она ограничивается охраненіемъ пріобрѣтеній и сдѣлокъ, совершенныхъ правильнымъ юридическимъ путемъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что если человѣкъ, развитіемъ своей личности, или пользованіемъ своими личными или вещественными правами, приходитъ въ столкновеніе съ другой сферой частныхъ правъ, то справедливость не позволяетъ ему при-

бѣгнуть къ силѣ для вступленія въ эту чужую сферу, такъ какъ нападеніе на личность другаго человѣка противурѣчило бы идеѣ одинаковаго достоинства обѣихъ. Дѣятельность, вытекающая изъ пользованія человѣческими способностями, держится, такимъ образомъ, въ извѣстныхъ границахъ, а правосудіе побуждаетъ человѣка уважать эти границы, хотя бы страсти и желанія и искушали его переступить за нихъ.— Вотъ какимъ образомъ идея правосудія постоянно сдерживаетъ порывы страсти и звѣрской силы, побуждающіе къ непризнанію чужаго права.

§ II.—о различныхъ видоизмѣненіяхъ идеи правосудія.

Пока правосудіе существуетъ только въ формѣ идеи, болѣе или менѣе ясно сознаваемой человѣкомъ, до тѣхъ поръ оно остается субъективнымъ, то есть, такимъ, какъ оно понимается каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ.

Чтобы при такихъ условіяхъ идея правосудія могла имѣть общее значеніе для общества, для этого необходимо, чтобы всѣ люди одинаково понимали ее, и добровольно подчинялись ей. Предоставить же на произволъ каждаго человѣка толкованіе правосудія и пользованіе имъ невозможно безъ того, чтобы не послѣдовало анархіи. Опытъ показалъ необходимость, чтобы само общество взяло на себя заботу объ опредѣленіи идеи правосудія, что̀ и совершается имъ при содѣйствіи *законодательства*.

Поэтому, законодательство есть не что иное, какъ совокупность правилъ, указываемыхъ идеей правосудія для утвержденія права, охраненія основанныхъ на немъ дѣйствій и недопущенія такихъ, которыя не опираются на право. Такъ какъ идея правосудія останавливается на внѣшнихъ проявленіяхъ права, то законодатели и слѣдуютъ этому пути, указывая границы, въ которыхъ можно пользоваться различными правами, и установляя правила и гарантіи для порождаемыхъ ими сдѣлокъ.—Если же законодательства представляютъ различія по этимъ пунктамъ, то это объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что само значеніе права измѣняется, смотря по времени и мѣсту, такъ что правосудіе, слѣдуя за внѣш-

ними его проявленіями, тоже измѣняется; а во вторыхъ, тѣмъ, что справедливость нерѣдко понимается весьма несовершенно, и толкуется въ различномъ смыслѣ. Видоизмѣненія, представляемыя правосудіемъ въ первомъ случаѣ, вытекаютъ изъ самой его сущности, между тѣмъ какъ вторыя суть слѣдствія несовершенства, свойственнаго всему человѣческому.

По мѣрѣ того какъ представляются случаи, уже рѣшенные законодательствомъ, послѣднее примѣняется къ нимъ, что̀ достигается при содѣйствіи *судебныхъ учрежденій*, которыя на обыкновенномъ языкѣ называются *судомъ*.—Принятое въ настоящемъ смыслѣ слово это означаетъ, что справедливость примѣняется къ дѣйствительности.

Законодательныя и судебныя отправленія производятся общественной властью по той причинѣ, что хотя идея правосудія, какъ мы уже замѣтили, и отличается отъ идеи власти, тѣмъ неменѣе, ей не было бы возможности осуществиться въ видѣ законодательства и суда иначе, какъ при посредствѣ власти.

Изъ одинаковаго духовнаго достоинства людей вытекаетъ, что никто не можетъ присвоить себѣ исключительнаго пользованія какимъ либо разумнымъ принципомъ, и если кто присвоитъ себѣ таковый, то и другіе люди могутъ сдѣлать то же, по крайней мѣрѣ, насколько это будетъ зависѣть отъ нихъ. Такимъ образомъ, всякое дѣйствіе заранѣе оправдываетъ отраженіе зла зломъ, и ведетъ къ дальнѣйшему послѣдствію—вознагражденію за добро добромъ.

Фаза, въ которую входитъ идея правосудія въ такомъ случаѣ, называется *расправой*.

Различные виды идеи правосудія, согласно съ изложеннымъ, могутъ быть приведены къ слѣдующимъ положеніямъ:

Въ началѣ идея правосудія является, въ теоріи—въ видѣ *законодательства*, и въ приложеніи — въ видѣ *судебныхъ учрежденій*.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи идея правосудія порождаетъ идею *расправы*. И наконецъ, она видоизмѣняется вслѣдствіе столкновенія съ идей *равноправности*. Но съ этой точ-

ки зрѣнія мы не можемъ разсмотрѣть ее ранѣе, какъ во главѣ, въ которой будемъ говорить объ общественномъ порядкѣ, вытекающемъ изъ свободы.

§ III.—овъ обычаяхъ и законахъ.

Въ обществѣ, въ которомъ права людей соприкасаются всѣми своими сторонами, пользованіе правами порождаетъ различнаго рода запутанности и столкновенія, еще болѣе осложняющіяся вслѣдствіе врожденнаго стремленія человѣка къ упроченію и разширенію своихъ преимуществъ. Во всѣ времена старались предупредить эти столкновенія, угрожающія всякому обществу разложеніемъ и анархіей, удерживая личныя дѣйствія въ опредѣленныхъ границахъ, которыя представляли бы имъ достаточный просторъ, но не допускали бы ихъ до столкновенія.

Съ этою цѣлью устанавливаются законы, обязательные для всѣхъ. Они могутъ имѣть въ виду одно только охраненіе извѣстнаго внѣшняго порядка, подобно законамъ, слывущимъ въ цивилизованномъ обществѣ подъ именемъ полицейскихъ или административныхъ постановленій, или подобно уставамъ, составляемымъ для отдѣльныхъ корпорацій или сословій, какъ военное, духовное, ремесленное. Въ такомъ случаѣ, они будутъ имѣть то значеніе, какое будетъ имъ придано законодательною властью. Не имѣя объективной основы, постановленія эти могутъ измѣняться по волѣ законодателя, но они только искуственно могутъ охватывать сложныя отношенія, порождаемыя правомъ.

Послѣднія представляются объективнымъ результатомъ идей, развитіе которыхъ независимо ни отъ какого личнаго взгляда или мнѣнія. Такъ что, для установленія законовъ, которые логически примѣнялись бы ко всѣмъ соціальнымъ отношеніямъ, необходимо уловить породившее ихъ діалектическое развитіе мысли.

Дѣло идетъ, стало быть, о пріисканіи принципа, который охватывалъ бы всѣ соціальныя отношенія и всѣ порождаемыя ими дѣйствія. Но идея правосудія прилагается ко всѣмъ дѣй-

ствіямъ, принадлежащимъ къ области права, такъ какъ сама она есть не что иное, какъ одна изъ фазъ идеи права.

Основной принципъ идеи справедливости, духовное равенство людей относительно вещественныхъ предметовъ, принятый какъ простая общая формула, не можетъ быть признанъ за правило для дѣйствій человѣка. Но этотъ принципъ порождаетъ множество второстепенныхъ идей и требованій, которыя, подъ именемъ законовъ и постановленій, прилагаются ко всѣмъ случаямъ, относящимся къ области права.

Изъ этого слѣдуетъ, что законодательство можетъ выразить болѣе или менѣе совершенно идею справедливости въ такомъ только случаѣ, если законодатель получитъ о ней вѣрное представленіе. Различіе между законодательствомъ, такъ сказать, инстинктивнымъ, слагающимся самимъ собою среди народа, и законодательствомъ съ опредѣленною цѣлью, въ которомъ законодатель сознаетъ свою задачу, обозначается двумя словами: *обычаемъ* и собственно такъ называемымъ *законодательствомъ*.

Обычай соотвѣтствуетъ первобытному состоянію общества, въ которомъ идеи права уже установлены, но не прошли еще въ сознаніе. Потребность въ опредѣленныхъ правилахъ для поступковъ уже чувствуется, но люди не умѣютъ еще подвести эти поступки подъ общую точку зрѣнія, и распредѣлить ихъ по категоріямъ. Вышедшее изъ самого народа, соотвѣтствующее его возрѣніямъ и образу жизни, обычное право устанавливаетъ прежде всего правила для всеобщей жизни. Таково происхожденіе обрядовъ, сопровождающихъ явленія ежедневной жизни, обѣдъ, вставаніе утромъ, отходъ ко сну, или тѣхъ, которые повторяются въ извѣстное время года, какъ жатва, посѣвъ, и проч., и наконецъ, относящихся къ главнѣйшимъ событіямъ жизни, какъ рожденіе, смерть, бракъ, избраніе состоянія. Когда человѣкъ пріучился съ дѣтства слѣдовать извѣстному порядку, служившему правиломъ для его поведенія, то онъ предпочитаетъ его всякому другому, ибо соблюденіе этого правила не стоитъ ему никакихъ усилій.

Извѣстная правильность въ ежедневной жизни называет-

ся *нравами*. Обычай охватываетъ нравы, но простирается также и на представляющіеся новые, или болѣе сложные случаи. Онъ можетъ тогда принять такое развитіе, что получитъ видъ всесторонняго законодательства [1]). Если это случится въ обществѣ, въ которомъ письмо еще неизвѣстно или слабо распространено, то обычаи нерѣдко укладываются въ стихи для удобнѣйшаго удержанія ихъ въ памяти [2]).

Правила, традиціонно установляемыя преданіемъ, имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что въ случаѣ отмѣны, ихъ нечѣмъ было бы замѣнить. Ибо не одно и то же — начать съ установленія правилъ для самыхъ простыхъ дѣйствій, и затѣмъ послѣдовательно перейти къ болѣе сложнымъ и разнообразнымъ, или разомъ установить на какомъ либо общемъ воззрѣніи цѣлую систему законодательства. По этой причинѣ, обычаи болѣе прочны, чѣмъ законы, ибо привычки ежедневной жизни, неизмѣнно дѣйствуя на склонности и характеръ человѣка, тѣмъ самымъ сливаются съ самимъ его существованіемъ [3]).

Такъ какъ правильность въ ежедневныхъ поступкахъ мало по малу пренебрегается, и уступаетъ мѣсто болѣе широкой свободѣ, то обычаи изглаживаются, и одни законы становятся руководствомъ для поведенія. Тогда законодательство старается болѣе подробными распоряженіями замѣнить исчезнувшіе обычаи.

Если законъ выраженъ несовершенно, или представляетъ противурѣчіе, то онъ разъясняется. Такъ какъ законъ, подобно всякому выраженію духа, имѣетъ свою духовную и свою матерьяльную сторону, (послѣдняя выражается въ немъ изустно или письменно), то при толкованіи его можно держаться той или другой изъ этихъ сторонъ; но во всѣ времена пра-

---

[1]) Въ Англіи, въ противуположность уставному праву *(statute-law)*, новѣйшее обычное право *(common-law)* основывается на обычаѣ. *(Lehrbuch des Naturrechts, von Hugo,* 12).

[2]) Извѣстно, что многіе народы прибѣгали къ подобному средству. Маршанжи говоритъ, что въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи такіе стихи публично словесно предавались стариками еще въ XIV вѣкѣ.

[3]) Народъ знаетъ, любитъ и защищаетъ лучше свои обычаи, чѣмъ свои законы. *(De l'Esprit des Lois par Montesquieu*, t. I, p. 286).

вовѣды расходились по вопросу, какой изъ двухъ этихъ сторонъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе.

Какъ матерьяльная, такъ и духовная сторона закона, имѣютъ свое относительное достоинство, ибо, если слова и буквы имѣютъ значеніе только вслѣдствіе мысли, выражаемой или, то послѣдняя, съ своей стороны, можетъ быть выражена неиначе, какъ при содѣйствіи словъ и буквъ. Мы показали уже, что законъ, въ самомъ возвышенномъ своемъ смыслѣ, есть выраженіе идеи справедливости. Но еслибы даже онъ не выразилъ ее совершенно, послѣдняя тѣмъ неменѣе была бы обязательна по той причинѣ, что законы, какъ правила, предписанныя для положительныхъ и объективныхъ поступковъ, всегда отличаются болѣе широкимъ взглядомъ, чѣмъ простая субъективная справедливость, представляющая исключительно личное воззрѣніе.

По той же самой причинѣ, такое же предпочтеніе слѣдовало бы отдать и буквѣ закона, еслибы она оказалась въ противурѣчіи съ общей мыслью, потому что объективное достоинство буквы закона отличается большей положительностью, и менѣе подвергается опроверженіямъ, чѣмъ субъективное толкованіе абстрактной мысли.

Естественнымъ слѣдствіемъ изъ сказаннаго нами оказывается, что духъ нетолько не удержалъ бы за собой своего превосходства относительно матеріи, но, напротивъ того, находился бы въ подчиненіи ей. Но если общественныя охраны и оказались бы въ такомъ случаѣ матерьялизованы, онѣ, тѣмъ неменѣе, сохранили бы за собой характеръ *объективности*, опровергать который не могло бы субъективное толкованіе.

Итакъ, отдать предпочтеніе той или другой точкѣ зрѣнія одинаково ведетъ къ несовершенству. А между тѣмъ, подобное предпочтеніе необходимо, какъ неизбѣжное слѣдствіе другаго несовершенства — несовершенства закона.

Какъ бы то ни было, все вышеизложенное одинаково примѣняется къ дару, къ договору и ко всякому иному проявленію человѣческой воли, въ которомъ смыслъ и буква находятся въ противурѣчіи.

Но если мнѣнія расходятся по этому вопросу, то съ дру-

гой стороны, всѣ публицисты согласны между собой, что не слѣдуетъ давать законамъ обратнаго дѣйствія [1]). Вопросъ этотъ подлежитъ разсмотрѣнію съ двухъ точекъ зрѣнія. Съ одной изъ нихъ, онъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Еслибы законы были настоящимъ выраженіемъ идеи справедливости, то они нетолько могли бы, но и должны были бы имѣть дѣйствіе на прошедшіе поступки. Такъ какъ идея правосудія управляетъ всѣми юридическими дѣйствіями, то и законамъ слѣдовало бы охватывать всѣ такія дѣйствія, прошедшія, настоящія и будущія. Но законы не выражаютъ идею справедливости совершеннымъ образомъ, и нерѣдко служатъ орудіемъ для частныхъ цѣлей и личныхъ интересовъ; поэтому, они тѣмъ болѣе оказались бы произвольными и стѣснительными, что вмѣсто того чтобы служить руководствомъ только для будущаго, они оказывали бы дѣйствіе и на прошедшее. Очевидная возможность такого злоупотребленія и была причиной единодушнаго воззрѣнія на правило, чтобы ни въ какомъ случаѣ не допускать въ законодательствѣ обратнаго дѣйствія.

Тѣмъ неменѣе, та и другая сторона этого воззрѣнія все же не охватываютъ всего вопроса.

---

[1]) Императоръ Константинъ и Юстиніанъ отклонялись отъ этого правила; Юстиніанъ, желая съ виду согласоваться съ нимъ, повелѣлъ, чтобы уставы (новеллы) съ обратнымъ дѣйствіемъ считались обнародованными въ прежнюю эпоху (см. новеллы 118, с. 6 и 127, с. 1).

Лордъ Баконъ оправдываетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обратное дѣйстіе законовъ: «Поэтому, въ случаѣ обмана и умышленнаго обхода закона, было бы справедливо, чтобы законы смотрѣли назадъ, и взаимно поддерживали бы другъ друга, чтобы человѣкъ, замышляющій обманъ и разрушеніе настоящихъ законовъ, всего опасался бы отъ законовъ будущихъ». (*Tractatus de dignitate et augmentis scientiarum*, Londini, 1638, стр. 278). «Законы, поддерживающіе и укрѣпляющіе истинныя намѣренія поступковъ противъ несоблюденія формальностей и обрядовъ, весьма основательно распространяются на прошедшее». (Тамъ же, ст. 279). Лордъ Баконъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Всякій обнародованный законъ, хотя бы въ немъ ни слова не упоминалось о прошедшемъ, тѣмъ неменѣе примѣняется къ нему силою одного своего обнародованія; ибо толкованіе начинается не съ минуты этого обнародованія, но становится, такъ сказать, современнымъ самому закону».

Съ болѣе возвышенной точки зрѣнія вопросъ этотъ является въ другомъ свѣтѣ. Такъ какъ правосудіе не имѣетъ иной цѣли, какъ охраненіе неприкосновенности права, то есть, границъ, въ которыхъ оно установилось, то оно должно измѣняться по мѣрѣ того, какъ измѣняются границы права, по мѣрѣ того какъ послѣднія разширяются или стѣсняются согласно съ духомъ времени. Изъ этого слѣдуетъ, что еслибы дѣйствіе закона относилось къ эпохѣ, когда понятія о правѣ, а стало быть и о справедливости, были иныя, то это обратное дѣйствіе противурѣчило бы духу права и справедливости этой эпохи. Другими словами, законъ, справедливый для одной эпохи, становится несправедливымъ для другой. Эта точка зрѣнія прежде всего получаетъ преобладающее значеніе, такъ какъ она указывается идеей справедливости, принятой въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Послѣдняя измѣняется неменѣе, чѣмъ идея права; она измѣняется вмѣстѣ съ ней, хотя весьма медленно и почти незамѣтно, по мѣрѣ разсудочной работы ряда поколѣній. Въ короткіе промежутки времени въ этомъ отношеніи не замѣчается никакой перемѣны, но самое поверхностное сравненіе права и справедливости двухъ отдаленныхъ другъ отъ друга эпохъ дѣлаетъ очевидными испытанныя ими измѣненія.

Итакъ, если, становясь на одну точку зрѣнія, можно поддерживать мнѣніе, что законамъ логически слѣдовало бы имѣть обратное дѣйствіе, то, становясь на другую, приходится отвергнуть этотъ выводъ, если дѣло идетъ о двухъ, отдаленныхъ другъ отъ друга эпохахъ. Такимъ образомъ, выводъ этотъ можно допустить относительно права и справедливости для эпохъ, столь близкихъ одна къ другой по времени, что ни то, ни другая не успѣли еще испытать значительныхъ измѣненій.

Съ перваго раза казалось бы, что такая измѣнчивость идеи правосудія противурѣчитъ своему основному принципу — одинаковому духовному достоинству людей, — ибо, при неизмѣнности этого принципа, казалось бы, что и сама справедливость должна быть тоже неизмѣнной. Но это противурѣчіе только кажущееся, и такъ же легко объясняется, какъ

противурѣчіе, представляемое идеей права. Идея правосудія остается незыблемой относительно основнаго ея принципа, но измѣняется въ своемъ примѣненіи. Сопровождая различныя проявленія права, она видоизмѣняется нетолько взаимнымъ перемѣщеніемъ между собой личныхъ правъ, но и вслѣдствіе измѣненій въ свойствахъ и значеніи самого права. Идея правосудія видоизмѣняется, слѣдовательно, стороной касающейся предметовъ права; другою же своей стороной, то есть, основнымъ принципомъ, она остается неизмѣнной, ибо принципъ этотъ не измѣняется.

По мѣрѣ того, какъ матерьяльная сторона права получаетъ преобладаніе, по мѣрѣ того, какъ обращается главное вниманіе на объемъ и внѣшнія формы права, само правосудіе развивается въ матерьяльномъ смыслѣ. Оно стремится въ такомъ случаѣ придерживаться болѣе или менѣе исключительно осязательной стороны права и буквы его, которыя и избираетъ основой для всѣхъ учрежденій права общественнаго и частнаго.

Если же получаетъ преобладаніе духовное начало права, если вниманіе обращается главнымъ образомъ на проявленія воли, если духъ беретъ верхъ надъ фактомъ и буквой, то и идея правосудія принимаетъ то же направленіе. Разумная сторона ея тотчасъ же начинаетъ рѣзче выдаваться, и стремится подчинить матерьяльный элементъ права духовному его началу.

Такъ какъ обычаи и законы вызываются событіями, дѣйствительно случившимися въ обществѣ, то они служатъ выраженіемъ его дѣйствительной жизни, и могутъ пережить самый народъ, подобно всякому другому историческому памятнику. Идея правосудія получаетъ, такимъ образомъ, вполнѣ объективное существованіе, способное къ прогрессивному развитію или къ упадку, столь удачно характеризуемому древнимъ выраженіемъ *тѣло законовъ (corpus juris)*, выраженіемъ, освященнымъ вѣковымъ употребленіемъ [1]).

[1]) Гизо основательно замѣчаетъ: «Исторія законовъ понимается труднѣе, чѣмъ исторія собственно такъ называемыхъ событій. Матерьяльное появленіе законовъ нерѣдко бываетъ до точности извѣстнымъ, но явленія, подлежавшія ихъ вѣдѣнію, потребности и соціальные перево-

Вслѣдствіе недостаточнаго пониманія соціальныхъ идей, нерѣдко смѣшиваютъ слова *законъ* и *право*. Такимъ образомъ, англичане, напримѣръ, говорятъ *законъ народовъ* (*the law of nations*) вмѣсто того, чтобы говорить *международное право*, такъ какъ въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не о законѣ, изданномъ какою либо общественною властью, а о соглашеніи, нерѣдко безмолвномъ, изъ котораго вытекаетъ право для народовъ. Еще съ меньшимъ основаніемъ нѣмцы употребляютъ выраженіе *уголовное право* (*das peinliche Recht*) вмѣсто *уголовнаго суда* или *уголовнаго законодательства*. Въ сущности, есть тѣсная связь между этими выраженіями, потому что судъ есть не иное что, какъ одна изъ фазъ идеи права, а законъ считается представителемъ правосудія. Но такъ какъ каждое изъ этихъ выраженій имѣетъ спеціальное значеніе, то и нельзя безразлично употреблять ихъ одно вмѣсто другаго.

Такъ какъ идея правосудія подлежитъ измѣненіямъ, то и законодательство слѣдуетъ за ними, если только оно стремится къ осуществленію этой идеи. Вотъ почему законодательство одного народа не похоже на законодательства другихъ народовъ, и становится не похоже на законодательство того же народа, по мѣрѣ умственнаго развитія общества. Законодательство одного народа не можетъ, поэтому, быть приложено безразлично ко всякому другому народу, если только не сравнялось ихъ право. Однако же, случается, что стройность юридической системы, послѣдовательность и связь между ея выводами до того ослѣпляютъ умъ, что влекутъ его къ подражанію. Тогда упускаютъ изъ виду, что это, столь стройное и логическое законодательство можетъ оказаться несогласнымъ съ положеніемъ и воззрѣніями народа, къ которому оно примѣняется.

роты, которымъ соотвѣтствуютъ законодательства, почти всегда неизвѣстны, или, по крайней мѣрѣ, сомнительны. (*Histoire de la civilisation en France*, t. II, p. 238).

Чѣмъ болѣе всего затрудняется основательное изученіе законовъ, это — необходимостью имѣть понятіе объ измѣненіяхъ, совершившихся въ идеѣ права. Эти измѣненія до сихъ поръ мало изучались, а между тѣмъ, ими обусловливаются перемѣны въ идеяхъ справедливости, и въ законодательствѣ, служащемъ ихъ выраженіемъ.

§ IV. — О РАСПРАВѢ.

Когда люди получили сознаніе о своемъ духовномъ достоинствѣ, и такъ какъ всѣ они одарены разумомъ, отличающимся однѣми и тѣми же существенными чѐртами, то изъ этого слѣдуетъ, что если одинъ человѣкъ поступаетъ на основаніи какого нибудь раціональнаго принципа, то онъ не можетъ оспаривать у другихъ людей возможности поступать такимъ же образомъ относительно его; что никто не можетъ пользоваться какимъ либо раціональнымъ основаніемъ, не предоставляя другимъ такого же права относительно его; ибо, допустивъ, что люди одарены однимъ и тѣмъ же духовнымъ началомъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ присвоить себѣ въ исключительное пользованіе принципъ, вытекающій изъ этого начала, сохранится ли послѣдній въ чистотѣ, или подвергнется вліянію тѣла, то есть, страстей и желаній.

Эти соображенія приводятъ насъ къ новому принципу — взаимности. Поэтому, взаимность есть только ступень въ развитіи первоначальной идеи справедливости. Изъ одинаковаго духовнаго достоинства людей заключаютъ, что всякій человѣкъ обязанъ подчиниться, по отношенію къ себѣ, принципу, которымъ самъ онъ пользуется. Это заключеніе ведетъ за собой другое: ожиданіе такого дѣйствія относительно его; онъ можетъ всегда разсчитывать, что съ нимъ поступятъ такъ же, какъ самъ онъ поступаетъ относительно другихъ. Первое заключеніе устанавливаетъ возмездіе зломъ за зло, а второе — вознагражденіе добромъ за добро.

Разсматриваема въ этотъ моментъ своего развитія идея правосудія получаетъ новый характеръ, лучше всего обозначаемый именемъ *расправы*. Въ ней замѣчаются двѣ степени развитія.

На одной она является, какъ наказаніе; на другой — какъ награда.

Вслѣдствіе этого, расправа разбивается на два отдѣла, изъ конхъ одинъ заключаетъ въ себѣ *уголовный судъ*, а другой — общественныя награды, т. е., *отличія* и *преимущества*.

1°. Объ уголовномъ судѣ.

а. — О преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Пока поступки человѣка остаются въ границахъ его права, до тѣхъ поръ не встрѣчается надобности обращаться къ возмездію; но по выходѣ изъ этихъ границъ, дѣйствія человѣка нарушаютъ право другихъ людей, и являются насиліемъ, физическимъ или нравственнымъ. То и другое вызываютъ возмездіе, какъ средство для обузданія.

Важнѣйшія изъ такихъ насильственныхъ дѣйствій называются преступленіями; за ними слѣдуютъ проступки, и наконецъ, идутъ менѣе всего значительныя дѣйствія, называемыя вообще нарушеніями. Но мы подведемъ всѣ эти степени нарушенія чужаго права подъ одно общее названіе преступленій.

Разумъ, при столкновеніи съ матерьяльнымъ міромъ, испытываетъ на себѣ его вліяніе, результатомъ чего являются тѣ неравенства, которыя обнаруживаютъ люди въ степени своего умственнаго развитія. По основному своему началу, разумъ одинаковъ у всѣхъ людей, и представляетъ различія только во второстепенныхъ или побочныхъ своихъ свойствахъ. Но если, вслѣдствіе этихъ различій, не всѣ люди одинаково умны, то тѣмъ неменѣе, всѣ они одарены достаточной степенью пониманія, чтобы отличить тѣ важные поступки, которые составляютъ преступленіе. Къ тому же, поступки эти указываются законодательствомъ, и разъясняются религіей и нравственностью, а потому, въ принципѣ можно допустить, что всѣ люди, за весьма немногими исключеніями, способны отличать добрыя дѣйствія отъ злыхъ. Вотъ почему всѣ люди, въ нормальномъ состояніи, считаются отвѣтственными за свои поступки.

Но такъ какъ возмездіе есть результатъ проявленія разумнаго начала, то изъ этого слѣдуетъ, что оно непримѣнимо къ случаю, который не можетъ быть подведенъ подъ это начало, такъ какъ не всякое дѣйствіе есть необходимое проявленіе воли. Существуютъ дѣйствія невольныя, о которыхъ человѣкъ не имѣетъ никакого сознанія, вслѣдствіе болѣзни, умопомѣшательства или за недостаткомъ пониманія: такія дѣйствія суть простыя движенія; а на вредъ, причиняемый ими

праву другаго лица, нельзя смотрѣть иначе, какъ на вредъ, причиняемый всякой другой безпорядочной физической силой.

Насильственные поступки вызываются вліяніемъ матерьяльной стороны человѣческой природы, страстями, желаніями, и проч. на волю, которой метафизики даютъ названіе естественной или эмпирической воли въ томъ случаѣ, когда она находится въ подобномъ подчиненіи матерьяльной природы [1]).

Такъ какъ движеніе идей само по себѣ неуловимо, то о внутреннихъ намѣреніяхъ человѣка, или о принципахъ, управляющихъ его поведеніемъ, можно судить только по ихъ проявленіямъ. Проявленія эти могутъ состоять въ словѣ, письмѣ или въ другихъ знакахъ; и человѣкъ, который выразилъ формальнымъ образомъ какой либо принципъ, въ качествѣ разумнаго существа, разумѣется, не можетъ не знать, что съ этой минуты на этотъ принципъ будутъ смотрѣть, какъ на побудительную причину его поступковъ.

Но, вслѣдствіе принадлежащей ему свободной воли, онъ можетъ отречься отъ принципа, о которомъ онъ узналъ, что онъ ложенъ или пороченъ. Онъ можетъ также высказать извѣстный принципъ, не подумавъ о немъ, или принявъ его въ шутку. Во вниманіи къ несовершенствамъ или къ противурѣчіямъ человѣческой природы, одно выраженіе принципа, не можетъ еще служить достаточнымъ доказательствомъ принятія его къ руководству; такимъ доказательствомъ можетъ быть полное проявленіе его въ дѣйствіи, примѣненіе его къ дѣйствительности [2]). Отсюда вытекаетъ всѣми принятое общее правило, что возмездіе можетъ быть примѣнено къ дѣйствительно совершенному поступку, или, если имѣются данныя, на которыя можно было бы смотрѣть, какъ на начало его совершенія.

Бо́льшая часть новѣйшихъ законодательствъ принимаетъ, что покушеніе къ преступленію должно быть наказано, только

---

[1]) Психологическій источникъ всѣхъ преступленій есть чувственность. (*Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts, v. Feuerbach,* стр. 37).

[2]) «Всякій поступокъ, разсматриваемый какъ преступленіе, предполагаетъ внѣшнее проявленіе, ибо только внѣшнимъ дѣйствіемъ можно нарушить право». (*Feuerbach*, стр. 57)

легче, чѣмъ само преступленіе. Французскій уголовный кодексъ не дѣлаетъ различія между покушеніемъ къ преступленію и совершеннымъ преступленіемъ, но не слѣдуетъ тому же правилу относительно собственно такъ называемыхъ проступковъ.

У римлянъ покушеніе къ преступленію не подлежало наказанію, если только этого не требовалось уголовнымъ закономъ. (См. *Комментарій Миттермайера* въ приведенномъ сочиненіи *Фейербаха*, стр. 69 и слѣд.).

Въ послѣднее время принято за правило, что одно только совершеніе преступленія подлежитъ наказанію, если обращать вниманіе только на матерьяльный фактъ, а не настоящую причину преступленія, то есть, на намѣреніе. Однако же, это правило римскаго права ясно противурѣчитъ другому: Въ преступленіи разсматривается главнымъ образомъ воля, а не поступокъ, ибо, согласно съ этимъ правиломъ, мѣрою преступности служитъ не фактъ, а степень злобы. Эти противурѣчія въ главнѣйшихъ частяхъ римскаго уголовнаго правовѣдѣнія объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что свои представленія о виновности они заимствовали изъ посторонняго источника, а именно, изъ греческой философіи, воззрѣнія которой вовсе не походили на воззрѣнія римскихъ правовѣдовъ. (См. *Roemische Rechtsgeschichte* von *Schweppe*, ст. 866).

Итакъ, въ преступленіи различаютъ духовное начало, волю человѣка, хотя бы разстроенную и искаженную матеріей, и начало чисто матерьяльное, состоящее въ дѣйствіи, которымъ причиняется насиліе лицу или праву другаго человѣка. Порочное состояніе воли само по себѣ не представляетъ еще преступленія, такъ какъ человѣкъ можетъ освободиться отъ своихъ матерьяльныхъ стремленій прежде, чѣмъ обнаружитъ дѣйствіемъ свои порочныя наклонности. Но преступленіе не состоитъ такъ же и въ одномъ только дѣйствіи, которое можетъ быть невольнымъ: преступленіе обусловливается только присутствіемъ и соединеніемъ обоихъ этихъ факторовъ, представляющихъ нераздѣльныя его стороны.

Дѣйствіе, составляющее преступленіе, можетъ быть простымъ. Въ такомъ случаѣ, если приступлено было къ его исполненію, но преступленіе остановлено было обстоятельствами,

независимыми отъ воли преступника, то послѣдній можетъ подлежать отвѣтственнасти, какъ еслибы преступленіе было совершено, ибо онъ ясно обнаружилъ свой настоящія намѣренія.

Но преступленіе можетъ также состоять изъ дѣйствій, представляющихъ извѣстную постепенность. И такъ какъ при каждомъ изъ нихъ человѣкъ можетъ измѣнить свое намѣреніе, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ можетъ подлежать отвѣтственности только за ту часть преступленія, которая была дѣйствительно совершена: поэтому, на сложное преступленіе можно смотрѣть, какъ на совокупность нѣсколькихъ преступленій, для каждаго изъ которыхъ не можетъ быть инаго значенія, какъ то, которое придается простому преступленію.

Насильственный поступокъ вызываетъ возмездіе нетолько относительно виновника насилія, но и относительно тѣхъ людей, которые возбуждали его или содѣйствовали ему. Ибо, такъ какъ намѣреніе соучастниковъ было то же, что и у виновника, то они одинаково отвѣтственны за дѣйствіе, если только послѣднее совершено въ томъ направленіи, въ какомъ они желали.

Такъ какъ возмездіе опирается на предположеніе, что всѣ люди подлежатъ отвѣтственности за свои дѣйствія вслѣдствіе того, что всѣ они одарены достаточною разсудительностью, чтобы понять значеніе своихъ поступковъ, то изъ этого слѣдуетъ, что возмездіе не можетъ быть примѣнимо къ человѣку, разсудокъ котораго отличается отъ разсудка прочихъ людей вслѣдствіе неполнаго развитія или психической болѣзни. Но между состояніемъ разсудка, совершенно лишеннаго способности пониманія, и разсудкомъ, находящимся въ нормальномъ состояніи, существуетъ множество посредствующихъ степеней и оттѣнковъ, которые должны быть приняты въ соображеніе, такъ какъ они могутъ видоизмѣнить примѣненіе принципа возмездія.

Основываясь на природѣ насилія, каждый человѣкъ можетъ прибѣгнуть къ возмездію, ибо лице, избравшее для своего поведенія какой либо принципъ, не можетъ отказать никому въ правѣ воспользоваться тѣмъ же самымъ принципомъ относительно его самого. Но на возмездіе мы можемъ смотрѣть та-

кимъ образомъ только до тѣхъ поръ, пока оно оказывается точнымъ противувѣсомъ насилію [1]). Еслибы дозволено было опредѣлять мѣру его по личному усмотрѣнію каждаго человѣка, то оно, въ свою очередь, легко перешло бы за границы справедливости, въ особенности въ ту минуту, какъ обиженный находится подъ вліяніемъ причиненной ему обиды. Вотъ почему, по мѣрѣ своего развитія, человѣческое общество принимаетъ на себя заботу дать болѣе прочную основу для возмездія, и само совершаетъ его подъ именемъ *наказанія*. Личное возмездіе допускается только въ крайнихъ случаяхъ, когда оно сливается съ личной защитой.

Одно и то же стремленіе — исключить изъ опредѣленія мѣры возмездія всякое субъективное вліяніе, вызвало единодушное мнѣніе всѣхъ криминалистовъ, что возмездіе не можетъ быть примѣнимо ни къ какому преступленію, ни къ какому проступку или нарушенію, если оно точно не опредѣлено закономъ: *Nulla poena sine lege*.

Такъ какъ законы суть человѣческое, а потому и несовершенное, толкованіе идеи правосудія, то они неизбѣжно представляютъ пробѣлы, а такъ какъ судья не имѣетъ права восполнять эти пробѣлы, то изъ этого вытекаетъ, что съ строго законной точки зрѣнія, преступленіе можетъ, или вѣрнѣе, должно въ извѣстныхъ случаяхъ ускользать отъ наказанія. Съ философской же точки зрѣнія, напротивъ того, идея правосудія требуетъ, чтобы въ каждомъ случаѣ было возмездіе, то есть, наказаніе, такъ чтобы ни одно преступленіе не избѣ-

---

[1]) *Пуфендорфъ (De jure naturae et gentium*, стр. 253) разсматриваетъ вопросъ, можетъ ли въ свою очередь считаться законной дальнѣйшая защита человѣка, сдѣлавшаго, впрочемъ, первое нападеніе, и рѣшаетъ его утвердительно на томъ основаніи, что обиженный обязанъ остановиться, какъ только зачинщикъ докажетъ свое раскаяніе, и предложитъ соотвѣтствующее вознагражденіе. Но это прямо противурѣчитъ другому положенію автора, что человѣкъ, наносящій обиду, даетъ обиженному безграничное позволеніе на возмездіе. *Г. Гроцій* говоритъ то же самое (Прив. соч. стр. 170): «Однако, кто наноситъ мнѣ обиду, тотъ тѣмъ самымъ даетъ мнѣ безграничное право на возмездіе». Достаточно замѣтить, что результатомъ этого воззрѣнія является отожествленіе справедливости съ мщеніемъ.

гало кары. Вотъ почему правило, о которомъ идетъ рѣчь, благое съ точки зрѣнія законности, отвергается съ болѣе возвышенной точки зрѣнія. Мы встрѣчаемся здѣсь снова съ однимъ изъ тѣхъ неразрѣшимыхъ противурѣчій, какія всюду встрѣчаются въ общественныхъ отношеніяхъ.

У всѣхъ народовъ замѣчается одинъ и тотъ же ходъ въ развитіи понятія о наказаніяхъ. Послѣднее представляется сначала, какъ мщеніе со стороны семействъ и родовъ; потомъ, какъ преслѣдованіе преступленія обществомъ, удовлетворяющееся пеней; далѣе, какъ средство устрашенія для охраненія общественной безопасности, пока не всплыветъ наконецъ внутренняя сущность наказанія, и на послѣднее не станутъ смотрѣть, какъ на послѣдствіе принципа справедливости. (См. *Фейербаха*, пр. соч., стр. 8) [1]).

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что возмездіе имѣетъ въ виду уже совершонный поступокъ, и что человѣкъ можетъ уже убѣдиться въ порочности принципа, приведшаго его къ преступленію. Если онъ откажется отъ этого принципа, если онъ, къ тому же, вознаградитъ за причиненное имъ зло, на сколько это зависитъ отъ него, то примѣненіе возмездія уже не можетъ объясняться въ такомъ случаѣ, какъ слѣдствіе принципа, принятаго преступникомъ, такъ какъ послѣдній уже отказался отъ него. Съ этой минуты, возмездіе отожествляется съ мщеніемъ, съ принципомъ въ высшей степени субъективнымъ, и потому, вовсе непригоднымъ для общественнаго порядка, хотя бы онъ не отвергался нравственностью [2]). Но такъ какъ подобная перемѣна въ образѣ мыс-

---

[1]) «Уголовными законами народы дѣлаютъ первый видимый, первый писанный шагъ изъ варварства. Это случается не въ ту эпоху, какъ разсуждаютъ о государственномъ строѣ. Гражданское право тоже существуетъ, какъ фактъ.... законное опредѣленіе этой части права достигается только при большемъ развитіи общественнаго быта». *(Histoire de la civilisation en France,* par *Guizot.* I, 245).

[2]) *Тертулліанъ (adversus Marcionem,* 4:16 стр. 92) говоритъ, что заповѣдь Іисуса Христа прощать обиды не противурѣчитъ предписаніямъ по этому вопросу Ветхаго Завѣта, ибо въ послѣднемъ тоже приказывается забывать обиды. Такъ что, отмщеніе, которымъ грозитъ онъ, относится къ одному только обидчику, а не къ обиженному и,

лей виновника преступленія сама по себѣ неуловима, и его увѣренія по этому поводу могутъ быть лишены искренности, то это побуждаетъ остановиться на поступкѣ, какъ на единственномъ критеріумѣ принциповъ. Поэтому, и продолжительность послѣднихъ предполагается до тѣхъ поръ, пока рядъ другихъ поступковъ, то есть, перемѣна во всемъ поведеніи человѣка, не обнаружитъ противнаго.

Однако же, человѣкъ несомнѣнно способенъ отречься отъ своихъ заблужденій, и измѣнить свои правила. И такъ какъ, къ чести человѣчества, предполагается, что такая перемѣна непремѣнно должна произойти въ немъ со временемъ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого предположенія является помилованіе преступленія, или забвеніе его за давностью [1]). Продолжительность послѣдней не можетъ быть опредѣлена удовлетворительно, ибо обращеніе человѣка можетъ быть вызвано особенными обстоятельствами, а также большею опытностью и болѣе зрѣлымъ размышленіемъ. Случайныя обстоятельства естественно независимы отъ бо́льшаго или меньшаго промежутка времени, но сроки, представляемые для обращенія путемъ размышленія и опыта, могутъ соотвѣтствовать періодамъ, обусловливаемымъ самою жизнью человѣка: юности, зрѣлому возрасту, старости, какъ бы неопредѣленны ни были эти періоды.

Подобно тому, какъ существуютъ сроки для гражданской давности, такимъ же образомъ допущены различныя обстоятельства, которыя могутъ прервать давность уголовную. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя предположить исправленіе виновнаго, если онъ сдѣлаетъ новыя преступленія прежде истеченія срока давности прежняго. Впрочемъ, этотъ перерывъ давности, точно признаваемый, насколько намъ извѣстно, однимъ только Виртембергскимъ законодательствомъ, имѣетъ полное

означаетъ только, что возмездіе переходитъ къ установленной въ странѣ власти, такъ какъ оно не можетъ принадлежать обиженному. (См. *Г. Гроція*, стр. 506).

[1]) «Давности подлежатъ всѣ преступленія, независимо отъ тягости наказанія, какое они заслужили бы, или отъ того, кто совершилъ ихъ». (*Feuerbach*, пр. соч. стр. 117).

основаніе. Только нельзя признать за слѣдствіемъ и судопроизводствомъ способности прерывать уголовную давность, потому что способность эта приписывается имъ по аналогіи съ гражданскимъ законовѣдѣніемъ, между тѣмъ какъ побудительныя причины въ томъ и другомъ случаѣ не имѣютъ между собой ничего общаго.

Но и помимо основанія, вытекающаго изъ идеи правосудія, необходимость прибѣгать къ возмездію за преступленіе подтверждается другими соображеніями. Они вытекаютъ изъ разсмотрѣнія побужденій, оказывающихъ вліяніе на человѣка и на человѣческое общество. Такимъ образомъ, страхъ наказанія можетъ удержать, по крайней мѣрѣ отчасти, отъ преступленій, и дать лишнюю гарантію для общественной безопасности. Само наказаніе можетъ обратить на путь истины виновнаго, посредствомъ размышленія, вызваннаго послѣдствіями преступленія. И еслибы наказаніе разсчитывалось такимъ образомъ, чтобы произвесть такое дѣйствіе на преступника; еслибы оно состояло въ заключеніи, которое давало бы ему возможность одуматься, то такимъ образомъ достигнуты были бы самые счастливые результаты.

Изъ всего, сказаннаго нами, слѣдуетъ, что принципъ возмездія служитъ настоящей основой для наказанія, что самъ онъ есть результатъ равнаго достоинства разумной воли всѣхъ людей, и что другія, второстепенныя побужденія, а также практическая польза, только подтверждаютъ необходимость наказанія. Эти побужденія, число которыхъ, какъ мы видѣли, можетъ быть увеличено по произволу, имѣютъ только второстепенное значеніе, сравнительно съ основной идей наказанія, и только подтверждаютъ полезность его съ другихъ точекъ зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, побужденія эти, нерѣдко разсматриваются нетолько отдѣльно, но и совершенно независимо другъ отъ друга, такъ что каждое изъ нихъ послужило основнымъ принципомъ для различныхъ уголовныхъ теорій, противуположныхъ и даже враждебныхъ одна другой.

Объ этомъ разногласіи слѣдуетъ сказать то же, что и о другихъ, порождаемыхъ общественными отношеніями. Эти разногласія вытекаютъ не изъ какихъ либо безусловно фиктив-

ныхъ предположеній, но изъ отвлеченной оцѣнки различныхъ, дѣйствительно существующихъ соціальныхъ побужденій; такъ что, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду ихъ относительное значеніе, одному изъ нихъ придаютъ исключительную, или по меньшей мѣрѣ, преувеличенную важность.

b. — О степеняхъ преступленій и наказаній.

Нападеніе можетъ быть сдѣлано какъ на духовное, такъ и на матерьяльное начало человѣческой природы. Насиліе можетъ быть направлено какъ противъ личности человѣка, такъ и противъ какого либо права ея. — Сочетаніе различныхъ фактовъ и случайныхъ обстоятельствъ, относящихся какъ къ лицу причиняющему, такъ и къ лицу, испытывающему вредъ, порождаетъ безчисленное множество преступленій, которыя усложняются еще особенными обстоятельствами, какъ напримѣръ, отношеніями, существующими между обѣими сторонами.

Цѣль законодательства состоитъ въ томъ, чтобы распредѣлить всѣ эти разнообразныя преступленія на извѣстныя категоріи, чтобы соразмѣрить съ ними наказанія. Главная трудность въ этомъ отношеніи состоитъ въ пріисканіи основнаго принципа, который могъ бы служить мѣрой для опредѣленія наказанія.

Такъ какъ преступленіе етть насиліе, то изъ этого слѣдуетъ, что величина этого насилія, то есть, величина причиненнаго имъ зла, могла бы служить мѣрою преступленій, и основаніе для ихъ классификаціи было бы найдено. Но такъ какъ виновникъ величайшаго насилія не можетъ отвѣчать за него, если оно вызвано случайными или независящими отъ его воли обстоятельствами; такъ какъ другія обстоятельства, какъ легкомысліе, минутное заблужденіе, противное убѣжденію самого виновнаго, облегчаютъ преступленіе, то изъ этого слѣдуетъ, что одна величина насилія не можетъ служить точной мѣрой для преступленія.

Съ другой стороны, мы нашли бы такія же противурѣчія, еслибы избрали для опредѣлерія мѣры виновности одни

только порочныя намѣренія преступника. Нравственное состояніе человѣка можетъ быть порочно въ высшей степени, и тѣмъ не менѣе, не обнаружиться никакимъ насиліемъ, за отсутствіемъ повода, недостаточной послѣдовательности и энергіи, такъ что имъ не будетъ сдѣлано вовсе, или сдѣланы будутъ преступленія, несоотвѣтствующія его испорченности.

Главнымъ же образомъ невозможность безошибочнаго сужденія о нравственномъ состояніи, неуловимомъ по своей сущности, не позволяетъ принять одну только духовную сторону преступленія за мѣру для его оцѣнки.

Изъ сказаннаго нами становится очевиднымъ, что такъ какъ ни одинъ изъ обоихъ элементовъ, составляющихъ преступленіе, не можетъ быть принятъ отдѣльно для опредѣленія его значенія, то основаніе для оцѣнки виновности не можетъ быть простымъ. Поэтому, для опредѣленія степени преступности необходимо принять за основаніе оба элемента, входящіе въ преступленіе.

Такъ какъ матерьяльный элементъ преступленія, то есть, матерьяльный результатъ поступковъ, представляетъ указанія, болѣе доступныя, то при классификаціи преступленій естественно къ нему и придерживаются главнымъ образомъ. Но избирая основаніе внѣшнее и матерьяльное, очевидно, что сама классификація будетъ отличаться такимъ же характеромъ: поэтому, чтобы глубже проникнуть въ сущность преступленія, необходимо будетъ обратиться и изслѣдовать въ то же время духовную его сторону.

Вотъ почему, руководствуясь одними внѣшними признаками, мы обращаемъ главное наше вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые открываютъ нравственное намѣреніе преступника.

Прежде всего, повтореніе преступленія усиливаетъ виновность, такъ какъ это повтореніе доказываетъ, что порочная склонность укоренилась въ преступникѣ [1]).

Преступленіе можетъ быть направлено противъ каждой

---

[1]) Гнусность порока или преступленія служитъ меньшимъ свидѣтельствомъ безнравственности человѣка, чѣмъ привычка къ той же склонности. (*De la justice criminelle en France,* par *Béranger*, стр. 492).

стороны человѣческой природы отдѣльно, или противъ обѣихъ, взятыхъ вмѣстѣ; это порождаетъ три главныя категоріи преступленій.

Наибольшее насиліе, какое можетъ быть сдѣлано человѣкомъ относительно своего ближняго, есть отнятіе у него жизни, такъ какъ это насиліе неисправимо по своимъ послѣдствіямъ.

Но даже и въ этомъ поступкѣ могутъ встрѣтиться существенныя различія, какъ напримѣръ, если дѣло идетъ о смерти, причиненной по желанію самого убитаго. Большая часть новѣйшихъ законодательствъ смотритъ на подобное желаніе, какъ на обстоятельство, смягчающее убійство; но англійскіе и французскіе законы отличаются крайнею строгостью въ этомъ отношеніи, и не обращаютъ вниманія на согласіе человѣка, ищущаго смерти.

Вслѣдъ за насиліемъ, направленнымъ противъ жизни человѣка, идутъ, по важности преступленія, насилія надъ одной только изъ сторонъ человѣческой природы. Такого рода насилія во всякомъ случаѣ слабѣе тѣхъ, которыя имѣютъ въ виду всего человѣка, на томъ основаніи, что часть меньше цѣлаго, и что лице, пострадавшее только частью, можетъ получить болѣе или менѣе полное вознагражденіе.

Человѣкъ живѣе ощущаетъ насиліе надъ духовной, чѣмъ надъ матерьяльной его природой, по той причинѣ, что отдаетъ преимущество духу предъ матеріей.

Онъ считаетъ насиліемъ или оскорбленіемъ всякое дѣйствіе, всякое слово, имѣющія цѣлью выразить презрѣніе къ нему, если только самъ онъ не пренебрегаетъ обидой, исходящей отъ лица, лишеннаго нравственнаго достоинства. Мнѣнія людей относительно того, что̀ составляетъ сущность того достоинства, которое должно уважаться въ человѣкѣ, весьма измѣнчивы, смотря по полу и смотря по особенному направленію понятій; нѣкоторые народы и нѣкоторые люди доходятъ до крайней степени щекотливости въ этомъ отношеніи. Въ другихъ странахъ понятія о чести измѣняются, смотря по сословіямъ; и наконецъ, встрѣчаются такія страны, въ которыхъ матерьяльная сторона получаетъ такое пре-

обладаніе между людьми, что никакое оскорбленіе ихъ нравственнаго достоинства не имѣетъ въ ихъ глазахъ самаго ничтожнаго значенія. — Различіе въ понятіяхъ людей относительно чести затрудняетъ законодательство по этому вопросу, да и вообще, оно необходимо должно считаться непримѣнимымъ, такъ какъ оно не могло установиться надлежащимъ образомъ до настоящаго времени. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что законы должны имѣть всеобщее значеніе, но они, очевидно, не въ силахъ достигнуть этого, пока оцѣнка нравственнаго достоинства будетъ предоставлена главнымъ образомъ субъективнымъ воззрѣніямъ.

Такъ какъ законодательство оказывается недостаточнымъ въ этомъ отношеніи, то оно дополняется личными мѣрами, а именно — поединками [1]). Мѣры эти ставятъ въ самое щекотливое положеніе законодателя, которому остается одно изъ двухъ: или прибѣгать къ наказанію, несоотвѣтствующему преступленію, или оставить въ законодательствѣ, относительно весьма важныхъ случаевъ, пробѣлъ, служащій, очевиднымъ доказательствомъ его несовершенства.

Преступленіе можетъ быть направлено на духовное начало, нераздѣльно связанное съ человѣкомъ, или на духовное начало, какъ на часть его личныхъ или вещественныхъ правъ. Насилія послѣдняго рода суть подлогъ, злоупотребленіе довѣріемъ и обманъ.

Насилія противъ матерьяльной природы человѣка, смотря по тому, касаются ли они самого тѣла человѣка, или веще-

---

[1]) Греки и римляне не знали дуэли. Она введена была кельтами, обычаи которыхъ вообще имѣли много общаго съ обычаями средневѣковаго рыцарства. (*Mommsen*, I, 299).

Римляне рѣшали дѣла чести закладомъ съ обѣихъ сторонъ опредѣленной суммы денегъ, которая присуждалась правому по рѣшенію третейскаго суда. Во множествѣ случаевъ считалось постыднымъ отказаться отъ такого рода заклада. (*Mommsen*, I, 827).

Въ отдаленную эпоху римляне прибѣгали къ закладу даже въ гражданскихъ процессахъ. Обѣ стороны вносили вкладъ (sacramentum), и вкладъ проигравшей поступалъ на общественныя жертвоприношенія. (*Mommsen*, I, 143).

ственныхъ правъ его, могутъ быть раздѣлены на преступленія противъ личности и на преступленія противъ собственности.

Такимъ образомъ, каждая изъ сторонъ, представляемыхъ человѣкомъ и его правомъ, можетъ подвергнуться насилію. Подъ именемъ нравственнаго насилія мы разумѣемъ такое насиліе, которое направлено противъ духовнаго принципа права. Оно имѣетъ цѣлью, при содѣйствіи обмана, побудить человѣка извлечь свою волю изъ предмета, или заключить убыточныя для себя обязательства. Преступленія, направленныя противъ матерьяльной стороны права, а также и противъ самого лица, извѣстны подъ именемъ собственно такъ называемаго насилія, если они совершаются открыто. Совершаемыя же втайнѣ, если и не всегда называются кражей, то носятъ ея характеръ. Ибо, мы уже видѣли, что кража, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, есть не что иное, какъ актъ физическаго или нравственнаго насилія, совершаемаго подъ покровомъ тайны.

Всякій насильственный поступокъ усиливается въ прямомъ отношеніи съ испорченностью, обнаруживаемой виновнымъ, и со зломъ, проистекающимъ отъ этого для пострадавшаго.

Покушенія противъ безопасности всего общества принимались во всѣ времена и во всѣхъ странахъ за самыя важныя преступленія, потому что они подвергаютъ опасности жизнь и благосостояніе огромнаго числа людей. Вслѣдствіе особеннаго значенія такихъ преступленій, и намѣреніе въ нихъ осуждается строже, чѣмъ въ другихъ, и само по себѣ уже составляетъ преступленіе, извѣстное подъ именемъ заговора.

По той же причинѣ, преступленія противъ общественной собственности считаются важнѣе преступленій противъ частной собственности; такъ что, поддѣлка монеты, государственныхъ бумагъ, печати, и проч. считается болѣе важнымъ преступленіемъ, чѣмъ поддѣлка, направленная противъ частной собственности.

Представленная нами классификація преступленій вовсе, впрочемъ, не имѣетъ притязанія на строгую постепенность,

такъ что преступленіе низшаго порядка одной категоріи все же считалось бы выше важнѣйшаго преступленія слѣдующей категоріи. Напротивъ того, каждая категорія заключаетъ безчисленное множество постепенностей, изъ коихъ стоящія вверху имѣютъ огромное значеніе, между тѣмъ какъ послѣднія въ ней теряютъ всякое значеніе.

Такъ какъ духовная и матерьяльная сторона тѣсно связаны въ человѣкѣ, то насиліе, направленное противъ одной изъ этихъ сторонъ, касается въ то же время и другой; такъ что, между тремя классами перечисленныхъ преступленій вовсе не существуетъ какого либо рѣзкаго разграниченія. Какъ оскорбленіе не можетъ быть нанесено намъ иначе, какъ при содѣйствіи какого либо внѣшняго дѣйствія, такъ и насиліе надъ собственностью человѣка до нѣкоторой степени касается и духовной его стороны, такъ какъ послѣдняя сливается съ правомъ, на которое сдѣлано нападеніе. Такимъ образомъ, только преступленія, направленныя противъ обѣихъ сторонъ человѣческой природы, относятся цѣликомъ къ первому классу. Въ прочихъ преступленіяхъ слѣдуетъ разсматривать, настолько ли насиліе преобладаетъ въ одномъ смыслѣ, чтобы не обращать вниманія на дѣйствіе его въ другомъ, или же преступленіе принадлежитъ каждою изъ своихъ сторонъ къ обоимъ классамъ: обстоятельство въ высшей степени усложняющее классификацію преступленій, такъ какъ оно побуждаетъ разсматривать ихъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Мы сказали, что наказаніе есть слѣдствіе принципа возмездія, что вовсе, однако, не означаетъ, чтобы оно было тожественно съ преступленіемъ, потому что такое положеніе привело бы во многихъ случаяхъ къ нелѣпости; это означаетъ только, что мѣра наказанія должна соотвѣтствовать величинѣ преступленія.

Изъ этого слѣдуетъ, что если преступленія могутъ быть распредѣлены въ извѣстной постепенности, то и наказанія должны подлежать классификаціи, и что послѣдняя должна соотвѣтствовать числу категорій, представляемыхъ преступленіями. Поэтому, классификація преступленій и классифи-

кація наказаній вовсе не представляются дѣломъ формальнымъ, или результатомъ какой либо отвлеченной теоріи; онѣ составляютъ самую сущность уголовнаго законодательства, которое могло бы считаться безупречнымъ, еслибы достигло до точной оцѣнки преступленій и до точнаго опредѣленія соотвѣтствующихъ имъ наказаній.

Такъ какъ наибольшее насиліе начинается съ убійства, то съ него же должно начинаться и наказаніе; въ противномъ случаѣ, еслибы исключена была смертная казнь, то, по числу своему, категоріи наказаній оказались бы ниже категорій преступленій.

Смертная казнь опредѣлилась бы такъ же легко, какъ и всякое другое наказаніе, такъ какъ человѣкъ, слѣдующій правилу, что можно лишить жизни своего ближняго, только испыталъ бы въ примѣненіи къ самому себѣ слѣдствія этого правила путемъ смертной казни. Общественная безопасность представила бы только лишній аргументъ для ея оправданія; но несовершенство человѣческой природы рождаетъ сомнѣніе въ допущеніи наказанія, неисправимаго въ случаѣ ошибки и предполагающаго, поэтому, непогрѣшимость судебнаго приговора. А такъ какъ легче предположить обратное, возможность ошибки въ приговорѣ человѣческомъ, то результатомъ этого является неразрѣшимое внутреннее противурѣчіе: вотъ почему споры о смертной казни никогда не приведутъ къ удовлетворительному рѣшенію этого вопроса [1]).

---

[1]) Лучшимъ доказательствомъ того, до какой степени можетъ быть ошибоченъ приговоръ человѣческій, служитъ то обстоятельство, что онъ нерѣдко опирался на научные выводы, которые позже были опровергнуты. Такимъ образомъ, смертные приговоры могли быть произнесены на основаніи предположенія, лишеннаго основанія. «Долго принималось, говоритъ Реньо (см. его *Premiers Éléments de chimie*, стр. 398), что если ржавчина, покрывавшая желѣзное оружіе, служившее, по предположенію, для убійства, освобождала отъ примѣси поташа амміакъ, то это служило доказательствомъ происхожденія ржавчины отъ присутствія животной матеріи, и образованія ея изъ кровяныхъ пятенъ. Предположеніе это было ошибочно, ибо ржавчина, образовавшаяся просто отъ дѣйствія сыраго воздуха, можетъ содержать весьма замѣтное количество амміака».

Затѣмъ, въ томъ же порядкѣ, какъ и преступленія, идутъ наказанія, направленныя на личность, а за ними — наказанія, направленныя на собственность.

Принципъ возмездія указываетъ мѣру тѣмъ и другимъ. Такъ какъ преступленія противъ личности имѣютъ въ виду честь или тѣло человѣка, то и наказанія должны соотвѣтствовать этому различію. Наказаніе, называемое обезчещивающимъ, имѣетъ въ виду унизить человѣка, къ которому оно примѣняется. На основаніи принципа возмездія, оно соотвѣтствуетъ, стало быть, преступленію, направленному противъ чести; ибо, такъ какъ оскорбленіе, не имѣетъ иной цѣли, какъ униженіе человѣка, то было бы согласно съ принципомъ возмездія обрушить стыдъ на голову обидчика. Любопытно, однако, что къ этой мѣрѣ прибѣгаютъ только для наказанія за какой либо постыдный поступокъ, совершонный самимъ лицемъ, а не для обузданія нападенія на честь другаго человѣка.

Казалось бы, что принципъ возмездія въ особенности легко было бы примѣнить къ опредѣленію наказаній, навлекаемыхъ насиліемъ, произведеннымъ надъ тѣломъ человѣка, ударами, ранами, такъ какъ преступникъ имѣетъ такое же тѣло, какъ и человѣкъ пострадавшій. Однако же, встрѣчается множество обстоятельствъ, недопускающихъ строгое приложеніе возмездія къ такого рода преступленіямъ. Приходится принять въ разсчетъ различіе половъ, въ особенности, если насиліе усложняется оскорбленіемъ чести, такъ какъ оно имѣетъ не одинакое значеніе, смотря по тому, идетъ ли дѣло о мужчинѣ или женщинѣ. Одни обстоятельства увеличиваютъ причиненный вредъ независимо отъ воли оскорбителя, другія облегчаютъ преступленіе. Эти случайныя или побочныя обстоятельства могутъ до такой степени усложнить преступленіе, что сдѣлаютъ затруднительнымъ или даже невозможнымъ строгое примѣненіе къ нему принципа возмездія. Въ такомъ случаѣ, принципъ этотъ получаетъ только логическое или теоретическое значеніе, оправдывающее вообще употребленіе наказанія, но спеціальный характеръ этого наказанія опредѣляется различными практическими соображеніями.

Въ насиліяхъ противъ вещественнаго права мѣра возмез-

дія опредѣляется, смотря по тому, можетъ ли причиненный вредъ быть вознагражденъ матерьяльно, и въ состояніи ли сдѣлать это преступникъ. Если онъ не имѣетъ для этого средствъ, то возмездіе можетъ быть обращено на его личность: такъ какъ личность и право сливаются въ человѣкѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что если возмездіе не можетъ быть обращено на одинъ изъ этихъ факторовъ, то оно можетъ быть перенесено на другой. И дѣйствительно, согласно съ этой точкой зрѣнія, законодатели всѣхъ народовъ наказывали насиліе противъ собственности широкимъ вознагражденіемъ на счетъ собственности преступника, а за отсутствіемъ ея, они обращались къ его личности, примѣняя къ ней тѣлесныя наказанія, тюремное заключеніе и даже рабство [1]).

Наказанія за нарушеніе чужой собственности были бы слабѣе наказаній за насиліе противъ личности, еслибы тѣ и другія были одинаково или временны, или неизмѣнны. Но такъ какъ наказанія личныя, состоящія въ заключеніи, могутъ быть преходящи, между тѣмъ какъ конфискація имущества или пеня обыкновенно безвозвратны, то во множествѣ случаевъ послѣднія оказываются болѣе тяжкими, чѣмъ заключеніе; вотъ почему мѣра наказанія скорѣе зависитъ отъ величины его, чѣмъ отъ того рода, къ которому оно относится.

---

[1]) По древнимъ римскимъ законамъ, воръ отдавался цѣликомъ въ распоряженіе истца въ случаѣ, если похищенная вещь не могла быть возвращена, или если похититель не въ состояніи былъ вернуть ея стоимость. (*Mommsen*, I, 140). Законодательствомъ XII таблицъ похитителю дозволялось освободить себя отъ преслѣдованій уплатой двойной стоимости украденной вещи (тамъ же, I, 404). Ни одинъ народъ не оказывалъ такого покровительства собственности, какъ древніе индусы. По законамъ Ману, не только воръ, но и утайщикъ приговаривались къ смертной казни, а въ случаѣ взлома — къ посаженію на колъ. Простое употребленіе въ работу чужихъ рабовъ или животныхъ, безъ дозволенія, уподоблялось кражѣ. Несостоятельный должникъ приговаривался къ личной работѣ до выручки суммы долга, и обращался въ раба своего заимодавца, если послѣдній принадлежалъ къ высшей кастѣ. (*Geschichte des Alterthums von Duncker*, II, 119).

2°. Объ отличіяхъ и преимуществахъ.

Идея расправы, приведя къ наказанію, какъ слѣдствію возмездія за причиненное зло, ведетъ къ дальнѣйшему результату, къ вознагражденію добромъ за добро.

Производимое обществомъ вознагражденіе это можетъ состоять въ различнаго рода собственности и имуществѣ; но такъ какъ послѣднія, по природѣ своей, ограничены, и въ скоромъ времени истощились бы, то люди придумали замѣнить ихъ почетными отличіями, состоящими во внѣшнихъ знакахъ и особенныхъ титулахъ.

Эти отличія нерѣдко оспаривались на томъ основаніи, что они давали пищу одной изъ слабостей человѣческихъ—тщеславію; съ другой стороны, были писатели, защищавшіе ихъ, отожествляя ихъ съ правами; но въ томъ и другомъ случаѣ упущено было изъ виду ихъ настоящее значеніе.

Существованіе ихъ оправдывается тѣмъ, что они встрѣчаются у всѣхъ народовъ земнаго шара; но они не имѣютъ ничего общаго съ природой права, потому что, еслибы это было такъ, то ихъ можно было бы пріобрѣтать первымъ занятіемъ, подобно всякому другому предмету права. Но въ такомъ случаѣ они потеряли бы свое значеніе, и не были бы больше отличіями.

Мы уже сказали, что общественныя отличія, какъ и наказанія, не имѣютъ инаго основанія, какъ принципъ возмездія; только первыя имѣютъ въ виду добро, между тѣмъ какъ вторыя имѣютъ въ виду зло. Но какъ есть побочныя обстоятельства, оказывающія вліяніе на наказаніе, такъ есть обстоятельства, вліяющія и на общественныя отличія. Дѣйствительное назначеніе ихъ состоитъ въ награжденіи и въ поощреніи добра; они имѣютъ цѣлью подѣйствовать на самыя высокія чувства человѣческой природы, но можетъ случиться также, что и при дѣйствіи на эти чувства они возбудятъ и другія, какъ напримѣръ тщеславіе.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что общественныя отличія не достигнутъ своей цѣли, если они породятъ гордость и высокомѣріе, которыя вызовутъ, въ свою оче-

редь, зависть и ненависть, ибо, вмѣсто соревнованія, они посѣяли бы въ обществѣ сѣмена раздора.

Поощреніе, встрѣчаемое добрыми или полезными дѣлами въ человѣческомъ обществѣ, можетъ быть оказано различнымъ направленіямъ, принимаемымъ разумомъ человѣка для удовлетворенія его умственныхъ и матерьяльныхъ потребностей. Такое поощреніе будетъ оказано, если матерьяльныя выгоды, сопровождающія какое либо открытіе, будутъ обезпечены за человѣкомъ, который пуститъ въ обращеніе мысли, плодотворныя практическими результатами. — Когда власть обезпечиваетъ пользованіе этими выгодами, состоящими главнымъ образомъ въ болѣе или менѣе исключительной возможности распространять свои труды, научныя, литературные или промышленныя, то эти выгоды получаютъ названіе привилегій.

Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть оправдано, какъ притязаніе авторовъ на исключительное пользованіе плодами ихъ мысли, такъ и постановленія законодательства относительно перепечатки книгъ. Вотъ почему вопросъ этотъ тотчасъ же искажается, какъ только онъ переносится на почву собственно такъ называемаго права, какъ это весьма нерѣдко случалось.

Автору безспорно принадлежитъ право на его рукопись, если ему принадлежитъ вещественный матерьялъ ея; но высказанныя въ ней мысли не могутъ быть его исключительной собственностью. Мысль, родившаяся въ головѣ человѣка, имѣетъ свойство электричества, какъ замѣчаетъ Гегель, потому что она мгновенно сообщается всѣмъ людямъ, до которыхъ достигнетъ. И эта мысль становится такимъ образомъ такою же собственностью ихъ, какъ человѣка, впервые высказавшаго ее. — Матерьяльная часть, входящая въ составъ книги, типографскій шрифтъ, бумага, находящаяся въ распоряженіи каждаго человѣка, не могутъ измѣнить своихъ свойствъ, будутъ ли они выражать собственныя или заимствованныя мысли. На основаніи какого же права можетъ авторъ запретить другимъ людямъ пользоваться по своему усмотрѣнію этимъ сырымъ матерьяломъ, принадлежащимъ имъ,

или выражать имъ какія бы то ни было мысли, такъ какъ послѣднія не могутъ быть предметомъ права? Но такъ какъ при развитомъ состояніи общества литературный трудъ доставляетъ матерьяльныя выгоды, то будетъ согласно съ природой человѣка желаніе автора укрѣпить за собой эти выгоды при содѣйствіи привилегіи, которую обезпечило бы за нимъ общество; и общество тѣмъ менѣе имѣетъ поводовъ отказать ему, чѣмъ большее значеніе получилъ въ немъ умственный трудъ.

Такъ какъ привилегіи являются результатомъ вниманія и покровительства, оказываемаго обществомъ развитію различныхъ способностей человѣка въ прямомъ отношеніи съ ихъ полезностью, предполагаемою или дѣйствительною, то онѣ имѣютъ такое же основаніе, какъ и общественныя отличія, ибо онѣ тоже состоятъ въ вознагражденіи добромъ за добро. Вслѣдствіе тожества цѣли и средствъ, почетныя отличія и привилегіи смѣшиваются весьма часто, такъ что нерѣдко одни замѣняютъ другія. Но, подобно тому, какъ общественныя отличія могутъ вызвать опасныя и гибельныя слѣдствія для общества, съ одной стороны, возбужденіемъ тщеславія и высокомѣрія, а съ другой—зависти и ненависти, такимъ же точно образомъ, могутъ оказаться для общества тягостными привилегіи, если онѣ будутъ состоять въ освобожденіи отъ общественныхъ повинностей, или въ монополіяхъ, подрывающихъ всеобщее благосостояніе.

Такъ какъ небезъинтересно было бы познакомиться съ различными ходячими понятіями о правосудіи, чтобы можно было сравнить съ ними объясненія, предложенныя въ настоящей главѣ, то мы изложимъ вкратцѣ мысли нѣсколькихъ великихъ писателей по этому вопросу.

Пифагоръ смотритъ на возмездіе, какъ на сущность правосудія, которое онъ обозначаетъ основнымъ числомъ, *единицей*, числомъ, величина котораго не измѣняется отъ помноженія на самого себя ($1\times1=1$).—Пифагоръ принялъ такимъ образомъ часть за цѣлое, такъ какъ идея возмездія есть

только одна изъ производныхъ идеи правосудія. — (См. *Rixner's Geschichte der Philosophie*, I, 105).

Все сочиненіе *Платона* о государствѣ обязано своимъ происхожденіемъ попыткѣ его анализировать идею справедливости. Онъ, тѣмъ не менѣе, разсматриваетъ ее главнымъ образомъ съ метафизической точки зрѣнія, по отношенію ея къ прочимъ разсудочнымъ способностямъ. Но, разсуждая о вліяніи ея на общественныя отношенія, онъ находитъ, что она состоитъ въ томъ, что каждый обязанъ оставаться въ кругу того, что̀ принадлежитъ ему, дѣлать и имѣть только то, что̀ составляетъ его право. — *Сократъ:* „Мы помнимъ, что государство будетъ справедливо, если каждое изъ трехъ, составляющихъ его сословій будетъ дѣлать только то, что̀ составляетъ его долгъ. Не забудемъ же, что каждый изъ насъ будетъ справедливъ, что онъ не выдетъ изъ своего званія, если онъ внутри самого себя будетъ дѣлать то, что́ согласно съ его природой." (*La République de Platon, ou Dialogues sur la justice*, I, 209). — *Сократъ:* „Поэтому, когда мы требовали, чтобы человѣкъ, родившійся плотникомъ, сапожникомъ, и такъ далѣе, занимался бы своимъ ремесломъ, и ни во что̀ не вмѣшивался бы, то мы, сами того не подозрѣвая, чертили образъ справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, справедливость имѣетъ полнѣйшее сходство съ этимъ образомъ, за исключеніемъ того, что она не останавливается на внѣшнихъ поступкахъ человѣка, но управляетъ внутреннимъ его міромъ, не допуская ни одной части души его дѣлать что̀ либо иное, кромѣ того, что̀ ей свойственно, и запрещая ей посягать на чужое право. Она требуетъ, чтобы человѣкъ, послѣ того какъ приведетъ въ порядокъ все внутри себя, послѣ того какъ овладѣетъ самимъ собой,..; она требуетъ, говорю я, чтобы человѣкъ началъ тогда дѣйствовать...; чтобы при всякихъ обстоятельствахъ человѣкъ назвалъ справедливымъ и прекраснымъ каждый поступокъ, который зародитъ и поддержитъ въ немъ этотъ стройный порядокъ." (Тамъ же, I, 212).

Платонъ не далъ, да и не могъ дать точнаго объясненія идеи справедливости, потому что онъ искалъ ее въ метафизическихъ отвлеченностяхъ. Онъ признавалъ, однако, что

одною стороной она прикасается къ дѣйствительности, и опирается на право. Но такъ какъ онъ не дошелъ до сознанія идеи права, ни до сознанія отношенія ея къ идеѣ справедливости, то онъ и не могъ составить себѣ точнаго представленія о послѣдней.

Аристотелю удалось не болѣе, какъ и Платону, достигнуть до сознанія идеи справедливости. Онъ старался объяснить сущность человѣческихъ обществъ изученіемъ существующихъ, но смотрѣлъ на нихъ чисто съ эмпирической точки зрѣнія. Останавливаясь на подробностяхъ, онъ не подымался до общихъ воззрѣній, и не умѣлъ уловить движенія идей, порождающихъ всѣ эти явленія.

Тщетно искали бы мы точнаго опредѣленія идеи справедливости во всей области, охватываемой римской юриспруденціей. Ни одинъ изъ знаменитыхъ римскихъ законовѣдовъ не пытался открыть прямую причину, общее правило, всѣхъ этихъ законовъ, которые они толковали съ такой ловкостью и остроуміемъ. Они имѣли такъ же мало общихъ представленій о справедливости, какъ и о правѣ.

Великое свѣтило первой эпохи среднихъ вѣковъ, Св. Августинъ, говоритъ: „Если устранить, поэтому, справедливость, то что же представятъ тогда собою государства, если не многолюдныя шайки разбойниковъ? Ибо самыя шайки разбойниковъ суть не иное что, какъ малыя государства?“ *(Sancti Aurellii Augustini de Civitate Dei,* l. XXII, t. I, p. 392. Franc. ac. Hamb.)

Первое изъ этихъ предложеній ясно указываетъ на противуположность между принципомъ справедливости и принципомъ силы, и тотъ особенный характеръ, который каждый изъ нихъ придаетъ обществу, но оно не имѣетъ научнаго значенія, потому что осталось необъясненнымъ.

Второе предложеніе даетъ нѣкоторое понятіе объ ученіи Св. Августина, потому что носитъ на себѣ отпечатокъ, характеризующій это ученіе. Въ его глазахъ земная жизнь (civitas terrena) не имѣетъ иной цѣли, какъ обезпеченіе жизни небесной (civitas Dei), то есть, существованіе церкви. Происхожденіе земной жизни и преслѣдуемыя ею цѣли Св. Авгу-

стинъ видитъ въ первобытномъ грѣхѣ, и указываетъ на истинныхъ представителей этого порядка вещей, *Каина* и *Ромула*, основателей городовъ и братоубійцъ. По его ученію, справедливости человѣческой и существовать не можетъ, такъ какъ оно допускаетъ одну только справедливость—справедливость божію.

Гуго Гроцій, безъ сомнѣнія, чувствовалъ, что справедливость есть идея сложная, но не съумѣлъ развить ее логически, а потому и даетъ ей смутное опредѣленіе. Онъ говоритъ, что подъ именемъ права (jus) слѣдуетъ разумѣть то, что̀ справедливо или, вѣрнѣе, въ отрицательномъ смыслѣ, то, что̀ не есть несправедливо. Согласно съ отношеніями равенства, существующими между братьями, товарищами, и проч., и съ отношеніями неравенства, слагающимися между родителями и дѣтьми, начальниками и подчиненными, онъ отличаетъ *право равныхъ (jus aequatorium)* и *право старшихъ (jus rectorium)*. Право, смотря по предмету, къ которому оно относится, бываетъ или личнымъ, или вещественнымъ. Гуго Гроцій называетъ личное право *способностью*, когда результатомъ его является совершенная сознательность въ обладаніи или въ поступкахъ, и называетъ его *склонностью*, когда дѣйствіе ея менѣе совершенно. По его мнѣнію, первая есть не иное что, какъ собственно такъ называемая справедливость, которую онъ называетъ также *justicia expletrix;* она бываетъ двухъ родовъ, и устанавливаетъ частное право человѣка и общественное право общества. Справедливость, называемая имъ *justicia attributrix*, основана на *склонности*, и побуждаетъ къ приличнымъ поступкамъ, къ тому, что̀ дѣлать надлежитъ (id quod convenit). Она сопровождаетъ добродѣтели, полезныя прочимъ людямъ, щедрость, милосердіе, и проч. Гуго Гроцій прибавляетъ: „Есть еще и третіе значеніе права, равносильное закону, всякій разъ какъ слово закона принимается въ обширнѣйшемъ смыслѣ, чтобы правило нравственныхъ поступковъ обязывало къ тому, что̀ справедливо“. Далѣе Гуго Гроцій устанавливаетъ еще различіе между справедливостью внѣшней и внутренней.

Пуфендорфъ говоритъ о справедливости, составляющей

личную принадлежность людей, вслѣдствіе которой они могутъ быть справедливыми по произволу, и объ объективной справедливости поступковъ, состоящей въ согласіи ихъ съ законами. Онъ допускаетъ, поэтому, еще другую справедливость кромѣ той, которая выражается законами; но прибавляетъ, что правовѣдѣніе занимается только послѣдней. Затѣмъ, онъ говоритъ о всеобщей справедливости, побуждающей оказывать людямъ то, на что̀ они не имѣютъ строго опредѣленнаго права, взывающей къ человѣколюбію, милосердію и проч., и о справедливости частной, опредѣленной положительнымъ закономъ. Расправа состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, „чтобы, подобно тому, какъ достоинство или заслуга одного относится къ достоинству другаго, такимъ же точно образомъ и возмездіе одного относилось бы къ возмездію другаго;“ и составляетъ атрибутъ верховной государственной власти. Онъ указываетъ на особенный видъ справедливости, называемой имъ *взаимной*, задача которой состоитъ въ опредѣленіи отношеній между людьми согласно съ существующими между ними договорами.—Пуфендорфъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ различіе между объясненіемъ справедливости, предлагаемымъ имъ и Гуго Гроціемъ: „Ибо дѣленіе это производится нами главнымъ образомъ на основаніи самой сущности предмета, долга, и источника его; Гроці́й же производитъ его на основаніи способа и какъ бы намѣренія, порождающаго долгъ.

Фольграфъ объясняетъ справедливость слѣдующимъ образомъ: „Любовь къ справедливости представляетъ только отрицательную сторону нравственности: не обижай никого, не посягай на чужое, и проч. Положительная сторона ея требуетъ: люби ближняго, какъ самого себя, безпрекословно приноси ему въ жертву личныя свои страсти.“ *(Die Systeme der practischen Politik im Abendlande,* I, 68).

Противъ этого опредѣленія можно сдѣлать слѣдующія возраженія:

Справедливость не есть чувство, но идея, способная къ точно такому же широкому развитію, какъ и общественныя отношенія, основанныя на опредѣленномъ правѣ, ибо она

обусловливаетъ самое существованіе этихъ отношеній, предохраняя ихъ отъ насильственныхъ покушеній.—Если люди не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ условіяхъ осуществленія идеи справедливости, то послѣдняя, тѣмъ не менѣе, можетъ быть угадана, и можно согласовать съ ней свои поступки по инстинктивному стремленію къ справедливости. Въ такомъ случаѣ, она можетъ имѣть видъ чувства, но когда мы доходимъ до сознанія ея раціональнаго происхожденія и свойственнаго ей діалектическаго развитія; когда мы видимъ, что каждое слѣдствіе, вызванное ею, соотвѣтствуетъ логическому выводу, то мы не можемъ не признать въ ней характера идеи.

Что же касается до отличія, устанавливаемаго Фольграфомъ между справедливостью и нравственностью въ томъ смыслѣ, что одна оказывается отрицательной и бездѣятельной, между тѣмъ какъ другая — положительной и дѣятельной, то, по отношенію къ справедливости, отличіе это имѣетъ смыслъ только по приложенію къ частному праву. Удерживаясь отъ покушенія противъ чужаго права или отъ причиненія вреда ближнему, мы дѣйствительно согласуется съ идей справедливости. Въ другихъ же отношеніяхъ, идея эта оказывается въ высшей степени дѣятельной, какъ въ законодательствѣ, гражданскомъ или уголовномъ, такъ и въ примѣненіи того и другаго.

Гегель говоритъ о томъ же предметѣ слѣдующее: „Правосудіе не есть ни нѣчто отвлеченное и постороннее, ни (что недостойно его) нѣчто дѣйствительное, обусловливаемое взаимнымъ коварствомъ, измѣной, неблагодарностью, и т. д., что совершается судомъ безсмысленно и случайно, какъ непонятное явленіе или безсознательное дѣйствіе или упущеніе; оно есть правда человѣческаго права, которая приводитъ къ общему равновѣсію вышедшую изъ этого равновѣсія личность, самостоятельность сословій и отдѣльныхъ людей; оно представляетъ живую силу народа, личность общества и самосознающую волю всѣхъ.“ *(Phænomenologie des menschlichen Geistes*, стр. 344). Въ другомъ мѣстѣ онъ опредѣляетъ правосудіе, хотя и подъ другимъ наименованіемъ, слѣдующей формулой:

„Догматъ, поэтому, права такой: будь личностью, и уважай личность въ другихъ.„ (*Hegel's Naturrecht, etc.* стр. 52).

Гегель разсматриваетъ правосудіе только по отношенію къ общественному праву. По его мнѣнію, оно есть не иное что̀, какъ сознаніе, которое пріобрѣтаетъ сама собой всеобщая воля. Личныя и сословныя требованія расплываются въ сущности этой общей идеи.

Мы не можемъ войти въ подробное разсмотрѣніе неосновательности такого опредѣленія правосудія. Замѣтимъ только, что оно отожествляетъ правосудіе съ народной волей. Но послѣдняя принадлежитъ къ области, охватываемой идей свободы, между тѣмъ какъ правосудіе принадлежитъ къ сферѣ права. Идея свободы стремится къ видоизмѣненію всѣхъ послѣдствій, порождаемыхъ послѣднимъ, и между прочимъ, самого правосудія, вмѣсто котораго она ставитъ равноправность.

Замѣтимъ еще, что религіозныя и нравственныя книги всѣхъ почти народовъ непремѣнно содержатъ какую нибудь формулу для опредѣленія идеи правосудія. Но подобныя правила или формулы не охватываютъ собой всей этой идеи, и ограничиваются установленіемъ прицина возмездія, такъ что они относятся къ одной только части, или къ фазѣ идеи правосудія, и именно къ той, которая является въ видѣ расправы. Таково правило: „Не дѣлай другому того, чего не желаешь, чтобы тебѣ было сдѣлано:“ [1]) и всѣ правила, устанавливающія возмездіе.

---

[1]) Это выраженіе взято изъ V ст. французской конституціи 1793 года, имѣвшей цѣлью обозначить предполагаемую *нравственную границу свободы*, какъ это и указано въ ней. Въ этомъ промахѣ нѣтъ ничего удивительнаго, если припомнить, до какой степени перепутаны всѣ понятія о соціальныхъ принципахъ въ этомъ произведеніи Геро де Сешелля, написанномъ подъ главнымъ руководствомъ Робеспьера. (См. *Histoire de la convention nationale* par *Barante*, III, 171).

ГЛАВА V.

Законная власть.

Настоящее сочиненіе имѣетъ въ виду показать главнымъ образомъ, что явленія, происходящія въ человѣческомъ обществѣ, обязаны своимъ происхожденіемъ нѣсколькимъ идеямъ. Общественныя явленія и существующая между ними связь представляютъ только внѣшнее выраженіе этихъ идей и соотношенія между ними. Слѣдовательно, если дѣло идетъ о значеніи какого либо соціальнаго факта, то объясненіе его можно начать, какъ съ изслѣдованія самого факта, такъ и съ изслѣдованія вызвавшей его идеи.

При изслѣдованіи права мы начали съ объясненія факта, устанавливающаго право; въ главѣ о правосудіи, напротивъ того, мы начали съ анализа идеи, и затѣмъ уже приступили къ изученію порождаемыхъ ею явленій.

Существенный принципъ правосудія, служащій ему основаніемъ и раціональной точкой отправленія, вытекаетъ изъ обобщенія основнаго принципа права. Но если принципъ этотъ не обобщается, и только переходитъ на другой предметъ, если вмѣсто предметовъ вещественнаго міра онъ направляется на другія человѣческія существа, то мы встрѣчаемся съ новой фазой идеи права, когда она получаетъ названіе *власти*. Поэтому, правосудіе вытекаетъ изъ измѣненія основной идеи права, тогда какъ власть вытекаетъ изъ простой перемѣны во внѣшнихъ условіяхъ.—Вотъ почему въ первомъ случаѣ слѣдовало объяснить измѣненіе анализомъ идеи, ибо въ этомъ состояла сущность вопроса, между тѣмъ какъ для объясненія власти, главное состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего установить фактъ, а затѣмъ уже указать, какимъ образомъ вытекаетъ изъ него власть.

Но для избѣжанія недоразумѣній, мы замѣтимъ теперь же, что идея права не есть единственный источникъ всякой власти. Идея эта порождаетъ только тотъ родъ власти, кото-

рый слыветъ подъ именемъ *законнаго—законность* (*légitimité*) [1]) Идея свободы тоже даетъ начало власти, которую, въ отличіе отъ первой, мы назовемъ *властью закона (autorité légale)*. Второстепенные соціальные принципы, духовное начало, военное, придаютъ, съ своей стороны, особенный характеръ власти. Тѣмъ неменѣе, такъ какъ власть, вытекающая изъ идеи права, стоитъ на первомъ планѣ, какъ въ области идей, такъ и въ области фактовъ, то она есть типъ, по которому слагаются всѣ остальныя.

§ I. — о первобытномъ семействѣ.

До сихъ поръ мы смотрѣли на людей, какъ на лица, между которыми мы не замѣчали никакихъ отношеній, кромѣ тѣхъ, которыя слагаются во имя идеи права, и укрѣпляются идей правосудія. — Но такой порядокъ вещей вовсе не свойственъ первобытному состоянію людей. Напротивъ того, только первый человѣкъ могъ родиться внѣ общественныхъ вліяній; остальные же люди, рождаясь въ семействѣ, съ первыхъ дней своего существованія находятся въ установившемся уже обществѣ; такъ какъ они не могутъ обойтись безъ опоры, то остаются болѣе или менѣе продолжительное время подлѣ родителей, которыхъ покидаютъ только впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, человѣкъ является предъ нами съ новой точки зрѣнія; и если мы разсматривали его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдѣльно отъ прочихъ людей, то въ другихъ онъ оказывается въ сношеніяхъ съ своими ближними, такъ какъ общество есть первобытное и необходимое состояніе для его земнаго существованія.

---

[1]) Всякое право, и между прочимъ то, которое даетъ происхожденіе власти, можетъ быть законнымъ, то есть, сложиться согласно съ идеей права, хотя бы и безъ признанія со стороны общества. Въ послѣднемъ случаѣ имъ нельзя будетъ пользоваться, но это не мѣшаетъ ему быть дѣйствительнымъ правомъ, ибо породившая его идея, даетъ ему свойственное ему значеніе, которое не зависитъ отъ какой либо иной точки зрѣнія на него, какъ напримѣръ, отъ точки зрѣнія, порождаемой свободой.

Фактъ этотъ имѣетъ важное значеніе при изученіи человѣческаго общества, ибо выводы наши естественно будутъ различны, посмотримъ ли мы на человѣка, какимъ онъ является въ дѣйствительности, то есть, въ сообществѣ другихъ людей, или же мы отстранимъ эти первоначальныя отношенія, и станемъ смотрѣть на него, какъ на одинокое существо съ самыхъ первыхъ дней его жизни. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ отношенія его къ остальнымъ людямъ естественно должны показаться результатомъ его воли, и упущено будетъ изъ виду то обстоятельство, что первыя общественныя отношенія, напротивъ того, налагаются на человѣка естественнымъ порядкомъ вещей, и что они сливаются съ самымъ началомъ его существованія.

Поставленный такимъ образомъ вопросъ не можетъ быть предметомъ спора; а между тѣмъ, онъ остается смутнымъ у большей части философовъ и публицистовъ, писавшихъ о происхожденіи общества. Уже Аристотель высказался такъ по этому вопросу: „Государство или гражданское общество есть первая цѣль, имѣющаяся въ виду природой. Цѣлое необходимо идетъ впереди части. Семейства и лица суть составныя части государства, подчиненныя цѣлому.“ (*Politique d'Aristote,* traduite par *Millon*, I, 11).—На государство смотрится здѣсь, какъ на оконченное дѣло природы, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него, какъ на результатъ послѣдовательнаго развитія. Вотъ почему самъ Аристотель признаетъ въ другомъ мѣстѣ, что государство развивается изъ своего зародыша, семьи; и хотя образованіе государства можетъ быть и иное, ибо оно можетъ возникнуть и изъ соединенія постороннихъ между собой людей, однако же, такъ какъ семейство есть источникъ, откуда происходятъ человѣческія существа, то оно и является производительной причиной государства, и идетъ впереди его, какъ въ порядкѣ времени, такъ и въ порядкѣ идей.

Если же, наперекоръ тому, что существуетъ въ дѣйствительности, смотрѣть на людей, какъ на существа, съ самаго происхожденія своего отдѣленныя другъ отъ друга, то фактъ ихъ послѣдующаго соединенія можетъ быть объ-

ясненъ только согласіемъ, произвольно установившимся между ними. По крайней мѣрѣ надобно допустить, что нѣсколько человѣкъ предварительно сговорились, чтобы имѣть возможность предписать свою волю другимъ людямъ. Вотъ почему столько писателей, упустившихъ изъ виду, какимъ образомъ слагается общество въ дѣйствительности, объясняютъ его происхожденіе договоромъ, формально заключеннымъ или, по крайней мѣрѣ, безмолвнымъ. Такимъ образомъ, ему приписываютъ вымышленное происхожденіе, вмѣсто того чтобы убѣдиться, что первыя отношенія человѣка къ своимъ ближнимъ начинаются съ первой минуты его существованія. Отношенія эти налагаются на него самою сущностью вещей, и вовсе не зависятъ отъ его выбора. Мы не имѣемъ, стало быть, права пройти молчаніемъ эти первобытныя отношенія, необходимыя, и начать съ изученія отношеній, зарождающихся позже и вовсе не необходимыхъ.

Такъ какъ семейство есть первое общество, возможное для человѣка, то необходимо изслѣдовать существующія въ немъ отношенія, прежде чѣмъ приступать къ изученію отношеній, слагающихся позже. Но такъ какъ отношенія эти могутъ развиваться согласно съ своей природой не иначе, какъ если они находятся внѣ всякаго внѣшняго вліянія, то они могутъ быть уловлены во всей ихъ чистотѣ только въ нормальномъ семействѣ, то есть, въ такомъ, въ которомъ они остались невредимы, по причинѣ ли уединенія семейства, или по причинѣ внутренней его независимости, охраняемой законодательствомъ.

Особенное естественное чувство и потребность умственной и физической опоры соединяютъ мужчину съ женщиной.

Чѣмъ напряженнѣе это чувство, тѣмъ болѣе оно исключительно. Оно порождаетъ отличительный характеръ супружескаго союза, теряющійся въ полигаміи [1]).

---

[1]) Въ сущности бракъ есть моногамія, ибо въ это отношеніе ставитъ себя и предается ему личность, какъ непосредственная, исключающая единичность; притомъ, истина и искреность (субъективная форма осуществленія) этого отношенія проистекаетъ лишь изъ взаимной, нераздѣльной преданности этой личности; послѣдняя получаетъ право

Отъ этого союза мужчины съ одною или нѣсколькими женщинами рождаются существа, совершенно безпомощныя, лишенныя всѣхъ средствъ для существованія, которыя неизбѣжно погибли бы, еслибы глубокое чувство не побуждало родителей къ заботамъ о нихъ во имя ихъ безпомощности.

Любовь и попеченія, обращенныя на ребенка, пробуждаютъ въ немъ сыновнее почтеніе; превосходство физическихъ и умственныхъ способностей отца внушаетъ ему страхъ и уваженіе. Беззащитное состояніе ребенка продолжается долго, и онъ незамѣтно привыкаетъ къ зависимости отъ того, кто постоянно повелѣваетъ имъ, и заботится о его нуждахъ. Привычка оказываетъ безграничное вліяніе на человѣческую природу, и выросшій ребенокъ незамѣтно сложился для жизни зависимой.

Вотъ какимъ образомъ, съ одной стороны, почтеніе и довѣріе, уваженіе, посторонній примѣръ и привычка, а съ другой стороны, такія же чувства привязанности и довѣрія соединяютъ членовъ семейства.

Потребность во взаимной помощи еще сильнѣе даетъ чувствовать имъ пользу этого союза. По выходѣ изъ дѣтства, сыновья все еще находятъ выгоднымъ оставаться съ отцемъ, и пользоваться его добромъ, вмѣсто того чтобы добывать его въ другомъ мѣстѣ, а глава семейства видитъ увеличеніе своего могущества по мѣрѣ умноженія членовъ своего семейства.

Всѣ эти нравственныя силы чувства и личнаго интереса образуютъ цѣлое, называемое *семейными узами*. Онѣ уравновѣшиваютъ силы, подрывающія единство семьи, и сплачиваютъ ее такъ, что лица, составляющія ее, смотрятъ на себя, какъ на одно неразрывное цѣлое [1]).

сознавать себя въ другомъ въ той только мѣрѣ, въ какой это другое является въ этой тожественности лицемъ, т. е. отдѣльною единичностью». *Naturrecht*, *Hegel*, стр. 174). «Нравственная сторона брака состоитъ въ сознаніи этого единства, въ довѣріи и общеніи всего индивидуальнаго существа.» (*Тамъ же* ст. 169.)

[1]) Въ Россіи долго считали отца и дѣтей неразрывно связанными между собой. Такимъ образомъ, дѣти приговаривались, по древнему

Но вліяніе этихъ узъ не ограничивается семействомъ; мы увидимъ, что съ нѣкоторыми измѣненіями онѣ встрѣчаются въ многолюдныхъ обществахъ.

Достаточно прослѣдить, какъ мы это сдѣлали, за естественнымъ развитіемъ первобытнаго семейства, чтобы убѣдиться, что встрѣчающіяся въ немъ отношенія представляются результатомъ вовсе не свободной воли человѣка, а естественнаго порядка вещей. Позже, при болѣе развитомъ состояніи общества характеръ семейства измѣняется. Отношенія между членами семейства и его главой не ограничиваются двумя этими факторами—властью и подчиненіемъ, но опредѣляются правилами, приходящими изъ внѣ, законодательствомъ, обязательнымъ для всего общества.

Признавъ семейство за результатъ естественнаго порядка вещей, намъ слѣдуетъ теперь открыть идеи, управляющія слагающимися въ немъ отношеніями.

§ II.—Объ идеѣ власти.

Мы уже указали на моментъ происхожденія идеи власти. Она возникаетъ въ ту минуту, какъ идея права раздѣляется на два русла, изъ коихъ одинъ приводитъ къ идеѣ правосудія;—другое русло опредѣляется устойчивостью идеи права, несмотря на измѣненіе внѣшнихъ условій для ея существованія.

Другими словами, человѣкъ не останавливается на идеѣ, что ближній его одаренъ одинаковымъ съ нимъ достоинствомъ, на представленіи, ведущемъ къ идеѣ справедливости, а настаиваетъ на собственномъ своемъ превосходствѣ надъ принадлежащими ему предметами, хотя бы они обратились въ сущность другаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія, между

русскому праву, къ смертной казни съ отцомъ въ пустынѣ (казнь эту называли *потокомъ*), если отецъ совершилъ убійство, не будучи вызванъ на него какой либо ссорой.—Приведемъ еще одинъ договоръ, заключенный въ началѣ XIII вѣка между Новгородомъ и жителями острова Готланда, договоръ, по которому дѣти продавались вмѣстѣ съ отцемъ, въ случаѣ если послѣдній не могъ расплатиться съ своими заимодавцами.

человѣкомъ и его собственностью оказывается совершенное отожествленіе, такъ что связь между ними дѣлается въ высшей степени прочной и сильной.

Человѣкъ не то что оспариваетъ съ этой точки зрѣнія равное ему духовное достоинство ближняго; но онъ не сознаетъ этой идеи, столь плодотворной по своимъ послѣдствіямъ. Идея эта обнаруживается уже впослѣдствіи общимъ движеніемъ понятій, составляющимъ умственный прогрессъ общества.

Согласно съ порядкомъ развитія соціальныхъ идей, можетъ показаться, что намъ слѣдовало бы обратиться къ изслѣдованію идеи власти прежде, чѣмъ къ идеѣ правосудія;—но мы уже замѣтили, что развитіе идей вовсе не слѣдуетъ какому либо хронологическому порядку.

Существованіе ихъ совпадаетъ съ происхожденіемъ общества, и только послѣдовательное проявленіе однѣхъ оказывается замѣтнѣе нежели другихъ.

Первое происхожденіе идеи права, всеобщаго и безразличнаго, осталось бы непонятнымъ, еслибы мы не объяснили его точными формулами гражданскаго права, получающаго прочность подъ охраной правосудія. И если мы разъ рѣшились избрать этотъ путь, то должны были идти по немъ до конца. Но послѣ того, какъ этотъ путь былъ пройденъ, намъ слѣдуетъ возвратиться къ исходной точкѣ идеи права, откуда берутъ начало идея правосудія и идея власти, чтобы прослѣдить такимъ же образомъ за развитіемъ послѣдней.

Мы приступимъ къ ея изслѣдованію съ той минуты, когда она обнаруживается въ дѣйствительности.

Когда глава передаетъ членамъ своего семейства пищу и другіе, необходимые для ихъ существованія предметы, то случается одно изъ двухъ: отношенія права между личностью и предметами или разрываются, и предметы обращаются въ собственность другихъ лицъ, или отношенія права продолжаются.—Въ послѣднемъ случаѣ, предметы продолжаютъ принадлежать главѣ семейства, хотя бы работой природы они обращены были въ составную часть тѣла другаго человѣка.

При однихъ обстоятельствахъ право прекращается, или сохраняется только въ извѣстныхъ границахъ, когда предметъ его переходитъ въ тѣло другаго человѣка. При другихъ обстоятельствахъ право остается неизмѣннымъ, и тогда нѣтъ границъ для его разширенія.

Поэтому, слѣдовало бы принять во вниманіе намѣреніе, ради котораго передавались предметы. Но мы тщетно искали бы точнаго указанія на намѣреніе въ данномъ случаѣ. Люди получаютъ точное сознаніе объ идеѣ права, какъ и объ идеѣ свободы, только когда умъ ихъ достигнетъ значительной степени развитія. Тѣмъ неменѣе, идеи эти, хотя бы онѣ сознавались только инстинктивно, все же управляютъ человѣческими поступками. — Поэтому, мы можемъ оцѣнить фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, только по подразумѣваемому смыслу, какой ему обыкновенно придается.

Если по духу эпохи предоставляется идеѣ права принять такое безграничное развитіе въ соціальныхъ отношеніяхъ, и исключить идею свободы, то право главы семейства, относительно зависящихъ отъ него лицъ, достигнетъ до той степени силы, какой оно достигло у римлянъ и у всѣхъ почти народовъ въ первобытную эпоху ихъ общественной жизни.

Право главы семейства будетъ тѣмъ безграничнѣе, что отцу принадлежатъ уже питательныя вещества, служившія матерьяломъ для образованія ребенка въ утробѣ матери.

Сама мать испытаетъ на себѣ крайнія послѣдствія права; ибо въ первобытномъ состояніи общества человѣкъ, избирающій себѣ жену, платитъ за нее выкупъ отцу или тому, у кого она до того находилась во власти. Эта плата за жену не имѣетъ другаго значенія, какъ возвратить цѣну предметовъ, которые она до этого потребила; такъ что, мужъ, заплативши за нихъ, считается выкупившимъ то право, которое имѣлъ другой на личность жены, переходящей теперь въ его владѣніе.

Предметы, принадлежащіе одному человѣку, переходятъ къ другому, тѣло котораго растетъ поглощеніемъ этихъ предметовъ. И если по духу времени не принимаютъ въ разсчетъ духовнаго начала, которымъ одарено тѣло человѣка,

или, если ему придаютъ только второстепенное значеніе, сравнительно съ матерьяльнымъ началомъ, то совершившееся такимъ образомъ превращеніе предметовъ вовсе не будетъ считаться настолько сильнымъ доводомъ, чтобы извлечь эти предметы изъ владѣнія перваго собственника.

Принятая въ такомъ смыслѣ власть усиливается новыми обстоятельствами. Дитя не умѣетъ пользоваться съ достаточной разумностью нѣкоторыми изъ органовъ и способностей, которыми оно одарено. Отецъ учитъ его пользоваться ими и совершенствовать ихъ, такъ что ребенокъ обязанъ этими успѣхами чужому разсудку. Обстоятельство это еще болѣе подчиняетъ его волѣ отца. Власть послѣдняго разширяется тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе обращается вниманія на личное достоинство человѣка. Но принципъ, порождающій это достоинство, остается неизвѣстнымъ, или по крайней мѣрѣ не даетъ практическихъ результатовъ въ первобытную общественную эпоху; соціальныя отношенія слагаются въ ней на основаніи одного только права, и долго остаются въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Интересы людей, стоящихъ во главѣ общества, потребность въ его охраненіи и спокойствіи поддерживаютъ такой порядокъ вещей.

Такимъ образомъ, идея права, если ничто не стѣсняетъ ея логическаго развитія, является въ новыхъ условіяхъ, въ основаніи которыхъ лежитъ собственность, простирающаяся на самое тѣло другаго человѣка. Эта фаза идеи права рождаетъ *идею власти.*

Въ этой фазѣ право, какъ на всѣхъ ступеняхъ своего развитія, представляетъ сторону духовную и матерьяльную.

Духовный принципъ власти есть не иное что, какъ воля вождя, а матерьяльный принципъ представляется тѣломъ людей, подчиненныхъ высшей волѣ.

Когда идея права рождаетъ идею власти, то мы доходимъ до крайняго развитія, возможнаго для основной идеи.

Идея власти не встрѣчаетъ никакого смягчающаго ее принципа среди всего порядка идей, къ которому она принадлежитъ. Если ничто не останавливаетъ ее, то свойственнымъ ей логическимъ путемъ она доходитъ до послѣднихъ

слѣдствій безграничной власти. Но въ строгомъ смыслѣ, ведущемъ къ этимъ результатамъ, идея права видоизмѣняется, когда возникнутъ идеи справедливости и свободы. Принципъ духовнаго равенства, порождающій ту и другую идею, смотря по тому, въ какомъ смыслѣ онъ будетъ принятъ, становится преградой для односторонняго развитія идеи права, и обращаетъ въ прахъ всѣ эти логическіе выводы, основанные на превосходствѣ человѣка, взятаго отдѣльно. Такимъ образомъ, идея права видоизмѣняется вліяніемъ идей, имѣющихъ иное раціональное основаніе, а не какимъ либо новоротомъ, самобытно совершающимся въ ея собственномъ развитіи.

Какъ только она подвергнется этому видоизмѣненію, то предметы, переходящіе въ тѣло другаго человѣка и, вслѣдствіе этого, вступившіе въ непосредственную связь съ его волей, испытываютъ вліяніе послѣдней, и образуютъ новое право.

Въ нихъ сталкиваются двѣ воли, прежняго и новаго владѣльца. Часть, принадлежащая каждой изъ нихъ, то есть, размѣръ власти, зависитъ именно отъ того, какъ принимаютъ люди идеи права.

Значеніе, приписываемое идеямъ права, даетъ, стало быть, мѣру власти, основанной на правѣ; чѣмъ ограниченнѣе ихъ значеніе, тѣмъ ограниченнѣе является и власть, пока послѣдняя не будетъ поставлена на одинъ уровень съ другой властью, вытекающей изъ идей свободы, происхожденіе и роль которой будутъ объяснены нами ниже.

§ III. — О различныхъ видахъ власти.

Мы уже показали, что право является то въ состояніи неподвижности, то въ состояніи подвижности, что пріобрѣтеніе его, какъ и пользованіе имъ, возможны только при содѣйствіи движенія. Послѣднее ограничивается однимъ проявленіемъ голоса, когда дѣло идетъ о пользованіи правомъ относительно домашнихъ животныхъ, привыкшихъ понимать значеніе такого выраженія воли. Когда же предметомъ права становится человѣческое существо, то проявленіе этого права тѣмъ легче можетъ быть выражено приказаніемъ, требующимъ отъ под-

чиненнаго лица какого либо дѣйствія: исполненіе приказанія осуществитъ пользованіе правомъ, обратившимся во власть.

Мы встрѣчаемъ такимъ образомъ двѣ человѣческія воли, изъ коихъ одна повелѣваетъ, другая повинуется, одна оказывается высшей, другая — низшей; такъ что, онѣ представляютъ видъ неравенства. Но мы должны замѣтить, что это господство одной воли надъ другой не простирается на сущность духовнаго начала, и ограничивается только внѣшними его проявленіями, поступками. Одна воля вызываетъ другую на поступокъ, опредѣляемый побужденіемъ, отличнымъ отъ ея собственнаго побужденія. Предположивъ право власти во всей его строгости, человѣкъ получилъ бы возможность, въ силу этого права, двигать тѣломъ другаго человѣка, какъ своимъ собственнымъ, какъ будто тѣло лица, подчиненнаго такому крайнему праву, перестало быть его принадлежностью. Такимъ образомъ, если предписывается какое либо дѣйствіе человѣку, находящемуся въ зависимости, то послѣдній повинуется посторонней волѣ на томъ основаніи, что за нимъ не признается право дѣйствовать согласно съ своей собственной.

Но отъ такого управленія чужой волей, существующаго во имя права, слѣдуетъ отличать управленіе, вызываемое недостаточнымъ развитіемъ умственныхъ способностей въ существѣ молодомъ или пораженномъ какимъ нибудь органическимъ недостаткомъ. Духовность полагается тожественной или одинаковой въ людяхъ по одной только своей сущности. Внѣшнее ея проявленіе зависитъ отъ личной организаціи, отъ развитія послѣдней, отъ случайныхъ и матерьяльныхъ вліяній. Вслѣдствіе этого, хотя духовное начало людей и одно и то же, но проявленія его различны; оно можетъ остановиться на одной изъ проходимыхъ имъ ступеней развитія, оно можетъ потемниться, и нерѣдко даже оно вовсе не проявляется.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ духовная сущность человѣка остается равной духовной сущности прочихъ людей, но, связанная съ тѣломъ, она подчиняется различнымъ матерьяльнымъ условіямъ, результатомъ чего является неравенство способностей, принадлежащихъ людямъ. Во время дѣтства человѣка, а часто и въ послѣдующій періодъ, это неравенство

оказывается столь значительнымъ, что оно не позволяетъ человѣку обойтись безъ посторонней умственной опоры. Послѣдняя получаетъ въ такомъ случаѣ названіе опеки, и можетъ относиться или къ личности, или къ имуществу.

Чѣмъ слабѣе разсудокъ, тѣмъ въ большей зависимости онъ находится отъ матерьяльныхъ вліяній [1]). Вотъ почему ребенокъ легче всего повинуется своимъ потребностямъ и склонностямъ; но такъ какъ послѣднія еще не окрѣпли въ немъ, то его слабыя еще побужденія такъ же легко исчезаютъ, какъ и появляются, въ особенности когда онъ встрѣчаетъ сильный и основательный отпоръ, между тѣмъ какъ собственныя его желанія еще не выяснились.

Вотъ какимъ образомъ ребенокъ привыкаетъ къ подчиненію чужой волѣ [2]). Но такъ какъ глава семейства не можетъ руководить всѣми поступками своихъ подчиненныхъ, то онъ предлагаетъ имъ общія правила для поведенія.

Если эти правила составляютъ выраженія не личной и измѣнчивой воли главы семейства, а получены имъ отъ предковъ, и самъ онъ имъ подчиняется, то они получаютъ названіе обычаевъ. Но въ небывалыхъ еще или въ чрезвычайныхъ случаяхъ правиломъ служитъ его личная воля. — Первобытное семейство слишкомъ узко, а жизнь его слишкомъ однообразна, чтобы въ немъ могло развиться настоящее законодательство. Это можетъ случиться только въ болѣе многочисленномъ обществѣ. Въ небольшомъ же обществѣ, гдѣ господствуетъ только воля родоначальника, основной принципъ правосудія не признается, — въ немъ замѣчаются только первые его проблески.

Однако же, небольшое общество можетъ сдѣлаться многолюднымъ, сохранивъ типъ семейства. Если въ него не про-

---

[1]) Вліяніе, почти исключительное, приписываемое Монтескье и другими писателями климату на побужденія человѣка, справедливо настолько, насколько тѣло господствуетъ надъ разумомъ. Такимъ образомъ, это вліяніе исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ развивается разумъ и, въ свою очередь, подчиняетъ себѣ тѣло.

[2]) Уваженіе человѣка болѣе основано на привычкѣ, чѣмъ на чувствѣ; то же самое и съ повиновеніемъ. (*Institution du droit de la nature et des gens*, par le comte *de Rayneval*, p. 38).

никнутъ идеи справедливости и свободы, то власть останется въ немъ абсолютной, законодательство — личнымъ [1]), а частное право — шаткимъ, такъ какъ послѣднее не будетъ имѣть гарантій, которыя могутъ быть доставлены ему только идеей правосудія. Но, по мѣрѣ того какъ въ обществѣ развивается эта идея, на основахъ, предлагаемыхъ ею, устанавливается законодательство и судебныя учрежденія. Заключившись въ эту сферу, они стремятся освободиться изъ подъ личнаго вліянія верховной власти, и устроиться отдѣльно отъ нея. Вслѣдъ за идеей справедливости, идея свободы еще рѣшительнѣе раздѣляетъ части, входящія въ составъ власти, возникшей изъ права. Она ослабляетъ ее въ особенности раздробленіемъ, состоящимъ въ томъ, что различныя части власти поручаются независимымъ другъ отъ друга лицамъ.

Вотъ какимъ образомъ совершается распаденіе власти, и выясняются различныя, составныя части ея — законодательство, судъ, спеціальныя общественныя власти, администрація, вооруженная сила, финансы.

ГЛАВА VI.

Свобода.

§ I. — объ идеѣ свободы.

Мы уже говорили, что идея есть разсудочное движеніе между лицемъ и какимъ нибудь предметомъ. Въ числѣ этихъ предметовъ находятся и всѣ явленія, въ которыхъ зарождаются и видоизмѣняются различныя права. Разсудочное движеніе,

---

[1]) Древніе сборники обычаевъ (Гріазутра) индусовъ содержатъ слишкомъ строгія или слишкомъ высокія правила, чтобы они могли имѣть практическое значеніе. Эти обычаи служили скорѣе общимъ руководствомъ для жизни, чѣмъ точными правилами для отдѣльныхъ случаевъ. Къ тому же, на одинъ и тотъ же случай въ нихъ встрѣчается обыкновенно нѣсколько правилъ. Уже древніе греки замѣтили, что суды въ Индіи не имѣли для руководства никакихъ писанныхъ законовъ.—Такой порядокъ вещей, искони существовавшій во всемъ востокѣ, сохранился тамъ до настоящаго времени. (*Duncker*, II, 96).

имѣющее предметомъ эти явленія, есть идея права. До сихъ поръ мы разсматривали ее отдѣльно, чтобы прослѣдить за ея развитіемъ, такъ какъ она является въ чистомъ видѣ только въ этомъ состояніи. — Но идея права можетъ развиваться въ исключительномъ смыслѣ только до тѣхъ поръ, пока она имѣетъ преобладающее значеніе въ обществѣ, пока люди держатся только на точкѣ зрѣнія права.

Когда всѣ соціальныя отношенія обусловливаются однимъ только логическимъ развитіемъ права, то личность исчезаетъ изъ общества, собственное духовное достоинство, принадлежащее каждому человѣку, не признается. — Человѣкъ, охваченный цѣпью матерьяльныхъ фактовъ, опирающихся на логическіе выводы, суровые, но неотразимые съ той исключительной точки зрѣнія, съ какой они представляются, теряетъ свою волю. Онъ представляетъ неболѣе какъ единицу, имѣющую значеніе только вмѣстѣ съ другими, подобными же единицами, подчиненными посторонней волѣ одного или небольшаго числа лицъ. Развиваясь безъ всякаго противудѣйствія въ исключительномъ смыслѣ, идея права устанавливаетъ такимъ образомъ господство матеріи надъ духомъ.

Въ обществѣ людей, находящихся въ такихъ условіяхъ, мы видимъ всегда, что одинъ или нѣсколько человѣкъ обладаютъ правомъ, имѣющимъ болѣе отдаленное происхожденіе. Вслѣдствіе этого, право это получаетъ все большее и большее развитіе. И если, по общему воззрѣнію какой либо эпохи, или какого либо народа, право не можетъ ни прекратиться, ни измѣниться, даже въ такомъ случаѣ, когда въ видѣ питательныхъ веществъ оно переходитъ въ тѣло другихъ людей, то принятое въ такомъ смыслѣ, оно кончаетъ тѣмъ, что поглощаетъ всѣ личныя права въ обществѣ, или не даетъ имъ возможности проявиться.

Исторія представляетъ множество примѣровъ такого явленія, но въ ней встрѣчаются и противуположные примѣры. Сила, значеніе права, вмѣсто того, чтобы оставаться неизмѣннымъ, претерпѣваютъ измѣненія, то медленныя, совершающіяся вѣками, то въ болѣе короткія эпохи. — Тѣмъ неменѣе, идеѣ права свойственно одно только движеніе. — Оста-

вленная на произволъ, она развивается постоянно въ одномъ и томъ же направленіи, съ минуты своего зарожденія до послѣднихъ, крайнихъ выводовъ, какіе только возможны для нея.

Поэтому, если развитіе этой идеи, хотя бы оно совершалось логически правильнымъ путемъ, останавливается; если выводы, вытекающіе изъ принятыхъ посылокъ, отвергаются, то причина такого отклоненія не можетъ вытекать изъ самой идеи.

И дѣйствительно, существуетъ порядокъ идей, движущихся въ противуположномъ направленіи идеямъ права, порядокъ, на который мы уже нѣсколько разъ указывали. Это—то разсудочное движеніе, которое возникаетъ, когда люди получаютъ сознаніе о равномъ духовномъ достоинствѣ ихъ относительно другъ друга.

Мы уже показали, что принципъ равнаго духовнаго достоинства людей порождаетъ идею справедливости. Но равенство, о которомъ дѣло идетъ въ такомъ случаѣ, касается только матерьяльнаго міра; оно означаетъ, что всѣ люди пользуются одинаковымъ превосходствомъ относительно вещественныхъ предметовъ, равною способностью установлять право. Равное духовное достоинство, имѣющееся въ виду въ другомъ случаѣ, касается самихъ людей, и означаетъ, что всѣ они одарены одинаковымъ духовнымъ достоинствомъ относительно другъ друга.

Сознаніе, получаемое ими отъ этого представленія, вызываетъ разсудочное движеніе. Въ человѣкѣ, замѣчающемъ, что онъ совершенно подчиненъ волѣ другаго, является мысль дать отпоръ этому насильственному завладѣнію его тѣла чужою волей. Онъ хочетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки, пользоваться своими способностями и средствами ради собственной выгоды и по собственному усмотрѣнію. Изъ равнаго духовнаго достоинства всѣхъ людей онъ заключаетъ, что если тѣло его можетъ быть порабощено другимъ, то воля его не можетъ быть подчинена до такой степени, чтобы она утратила всякую самостоятельность.

Вытекающее отсюда разсудочное движеніе, останавливающее развитіе права, называется *идеей свободы*. — И, подобно тому, какъ продуктомъ *идеи права* являются различные роды права,

которые можно подвести подъ одно общее названіе *права*, такимъ же точно образомъ, и идея свободы даетъ въ общемъ результатѣ *свободу*, которая, въ приложеніяхъ своихъ имѣетъ различныя значенія. Такимъ образомъ говорятъ: *свободный человѣкъ*, или человѣкъ, пользующійся свободой, въ противуположность человѣку, обращенному въ рабство, или даже во всякое иное зависимое положеніе. *Льготы* или *вольности* гражданскія, муниципальныя и политическія, означаютъ освобожденіе отъ извѣстныхъ стѣсненій или повинностей. *Свобода политическая* имѣетъ иное значеніе, чѣмъ свобода, во имя которой устанавливается общность имуществъ, или *коммунизмъ*.

Изъ стремленія, свойственнаго идеѣ свободы, слѣдуетъ, что она не даетъ непосредственнаго результата, какъ это дѣлаетъ идея права. Продуктъ ея—это результаты, полученные противудѣйствіемъ ея развитію идеи права. Творчество ея ограничивается преобразованіемъ результатовъ идеи права, вслѣдствіе ограниченія и другихъ измѣненій, вызываемыхъ въ нихъ идеей свободы.

Такимъ образомъ, антагонизмъ между двумя соціальными идеями вытекаетъ, прежде всего, изъ того, что онѣ различны по своему основному принципу, то есть, по тому принципу, который служитъ имъ точкой отправленія, и затѣмъ руководитъ ихъ логическимъ развитіемъ; онѣ не могутъ отступить отъ этихъ принциповъ безъ нарушенія требованій логики. Это коренное различіе между ними ведетъ къ противуположнымъ логическимъ выводамъ и результатамъ по всѣмъ пунктамъ, на которыхъ сталкиваются обѣ эти идеи. Но онѣ сталкиваются постоянно, ибо какъ та, такъ и другая стремится овладѣть всѣми соціальными отношеніями, устанавливающимися какъ между человѣкомъ и вещественными предметами, такъ и между людьми.

Замѣтимъ, что весьма важно составить себѣ точное представленіе объ этомъ антагонизмѣ между двумя соціальными идеями. Онъ обнаруживается прежде всего въ сферѣ, охватывающей все общество и всю совокупность слагающихся въ немъ отношеній. Результаты, къ которымъ приводитъ одностороннее развитіе идеи права, имѣютъ въ виду наложить на

людей стѣсненія, которыя могутъ сдѣлаться чрезмѣрными. Идея свободы противудѣйствуетъ этому стремленію идеи права; человѣкъ проникнутый этой идеей, становится въ оппозицію съ порядкомъ вещей, установившимся въ обществѣ согласно съ идеей права. Въ такомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ антагонизмомъ прямымъ и явнымъ. Но, вслѣдствіе того, что идея права была остановлена въ своемъ развитіи; вслѣдствіе того, что сила и значеніе права получили ограниченіе, измѣненіе это должно отразиться на правахъ каждаго человѣка: права эти потерялип режнюю силу, и не имѣютъ своего прежняго значенія. Изъ этого слѣдуетъ, что противудѣйствіе вызванное идеей свободы въ сферѣ, охватывающей всѣ соціальныя отношенія, тоже отразится на каждомъ человѣкѣ.— Обѣ соціальныя идеи не могутъ дѣйствовать согласно даже относительно одной и той же личности, ибо независимо отъ ея воли, отношенія между обѣими идеями измѣняется, одна развивается на счетъ другой, что̀ и служитъ доказательствомъ существованія непримиримаго антагонизма между ними.

Такимъ образомъ, идея свободы становится прежде всего въ прямое противудѣйствіе чужому праву, будетъ ли дѣло идти о правѣ общественномъ или о правѣ частномъ, установившемся въ обществѣ; съ другой стороны, по естественному порядку вещей, каждый человѣкъ старается сохранить принадлежащее ему право въ возможно широкихъ размѣрахъ. Но такъ какъ въ борьбѣ между двумя идеями дѣло идетъ о смыслѣ и значеніи, какіе слѣдуетъ приписать идеѣ права, то изъ этого слѣдуетъ, что вліяніе идеи свободы имѣетъ всеобщее значеніе; вліяніе это настигаетъ право во всѣхъ принимаемыхъ имъ видахъ, всюду, гдѣ только оно проявляется, во всей его совокупности, какъ и въ его подробностяхъ. Когда всеобщее право подвергается ограниченію, то и право того или другаго лица испытываетъ ту же участь. Поэтому, человѣкъ, дѣйствующій противъ права другаго лица, ограничивая его общее значеніе, дѣйствуетъ, хотя и косвеннымъ путемъ, противъ своего собственнаго права. Право и свобода во всѣхъ возможныхъ случаяхъ остаются отиличными одно отъ другой, они никогда не отожествляются.

А между тѣмъ, предполагалось, и даже единодушно, что право и свобода тожественны между собой; этимъ вполнѣ объясняется незарѣшимый хаосъ, господствовавшій до сихъ поръ во всѣхъ понятіяхъ о соціальныхъ отношеніяхъ. Хаосъ этотъ не прекратится, пока не будетъ признано заблужденіе по этому капитальному вопросу.

Такъ какъ мы уже указали въ 1-ой главѣ тѣ стороны, на которыя должно быть обращено вниманіе въ этомъ вопросѣ, то мы ограничимся въ настоящемъ мѣстѣ добавленіемъ нѣсколькихъ дополнительныхъ объясненій.

Существуетъ неизмѣнный признакъ, по которому всегда можно опредѣлить практически, какія явленія принадлежатъ къ области права, и какія — къ области свободы. Если фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, касается предмета права, то, согласно съ основнымъ принципомъ послѣдняго, онъ долженъ относиться къ лицу, такъ какъ право установляется во имя превосходства, отличающаго человѣка. Каждый предметъ права необходимо связывается съ однимъ или съ нѣсколькими лицами: къ этимъ лицамъ, какъ къ отдѣльнымъ личностямъ, относится предметъ. — Напротивъ того, если фактъ принадлежитъ къ сферѣ свободы, то онъ долженъ относиться ко всѣмъ людямъ, потому что основной принципъ свободы имѣетъ одинаковое значеніе для всѣхъ людей.

Такимъ образомъ, напримѣръ, неприкосновенность жилища есть фактъ, относящійся къ области права: онъ касается только людей, имѣющихъ дома или жилища. За этими людьми признается способность пользоваться правомъ относительно этого предмета, и пускать къ себѣ только того, кого они пожелаютъ. Поэтому, проникнуть въ жилище или захватить въ немъ человѣка посредствомъ насилія было бы нарушеніемъ этого права. Вотъ почему неприкосновенность жилища особенно строго наблюдалась между народами, у которыхъ право отличалось особенной стойкостью, и прежде всего у римлянъ, а затѣмъ у англосаксонцевъ. Неприкосновенность личности, напротивъ того, есть принципъ свободы, потому что онъ касается всѣхъ людей.

Два эти различные порядка вещей нетолько смѣшивались

между собой, но и извращались во множествѣ случаевъ. Такимъ образомъ, принималась вообще за право способность перейти въ другую страну или перемѣнить состояніе, а также всеобщее голосованіе, тогда какъ эти факты относятся къ области свободы, какъ только разъ допущено, что они касаются безразлично всѣхъ людей. Они порождены ограниченіемъ власти, вытекшей изъ права. Съ другой стороны, называютъ вольностями неприкосновенную свободу жилища и способность дѣлать произвольное завѣщаніе, между тѣмъ какъ тутъ дѣло идетъ о пользованіи правомъ, принадлежащимъ нѣкоторымъ только лицамъ, имѣющимъ жилище и собственность; но это не касается рабовъ, такъ какъ за ними не признается даже права собственности.

Измѣненія, происшедшія въ идеѣ права вслѣдствіе вліянія идеи свободы, нетолько въ нѣкоторыхъ ея частностяхъ, но и во всей ея совокупности, тоже могутъ быть опредѣлены по извѣстнымъ внѣшнимъ признакамъ. Воззрѣнія на результаты, порожденные идеей права, измѣняются въ обществѣ до нѣкоторой степени во всей своей совокупности. За ними не признается безграничной продолжительности, имъ отказываютъ въ неизмѣнномъ уваженіи, имъ предписываются болѣе тѣсныя границы, самый смыслъ ихъ измѣняется. Затѣмъ, законодательство закрѣпляетъ происшедшія перемѣны въ понятіяхъ, и устанавливаетъ такимъ образомъ новый порядокъ вещей. Тогда и на судебныя учрежденія смотрятъ съ иной точки зрѣнія. Общественное правосудіе не стремится къ исключительной цѣли — поддерживать право во всей его строгости, оно обращаетъ больше вниманія на самихъ людей, чѣмъ на отношенія ихъ къ вещественнымъ предметамъ. Въ этомъ состоитъ основной принципъ *идеи равноправности*. — Власть, вышедшая изъ права, по природѣ своей исключительно личная, то есть, основанная на личной волѣ, замѣняется властью закона. — Но личная воля стѣсняется не въ одной только сферѣ власти; идеѣ права свойственно предоставлять лицу возможно большій просторъ въ пользованіи правомъ, ибо право устанавливается волей человѣка, и видоизмѣняется вслѣдствіе различныхъ порождаемыхъ ею актовъ. Идея сво-

боды, напротивъ того, стремится подчинить всѣ воли контролю закона, равно обязательнаго для всѣхъ, такъ какъ это принципъ, дополняющій принципъ равнаго духовнаго достоинства всѣхъ людей.

§ II. — О различныхъ видахъ своводы и о зависимости между собой соціальныхъ идей, нравственной идеи и религіозной.

По мѣрѣ того какъ зарождается и крѣпнетъ идея свободы, она останавливаетъ развитіе идеи права на различныхъ пунктахъ. Прежде всего она останавливаетъ ее тамъ, гдѣ установилась безграничная власть, потому что отъ послѣдней она испытываетъ наибольшія стѣсненія. Затѣмъ, она обращается противъ собственно такъ называемаго права, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось.

Итакъ, противудѣйствіе идеи свободы касается всѣхъ фазъ идеи права въ обратномъ отношеніи съ развитіемъ послѣдней. Развитіе идеи права начинается съ личнаго права, и приходитъ къ власти, между тѣмъ какъ идея свободы начинаетъ съ противудѣйствія идеѣ власти, и кончаетъ противудѣйствіемъ личному праву.

Противудѣйствіе идеи свободы идеѣ права во всей его совокупности, составляетъ то, что́ разумѣютъ подъ общимъ именемъ *свободы*. Это — собственно такъ называемая свобода.— *Политическая свобода* есть та, которая противудѣйствуетъ общественной власти, *а коммунизмомъ* или *соціализмомъ* называютъ тотъ видъ свободы, который направленъ противъ личнаго права [1]).

---

[1]) Научныя теоріи, сложившіяся въ Англіи и въ особенности во Франціи, въ противуположность личному праву, различаются только объясненіемъ общности имуществъ. По теоріи *коммунизма*, имущества должны постоянно дѣлиться на равныя части, что́ равносильно полному уничтоженію права собственности. С. Симонъ и, до него, Базаръ хотѣли, чтобы этотъ дѣлежъ производился согласно съ требованіями справедливости. По ихъ воззрѣнію, государство должно наслѣдовать всякое имущество, остающееся по смерти члена общества, и затѣмъ, дѣлить его между самыми трудолюбивыми и самыми искусными работниками, такъ какъ они болѣе всего содѣйствуютъ приращенію народнаго капитала. Соціализмъ не желаетъ общности имуществъ, и тре-

Подобно тому какъ въ сферѣ права существуетъ два главные рода послѣдняго: право частное и право общественное, принадлежащія, первое—отдѣльнымъ лицамъ, а второе—власти, вышедшей изъ права, такимъ же точно образомъ существуетъ и два вида соотвѣтствующей имъ свободы. Но это разграниченіе между обоими видами свободы болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Идея свободы можетъ долгое время ограничиваться явнымъ противудѣйствіемъ однимъ только общественнымъ учрежденіямъ, и въ то же самое время незамѣтно подкапываться косвеннымъ путемъ подъ частное право. Она достигаетъ этого результата ослабленіемъ уваженія, окружающаго право, или, если это окажется возможнымъ, произвольнымъ противудѣйствіемъ праву, напримѣръ, обложеніемъ достаточныхъ классовъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ.

Это будетъ еще только косвенное дѣйствіе идеи свободы, но, достигнувъ извѣстной степени развитія, эта идея прямо противудѣйствуетъ личному праву и вытекающей изъ него личной собственности, такъ какъ антагонизмъ между обѣими идеями необходимо отражается и на всѣхъ послѣдствіяхъ ихъ.

Еслибы прогрессивная сила права никогда не встрѣчала противудѣйствія въ обществѣ, еслибы право одного человѣка, исходя изъ болѣе отдаленнаго источника, чѣмъ права прочихъ членовъ общества, оставалось неизмѣннымъ, и постоянно возрастало съ размноженіемъ общества, то человѣкъ, пользующійся такимъ широкимъ правомъ, неизбѣжно достигъ бы подчиненія своей волѣ нетолько права, но даже тѣла другихъ людей. Онъ будетъ съ безусловнымъ произволомъ распоряжаться всѣми ихъ поступками, которые обратятся въ простыя машинальныя дѣйствія, лишенныя всякой самопроизвольности. Въ обществѣ будетъ господствовать одна

буетъ только организаціи труда на основаніяхъ ассоціаціи. Продуктъ труда долженъ дѣлиться соотвѣтственно съ участіемъ, принимаемымъ каждымъ работникомъ въ его произведеніи, участіемъ, выражающимся трудомъ, талантомъ или капиталомъ. По этой теоріи, члены общества не имѣютъ права располагать по своему усмотрѣнію имуществомъ своимъ и трудомъ, но должны подчиняться указаніямъ общества, какъ общества (См. *Stahl*, III, 84 и проч.).

воля, которой не для чего будетъ обращать вниманіе на волю прочихъ людей. Разъ вступивши на такой путь, идея права можетъ достигнуть того, что человѣкъ добровольно откажется отъ своей воли, и не будетъ въ состояніи сдѣлать шагу безъ посторонней опоры.

Уже самый инстинктъ, если не размышленіе, показываетъ, что такой порядокъ вещей можетъ быть измѣненъ только при содѣйствіи иныхъ идей, изъ внѣ проникающихъ въ область права. Можно воспрепятствовать внѣшнему проявленію этихъ идей, но нѣтъ возможности остановить ни зарожденія ихъ, ни дальнѣйшаго развитія. Тогда, смотря по обстоятельствамъ, онѣ или останутси въ скрытомъ состояніи, или не замедлятъ проявить себя. Если имъ удастся обнаружиться, вслѣдствіе ли самостоятельнаго развитія, или вслѣдствіе какого либо внѣшняго толчка, то онѣ прежде всего направятся противъ существующей власти, такъ какъ послѣдняя вызвала это противудѣйствіе. Поэтому, борьба между двумя идеями возникнетъ на этой почвѣ, а такъ какъ обѣ идеи противуположны по самымъ цѣлямъ своимъ, то и борьба эта получитъ общій характеръ.

Если же, напротивъ того, борьба противъ власти вызвана будетъ случайно, насильственными дѣйствіями или какой нибудь иной причиной неудовольствія, не сопровождаясь пробужденіемъ идеи свободы, то и противудѣйствіе власти получитъ частный характеръ, и направится скорѣе противъ отдѣльныхъ личностей, чѣмъ противъ общественныхъ учрежденій. По этому признаку можно узнать настоящую борьбу между политическими принципами, вовсе непохожую на временную вспышку, направленную противъ отдѣльныхъ лицъ и фактовъ, послѣ которой, съ прекращеніемъ распри, все приходитъ въ обычный порядокъ.

Идея права, развиваясь въ одностороннемъ направленіи, не только можетъ не сходить съ логическаго пути, но, напротивъ того, развитіе ея будетъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ менѣе удалится она отъ своего основнаго принципа, и чѣмъ строже будетъ она держаться его. Соотвѣтствіе между идеями и фактами будетъ тѣмъ точнѣе, что никакое постороннее соображеніе

не нарушаетъ его. И тѣмъ не менѣе, такое логическое съ виду сооруженіе окажется безъ фундамента, если взглянуть на него съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, то есть, съ такой, которая охватываетъ всѣ соціальныя явленія. — Разсматривая право отдѣльно, мы беремъ его иначе, чѣмъ какъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Существуетъ не одна, а нѣсколько точекъ зрѣнія на общественныя явленія, смотря по различнымъ соціальнымъ идеямъ или второстепеннымъ принципамъ, принимавшимъ участіе въ этихъ отношеніяхъ. Если, слѣдовательно, мы будемъ держаться одного воззрѣнія, одного принципа, одного порядка вещей въ обществѣ, то это означало бы то же, что смотрѣть на человѣка съ одной только духовной, или съ одной только матерьяльной стороны, видѣть его назначеніе въ военномъ состояніи, торговомъ, или въ созерцаніи божественныхъ предметовъ.

А между тѣмъ, люди легче всего становятся на какую нибудь исключительную точку зрѣнія. У всѣхъ народовъ право первоначально толкуется въ строгомъ, нерѣдко въ самомъ крайнемъ значеніи. Въ такомъ смыслѣ принимаютъ его люди, и подчиняются ему, какъ необходимости, неизбѣжно сопровождающей всякій общественный порядокъ. Но съ измѣненіями понятій измѣняется и идея права. Желать въ такомъ случаѣ сохраненія за правомъ первоначальнаго значенія будетъ противурѣчіемъ между фактами и идеями, противурѣчіемъ тѣмъ бо̀льшимъ, чѣмъ совершеннѣе разойдутся прежніе факты съ новыми идеями. Борьба эта можетъ вызвать насильственное столкновеніе, но послѣднее можетъ быть и отстранено, если общественныя учрежденія принаравливаются къ перемѣнамъ, совершающимся въ понятіяхъ. Это доказываетъ, что внутреннее спокойствіе общества зависитъ отъ согласія между фактами и идеями. Пока факты согласуются съ породившими ихъ идеями, до тѣхъ поръ общій строй, каковъ бы онъ ни былъ, будетъ соотвѣтствовать потребностямъ общества; но если иден измѣнятся безъ соотвѣтствующаго имъ измѣненія въ фактахъ, то равновѣсіе между обоими факторами будетъ нарушено, и общество будетъ волноваться, пока снова не найдетъ этого равновѣсія.

Слѣдуетъ, однако, отличать дѣйствительную перемѣну въ понятіяхъ отъ перемѣны поверхностной, или совершившейся только отчасти. Перемѣна эта точно выражается въ воззрѣніяхъ, называемыхъ обыкновенно общественнымъ мнѣніемъ, когда умственное развитіе народа выразилось настолько единодушно, что представляетъ понятія большинства. Иное бываетъ, когда движеніе это происходитъ неравномѣрно; когда только нѣкоторые классы общества, немногочисленные сравнительно со всей массой, слѣдовали за развитіемъ идей свободы, между тѣмъ какъ остальные строго придерживаются идей права. Такъ какъ основной принципъ идеи свободы состоитъ въ одинаковомъ духовномъ достоинствѣ людей, то онъ не можетъ имѣть полнаго примѣненія тамъ, гдѣ принципъ этотъ не прошелъ въ массы, или если послѣднія оказываются развитыми крайне неравномѣрно, относительно знанія, нравственности и возвышенныхъ чувствъ. Равновѣсіе не иначе установится въ такомъ обществѣ, какъ по мѣрѣ распространенія въ немъ однородности.

Перейдемъ теперь ко второму виду идеи свободы, когда дѣятельность ея направлена противъ частнаго права.

Въ обществѣ, въ которомъ права развивались очень неравномѣрно, нѣкоторыя лица оказываются богатыми, другія же лишены самаго необходимаго, потому что все вокругъ нихъ уже занято. Человѣкъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ матерьяльнымъ элементомъ чужаго права, побуждается инстинктомъ самосохраненія освободиться отъ гнета, лишающаго его средствъ существованія. А такъ какъ этотъ гнетъ причиняется личнымъ правомъ, то стремленіе къ освобожденію, составляющее собственно сущность идеи свободы, проявится, и направится на расторженіе связей, приковывающихъ вещи къ человѣку. Другими словами, дѣло будетъ идти о сохраненіи или разрушеніи частной собственности.

Идеи, направляющіяся противъ права, и въ особенности противъ частной собственности, получаютъ различное названіе. Когда онѣ стремятся къ общности имуществъ, то называются *коммунистическими идеями*. Ученіе же, ограничивающееся введеніемъ труда на основаніи ассоціаціи, называется *соціализмомъ*.

Идея свободы стремится къ противудѣйствію праву во всемъ его объемѣ: праву общественному, какъ и частному. Съ точки зрѣнія свободы, доведенной до послѣдней крайности, подлежитъ оспариванію само личное право, неразрывно слившееся съ личностью. За человѣкомъ, пріобрѣвшимъ какой нибудь талантъ или усовершенствовавшимъ какую либо изъ принадлежащихъ ему способностей, не признается права пользоваться ими исключительно въ свою пользу; личность вполнѣ подчиняется обществу, часть котораго она составляетъ. Личныя права, въ чемъ бы они ни состояли, поглощаются общественной пользой.

Итакъ, идея свободы, достигши крайняго своего развитія, кончаетъ отрицаніемъ личнаго права. Право это прекращается и уступаетъ мѣсто праву, принадлежащему всему обществу. Человѣкъ, безъ сомнѣнія, сохранитъ способность создавать спеціальное право, вызываемое личными его потребностями, но эта способность останется безъ примѣненія, такъ какъ всѣ частныя права поглощаются общимъ правомъ общества.

Но, какъ не можетъ быть заглушена способность къ праву, такъ же не можетъ быть искоренена и способность, порождающая свободу. Безграничная власть не можетъ настигнуть ее въ глубинѣ совѣсти, и можетъ воспрепятствовать только ея обнаруженію. Такимъ образомъ, ни одна изъ соціальныхъ идей не можетъ вполнѣ заглушить другую или окончательно исключить ее изъ свойственной ей сферы дѣятельности.

Изслѣдованіе стремленія, обнаруживаемаго духомъ противъ матерьяльныхъ захватовъ права, приводитъ къ вопросу объ отношеніяхъ духа вообще къ матерьяльному міру въ человѣческомъ организмѣ, представляющемъ внѣшнее единство. Это значитъ взяться за разрѣшеніе таинственнаго факта, которому живыя существа обязаны своимъ существованіемъ. Но подъ этимъ внѣшнимъ единствомъ кроется внутренній антагонизмъ между духомъ и тѣломъ, когда первый пытается освободиться отъ вліяній тѣла и отъ вызываемыхъ имъ страстей. Стремленіе это зарождаетъ новую идею—*нравственности*.

Раціональнымъ основаніемъ для нея служитъ превосходство духа надъ матеріей, а цѣль ея состоитъ въ поддержаніи этого превосходства освобожденіемъ духа изъ подъ вліянія тѣла. Но идеи не остаются неподвижными, а потому, нравственная идея, достигши до своего осуществленія подъ именемъ различныхъ добродѣтелей, воздержанія, самоотверженія, великодушія, продолжаетъ движеніе по свойственному ей направленію. А какъ права, принадлежащія человѣку, представляются только развитіемъ его личности, такъ какъ они связаны съ нею, то нравственная идея дѣйствуетъ и на нихъ. Это даетъ начало другимъ добродѣтелямъ: благотворительности, милосердію, щедрости. Всѣ онѣ вытекаютъ изъ того, что человѣкъ, поднимается духомъ выше матерьяльнаго элемента, и освобождается отъ различныхъ его проявленій, и, между прочимъ, отъ проявленій права.

Вслѣдствіе назначенія права, удовлетворять нуждамъ человѣка, личное право запечатлѣно эгоизмомъ. Поэтому, нравственное противудѣйствіе ему будетъ состоять въ измѣненіи назначенія права; оно вызываетъ готовность отказаться отъ него въ пользу другихъ.

Такимъ образомъ, навстрѣчу потоку идей, порождаемыхъ правомъ, идутъ два другіе потока. Они стремятся въ равной степени къ подчиненію или уничтоженію права. Но одно изъ этихъ движеній направляется противъ чужаго права, а другое—противъ собственнаго права. Поэтому, побужденія, приводящія къ одному и тому же результату—разрушенію связей права—такъ же различны между собой, какъ добровольное или насильственное отреченіе отъ права на какой либо предметъ, то есть, какъ самопроизвольный даръ и вынужденный.

То и другое разсудочное движеніе, въ окончательномъ своемъ развитіи, приводятъ къ общности имуществъ. Послѣдняя могла бы распространиться только въ обществѣ, въ которомъ нравственныя идеи достигли до такой степени развитія, что побуждали бы людей къ добровольному пожертвованію своимъ имуществомъ; въ противномъ случаѣ, цѣль эта можетъ быть достигнута только обязательнымъ пожертвованіемъ.

Первый случай предполагаетъ такой порядокъ вещей, который несогласенъ съ тѣмъ, что существуетъ въ дѣйствительности; второй случай можетъ быть вызванъ, по крайней мѣрѣ отчасти, бѣдственнымъ состояніемъ низшихъ классовъ общества, но встрѣтитъ сопротивленіе со стороны прочихъ. Ибо, если съ одной стороны, можетъ встрѣтиться въ обществѣ настоятельная необходимость въ значительномъ ограниченіи права собственности, напримѣръ, въ пожертвованіи десятой части ея, то съ другой стороны, несомнѣнно будетъ существовать въ немъ неменьшая необходимость сохранить за правомъ такое значеніе, чтобы оно могло служить основой для общественныхъ отношеній. Въ такомъ случаѣ, вопросъ изъ области идей переходитъ на почву фактовъ, а рѣшеніе его будетъ зависѣть отъ тѣхъ силъ и средствъ, которыя вызваны будутъ къ дѣятельности.

Поэтому, коммунистическія теоріи въ сущности могутъ быть осуществлены только въ первобытномъ состояніи общества, въ которомъ собственность состоитъ еще изъ ничтожнаго числа предметовъ, легко добываемыхъ или непредставляющихъ особенныхъ неудобствъ при общинномъ пользованіи, какъ напримѣръ, земли и воды, пригодныя для общей охоты или рыбной ловли.

Изслѣдованіе нравственныхъ вопросовъ съ философской точки зрѣнія составляетъ предметъ отдѣльной науки. Послѣдняя отлична отъ науки объ общественныхъ отношеніяхъ, но такъ какъ обѣ онѣ занимаются отношеніями между людьми, то имѣютъ и значительное сходство между собой, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ указать въ общихъ чертахъ, какъ на сходство, такъ и на различіе между ними.

Общественная наука имѣетъ своимъ предметомъ объясненіе идей, обращающихся въ человѣческомъ обществѣ, и явленій, въ которыхъ онѣ проявляются. Нравственная наука стремится главнымъ образомъ къ возвышенію человѣческаго духа надъ матеріей; этимъ она пополняетъ косвеннымъ путемъ пробѣлы, оставляемые всякимъ общественнымъ порядкомъ, основаннымъ на исключительномъ движеніи соціаль-

ныхъ идей. Изученіе этого стремленія и производимаго имъ вліянія и составляетъ предметъ нравственной науки.

Такъ какъ идея права опирается на матерьяльный элементъ, то для поддержанія порядка, сложившагося на основаніи этой идеи, можетъ быть употреблена матерьяльная сила. То же самое можетъ быть и съ соціальнымъ порядкомъ, основаннымъ на идеѣ свободы, такъ какъ все дѣйствіе послѣдней состоитъ въ преобразованіи учрежденій, построенныхъ на идеѣ права. Нравственная идея, напротивъ того, своимъ стремленіемъ къ возвышенію духа и къ униженію матерьяльныхъ элементовъ, дѣйствуетъ въ сферѣ, исключающей физическую силу. Основная черта нравственности есть произвольный выборъ, который можетъ быть направленъ воспитаніемъ, постороннимъ примѣромъ, но никогда не можетъ быть предписанъ насильственно. И если общество требуетъ насильно соблюденія того, что признано называть общественной нравственностью, то здѣсь существуетъ недоразумѣніе въ словахъ, обозначающихъ правила для поведенія и приличія, правила, которыя могутъ быть обязательны, такъ какъ несоблюденіе ихъ обращается въ скорбленіе для другихъ.

Согласно съ основнымъ своимъ принципомъ, нравственность обращается къ каждому человѣку отдѣльно. Вслѣдствіе этого, она не можетъ быть общей основой для соціальныхъ отношеній; практическое ея примѣненіе возможно только по доброй волѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. Налагаемая насильственно, она измѣняетъ свой характеръ, и обращается въ принципъ, навязываемый чужимъ произволомъ.

Право, напротивъ того, не измѣняетъ своего характера, будетъ ли оно исполняться добровольно, или по принужденію. Вотъ почему, несмотря на всѣ видоизмѣненія, вносимыя въ него свободой и другими соціальными принципами, даже самимъ насиліемъ, оно, тѣмъ неменѣе, остается основнымъ принципомъ общественнаго порядка.

Нравственность не останавливается на обязанностяхъ, требуемыхъ законодательствомъ — за исполненіемъ ихъ наблюдаютъ общественныя учрежденія — она рекомендуетъ обязанности, указываемыя воззрѣніями, благодушными для другихъ

и щекотливыми для самого себя. Она научаетъ быть вѣрнымъ требованіямъ чести и даннымъ обѣщаніямъ. Она совѣтуетъ людямъ добровольно отказываться отъ слишкомъ широкихъ или слишкомъ строгихъ правъ, смягчать суровости общественныхъ отношеній, и спѣшить на помощь власти содѣйствіемъ ей частными средствами. Всѣ эти обязанности соединены съ бременемъ, принимаемымъ добровольно.

Итакъ, между идеей права и идеей нравственности существуетъ то сходство, что та и другая основаны на превосходствѣ духа человѣческаго надъ матерьяльнымъ міромъ, и то различіе, что первая подчиняетъ человѣку матерію установленіемъ связи между ними, тогда какъ нравственность стремится къ тому же подчиненію матеріи возвышеніемъ духа, освобождая его отъ матерьяльныхъ вліяній, въ особенности въ томъ случаѣ, когда духъ и матерія ближе всего соприкасаются въ самомъ тѣлѣ человѣка.

Между идеей свободы и идеей нравственности существуетъ то общее сходство, что послѣдняя допускаетъ основной принципъ идеи свободы — равное духовное достоинство всѣхъ людей между собою — ибо она дѣйствуетъ на каждаго человѣка, чтобы, при содѣйствіи духа, поднять его надъ матеріей, и признаетъ за всѣми людьми возможность достигнуть этого. Обѣ идеи одинаково стремятся къ отраженію вліяній матеріи, съ тою, впрочемъ, разницей, что одна противудѣйствуетъ чужому праву, а другая — собственному тѣлу человѣка и принадлежащему ему праву.

Между идеей справедливости и идеей нравственности существуетъ то сходство, что послѣдняя тоже принимаетъ равное духовное достоинство всѣхъ людей относительно вещественныхъ предметовъ, ибо она допускаетъ ихъ духовное равенство относительно другъ друга, но обѣ идеи различаются по своимъ стремленіемъ. Идея справедливости стремится къ сохраненію всего, созданнаго правомъ, тогда какъ нравственность стремится расположить человѣка къ пожертвованію правомъ. Въ примѣненіи къ жизни справедливость отличается отъ нравственности тѣмъ, что первая опредѣляется законодательствомъ и предписывается судебными учрежденіями, между

тѣмъ какъ вторая можетъ проявляться только самопроизвольно. На этомъ основаніи, нравственность оказываетъ свое содѣйствіе соціальнымъ идеямъ, и служитъ дополненіемъ ко всѣмъ вытекающимъ изъ этихъ идей учрежденіямъ.

Согласно съ существенной чертой нравственности — дѣйствовать главнымъ образомъ отдѣльно на каждаго человѣка — люди становятся судьями поступковъ, касающихся нравственности: они выказываютъ уваженіе за хорошіе и презрѣніе — за дурные, такъ что въ огромномъ числѣ случаевъ контроль такого рода оказывается болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ контроль, находящійся въ распоряженіи общественной власти.

Положенію, устанавливающему въ сферѣ права расправу посредствомъ возмездія за добро и за зло, соотвѣтствуетъ въ области нравственности ученіе объ отплатѣ за добро добромъ, если не на дѣлѣ, то въ желаніи и намѣреніи. Отсюда вытекаютъ обязанности, налагаемыя благодарностью и преданностью. Что же касается до возмездія зломъ за зло, то въ однихъ случаяхъ нравственность признаетъ его, въ другихъ допускаетъ, и даже требуетъ его въ случаяхъ оскорбленія чести. Тутъ она находится въ противурѣчіи съ другимъ правиломъ, требующимъ прощенія за нанесенныя обиды: это правило, стоящее выше всѣхъ остальныхъ, предлагается религіей.

Идеи ограничиваются тѣмъ развитіемъ, къ которому онѣ способны; границы эти указываются матерьяльной цѣлью, къ которой стремится идея съ минуты своего возникновенія, такъ какъ идея есть не иное что, какъ разсудочное отношеніе между человѣкомъ и какимъ либо предметомъ, подлежащимъ оцѣнкѣ. Движеніе идеи можетъ совершаться только при посредствѣ логическаго механизма. Для существованія идеи необходимы только два условія: существованіе предмета, подлежащаго оцѣнкѣ, и возможность логическаго ея движенія.

Если мы достигнемъ болѣе или менѣе совершеннаго сознанія о предметахъ, на которыхъ сталкивается духъ и матерія, если мы получимъ затѣмъ отвлеченное представленіе о матеріи независимой отъ духа, то мы прійдемъ къ логическому выводу, что и духъ тоже можетъ существовать въ отвлеченномъ представленіи или независимомъ отъ матеріи. Мы открываемъ,

стало быть, существованіе чисто духовной сущности, но мы не имѣемъ средствъ для ознакомленія съ этой духовной сущностью. Ибо мы можемъ уловить духъ только тогда, когда онъ связанъ съ матеріей, когда онъ представляется предметомъ идеи. Но душа спеціально одарена способностями, ставящими ее въ прямыя отношенія къ чистому духу; это — вѣра, чувство, вдохновеніе. — Чрезъ ихъ посредство устанавливаются отношенія между человѣкомъ и Всевышнимъ Существомъ. — Въ этомъ состоитъ религія. Результатомъ ея служитъ божественная нравственность, отличающаяся во многихъ отношеніяхъ отъ нравственности человѣческой, то есть, отъ той, къ которой приводитъ идея нравственности. Эта идея, подобно всякой другой идеѣ, развивается діалектически помощью логическаго процесса; но религія остается внѣ области идей. Она обращается не къ разуму, а къ чувству: любовь къ Богу и къ ближнему составляетъ основной принципъ всякой истинной религіи. Религія налагаетъ на человѣка болѣе строгія и болѣе высокія обязанности, чѣмъ тѣ, которыя указываются логикой идей; она стремится развить въ немъ чувство, которое будетъ для него болѣе надежнымъ руководителемъ, чѣмъ логика, въ которую такъ легко проскользаетъ заблужденіе. Но гораздо труднѣе вызвать въ человѣкѣ чувство, чѣмъ научить его правильно мыслить. Вотъ почему одна только истинная религія достигла до воззрѣнія на чувство, какъ на долгъ, и заставляетъ избирать его для руководства въ отношеніяхъ людей между собою.

Безъ религіи не могли бы существовать нѣкоторыя общественныя учрежденія, или они потеряли бы свое настоящее значеніе. Церковный бракъ, присяга, религіозное уваженіе къ власти, какъ въ государствѣ, такъ и въ семьѣ, не имѣютъ инаго источника, кромѣ религіи.

До пришествія Христа добродѣтель во всемъ древнемъ мірѣ состояла въ разумномъ поведеніи согласно съ нравственностью, смутной и неимѣющей прочной основы. Основной принципъ равнаго духовнаго достоинства всѣхъ людей, какъ относительно вещественныхъ предметовъ, такъ и относительно другъ друга, былъ неизвѣстенъ древнему міру. Христосъ открылъ

его міру, и только тогда могли зародиться идеи справедливости, свободы и нравственности. Но надъ всѣми правилами, вытекающими изъ этихъ идей, Христосъ поставилъ верховное правило — любовь къ Богу и къ ближнему, поддерживаемую вѣрой. Религія отдѣляется, поэтому, отъ сферы идей нематерьяльной цѣлью, къ которой она стремится, и средой, въ которой она дѣйствуетъ, то есть, вѣрой, чувствомъ, которыя принадлежатъ уже не одному разуму.

Если мы станемъ на исключительную точку зрѣнія идеи права, идеи свободы или идеи нравственности, то ничего не поймемъ въ логикѣ двухъ другихъ идей. Только ставъ на болѣе возвышенную точку зрѣнія, позволяющую охватить разомъ всѣ три идеи, можно составить о нихъ полное понятіе. То же самое и съ религіей. Ее нельзя понять съ точки зрѣнія, доставляемой идеями, ибо между областью мысли и областью религіи нѣтъ ничего общаго. Религіозное чувство поднимается на высоту недоступную для разума, — и посредствомъ чувства же религія восполняетъ тѣ недостатки общественнаго порядка, которыя вытекаютъ изъ соціальныхъ и нравственныхъ идей.

Мы думаемъ, что сказаннаго достаточно для доказательства существеннаго различія между соціальными и нравственными идеями. Однако же, ихъ смѣшивали и продолжаютъ смѣшивать, несмотря на свѣтъ, пролитый на этотъ вопросъ нѣсколькими мыслителями. Правда, свѣта этого было недостаточно для всесторонняго его разъясненія.

Лейбницъ первый угадалъ, что между правомъ и нравственностью должно существовать различіе, но ему не удалось раскрыть его. *Томазіусъ* поставилъ вопросъ болѣе точно. Онъ объясняетъ происхожденіе нравственности потребностью человѣка имѣть покойную совѣсть, пользоваться, какъ онъ выражается, внутреннимъ міромъ, и приписываетъ происхожденіе права потребности во внѣшнемъ мирѣ. Но, указавъ на это отличіе, справедливое только въ весьма ограниченномъ смыслѣ, Томазіусъ не развиваетъ и не доказываетъ его. *Фихте* пред-

ложилъ болѣе основательное различіе между правомъ и нравственностью, отнеся ихъ къ двумъ различнымъ принципамъ, изъ коихъ одному онъ даетъ названіе *внѣшней свободы*, а другому — названіе *внутренней свободы*. Различіе это напоминаетъ объясненіе, данное Томазіусомъ, но, подобно послѣднему, оно не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Фихте не пошелъ далѣе этого указанія, которому онъ не могъ придумать объясненія вслѣдствіе недостаточной точности, отличающей вообще всѣ его представленія о человѣческомъ обществѣ. *Кантъ* принялъ ученіе Фихте, но не далъ ему болѣе точныхъ объясненій. *Гегель* снова перепуталъ соціальныя идеи, тожественныя, по его мнѣнію, съ *нравственностью*, которую онъ принялъ за основной принципъ для государства, семейства и общественныхъ учрежденій. — *Сталь* шелъ по слѣдамъ Гегеля, какъ въ этомъ, такъ и во множествѣ другихъ вопросовъ, несмотря на радикальное различіе между доктринами того и другаго. Подобно Гегелю, онъ смѣшиваетъ нравственность, право и свободу. Но, наперекоръ своимъ основнымъ положеніямъ, онъ справедливо замѣчаетъ, что нравственность можетъ служить руководствомъ для отдѣльнаго человѣка, а не для всего общества, такъ какъ въ послѣднемъ находится много порочныхъ личностей. Для послѣднихъ необходимо правило, которое было бы для нихъ обязательно. А такъ какъ нравственность не можетъ быть вмѣнена насильственно, то она и остается для руководства отдѣльныхъ личностей. *Трендленбургъ* подчиняетъ право требованіямъ нравственности, которой онъ даетъ названіе *этики*. Послѣднюю онъ принимаетъ за источникъ права, вмѣсто того, чтобы искать происхожденія той и другой въ двухъ совершенно различныхъ идеяхъ.

Но если даже въ наше время наука смѣшиваетъ соціальныя идеи между собой и съ нравственностью, то этого не встрѣчается уже въ современномъ законодательствѣ, какъ это было въ средніе вѣка. Въ ту эпоху закономъ предписывались чувства и добродѣтели, которыя цѣликомъ принадлежатъ къ области нравственности и религіи [1]). Такъ что въ этомъ вопросѣ,

[1]) «Когда общество только еще слагается, то въ грубыхъ и варварскихъ его законахъ, издающихся въ періодъ его дѣтства, не встрѣ-

какъ и во множествѣ другихъ, практическій здравый смыслъ служилъ болѣе надежнымъ руководителемъ, чѣмъ теоретическія воззрѣнія.

§ III. — О равноправности.

По мѣрѣ преобразованія права, такія же измѣненія испытываетъ и правосудіе въ своемъ примѣненіи къ фактамъ. Ибо, вслѣдствіе стремленія его идти вслѣдъ за внѣшними ограниченіями права, сфера правосудія стѣсняется по мѣрѣ стѣсненія границъ права. Но когда идея свободы получитъ несомнѣнное преобладаніе, то идея правосудія претерпѣваетъ измѣненіе нетолько во внѣшнемъ своемъ проявленіи, но и въ самой своей сущности. Равное духовное достоинство людей относительно предметовъ внѣшняго міра подчиняется принципу равнаго духовнаго достоинства ихъ относительно другъ друга; такъ что послѣдній будетъ вытѣснять все болѣе и болѣе основной принципъ правосудія. — Въ такомъ приложеніи къ правосудію *идея* свободы является, какъ *идея равноправности*, а совокупность правилъ, вытекающихъ изъ этой идеи, называется *равноправностью*, — это результатъ ея.

Итакъ, равноправность состоитъ въ примѣненіи основнаго принципа идеи свободы къ фактамъ, которые въ области права относятся къ правосудію. При равноправности, на от-

---

чается нравственныхъ требованій, ибо все направлено еще къ предупрежденію насилій и захватовъ чужой собственности. Когда общество достигнетъ высшей степени развитія, то нравственность тоже не входитъ въ его законодательство.... Но между этими двумя ступенями развитія,... существуетъ эпоха, въ которую законодательство завладѣваетъ нравственностью, направляетъ, обнародываетъ, предписываетъ ее.... Законъ опредѣляетъ отношенія, находящіяся въ зависимости отъ долга, подлежащія ему лица, чувства, которыя онъ долженъ воспитывать, понятія, предписываемыя долгомъ. Онъ нетолько предписываетъ добродѣтели, но перечисляетъ ихъ, и опредѣляетъ ихъ примѣненіе. Нравственность играетъ въ законодательствѣ важную роль; она поименовываетъ взаимныя обязанности вассаловъ и владѣльцевъ, чувства, которыя они должны питать другъ ко другу, самыя доказательства этихъ чувствъ, которыя они обязаны выказывать другъ другу». (*Гизо*, привед. соч. IV, 32).

ношенія людей другъ ко другу и къ вещественнымъ предметамъ смотрятъ съ точки зрѣнія идеи свободы.

Вышедши изъ идеи свободы, идея равноправности имѣетъ одинакое съ ней раціональное основаніе, одинакое стремленіе къ сопротивленію праву и въ особенности основанному на немъ правосудію. Послѣднее имѣетъ цѣлью закрѣпить неравенство правъ, а равноправность противудѣйствуетъ этому неравенству, подобно всякому принципу, вытекающему изъ идеи свободы. Отъ идеи, которой она обязана своимъ существованіемъ, она отличается только спеціальнымъ своимъ назначеніемъ — замѣщать законодательство и судебныя учрежденія, сложившіяся подъ вліяніемъ правосудія, законодательствомъ и учрежденіями, проникнутыми болѣе свободнымъ духомъ. Въ сущности, идеи свободы и равноправности составляютъ, стало быть, одну идею, въ одномъ случаѣ дѣйствующую на идею права, а въ другомъ — на идею правосудія.

Когда дѣло идетъ о примѣненіи принципа равнаго духовнаго достоинства людей, то не должно понимать его, какъ равенство матерьяльное, подлежащее измѣренію. Духовное равенство означаетъ только, что каждая личность имѣетъ собственное свое достоинство, независимое отъ достоинства другихъ людей. Вслѣдствіе этого принципа, человѣкъ не можетъ быть вполнѣ порабощенъ другимъ человѣкомъ, какъ это бываетъ въ томъ случаѣ, когда имѣется въ виду духовное достоинство одного только или небольшаго числа лицъ, а не всѣхъ.

Но на практикѣ эти теоретическія различія не соблюдаются, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ организаціей человѣческаго общества вообще, и съ сущностью идей правосудія и равноправности въ частности. Инстинктивно люди сознаютъ, впрочемъ, что основной принципъ равноправности не состоитъ въ матерьяльномъ равенствѣ, и потому, разсуждая на основаніи равноправности, они имѣютъ въ виду только смутное усложненіе вопроса, въ которомъ, прежде всего необходимо примѣненіе инаго правила, чѣмъ то, которое предлагается законодательствомъ, основаннымъ на идеѣ правосудія. Вслѣдствіе этого, является точка воз-

рѣнія на соціальныя явленія вполнѣ субъективная, въ которой рѣшительно не имѣется ничего, что̀ бы могло быть принято за общее правило. Выражаясь философскимъ языкомъ, слѣдовало бы сказать въ настоящемъ случаѣ, что̀ не имѣется никакой объективности.

Она замѣняется болѣе всего распространеннымъ мнѣніемъ о значеніи, приписываемомъ равному достоинству людей. — Вотъ почему суды, судящіе на основаніи равноправности, прежде всего соображаются съ общественнымъ мнѣніемъ.

Обвиненіе, которое нерѣдко раздается противъ нихъ за такое личное или одностороннее отношеніе къ дѣлу, можетъ быть иногда и основательно, но въ большей части случаевъ оно несправедливо потому именно, что не имѣется другаго средства отыскать опору для равноправности, кромѣ сложившагося о ней общественнаго мнѣнія. Вотъ почему послѣдствія идеи равноправности носятъ на себѣ характеръ еще меньшей устойчивости, чѣмъ послѣдствія самой родоначальницы равноправности – свободы.—Продукты послѣдней могутъ быть закрѣплены посредствомъ законодательства, и получить такимъ образомъ прочность; между тѣмъ какъ характеристическая черта равноправности состоитъ въ примѣненіи къ фактамъ принципа, неопредѣленнаго по своей сущности и подчиненнаго господствующему мнѣнію, нерѣдко неуловимому и крайне подвижному.

Это подтверждается законодательствомъ и судебными учрежденіями, сложившимися подъ вліяніемъ идеи равноправности. Основой имъ служитъ господствующее въ обществѣ мнѣніе; но вслѣдствіе представляющейся трудности, забота объ объясненіи этой основы передается одному или нѣсколькимъ законодателямъ. Они могутъ строго руководиться принципомъ равнаго духовнаго достоинства людей, но толкованіе ихъ всегда будетъ зависѣть отъ личныхъ ихъ убѣжденій.

Напротивъ того, если законодатель будетъ руководиться одною только идеей правосудія, то на него можно смотрѣть, какъ на органъ, служащій этой идеѣ средствомъ для осуществленія ея въ дѣйствительности. Съ этой точки зрѣнія, задача законодателя состоитъ въ изученіи движенія идеи справедли-

вости въ томъ видѣ, въ какомъ она проявляется въ обычаяхъ и въ міросозерцаніи народа [1]).

Судебныя учрежденія обнаруживаютъ такое же разнорѣчіе, смотря по тому, установлены ли они согласно съ идеей правосудія, или согласно съ идеей равноправности. Судебныя учрежденія высшаго порядка руководствуются положительнымъ законодательствомъ, но низшія основываются на принципѣ, допускающемъ различныя толкованія. Эта двойственная основа легче всего замѣчается въ учрежденіи суда присяжныхъ. Въ странахъ, въ которыхъ присяжные руководствуются точнымъ законодательствомъ, и составляютъ себѣ убѣжденіе по личному воззрѣнію, приговоръ можетъ быть основанъ на большинствѣ голосовъ, такъ какъ большинство это представляетъ основной принципъ всякой власти въ обществѣ, въ которомъ преобладаютъ идеи свободы. Тамъ же, гдѣ судъ присяжныхъ имѣетъ характеръ учрежденія, болѣе опирающагося на идею правосудія, чѣмъ на идею равноправности, приговоръ его долженъ быть основанъ на единодушіи, такъ какъ нельзя допустить разнорѣчія въ толкованіи положительнаго закона. — Римскіе преторы тоже воображали, что они судятъ на основаніи равноправности. Но въ Римѣ не могло существовать ни свободы, ни равноправности, соотвѣтствующей основному принципу свободы: никогда ни одинъ римлянинъ не воображалъ, чтобы всѣ люди были равны въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того, ни въ одной странѣ законодательство не понималось въ исключительномъ смыслѣ правосудія или равноправности. Оно всегда допускаетъ совмѣстно и тотъ, и другой принципъ, хотя нерѣдко въ весьма неравныхъ размѣрахъ. Но если ни одна изъ обѣихъ идей не можетъ осуществиться въ видѣ полной системы, совершенно исключивъ другую, то онѣ могутъ настолько разойтись, что вызовутъ,

---

[1]) Въ этомъ состоитъ сущность ученія Нибура, Савиньи, Эйхгорна, Гуго, ученія, слывущаго вообще подъ именемъ исторической школы. Другая точка воззрѣнія принадлежитъ раціональной школѣ.

какъ въ Англіи, и въ особенности въ Римѣ, два отдѣльные рода законодательства и судебныхъ учрежденій [1]).

Когда равноправности удается занять мѣсто правосудія, то это происходитъ не вслѣдствіе какого либо внезапнаго переворота. Кромѣ того, подобная перемѣна не можетъ также совершиться въ такихъ широкихъ размѣрахъ, чтобы принципъ правосудія совершенно исчезъ изъ общества, и уступилъ мѣсто равноправности. Идеи правосудія и равноправности слѣдуютъ за движеніемъ основныхъ идей, изъ коихъ онѣ выгекаютъ, и переплетаются между собой, какъ переплетаются ихъ основныя идеи. Только пропорціи ихъ сочетанія не одинаковы, то есть, идеи права и свободы могутъ переплетаться между собой въ иныхъ размѣрахъ, чѣмъ идеи правосудія и равноправности. Ибо правосудіе имѣетъ дѣло только съ частнымъ правомъ, и касается общественнаго права только насколько послѣднее носитъ на себѣ характеръ частнаго права. Оно остается чуждымъ той фазѣ права, въ которой право является въ видѣ власти; развитіе послѣдней останавливается противуположнымъ движеніемъ идеи свободы. Изъ этого слѣдуетъ, что равноправность, имѣющая дѣло съ однимъ правосудіемъ, направляется преимущественно тоже противъ частнаго права и всѣхъ порождаемыхъ имъ явленій. Поэтому, если дѣятельность идеи свободы довольствуется ограниченіемъ власти, и не достигаетъ той степени развитія, на которой она обращается противъ частнаго права, то равноправность не будетъ въ состояніи замѣстить правосудіе въ такомъ общественномъ устройствѣ.

Такимъ образомъ, въ Соединенныхъ штатахъ Америки политическая свобода принимаетъ несравненно большее участіе въ общественномъ устройствѣ, чѣмъ равноправность, ибо частное право въ нихъ сложилось въ высшей степени прочно, и потому, оно преимущественно находится подъ охраной правосудія. Чтобы представить примѣръ другаго случая, то есть, такого, когда ослабляется частное право, а не власть,

[1]) Въ Римѣ изъ равенства произошло преторское право; въ Англіи изъ равенства вытекли особын судебныя учрежденія и особыя законоположенія. (*Hugo*, *Naturrecht*, стр. 124).

слѣдовало бы вообразить общество, въ которомъ подобная реформа производится сверху. — При такомъ порядкѣ вещей, равноправность неизбѣжно заняла бы мѣсто правосудія по всѣмъ вопросамъ, касающимся частнаго права.

Нѣчто подобное случилось въ Римѣ, въ которомъ едва существовала политическая свобода, между тѣмъ какъ воображаемая равноправность служила основнымъ принципомъ для первостепенныхъ судебныхъ учрежденій, въ которыхъ предсѣдательствовали преторы. Но это сближеніе представляетъ только кажущееся сходство; ибо равноправность преторовъ была не иное что, какъ произволъ, возведенный въ систему. Преторы не преобразовывали правосудія въ смыслѣ свободы, но не обращали вниманія на послѣднюю, и руководились единственно своими личными интересами, а еще болѣе интересами своей партіи.

Такъ какъ правила правосудія и равноправности не могутъ быть устранены изъ общественнаго устройства, которое противуположно имъ, то они естественно должны получить въ немъ мѣсто. Въ общественномъ порядкѣ, основанномъ на правѣ, прибѣгаютъ къ равноправности, когда главное вниманіе обращается на равное духовное достоинство людей между собою.

Поэтому, равноправность появляется въ немъ вслѣдствіе столкновенія неопредѣленныхъ правъ, къ которымъ не можетъ быть примѣнено правосудіе по причинѣ ихъ смутности и недостаточности, въ особенности, когда дѣло идетъ о распредѣленіи предметовъ или о соглашеніи интересовъ, неопирающихся ни на какое положительное право. Въ такомъ случаѣ, равноправность можетъ замѣнить правосудіе, потому что тогда ничто не препятствуетъ предположенію, что духовное равенство имѣетъ значеніе равенства матерьяльнаго: дѣло идетъ только о пріисканіи правила, которое имѣло бы характеръ всеобщности.

Оставаясь въ границахъ, указываемыхъ особенными случаями, равноправность можетъ замѣнить собой правосудіе, безъ нарушенія всего общественнаго порядка, покоящагося на правѣ. Но какъ только она переступитъ за эти границы,

какъ только равенство людей получитъ матерьяльное значеніе, какъ только оно обратится въ безусловный принципъ, опредѣляющій размѣры правъ, принадлежащихъ каждому человѣку, принципъ правосудія будетъ устраненъ. Чѣмъ болѣе широкое приложеніе получитъ матерьяльное равенство людей, тѣмъ большее значеніе получитъ произволъ; такъ что насиліе проникнетъ въ общество путемъ самой равноправности.

Приведеніемъ къ воображаемому равенству матерьяльной стороны людей, естественно отличной въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, нарушается равновѣсіе въ отношеніяхъ между двумя факторами человѣческой природы. Останавливая естественное развитіе матерьяльной природы, мы дѣлаемъ надъ ней насиліе, и не признаемъ значенія самого духовнаго ея начала, обезпечивающаго за каждымъ человѣкомъ возможность развивать свои физическія свойства.

Въ обществѣ, основанномъ на свободѣ, существованіе справедливости обусловливается тѣмъ, чтобы равновноправность опиралась на преобразованные результаты идеи правосудія, такъ чтобы послѣдніе продолжали существовать въ обществѣ, основанномъ на свободѣ, хотя и въ измѣненномъ видѣ. Это—тѣ же самыя отношенія, какія устанавливаются и между ихъ основными идеями—правомъ и свободой.

Если отстранить духовный принципъ въ человѣкѣ и его равное достоинство во всѣхъ людяхъ, то послѣдніе будутъ имѣть только матерьяльное достоинство относительно другъ друга. А такъ какъ матерьяльная ихъ сторона, въ особенности, если она разовьется пріобрѣтенными правами, представляетъ огромныя неравенства, то люди естественно будутъ считаться въ высшей степени неравными между собой.—Право получаетъ тогда совсѣмъ иное значеніе. Если на него смотрятъ не какъ на результатъ превосходства духа надъ матеріей, если духовный принципъ совершенно исключается изъ него, то оно является послѣдствіемъ факта, захвата, которые могутъ быть обезпечены только личнымъ сопротивленіемъ или общественной силой. При такомъ порядкѣ вещей, такъ какъ матерьяльный принципъ будетъ единственной основой всѣхъ соці-

льныхъ отношеній, то послѣднія будутъ совершенно матерьялизованы, а недостатокъ въ духовномъ принципѣ по необходимости вызоветъ безчисленное множество отдѣльныхъ формулъ, которыя охватывали бы всѣ случаи жизни.

Но эти формулы и мелочныя регламентаціи кончаютъ тѣмъ, что мертвятъ человѣка все бо́льшимъ стѣсненіемъ его воли.

Самымъ очевиднымъ доказательствомъ этого замѣчанія служитъ юриспруденція римскаго народа, народа крайне матерьяльнаго, лишеннаго способности понимать духовное, который во всемъ видѣлъ одну только матерьяльную сторону.

Такимъ образомъ, желая точнѣе опредѣлить значеніе родительской власти, они пришли къ самымъ чудовищнымъ воззрѣніямъ. Ребенокъ былъ въ ихъ глазахъ неболѣе какъ произведеніе отца, которое послѣдній могъ отчуждать или уничтожать, точь въ точь какъ бездушный предметъ. Логическимъ послѣдствіемъ такого воззрѣнія было бы постановленіе, что сынъ, проданный отцемъ, не можетъ уже снова очутиться въ его власти, если впослѣдствіи получитъ свободу; ибо при взглядѣ на дѣтей, какъ на вещи, естественно было бы признать за ними пассивное свойство вещей, вслѣдствіе котораго послѣднія не могутъ сами собой снова подчиниться волѣ хозяина, который разъ передалъ ихъ въ чужое владѣніе. Но римскіе законодатели не были настолько послѣдовательны, ибо должны были противъ воли признать, что между отцемъ и сыномъ существуетъ такая крѣпкая связь, которая можетъ выдержать самое грубое обращеніе, и заставить сына вернуться къ продавшему его отцу. Они пытались даже опредѣлить положительнымъ образомъ силу этой связи, и рѣшили, что она можетъ быть порвана только послѣ троекратной продажи сына отцемъ. Самое чувство, по ихъ мнѣнію, когда они принимали его въ разсчетъ, подлежало матерьяльной оцѣнкѣ. — Но они пошли еще дальше. По древнимъ ихъ законамъ, несостоятельный должникъ могъ быть раздѣленъ своими кредиторами на части, соотвѣтственно причитающейся каждому изъ нихъ суммѣ. Это постановленіе сопровождалось варварски утонченной оговоркой, что еслибы кредиторъ отрѣзалъ часть, болѣе причитающейся ему по закону, то онъ не

отвѣчаетъ за это. При полномъ отстраненіи духовнаго начала, позволеніе раздѣлить человѣка на части, какъ вещь, было естественно, такъ какъ принималась въ разсчетъ только матерьяльная его сторона. Они видѣли, что собственность заимодавца перешла къ должнику для удовлетворенія его потребностей, и превратилась въ его собственную сущность, между тѣмъ какъ заимодавецъ ничего не получилъ взамѣнъ ея. Поэтому, они и разрѣшили послѣднему взять ее обратно, хотя она и составляетъ уже составную часть человѣческаго существа; неизбѣжная же погибель послѣдняго въ такомъ случаѣ имѣла въ ихъ глазахъ меньшее значеніе, чѣмъ незыблемое сохраненіе права.

Какъ бы ужасна ни была эта логика, она тѣмъ неменѣе строго соотвѣтствовала воззрѣнію на право въ отвлеченномъ его смыслѣ. Приведенная же оговорка, напротивъ того, противурѣчитъ хваленой послѣдовательности римскихъ легистовъ, и тѣмъ болѣе возмутительна, что это отступленіе отъ логики въ пользу кредиторовъ, злоупотреблявшихъ дозволеніемъ разрѣзать на части своего должника, дѣлалось единственно въ интересахъ патриціевъ [1]).

Отвлеченія, опирающіяся исключительно на духовное начало и на духовное равенство между людьми, приводятъ къ результатамъ, столько же искуственнымъ и несогласнымъ съ естественнымъ порядкомъ вещей, какъ и отвлеченія въ противуположномъ направленіи. Такъ какъ духовное равенство не поддается оцѣнкѣ, то его легко смѣшиваютъ съ равенствомъ матерьяльнымъ, и обращаютъ въ основной принципъ соціаль-

[1]) Римляне во все время своего историческаго существованія, чрезвычайно какъ мало дорожили человѣческой жизнью. Успѣхи ихъ въ цивилизаціи нисколько не сопровождались болѣе гуманными воззрѣніями. Напротивъ того, по мѣрѣ приближенія къ концу политической жизни, презрѣніе ихъ къ жизни человѣка обратилось въ какую-то кровожадность. Смотрѣть на погибель своихъ ближнихъ доставляло имъ удовольствіе. Этимъ объясняется ненависть этого народа къ христіанской религіи, когда онъ сдѣлался равнодушнымъ ко всякой религіи. Ибо воззрѣнія христіанской религіи на божественные и человѣческіе вопросы были діаметрально противуположны точкѣ зрѣнія римлянъ, и должны были возбуждать въ нихъ неодолимую антипатію.

ныхъ отношеній. Чѣмъ болѣе противурѣчитъ понятое такимъ образомъ равенство естественному развитію принадлежащихъ человѣку способностей, тѣмъ болѣе требуется насильственныхъ мѣръ для поддержанія его, какъ это подтверждается множествомъ историческихъ примѣровъ. Такимъ образомъ, когда французская революція 1789 провозгласила равенство людей, не указавъ точно, въ чемъ состоитъ оно, послѣднее получило столь же произвольное, какъ и преувеличенное толкованіе. Имущества приводились къ одному уровню путемъ конфискацій, всякаго рода произвольными налогами, насильственнымъ курсомъ ассигнацій, таксами; они уничтожались или раздроблялись [1]).

Когда путемъ діалектическаго движенія идея достигаетъ до окончательнаго своего развитія, или встрѣчаетъ препятствіе, останавливающее ее, то она начинаетъ движеніе въ обратномъ смыслѣ. Замѣтимъ, что правосудіе и равноправность суть идеи, двигающіяся не въ пустомъ пространствѣ, но опредѣляютъ поступки людей, хотя бы даже онѣ только смутно сознавались. Обратное движеніе, о которомъ мы упомянули, обнаруживается въ реальномъ мірѣ въ видѣ реакціи. Люди замѣчаютъ свое заблужденіе, и стараются возстановить равновѣсіе между соціальными идеями.

Полное равновѣсіе между противуположными по своему стремленію идеями можетъ продолжаться только на мгновеніе; въ ту минуту, какъ одна изъ идей, оставававшаяся до того позади, начинаетъ свое развитіе, она обгоняетъ другую. Поэтому, то одна, то другая будетъ имѣть пробладающее значеніе. Но въ этомъ преобладаніи есть степени, и если полное равновѣсіе продолжаться не можетъ, то есть возможность ближе держаться къ нему, въ особенности, когда вопросы эти сдѣлаются доступны всеобщему сознанію.

---

[1]) Министръ финансовъ Камбонъ говорилъ: «Мы чеканимъ монету на площади революціи». Ради разнообразія онъ повторялъ: «Хотите вести ваши дѣла? Ставьте гильотину.—Хотите погасить ваши несчётные долги? опять таки ставьте гильотину. «(*Barante*, прив. соч. IV, 202).

§ IV. — О власти закона.

Мы показали, что законная власть есть продуктъ одной изъ фазъ, пробѣгаемыхъ идеей права. Власть эта будетъ тѣмъ прочнѣе, она получитъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ исключительнѣе будетъ развиваться идея права въ одностороннемъ направленіи. Но какъ только идея свободы проникнетъ въ общество, то она направится противъ всякаго права, въ особенности же противъ власти, опирающейся на логическій выводъ, болѣе всего противуположный логикѣ идеи свободы. Ибо власть устанавливается согласно съ идеей права, взятой отвлеченно, принимающей въ разсчетъ одно только превосходство человѣка относительно вещественныхъ предметовъ, и послѣдовательно развивающей этотъ принципъ. Съ этой точки зрѣнія, на равное духовное достоинство людей между собою не обращается вниманія, ибо въ этомъ именно и состоитъ другой принципъ, вызывающій другое разсудочное движеніе — идею свободы.

Противудѣйствіемъ послѣдней законная власть сначала будетъ остановлена въ своемъ развитіи, затѣмъ мало по малу ослаблена, и исторія представляетъ намъ множество примѣровъ, что при такихъ условіяхъ власть эта погасаетъ то исподоволь, то внезапно, вслѣдствіе одного изъ тѣхъ насильственныхъ потрясеній, которыя называются революціями.

Прекращеніе власти, установленной въ обществѣ, неизбѣжно сопровождается безпорядкомъ, если только не успѣетъ устроиться остающаяся въ тѣни, соперничествующая съ ней власть, или, если частое повтореніе такихъ потрясеній не укажетъ на мѣры, необходимыя для избѣжанія анархіи. Если же революція вспыхнетъ, то среди всеобщаго смятенія замѣчено будетъ всемогущество большинства, всегда одерживающаго верхъ и рѣшающаго всякій вопросъ въ обществѣ. Изъ этого вовсе, впрочемъ, не слѣдуетъ, чтобы мнѣніе большинства было лучшимъ или самымъ раціональнымъ, но слѣдуетъ только, что оно имѣетъ болѣе всего силы, потому что можетъ осуществиться преимущественно передъ другими.

Такимъ образомъ возникаетъ власть, которая, вмѣсто идеи

права, имѣетъ совершенно иной источникъ происхожденія. Основаніемъ ей служитъ раціональный принципъ, ибо она вытекаетъ изъ идеи, именно, изъ идеи свободы, но осуществляется этотъ принципъ неиначе, какъ при посредствѣ физической силы, опирающейся на большинство.

Развитіе идеи свободы и свойственная ей логика идутъ на встрѣчу развитія идеи права и присущей ему логики. Антагонизмъ, являющійся результатомъ встрѣчи двухъ этихъ противуположныхъ движеній, есть источникъ всѣхъ логическихъ противурѣчій, встрѣчающихся въ обществѣ, и въ реальномъ мірѣ обнаруживается столкновеніемъ двухъ порядковъ противуположныхъ другъ другу явленій, столкновеніемъ, опредѣляющимъ дальнѣйшую судьбу обоихъ движеній. Та изъ идей, которая встрѣтитъ меньше препятствій для своего развитія, получитъ преобладаніе надъ другой. Ибо идеи равносильны общественнымъ явленіямъ, которыя служатъ только ихъ проявленіемъ.

Вотъ причина преобладанія большинства въ сферѣ идеи свободы. Но это преобладаніе будетъ смутнымъ и шаткимъ, пока оно будетъ выражать большое число воль, невыразившихся еще точно и согласно. Въ такомъ случаѣ, трудно будетъ уловить его среди возможныхъ въ немъ, безпрерывныхъ колебаній.

Въ обществѣ, основанномъ на правѣ, естественное назначеніе закона состоитъ въ охраненіи всѣхъ правъ, и между прочимъ, того, которое даетъ начало власти. Въ обществѣ, сложившемся согласно съ идеей свободы, законъ есть просто выраженіе господствующей воли, воли большинства. Послѣдняя неизбѣжно установитъ какую нибудь власть, которая, утвержденная такимъ образомъ закономъ, получаетъ названіе *власти закона (autorité légale)* въ противуположность *законной власти (autorité légitime)*, вытекшей изъ права.

Итакъ, *властъ закона* отличается отъ всякаго другаго рода власти своимъ происхожденіемъ. Первая ничѣмъ не обусловливается, кромѣ закона, между тѣмъ какъ *законная властъ* есть самопроизвольный продуктъ одной изъ фазъ идеи права: для осуществленія ея достаточно, чтобы право получило стро-

гое толкованіе. Законъ служитъ къ подтвержденію существованія этой власти, къ охраненію ея, но вовсе не есть источникъ ея происхожденія.

Большинство въ общественномъ порядкѣ, сложившемся подъ вліяніемъ идеи свободы, представляетъ, поэтому, господствующую силу, нетерпящую противудѣйствія [1]).

Но такъ какъ это большинство состоитъ изъ существъ, одаренныхъ разумной волей, то и находящаяся въ его распоряженіи сила является только средствомъ для осуществленія этой воли. А потому, сила эта перестаетъ быть чисто физической, и становится орудіемъ разумнаго принципа.

Если видѣть въ большинствѣ одну только силу, находящуюся въ его распоряженіи, то мы пришли бы къ ученію, что достаточно одного только проявленія, основательнаго или неосновательнаго, народной воли, чтобы послѣдняя была приведена въ исполненіе. Изъ этого слѣдовало бы, что народъ можетъ проявлять свою волю всѣми, находящимися въ его распоряженіи средствами, а стало быть и возмущеніемъ, хотя бы послѣднее ничѣмъ не оправдывалось. Еслибы сила, находящаяся въ распоряженіи большинства, была чисто физической, то не было бы ничего удивительнаго, еслибы она вызывала результаты, противурѣчащіе логикѣ соціальныхъ идей; но такъ какъ эта сила считается выраженіемъ воли большаго числа разумныхъ существъ, то и употребленіе ея должно быть раціонально. Признать за массами способность употреблять свою силу безъ всякаго основательнаго побужденія, значитъ признать за физической силой массъ значеніе соціальнаго принципа, и упустить изъ виду, что всякое проявленіе воли должно быть разумно, если мы не отвергаемъ превосходства, заявляемаго человѣкомъ относительно прочихъ созданій [2]).

---

[1]) Вотъ почему всѣ публицисты, стоящіе за принципъ всемогущества большинства, смотрятъ на противудѣйствіе этому большинству, какъ на преступленіе. Гоббсъ говоритъ сухо, что человѣкъ, оказывающій сопротивленіе большинству, можетъ быть раздавленъ имъ. (*Leviathan*, or the matter, form and power of a commonwealth ecclesiastical and civil. стр. 90).

[2]) Возмущеніе противъ тиранiи защищалось съ реформаторской точки зрѣнія религіозныхъ вѣрованій Бухананомъ, Мильтономъ, Гумбертомъ

Сверхъ того, между ученіемъ, обращающимъ возмущеніе въ безусловное право народа, и оправданіемъ какого бы то ни было общественнаго устройства оказалось бы противурѣчіе, даже съ самой крайней демократической точки зрѣнія. Общественныя учрежденія, какого бы они ни были рода, предписываютъ правила для поведенія. Въ обществѣ, основанномъ на правѣ, правило это устанавливается само собою развитіемъ идеи права. Идея свободы, напротивъ того, не создаетъ сама общественныхъ учрежденій, но заимствуетъ ихъ отъ обществъ, основанныхъ на правѣ, и видоизмѣняетъ ихъ, чтобы водворить порядокъ въ управляемомъ ею обществѣ, и обуздать принципъ силы. Такъ что, именно въ послѣднемъ обществѣ, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, назначеніе законовъ состоитъ въ стѣсненіи этого воображаемаго права на возстаніе, несовмѣстимаго ни съ какимъ устройствомъ и правильнымъ существованіемъ.

Если, по прочтеніи этой главы, сдѣлать вопросъ: въ чемъ же состоитъ вообще свобода, то мы представимъ слѣдующій отвѣтъ:

Свобода, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, есть стремленіе, противуположное стремленію права. Вотъ самое простое и самое общее опредѣленіе идеи свободы. Ибо стремленіе есть самая существенная сторона идеи, такъ какъ, другими словами, это есть направленіе, которому слѣдуетъ идея отъ человѣка къ предмету. Только при анализѣ это движеніе оказывается состоящимъ изъ нѣсколькихъ частей, связанныхъ другъ съ другомъ. Поэтому, стремленіе пред-

---

Ланге и въ особенности Кноксомъ. Въ католической церкви проповѣдниками этого ученія были главнымъ образомъ іезуиты, которые видѣли источникъ всякой власти въ народѣ. До того, католическая религія учила, что мірская власть исходитъ отъ Бога, и разногласіе касалось только вопроса, вытекаетъ ли она отъ Бога непосредственно, или только косвенно, чрезъ посредство папъ. Кромѣ того, у средневѣковыхъ католическихъ писателей встрѣчаются страницы, одобряющія убійство тирановъ. Это—слѣды воззрѣній античнаго міра. *Іоаннъ Малый (Joannes Parvus)* въ особенности содѣйствовалъ распространенію этого ученія, которое впослѣдствіи іезуитъ *Маріана*, въ знаменитой книгѣ своей, довелъ до послѣднихъ крайностей. (*Stahl*, прив. соч. III, 552).

ставляетъ идею во всемъ ея объемѣ, то есть, какъ существенное ея основаніе, такъ и вытекающія изъ нея послѣдствія: вотъ почему стремленіе есть общая черта всѣхъ идей одного и того же порядка. Такимъ образомъ, идеи, относящіяся къ свободѣ, всѣ имѣютъ стремленіе къ противудѣйствію матерьяльнымъ результатамъ права, и только при анализѣ этихъ идей открываются свойственныя имъ отличія. Идея нравственности имѣетъ одинаковое стремленіе съ идеей свободы, но она отличается отъ нея предметомъ противудѣйствія.

Идеи, принадлежащія къ области права, имѣютъ своимъ предметомъ матерьяльный міръ. Идея права въ тѣсномъ смыслѣ имѣетъ цѣлью преобразовать предметы; идея правосудія стремится закрѣпить все, созданное правомъ; идея власти имѣетъ въ виду поддержать силу права даже въ тѣлѣ другаго человѣка.

Итакъ, идея свободы, взятая во всей своей совокупности, состоитъ въ стремленіи, противуположномъ стремленію идеи права. Но это стремленіе раціонально, потому что оно вытекаетъ изъ разума. И дѣйствительно, при содѣйствіи анализа, можно подтвердить, что зарожденіе и развитіе ея происходятъ раціональнымъ путемъ, и что она представляетъ различные виды, соотвѣтствующіе проявленіемъ права.

Изъ этого слѣдуетъ, что идея свободы можетъ быть опредѣлена простой формулой только во всей своей совокупности. Въ подробностяхъ же она представляетъ отличія, которыя слѣдуетъ разсматривать каждое отдѣльно, какъ это и сдѣлано нами въ настоящей главѣ.

Что̀ болѣе всего содѣйствовало затемнѣнію представленія объ идеѣ свободы, это — какъ мы уже замѣтили — смѣшеніе ее съ *произволомъ*, то есть, способностью человѣка избирать одну изъ различныхъ идей, одно изъ побужденій, вызываемыхъ страстями или потребностями, способностью пользоваться или не пользоваться органами своего тѣла, словомъ, обнаруживать волю. Ибо разъ остановившійся на чемъ либо произволъ и составляетъ волю [1]).

---

[1]) На нѣмецкомъ языкѣ, философскомъ по преимуществу, произволъ

Произволъ есть самостоятельное, самодѣятельное начало въ человѣкѣ; но оно подчинено вліянію безчисленнаго множества условій. Эти условія суть то внѣшнія, вытекающія изъ чувственныхъ представленій, то внутреннія, зависящія отъ діалектическаго движенія идей. Если человѣкъ руководствуется внушеніями первыхъ, то встрѣчаетъ границы для своего произвола. Но если произволъ переплетается съ развитіемъ какой либо идеи, то послѣдняя влечетъ его отъ одного слѣдствія къ другому, отъ одного факта къ другому факту, логически связаннымъ между собою, и приводитъ къ выводу, котораго вначалѣ нельзя было предвидѣть.

Діалектическое движеніе сковываетъ волю логическими процессами, такъ что было бы непослѣдовательностью оставить разъ принятое направленіе. Эта логическая послѣдовательность, соотвѣтствующая въ реальномъ мірѣ сцѣпленію фактовъ, являющаяся, какъ необходимость, какъ сила, стоящая выше человѣческой воли, получила названіе судьбы или предопредѣленія.

Но мы вышли бы изъ рамокъ предположеннаго труда, если-бы вошли въ бо́льшія подробности по метафизическому вопросу о произволѣ. Достаточно уже того, что мы указали на его сущность, и подтвердили, что способность, въ высшей степени самопроизвольная и подвижная, не можетъ быть смѣшиваема съ свободой, представляющей идею съ неизмѣннымъ стремленіемъ и имѣющей одну только цѣль — остановить развитіе *идеи права*, и преобразовать созданные имъ результаты.

называется— *Willkür*. Выраженіе это состоитъ изъ двухъ словъ: *Wille*—воля и *küren*—избирать. Поэтому, *Willkür* означаетъ способность избирать. Французское слово *le libre arbitre* и русское — *произволъ*, хотя и не столь прямо и опредѣленно, тоже означаютъ способность избирать.

ГЛАВА VIII.

Общественное право.

(Первая часть).

Патріархальное общество и преимущественно монархія.

§ I. — опредѣленіе общественнаго права.

Идея права достигаетъ крайняго своего развитія, когда она осуществляется въ видѣ власти. Ея діалектическое движеніе останавливается; никакой дальнѣйшій логическій выводъ для нея невозможенъ для вступленія въ новую фазу. Это, стало быть, высшая точка ея развитія, какъ логическаго, такъ и реальнаго, господствующая надъ всѣми образованіями, надъ всѣми вызываемыми ею явленіями. Власть обезпечиваетъ ей ихъ прочность, и своимъ прикосновеніемъ къ этимъ явленіямъ даетъ имъ извѣстное единство.

Это единство, охватывающее всѣ образованія права, всѣ соціальныя явленія и отношенія, носитъ названіе *общественной формы*. Но послѣдняя относится только къ дѣйствительно существующимъ фактамъ, ибо власть находится въ постоянной дѣятельности, чтобы вызвать новые, или видоизмѣнить уже существующіе. Поэтому, на *власть* и на *общественную форму* слѣдуетъ смотрѣть, какъ на два фактора сочетанія, въ которомъ первая представляетъ начало дѣятельное, опредѣляющее, а вторая есть продуктъ этого начала — осуществившіеся факты.

Когда общественная форма выразится во всѣхъ своихъ подробностяхъ, систематически связанныхъ между собой, и когда изъ нихъ выведены будутъ постоянныя правила, наблюденіе за которыми поручено будетъ власти, то совокупность этихъ правилъ получаетъ названіе *общественнаго права*. Этотъ родъ права постоянно имѣетъ въ виду цѣлое общество и составныя его части, то есть, извѣстные классы или категоріи людей, а также извѣстныя общественныя власти или должности, совокупность которыхъ составляетъ общественную форму. Такъ что, съ точки зрѣнія общественнаго права, значеніе

этихъ частей обусловливается главнымъ образомъ тою ролью, которую они исполняютъ во всемъ строѣ политическихъ учрежденій въ обществѣ.

Этой чертою всеобщности общественное право отличается отъ *частнаго* или *гражданскаго* права, имѣющаго предметомъ личные интересы отдѣльныхъ людей. Между этими двумя родами права существуетъ даже болѣе чѣтъ различіе,— противуположность, ибо общественное право можетъ развиваться только въ ущербъ частному праву. Если личность пользуется неограниченно своимъ индивидуальнымъ правомъ, то право общественное стѣсняется въ узкія границы, и можетъ разшириться не иначе, какъ по мѣрѣ подчиненія личныхъ правъ праву общества, какъ общества.

На этомъ основаніи, отношеніе между общественнымъ и частнымъ правомъ измѣнчиво. Идеи свободы, въ крайнемъ своемъ развитіи, стремятся къ поглощенію индивидуальныхъ правъ во имя интересовъ всего общества; онѣ подчиняютъ ихъ безусловно праву общественному. Согласно съ идеей права, въ крайнемъ его развитіи, право вождя тоже поглощаетъ права подчиненныхъ ему личностей. Изъ этого слѣдуетъ, что одностороннее развитіе той и другой соціальной идеи ведетъ къ полному преобладанію общественнаго права надъ частнымъ. Поэтому, нѣкоторое равновѣсіе между обоими родами права возможно въ такомъ только случаѣ, когда обѣ соціальныя идеи соединяются въ пропорціи, недопускающей чрезмѣрнаго преобладанія одной изъ нихъ [1]).

Здѣсь мы встрѣчаемся съ общественной задачей: какую долю слѣдуетъ отмѣрить какъ частному, такъ и обществен-

[1]) «Что такое въ общественномъ бытѣ личная независимость? Это— та часть существованія человѣка, которою онъ не дѣлится съ другими, которую онъ удерживаетъ за собой въ своихъ отношеніяхъ съ ними. Но это не весь человѣкъ. Существуетъ еще часть его, которою онъ дѣлится съ другими людьми, которую подчиняетъ извѣстнымъ условіямъ.... Общество есть совокупность обоихъ родовъ явленій». (*Guizot*, пр. соч. IV, 75). Различіе, опредѣляемое Гизо, между независимостью, сохраняемой человѣкомъ, и правами, приносимыми имъ въ жертву, именно и составляетъ различіе между общественнымъ и частнымъ правомъ.

ному праву, чтобы послѣднее не получило чрезмѣрнаго преобладанія, и въ то же время было бы достаточно для достиженія своей цѣли? Это вопросъ практики и своевременности, тѣсно связанный съ другимъ вопросомъ, а именно: какое отношеніе между идеями права и свободы можно считать самымъ благопріятнымъ для человѣческаго общества?

Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего опредѣленнаго ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Оно измѣняется согласно съ обстоятельствами, физическими условіями существованія, окружающими народъ, угрожающими ему опасностями, одушевляющими его стремленіями. Всѣ эти подробности суть тѣ же факты, которые должно принять въ соображеніе, чтобы приступить къ рѣшенію этихъ вопросовъ съ знаніемъ дѣла. Если ограничиться указаніемъ общей точки зрѣнія, то можно поставить за правило, что чѣмъ болѣе склоненъ народъ къ совокупному дѣйствію, тѣмъ шире разовьется среди него общественное право. По той же причинѣ, право это получитъ тѣмъ меньшее развитіе, чѣмъ большее обращено будетъ вниманіе на личную независимость и на индивидуальныя права людей.

Общественное право возникаетъ въ соціальномъ устройствѣ, основанномъ на исключительномъ преобладаніи права, тѣмъ, что личное право вождя поглощаетъ права другихъ членовъ общества, такъ что все становится его собственностью. Право вождя получаетъ въ такомъ случаѣ значеніе права общественнаго, а его собственность обращается въ общественную, такъ какъ собственность эта употребляется въ интересахъ общественныхъ. То же самое случается, когда идеи свободы примутъ такое одностороннее развитіе, что обратятъ частную собственность въ общественную. Въ обществахъ, занимающихъ средину между двумя этими крайностями, общественное право устанавливается на взиманіи опредѣленной части частной собственности всѣхъ гражданъ, а иногда и на поборахъ съ побѣжденныхъ народовъ. Такъ что, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ общественное право устанавливается или разширяется только путемъ противудѣйствія частному праву.

§ II. — О ПАТРІАРХАЛЬНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

До сихъ поръ мы разсматривали только отношенія, вызываемыя правомъ между людьми, взятыми отдѣльно, или распредѣленными по семействамъ. Но и послѣднія составляютъ только части болѣе многолюдныхъ группъ, которымъ даютъ различныя названія — *общества*, когда на нихъ смотрятъ съ научной точки зрѣнія, *народа*, когда главнымъ образомъ имѣются въ виду люди его составляющіе, и *страны*, когда дѣло идетъ преимущественно о занимаемой ими территоріи. Наконецъ, употребляютъ слово *государство*, когда имѣются въ виду одновременно и люди, и территорія, и когда общество уже получило правильную организацію.

Отношенія, какъ частныя, такъ и общественныя, слагающіяся между членами общества, представляютъ извѣстныя общія черты, которыя правильно повторяются подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же условій, то есть, подъ вліяніемъ одинаковаго дѣйствія идей, порождающихъ эти отношенія, и второстепенныхъ принциповъ. Эти устойчивыя образованія, какъ мы уже замѣтили, суть то, что называютъ общественными формами. Но прежде чѣмъ приступить къ ихъ изученію, слѣдуетъ разсмотрѣть, какимъ образомъ люди соединяются въ многолюдныя общества.

Первобытное семейство можетъ измѣнять свой видъ; нѣкоторые члены его могутъ оставить его еще при жизни его главы, если таковъ будетъ обычай страны [1]).

---

[1]) «По словамъ Дугальда, между татарами наслѣдникомъ бываетъ всегда меньшой сынъ, по той причинѣ, что старшіе, по мѣрѣ того какъ становятся способными къ самостоятельной патріархальной жизни, оставляютъ родительскій домъ съ извѣстнымъ количествомъ скота, которымъ надѣляетъ ихъ отецъ, и основываютъ новыя семьи. Поэтому, послѣдній сынъ, остающійся въ домѣ отца, есть естественный его наслѣдникъ. Я слышалъ, что подобный обычай до сихъ поръ соблюдается въ нѣкоторыхъ небольшихъ округахъ Англіи. Вѣроятно это пастушескій обычай, унаслѣдованный отъ какого нибудь маленькаго бретонскаго племени, или занесенный какимъ либо германскимъ народомъ». (*Montesquieu, de l'Esprit des lois*, II, 130).—Тотъ же обычай встрѣчался въ Россіи задолго до нашествія монголовъ, и въ болѣе или менѣе

Смерть главы можетъ быть поводомъ къ разъединенію остальныхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ дальнѣйшее развитіе семейства, какъ нераздѣльнаго цѣлаго, можетъ быть остановлено. Но можетъ случиться и такъ, что и по смерти главы семейство не разъединится, и что кто нибудь другой займетъ мѣсто вождя со всею принадлежащею ему властью [1]).

Имѣя право распоряжаться своею собственностью, отецъ семейства можетъ передать своему наслѣднику все оставляемое имъ имущество, движимое, какъ и недвижимое. На томъ же основаніи, онъ можетъ передать и права свои на предметы, составляющіе основу его власти, и до того составлявшіе его собственность. Ибо, какъ мы уже показали, такого рода собственность ничѣмъ не отличается отъ прочихъ его правъ согласно съ воззрѣніями данной эпохи.

Когда глава семейства передаетъ своему наслѣднику матерьяльную основу своей власти, то послѣдній получитъ возможность пользоваться всею его властью, предводительствовать, предписывать правила для поведенія и слѣдить за ихъ исполненіемъ. Духовная власть тоже можетъ передаваться, потому что можетъ передаваться знаніе и ученіе, въ особенности религіозное, облеченное въ тайны, которыя могутъ быть доступны только посвященнымъ въ нихъ.

Назначая себѣ наслѣдника, глава семейства можетъ руко-

измѣненномъ видѣ существовалъ также между германскими племенами. Древній норманскій поэтъ, Робертъ Уасъ, а также лѣтописецъ Вильгельмъ Гемметинъ (кн. I, гл. 4, 5, пр.) говорятъ, что отецъ принуждалъ обыкновенно своихъ сыновей покидать его по достиженіи ими зрѣлаго возраста, за исключеніемъ одного. Саксъ Грамматикъ говоритъ то же самое (кн. IX, стр. 261). См. *Eckendahl, Geschichte des Schwedischen Volks und Rechts*, I, 270.

[1]) У римлянъ семейство было такъ прочно, что получало огромные размѣры даже среди многолюднаго общества. Они различали собственно семейство и родъ (gens), или, какъ они выражались, *родственниковъ по отцѣ — agnati*, и *gentili — принадлежащихъ къ роду*. Первые были такіе члены семейства, которые могли доказать свое происхожденіе отъ одного общаго родоначальника; вторые, несмотря на несомнѣнное свое происхожденіе отъ него же, не могли доказать его чрезъ всѣ посредствующія колѣна. (*Mommsen*, пр. соч. I, 57).

водиться особеннымъ расположеніемъ къ нему, или же, имѣя въ виду главнымъ образомъ всеобщее благо, основать свой выборъ на большей мудрости старѣйшаго [1]). Или же, наконецъ, принимая во вниманіе, что старшій сынъ его, оказался бы старѣйшимъ еслибы онъ былъ въ живыхъ, и что затѣмъ, ему наслѣдовалъ бы сынъ его, еслибы этотъ естественный порядокъ не былъ нарушенъ преждевременной смертью, онъ останавливаетъ свой выборъ на послѣднемъ способѣ наслѣдованія, хотя бы способъ этотъ и представлялъ нѣкоторыя неудобства, вслѣдствіе недостаточной опытности молодаго вождя.

Если въ дѣлѣ назначенія себѣ наслѣдника глава семейства приметъ добровольно, или же по распоряженію своего предшественника, тѣ же основанія, которымъ самъ онъ обязанъ своимъ назначеніемъ, то въ семействѣ установится правильный порядокъ наслѣдованія, который пройдетъ въ его нравы.

Неизмѣнный порядокъ наслѣдованія вождю обратится въ прочный узелъ, который свяжетъ всѣ матерьяльные интересы семейства, и поддержитъ единство его въ самую критическую минуту, когда семейство мѣняетъ своего вождя.

При такихъ условіяхъ, семейство можетъ размножиться, число хозяйствъ увеличиться, но власть верховнаго вождя будетъ по прежнему распространяться на личность и на имущество людей, находящихся въ зависимости отъ него. Это состояніе зависимости становится все болѣе тягостнымъ, по мѣрѣ того какъ съ размноженіемъ общества связь, основанная на чувствѣ, все менѣе и менѣе, сравнительно съ первобытнымъ семействомъ, смягчаетъ то, что̀ оказывается жестокимъ въ такихъ соціальныхъ отношеніяхъ. Съ другой сторо-

---

[1]) Всѣ почти народы слѣдовали этому порядку наслѣдованія въ отдаленную эпоху ихъ общественнаго развитія, порядку, существующему до настоящаго времени во всѣхъ почти странахъ востока. Въ Россіи сынъ умершаго князя постоянно уступалъ мѣсто своему дядѣ до 1389, когда этотъ порядокъ наслѣдованія былъ отмѣненъ договоромъ, заключеннымъ между великимъ княземъ Димитріемъ и его двоюроднымъ братомъ Владиміромъ; послѣдній, признавъ своего племянника Василія за *старшаго брата*, тѣмъ самымъ уступилъ ему свои права на великокняжескій престолъ. (*Истор. рос. гос. Карамзина*, т. V, стр. 100).

ны, власть вождя, оставаясь неизмѣнной, будетъ менѣе церемониться съ личностями, сдѣлавшимися ей почти посторонними, въ особенности же, если по духу времени или страны, власть эта можетъ дѣйствовать произвольно.

Патріархальный обычай не выдѣляться изъ семьи, хотя бы послѣдняя приняла такія размѣры, что родство между членами ея сдѣлалось сомнительнымъ, можетъ породить избраніе вождя. Случай этотъ, самъ по себѣ, вовсе не ограничиваетъ власти. Мы знаемъ народы, подчиненные крайне исключительному праву, избиравшіе своихъ вождей, которые пользовались самою неограниченной властью. Степень развитія власти зависитъ отъ того понятія, какое составили о ней, а не отъ внѣшнихъ условій. Тамъ, гдѣ люди не понимаютъ, что власть можетъ быть ограничена, она останется неограниченной и въ такомъ случаѣ, когда будетъ передаваться путемъ какого либо наслѣдованія, какъ и избраніемъ [1]). Въ обществѣ, сложившемся патріархально, право вождя такъ велико, что раздѣленіе его власти въ высшей степени затруднительно. Земли, занятыя племенемъ или родомъ, считаются принадлежащими вождю, по крайней мѣрѣ, что̀ касается до распредѣленія и управленія ими. Онѣ составляютъ сплошную массу, раздробленную между второстепенными семействами на болѣе или менѣе продолжительные сроки. Земли составляютъ, такимъ образомъ, общую собственность рода, но постоянно мѣняютъ владѣльцевъ [2]).

---

[1]) Въ Славоніи, гдѣ семейства имѣютъ до настоящаго времени до ста членовъ, они избираютъ вождя (господаря) на всю жизнь. Онъ управляетъ общинной собственностью, и распредѣляетъ избытокъ между различными вѣтвями семьи. *(Csaplovics slavonien*, I, 106). (*Mommsen*, I, 67).

[2]) Профессоръ Штраль говоритъ въ своей *Исторіи Россіи*: «Въ Правдѣ (древнемъ сборникѣ русскихъ законовъ) упоминается только о правѣ наслѣдованія движимому имуществу, и умалчивается о недвижимой собственности, вѣроятно потому, что при избыткѣ незанятыхъ земель дѣлежъ наслѣдственныхъ участковъ былъ безполезенъ, и множество нетронутыхъ земель требовало только расчистки, чтобы быть пригоднымъ для новыхъ поселеній, или же потому, что земли состояли еще въ общественномъ владѣніи семействъ». *Geschichte des Russischen Staats v. P. Strahl*, I, 408).

Если семейство остается неразъединеннымъ, несмотря на свое размноженіе, то, смотря по образу жизни, оно составитъ или кочующее племя, или деревню, а затѣмъ, село или городъ, и наконецъ, оно можетъ достигнуть огромныхъ размѣровъ [1]).

Существуютъ, впрочемъ, и другія историческія свидѣтельства, неоставляющія никакого сомнѣнія въ вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Тацитъ и Цезарь говорятъ, что этотъ обычай существовалъ между германскими народами.—Тацитъ говоритъ въ гл. XXVI своего знаменитаго сочиненія о германцахъ: «Земли занимаются послѣдовательно всѣми племенами, смотря по числу земледѣльцевъ, и затѣмъ, дѣлятся по достоинству.» Цезарь *(de bell. Gall.*, lib. IV) говоритъ: «У нихъ (свевовъ) нѣтъ земель, составляющихъ отдѣльную или частную собственность: да и нѣтъ причины оставаться имъ болѣе года на занятыхъ мѣстахъ. А говоря вообще о германцахъ, онъ замѣчаетъ» (тамъ-же): «Ни одинъ изъ нихъ (народовъ) не имѣетъ опредѣленнаго количества земли или особенной области; но начальники и вожди назначаютъ по своему усмотрѣнію на каждый годъ отдѣльнымъ племенамъ и соплеменникамъ, собравшимся вмѣстѣ, какъ количество земли, такъ и мѣстность, и по истеченіи года заставляютъ переходить на другія мѣста».

«Обычай владѣть землями сообща сохранялся очень долго между самими римлянами». *(Mommsen*, I, 36).

Историкъ Лингардъ утверждаетъ съ своей стороны, что этотъ патріархальный обычай существовалъ по всей Великобританіи: «Гравелькайндъ (Gravelkind) есть такой видъ землевладѣнія, въ которомъ земли переходятъ поровну ко всѣмъ сыновьямъ, не обращая вниманія на первородство. Онъ господствовалъ въ первые вѣка между всѣми британскими племенами, и нѣкоторые его остатки, въ усовершенствованной формѣ, существуютъ въ Англіи и по настоящее время. Между ирландцами онъ существовалъ еще въ царствованіе Якова I, все таки сохраняя грубые черты первоначальнаго учрежденія. Исключая всѣхъ женщинъ, какъ вдовъ, такъ и дочерей, изъ землевладѣнія, онъ допускалъ равномѣрно всѣхъ мужчинъ, безъ различія законности или незаконности рожденія. Однако, они не наслѣдовали земель, бывшихъ въ личномъ владѣніи ихъ отца. Послѣ смерти каждаго владѣльца, общинная собственность рода включалась въ одну общую массу: производился новый дѣлежъ, по справедливости или по произволу общины (Canfiny), и каждому главѣ семейства по старшинству назначался соотвѣтствующій участокъ». *A History of England by Lingard*, т. II, стр. 95).

[1]) «Общество, сложившееся изъ нѣсколькихъ домовъ, называется деревней, и представляетъ полнѣйшее сходство съ первобытнымъ

Многолюдность общества нерѣдко зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ, плодородія почвы, благопріятныхъ мѣстныхъ условій. Но когда общество размножится до того, что перейдетъ за границы, допускаемыя естественнымъ порядкомъ вещей, то это окажется вреднымъ для него, и заставитъ его либо разшириться посредствомъ завоеванія, либо прибѣгнуть къ выселенію, чтобы освободиться отъ избытка населенія.

Люди, которымъ менѣе всего приходится терять при оставленіи родины, и которые болѣе всего терпятъ отъ чрезмѣрнаго размноженія, то есть, люди самые бѣдные и недовольные, по какимъ бы то ни было причинамъ, охотнѣе другихъ готовы къ выселенію.

Выселеніе тоже можетъ совершаться различными способами. Когда соединяется нѣсколько семействъ, то каждое изъ нихъ не представляетъ уже той прочности, какую имѣло до соединенія, ибо бо̀льшая безопасность, меньшая необходи-

---

естественнымъ обществомъ (семействомъ), съ тою только разницей, что первое составляетъ развитіе послѣдняго, а члены его не находятся въ такихъ частыхъ сношеніяхъ между собой. Оно состоитъ изъ дѣтей и внуковъ, вскормленныхъ однимъ молокомъ. Это—такъ сказать—колонія, выведенная самой природой». *(Politique d'Aristote)*. —Множество народовъ и племенъ сохранили, по преданію, имя родоначальника, отъ котораго они произошли, и сознаніе о своемъ происхожденіи отъ одного общаго корня. «По еврейскому преданію, у сына Ноева, Сима, было пять сыновей. По этимъ пяти сыновьямъ Сима, легко отличить такое же число странъ или племенъ... Отъ Измаила, старшаго сына Авраама, произошли Небайоты, Кедреи, Итуреи, Теманиты. Амонитяне и Моавитяне были потомками брата Авраама, Лота; Домиты произошли отъ старшаго сына Исаака, Исава, и проч».

«Собственныя преданія Арабовъ, относительно ихъ происхожденія, совершенно согласны съ книгами евреевъ». *(Geschichte des Alterthums, von Dunker*, 106—133).

«Большая часть греческихъ племенъ называлась по имени своего родоначальника, дѣйствительнаго или вымышленнаго. *Іоняне* и *Ахеяне* назывались по имени *Іона* и *Ахея; Доряне* и *Беотяне*—по имени *Дора* и *Беота*. *(Curtius, griechische Geschichte*, I, 87, 91). *Лидяне* вѣрили, что происходили отъ *Люда*, *Дарданы*—отъ *Дардана*, и отрасль послѣднихъ *Трояне*—отъ *Троя*». (Тамъ же, I, 64).

мость въ взаимной помощи, самыя мѣстныя условія легче разъединяютъ его членовъ. Если, впрочемъ, сила связи, основанной на обычаяхъ, поддержитъ сцѣпленіе между членами различныхъ колѣнъ размножившагося семейства, то они составятъ въ нѣкоторомъ родѣ отдѣльное общество, которое, чувствуя стѣсненіе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, оставитъ страну, подобно пчелиному рою, оставляющему улей, чтобы поселиться въ другомъ мѣстѣ [1]).

Колоніи того и другаго рода могутъ сохранить свои отношенія къ метрополіи, въ особенности, если онѣ слишкомъ слабы, чтобы рѣшиться выдти изъ зависимаго состоянія. Но если онѣ найдутъ безопасность и средства существованія въ собственныхъ силахъ, то эти отношенія могутъ измѣниться, и ослабѣть до такой степени, что продолжительность ихъ подчиненія будетъ зависѣть отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ разстоянія колоніи отъ метрополіи, отъ посѣщенія однихъ и тѣхъ же храмовъ или священныхъ мѣстъ [2]).

---

[1]) Въ Россіи всѣ древніе города имѣли родственные города, называвшіеся *пригородами*, которые были ихъ колоніями. Вотъ почему они считались частью метропольнаго города, какъ это указывается уже названіемъ ихъ, хотя они лежали отъ нихъ нерѣдко въ весьма значительномъ разстояніи. Это обстоятельство объясняетъ странное явленіе, что въ Россіи города считались своей древностью, и придавали ей такое же важное значеніе, какъ и древнему происхожденію рода. Такимъ образомъ, по смерти Владимірскаго великаго князя Андрея (1174), жители древняго города Ростова называли Владиміръ своимъ пригородомъ, несмотря на большее его могущество, и полагали, что такой молодой городъ не достоинъ имѣть князя, и долженъ довольствоваться правителемъ. Владимірцы же не нашли лучшихъ доводовъ для отраженія этихъ обвиненій, какъ ложныя увѣренія, что Владиміръ первый былъ основателемъ ихъ города, а потому и древность его не подлежитъ сомнѣнію.

Во время переселенія народовъ, кажется, что германскія деревни (Gaue) двигались и селились сплошной массой. Случалось, что эта масса принуждена была разбиваться, но общины (Hunderte) оставались неразъединенными, и сохраняли свое общественное устройство. (*Geschichte der deutschen Kaiserzeit von Giesebrecht*, I, 69). Исторія многихъ другихъ народовъ, грековъ, евреевъ, представляетъ примѣры выселенія племенами.

[2]) Такова была слабая связь, соединявшая славянскія племена. Вожди

Онѣ могутъ, наконецъ, совершенно отдѣлиться. Но если между народами или племенами одного происхожденія сохранится одна и та же національность и одни и тѣ же обычаи, то между ними легко возникаетъ новая связь, въ особенности въ случаѣ опасности, и союзъ ихъ сдѣлается прочнѣе прежняго [1]).

Семья можетъ умножаться не однимъ только путемъ рожденія, но и допущеніемъ въ свою среду постороннихъ лицъ.

ихъ, сходясь въ какомъ либо мѣстѣ, посвященномъ поклоненію богамъ, совѣтывались между собой, и сговаривались на дѣйствія совокупными силами. Но какъ ни одинъ изъ нихъ не считалъ себя обязаннымъ повиноваться другимъ, то всѣ споры ихъ рѣшались силой. *Диттмаръ* Мерзебургскій, описывая такое засѣданіе, собравшееся въ Ретрскомъ храмѣ (въ Мекленбургѣ), говоритъ, что сильнѣйшіе изъ вождей били палками тѣхъ, кто не соглашался съ ихъ мнѣніемъ, а затѣмъ, истили огнемъ и мечемъ за сопротивленіе и, кромѣ того, въ наказаніе, налагали пени на своихъ противниковъ. (*Chronicon*, кн. VI, стр. 151). Но подобная связь очевидно не могла быть продолжительной, и должна была либо исчезнуть совершенно, либо найти болѣе прочныя основы. Исторія Греціи представляетъ намъ примѣръ послѣдняго случая.

Паніонія или священныя празденства всѣхъ Іонійцевъ, не удержали отъ распаденія ихъ конфедерацію. Религіозныя празденства латинянъ въ Альбѣ, подобно греческимъ, не дали никакихъ политическихъ результатовъ, кромѣ сохраненія мира во время ихъ продолженія. (*Mommsen*, I, 39. Дункеръ держится того же мнѣнія).

[1]) Названія племенъ, о которыхъ упоминается въ первыхъ историческихъ свѣдѣніяхъ о Германіи, большею частью исчезли въ III вѣкѣ. Появились новые народы, состоявшіе изъ бо́льшаго числа родственныхъ племенъ. Эта перемѣна въ названіяхъ указываетъ на огромный переворотъ, случившійся между германскими племенами. Маленькія общины преобразовались въ большія общества. Сходство характера, языка, нравовъ, безъ сомнѣнія, принимало участіе въ этомъ дѣлѣ, но тѣмъ не менѣе, смѣшеніе это было вызвано главнымъ образомъ необходимостью. Угрожаемыя со всѣхъ сторонъ германскія племена необходимо должны были сплотиться». (*Giesebrecht*, I, 38). Римъ и Аѳины обязаны были своимъ происхожденіемъ соединенію множества племенъ. Смѣшеніе это въ Римѣ совершилось въ самую отдаленную эпоху, и было главной причиной его могущества. (*Mommsen*, I, 92). То же явленіе такъ часто случалось въ Греціи, что получило даже особенное названіе—*Симмахіи*.

Если пришлецъ обратится къ ней вслѣдствіе нужды; если онъ получитъ руку дѣвушки, принадлежащей семьѣ, съ условіемъ сдѣлаться членомъ той же семьи; или если онъ вступаетъ въ нее по какимъ либо инымъ побужденіямъ, то сложившіеся въ семьѣ обычаи, разумѣется, не будутъ измѣнены ради пришлеца. Послѣднему остается подчиниться имъ, и признать власть родоначальника въ томъ видѣ, въ какомъ она установилась. Такимъ образомъ, власть главы семейства, по отношенію къ новому члену, будетъ уже слѣдствіемъ не права, а его доброй воли. Положеніе послѣдняго можетъ быть приравлено положенію роднаго сына [1]), и если оно будетъ точно выражено, то получаетъ названіе усыновленія [2]).

Кромѣ размноженія посредствомъ рожденія и допущенія постороннихъ людей, семья можетъ увеличить число своихъ членовъ посредствомъ насилія. При врожденномъ человѣку стремленіи разширять свои средства и способности до безконечности, необходимо должна наступить минута, когда онъ придетъ въ столкновеніе съ правами другаго человѣка. Справедливость требовала бы въ такомъ случаѣ остановиться; но голосъ ея можетъ быть не услышанъ, и человѣкъ прибѣгнетъ къ силѣ для разширенія своего могущества. Если зачинщикъ прибѣгъ къ силѣ, то и противная сторона, не нарушая справедливости, можетъ отразить силу силой.

Нападеніе можетъ быть весьма разнообразно, равно какъ и его значеніе. Если оно совершается однимъ или нѣсколькими человѣками, дѣйствующими независимо отъ власти, которой они подчинены, то на него смотрится, какъ на такое же преступленіе, совершенное внутри общества и, потому, сдерживается такими же средствами. Но если нападеніе совершается со стороны верховной власти посторонняго об-

---

[1]) Воины, окружавшіе въ Россіи бояръ, впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ назывались не иначе, какъ *дѣти боярскіе*, хотя они вовсе не были въ родствѣ съ ними.

[2]) Римляне, говоритъ Момзенъ, не боялись смерти, но считали дѣломъ первостепенной важности поддержаніе своего рода, чѣмъ и объясняется распространіе между ними усыновленія.

щества, то между обоими обществами возникаетъ борьба, которая называется войной.

Война, въ самомъ дикомъ своемъ проявленіи, отличается большею жестокостью, чѣмъ та, которая встрѣчается между дикими звѣрями.—Послѣдніе грызутся только въ самый жаръ схватки, между тѣмъ какъ человѣкъ способенъ на самую холодную жестокость, и придумываетъ самыя гнусныя муки для тѣхъ несчастныхъ, которыхъ называетъ своими плѣнниками.—При болѣе гуманномъ общественномъ устройствѣ, такая чрезмѣрная жестокость не одобряется; но народныя воззрѣнія на этотъ предметъ измѣняются исподоволь, и крайне медленно; они останавливаются на нѣкоторое время на томъ, что человѣкъ не только можетъ убить своего ближняго на полѣ сраженія, но сохраняетъ за собой это право на вѣчное время относительно побѣжденнаго, жизнь котораго разъ находилась въ его власти.

Такъ какъ война отдаетъ въ распоряженіе побѣдителя жизнь плѣнника, то побѣдитель можетъ оставить послѣднему жизнь изъ личныхъ интересовъ, съ условіемъ, чтобы тотъ отказался отъ собственной воли, и повиновался бы съ тѣхъ поръ только его волѣ, то есть, чтобы онъ сдѣлался его рабомъ.

Мы уже замѣтили, что отношенія крайней зависимости проникаютъ въ самую семью, вслѣдствіе строгаго или, вѣрнѣе, отвлеченнаго толкованія права [1]), а такъ какъ положеніе военноплѣнныхъ не можетъ быть благопріятнѣе положенія членовъ семьи, то они или обратятся въ членовъ семьи, или испытаютъ еще болѣе горькую участь.

Рабъ, добытый войной, представляетъ результатъ, безъ сомнѣнія, крайняго принципа, но послѣдній, тѣмъ не менѣе, основанъ на равноправности, ибо, согласно съ духомъ времени, какъ побѣдитель, такъ и побѣжденный, равно считали себя въ правѣ прибѣгать къ силѣ, а потому, и подчинялись ея случайности.

---

[1]) «На суровость узъ, связывающихъ семейство, указываетъ сама этимологія этого слова. На древнемъ нѣмецкомъ языкѣ, напримѣръ, слово *hiu* означаетъ и семейство, и холопство; то же и на латинскомъ *familia* и *famulus*.» (*Leo*, *Studien und Skizzen*, и проч. стр. 95).

Но выгоды, доставляемыя услугами рабовъ, родили въ людяхъ желаніе добывать ихъ и другими способами, путемъ насилія или обмана. Они отрывали человѣческія созданія отъ семейства, отъ родины, перевозили ихъ въ отдаленныя страны, и цѣнили ихъ неиначе, какъ на основаніи той матерьяльной выгоды, которую они могли извлечь изъ нихъ.

Если насилія такого рода уже осуждались обществомъ, то они должны были вызывать возмездіе, которое, смотря по степени виновности, выражалось каторгой, тюремнымъ заключеніемъ, или вообще лишеніемъ свободы. Обстоятельства, увеличивающія вину, должны были увеличивать и мѣру наказанія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что рабство есть неизбѣжное слѣдствіе господствующихъ въ данную эпоху понятій о правѣ и о дозволенномъ употребленіи силы; но оно указываетъ и на низкую степень общественнаго устройства, основаннаго на произволѣ, устройства, при которомъ понятія о свободѣ еще не существуютъ, или насильственно стѣсняются въ интересахъ одного класса или одной породы людей, и въ ущербъ всѣмъ прочимъ.

Первоначальное семейство увеличивается такимъ образомъ рабами, купленными или пріобрѣтенными на войнѣ. Но если до допущенія этихъ постороннихъ элементовъ, оно уже значительно окрѣпло, то послѣдніе не могутъ вызвать въ немъ замѣтной перемѣны, а потому, общество сохранитъ свои характеристическія черты, только въ болѣе широкихъ, и стало быть, болѣе строгихъ размѣрахъ.

Общество, въ которомъ господствуетъ типъ первобытнаго семейства, называется патріархальнымъ. Смотря по образу жизни и своимъ размѣрамъ, оно носитъ названіе кочеваго племени, клана, народа, и наконецъ, достигнувъ болѣе широкаго развитія, получаетъ названіе монархіи.

Господствующая въ немъ отличительная черта—чувство. Верховный начальникъ общества почитается своими подданными, какъ отецъ, облеченный неограниченной властью. Чувство это въ нѣкоторомъ отношеніи, впрочемъ, видоизмѣняется, такъ что оно получило даже особенное названіе

роялизма (*царелюбія*) или *любви къ монарху*. Оно можетъ существовать или можетъ быть понятно только въ обществѣ патріархальнаго происхожденія. Подданные выказываютъ въ немъ готовность любить государя, а послѣдній, съ своей стороны, готовъ оказывать имъ благосклонность; снисхожденіе, расположеніе отца семейства проглядываютъ во всѣхъ его отношеніяхъ къ нимъ. Въ такомъ обществѣ логическое развитіе выказывается меньше, чѣмъ чувство. Оно характеризуются преимущественно личными соображеніими и предпочтеніями.

Собственность въ патріархальномъ обществѣ скорѣе распредѣляется между всѣми, чѣмъ поглощается вождемъ: и если послѣдній понимаетъ свое призваніе, то онъ смотритъ на общественныя имущества, какъ на вкладъ, которымъ онъ долженъ пользоваться въ интересахъ всѣхъ. Въ обществѣ, въ которомъ не имѣется связи, основанной на чувствахъ, легко привыкаютъ смотрѣть на людей, какъ на источникъ богатства и могущества для государства. На нихъ смотрятъ главнымъ образомъ съ этой точки зрѣнія.

Власть естествено достигаетъ въ патріархальномъ обществѣ большаго развитія; но она сохраняетъ особенный отпечатокъ, обусловливаемый чувствомъ; этимъ она отличается отъ власти, устанавливаемой въ другихъ обществахъ. Въ послѣднихъ, доведенная до крайности, она легче превращается въ деспотизмъ, чѣмъ въ обществѣ, въ которомъ не совсѣмъ еще угасло чувство. Деспотизмъ—это власть, дѣйствующая произвольно, невстрѣчающая сопротивленія со стороны другихъ людей или могущественныхъ партій, ни со стороны другихъ общественныхъ властей, — она не сдерживается даже чувствомъ. Деспотизмъ можетъ проявиться въ каждомъ обществѣ; онъ не зависитъ ни отъ какой соціальной формы, ни отъ какого правила; онъ состоитъ именно въ пользованіи властью безъ противувѣса или правила, безъ какого бы то ни было обузданія.

Личное правленіе свойственно обществу, отличающемуся патріархальными нравами; личныя воззрѣнія государя и его

довѣренныхъ даютъ себя чувствовать всюду. Вотъ почему переходъ страны изъ подъ такого управленія къ свободѣ совершается благопріятнѣе всего подъ охраной законности. Въ самомъ дѣлѣ, лучшей школой для народа, готовящагося къ свободѣ, служитъ самое совѣстливое повиновеніе законамъ, хотя бы они дѣйствительно были негодны, и стояли на очереди къ отмѣнѣ. Ибо принципъ законности діаметрально противуположенъ личному управленію, основанному на воззрѣніяхъ, убѣжденіяхъ и чувствѣ тѣхъ, въ рукахъ у которыхъ находится власть.

Если ничто не препятствуетъ естественному развитію первобытнаго семейства, то послѣднее останется подъ властью одного вождя; поэтому, такому обществу ближе всего соотвѣтствуетъ монархическая форма. Однако же, случается, что нѣсколько начальниковъ семействъ и племенъ, сложившихся патріархально, входитъ въ общій составъ одного политическаго тѣла, оставаясь на равной ногѣ относительно другъ друга. Такой порядокъ вещей ведетъ къ болѣе или менѣе ограниченному аристократическому устройству. Но нелѣпо было бы предполагать, что общество съ патріархальными нравами можетъ организоваться такимъ образомъ, чтобы верховная власть распредѣлилась между всею массою народа. Демократическій принципъ всемогущества большинства противурѣчитъ духу и всѣмъ стремленіямъ патріархальнаго общества. Самое названіе послѣднее получаетъ отъ своего главы — *патріарха*, вокругъ котораго сосредоточивается все его существованіе. За нимъ упрочилось такое превосходство, что отношенія власти и подчиненности между нимъ и прочими членами общества не могутъ быть измѣнены до того, чтобы онъ подчинился послѣднимъ во имя принципа, передающаго власть большинству.

Итакъ, по естественному порядку вещей, власть, вышедшая изъ права, должна принадлежать одному, и кончается монархіей. Но если послѣдняя замѣнена будетъ аристократической корпораціей, не сопровождаясь измѣненіями въ значеніи права, — какъ это случилось въ Римѣ,—то измѣнится

только внѣшняя сторона соціальной формы; что же касается до сущности ея, то она останется согласной съ первоначальнымъ своимъ типомъ, какъ это мы покажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VIII.

Объ общественныхъ учрежденіяхъ въ Римѣ.

Ни у одного народа идея права не выразилась такъ цѣльно, какъ у римлянъ. Они имѣли такія точныя представленія о правѣ, что послѣднее развилось у нихъ съ послѣдовательностью, какой мы не встрѣчаемъ нигдѣ болѣе. Различныя фазы его: частное право, правосудіе, власть, достигли у нихъ необычайной точности, дали самые характеристическіе результаты, и, переходя отъ одного вывода къ выводу, достигли крайнихъ предѣловъ, какіе только возможны для идеи права.— Всюду, въ патріархальныхъ монархіяхъ, право вождя поглощаетъ индивидуальныя права, или не признаетъ за ними достаточной силы для сопротивленія ему. Въ Римѣ же, общественная власть, несмотря на свое всемогущество, не посягала впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ на личное право, и если это случилось впослѣдствіи, то это было дѣломъ произвола — преторскаго правосудія, а не результатомъ вліяній, вытекавшихъ изъ идеи свободы. Послѣдняя проникла въ Римъ поздно и въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ, такъ что идея права долго сохранялась въ немъ въ чистотѣ, подходящей къ отвлеченному представленію о ней.

Вотъ почему ничего не можетъ быть поучительнѣе для оцѣнки результатовъ идеи права, какъ изученіе римскихъ общественныхъ учрежденій, ибо мы знакомимся такимъ образомъ съ ними не путемъ отвлеченной только теоріи, но дѣйствительно существовавшими фактами [1]).

[1]) Прекрасные труды Моизена по римской исторіи даютъ возможность составить себѣ точное понятіе объ общественныхъ учрежденіяхъ этого народа. Тѣмъ не менѣе, собственно для насъ имѣетъ значеніе только огромное число собранныхъ и разъясненныхъ имъ фактовъ, но

Два родственные народа арійскаго происхожденія, греки и латиняне, раздѣлились, сравнительно, должно быть, въ недавнюю эпоху [1]); ибо это раздѣленіе произошло, когда языкъ и общественныя учрежденія, до этого общіе имъ обоимъ, получили уже значительную степень развитія. Слѣды этого совмѣстнаго существованія встрѣчаются спустя долгое время послѣ ихъ разъединенія. Во времена Аристотеля соблюда-

---

мы вовсе не раздѣляемъ его философскихъ воззрѣній на нихъ. Моизенъ утверждаетъ, что никогда, ни у одного народа, право не получало такого крайняго развитія, такого строгаго примѣненія, какъ у римлянъ; что ихъ аристократія, проникнутая сословнымъ духомъ, такъ же отдѣляла себя отъ остальнаго народа, какъ послѣдній относился враждебно ко всему роду человѣческому; онъ показываетъ, въ какой крайней зависимости были въ Римѣ дѣти, женщины, рабы, какъ римляне обращались съ союзниками, и въ особенности, съ побѣжденными народами. Онъ утверждаетъ, что общественная власть въ Римѣ была всегда неограниченна — въ періодъ царей, какъ и въ періодъ республики, — онъ говоритъ, что единственная, допускавшаяся возвышенная мысль была мысль о разширеніи государства (I, 23); что чѣмъ выше стоялъ римлянинъ, тѣмъ менѣе онъ былъ свободенъ; что всѣ поступки его частной жизни были опредѣлены подробными формальностями, самыми строгими обрядностями (I, 836), и, несмотря на всѣ эти факты, несовмѣстимые ни съ какими понятіями о свободѣ, онъ прославляетъ, какъ это дѣлается уже столько столѣтій, свободу, какою пользовались римляне. «Свобода, говоритъ онъ, была въ Римѣ не иное что, какъ другая сторона гражданскаго права». (I, 148). Сочиненіе его испещрено подобными выраженіями, представляющими одни только противурѣчія. Они объясняются мракомъ, разлитымъ нѣмецкой философіей на право, свободу и произволъ. Римляне дѣйствительно преклонялись предъ правомъ, только когда дѣло шло о нихъ самихъ; но они не признавали его за другими народами, за исключеніемъ случаевъ, представлявшихъ торговыя выгоды. Что же касается до свободы, то такой односторонній, такой жестокосердый народъ нетолько не пользовался ею, но не былъ даже въ состояніи понять ее. Ибо римлянинъ безспорно ничего не понялъ бы въ принципѣ равнаго духовнаго достоинства между всѣми людьми, единственной раціональной основы для идеи свободы.

[1]) Моизенъ говоритъ, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть не столѣтія, а тысячелѣтія (III, 547, 567). Но такой промежутокъ времени кажется слишкомъ уже преувеличеннымъ, такъ какъ оба народа покинули Азію, повидимому, одновременно (*Dunker*, *Geschichte des Altertums*, III, 9), и жили вмѣстѣ еще въ Додонѣ (*Curtius*, пр. соч. I, 85).

лись еще въ Греціи законы царя Итала [1]), и мы знаемъ, что древнее общественное устройство по крайней мѣрѣ одного греческаго государства, именно Крита, было такое же, какъ и въ Римѣ. Смѣшеніе различныхъ племенъ для образованія одного государства, то, что̀ греки называли *Симмахіей*, встрѣчается одинаково, какъ между народами Греціи, такъ и между народами Италіи.

И, несмотря на одинакое происхожденіе, нельзя указать во всемъ древнемъ мірѣ на два народа̀, которые представляли бы болѣе разительную противуположность. Между естественными ихъ склонностями, между взглядами ихъ на какіе бы то ни было предметы не было никакого сходства.

Греки отдавали предпочтеніе духовной сторонѣ, въ религіи и философіи, въ наукахъ и искуствахъ. Едва ли есть народъ, который сравнялся бы съ ними въ высокомъ полетѣ мысли, въ порывѣ воображенія, въ художественномъ творчествѣ. Ихъ общественныя учрежденія развивались главнымъ образомъ въ смыслѣ свободы.

Римляне придерживались матерьяльной стороны вещей, даже въ самой области разума. Они оказывались особенно искусными въ логикѣ, то есть, они умѣли пользоваться механизмомъ мышленія. Вотъ почему, какъ только они разъ овладѣли движеніемъ идеи права, то и дали ей болѣе правильное развитіе, чѣмъ какой либо другой народъ; они съумѣли охранить ее отъ всякаго смѣшенія съ идеей свободы.

Греки олицетворяли своихъ боговъ; они приписывали имъ способности и идеализированный образъ человѣка, такъ какъ они не знали другаго представителя разума и свободной воли. У римскихъ боговъ не было ничего человѣческаго; они не женились и не имѣли дѣтей, подобно греческимъ богамъ. Это были чистыя отвлеченности, лишенныя тѣла. Они представляли въ особенности интеллектуальные законы, верховному управленію которыхъ подчинены люди, безусловно раціональную необходимость. Вотъ почему римляне безропотно подчи-

[1]) Это тотъ самый царь, которому, по древнему латинскому преданію, приписывалось введеніе земледѣлія и первыхъ законовъ между итальянскими народами (*Mommsen*, I, 21).

нялись необходимости; они смотрѣли на нее, какъ на логическій выводъ.

Когда въ 485 году (отъ основанія Рима) измѣненъ былъ законный образецъ монеты, и вмѣсто мѣди стали употреблять серебро, древній богъ *Эскуланусъ* долженъ былъ уступить мѣсто новому богу — *Аргентинусу:* отвлеченность, касавшаяся мѣди, замѣщена была отвлеченностью серебра. Вотъ почему вначалѣ римляне не имѣли ни изображеній боговъ, ни храмовъ. Они введены были между ними позже, вмѣстѣ съ религіями Греціи и Востока. *Янусъ* былъ единственный римскій богъ, имѣвшій тѣлесный образъ [1]).

Боги эллиновъ одарены были индивидуальностью, боги римлянъ существовали, такъ сказать, совокупностью. Каждый изъ ихъ боговъ занималъ опредѣленное мѣсто, и существеннѣйшая часть ихъ богослуженія состояла въ перечнѣ боговъ. Они были до такой степени формалисты, и придавали такое значеніе точности въ этомъ отношеніи, что до тридцати разъ возобновляли жертвоприношеніе, если оно прерывалось хотя бы ничтожнѣйшимъ упущеніемъ [2]).

Въ философіи римляне усвоили себѣ ученіе стоика Зенона, то есть, ту изъ греческихъ системъ, которая болѣе всего склонялась къ отвлеченію, такъ какъ она не допускала, чтобы боги могли имѣть тѣло. Но спекулятивная часть этой системы совершенно исчезала въ Римѣ, и замѣщена была казуистической моралью, породившей тщеславныя, чисто внѣшнія добродѣтели [3]). Римлянинъ въ особенности выставлялъ ихъ

---

[1]) Такая же противуположность, какая существовала между религіозными воззрѣніями эллиновъ и римлянъ, встрѣчается между двумя другими народами арійскаго происхожденія — между племенами Индіи и племенами Ирана.—Первые старались олицетворить ихъ во внѣшнихъ, часто странныхъ, формахъ; вторыя — выразить ихъ отвлеченностями, которыя и составляютъ содержаніе *Зендавесты*. (*Моттзен,* I, 28).

[2]) *Моттзен,* I, 842.

[3]) Стоическая философія, говоритъ Момзенъ, не имѣла никакого серьезнаго вліянія въ Римѣ, кромѣ развѣ того, что ввела довольно плохой обѣдъ въ нѣсколькихъ знатныхъ домахъ (II, 414). Цензоръ Катонъ, котораго такъ страшно боялись, не любилъ философіи, хотя и писалъ

на показъ, когда чувствовалъ себя раздавленнымъ интеллектуальнымъ превосходствомъ эллиновъ. Онъ не могъ возражать имъ иначе, какъ выраженіемъ презрѣнія къ тому, что̀ было недоступно его пониманію.

Такая сухая религія и такое узкое міровоззрѣніе не могли не задушить всѣхъ поэтическихъ и творческихъ порывовъ. Высшая точка развитія римской національности совпадаетъ съ эпохой, когда они вовсе не имѣли литературы. Послѣдняя появилась у нихъ только тогда, когда національность ихъ начала стираться подъ вліяніемъ космополитическихъ и греческихъ идей [1]). Поэтому, главное достоинство литературныхъ произведеній римлянъ состояло въ болѣе или менѣе удачномъ подражаніи греческимъ образцамъ. И если, несмотря на это, римляне завоевали себѣ почетное мѣсто въ области мысли, то это только благодаря ихъ представленіямъ о правѣ, вслѣдствіе чего они сдѣлались настоящими основателями науки законовѣдѣнія.

Намъ неизвѣстна эпоха, когда латинскіе народы утвердились въ Италіи. На этотъ счетъ не сохранилось даже никакой легенды. Но, что̀ не подлежитъ сомнѣнію, они были первыми

по нѣкоторымъ вопросамъ, имѣвшимъ практическое значеніе, но по внѣшнимъ своимъ поступкамъ онъ походилъ на стоиковъ. Внѣшнее его поведеніе заслуживаетъ тѣмъ бо̀льшаго вниманія, что на этого именно Катона не переставали указывать, какъ на типъ римлянина стараго закала.—Ходя въ молодости за сохой, онъ естественно долженъ былъ сохранить на всю жизнь суровость перваго своего состоянія; но она часто обращалась у него въ жестокость. Онъ до такой степени безчеловѣчно обращался съ своими рабами, что одинъ изъ послѣднихъ, пойманный въ продажѣ какой то вещи, рѣшился лучше повѣситься, чѣмъ подвергнуться гнѣву своего строгаго господина. Послѣ обѣда Катонъ забавлялся собственноручнымъ наказаніемъ длиннымъ ремнемъ своихъ рабовъ за малѣйшее упущеніе въ ихъ обязанностяхъ. И въ то же самое время онъ объявлялъ притязанія на самыя утонченныя чувства, и хвалился, что ни разу не поцаловалъ своей жены въ присутствіи дочери, за исключеніемъ одного случая, когда та испугалась грозы. Но это не мѣшало ему имѣть любовницъ и множество незаконныхъ дѣтей. (*Mommsen*, I, 846).

[1]) *Mommsen*, I, 860).

обитателями этой страны. Въ ней не открыто слѣдовъ какой либо иной породы людей, какъ это случилось въ Англіи, Франціи, Скандинавіи и сѣверной Германіи. Италія не имѣла каменнаго періода, подобно этимъ странамъ, то есть, она никогда не была населена народомъ, приготовлявшимъ оружіе и другіе предметы изъ камня [1]).

Фактъ этотъ имѣетъ великое значеніе съ точки зрѣнія образованія соціальныхъ отношеній, потому что онъ долженъ былъ оказать огромное вліяніе на правильное развитіе идеи права между римлянами. Когда мы восходимъ до происхожденія народовъ, достигшихъ впослѣдствіи высокой степени могущества или цивилизаціи, то мы находимъ, что происхожденіе это совпадаетъ обыкновенно съ насиліемъ. Они селились насильно на земляхъ, принадлежавшихъ другимъ народамъ, и порабощали ихъ, или заставляли выселяться массами. Право возникало при такихъ обстоятельствахъ самымъ безпорядочнымъ образомъ: всѣ соціальныя отношенія рѣшались силой. Впослѣдствіи же право проникаетъ въ каждое общество, но когда оно вытекаетъ не изъ настоящаго своего источника, то оно долго носитъ на себѣ слѣды безпорядочнаго происхожденія.

Латиняне, напротивъ того, прибывъ въ Италію, какъ это, повидимому, всѣмъ подтверждается [2]), съ сѣвера, нашли землю никѣмъ еще незанятую. Они могли, поэтому, завладѣть ею не насиліемъ, а первымъ занятіемъ, такъ что право возникло у нихъ при условіяхъ, согласныхъ съ его идеей.

Мы видимъ, что съ самаго начала занятая ими территорія была раздѣлена между опредѣленнымъ числомъ семействъ на отдѣльные округи или территоріальные участки, которые носили названія этихъ семействъ: Эмиліевъ, Корнеліевъ, Фабіевъ, Горацієвъ, Папиріевъ. Нѣсколько участковъ носили имена семействъ, о которыхъ не осталось никакихъ историческихъ воспоминаній, какъ роды Камиліевъ, Галеріевъ, Лемоніевъ [3]).

Поселеніе семейства, *жилище* его, называлось первоначаль-

---

[1]) *Mommsen*, I, 8.
[2]) *Mommsen*, I, 11.
[3]) *Mommsen*, I, 35.

но *vicus* (село) или *pagus* (деревня), но, по мѣрѣ умноженія семейства, слова эти получили тоже болѣе широкое значеніе, такъ что они стали означать наконецъ деревню или село [1]).

Латинскія племена были не иное что̀, какъ размножившіеся роды [2]). Они поддерживали сношенія другъ съ другомъ, и собирались въ опредѣленные сроки для жертвоприношеній и для совѣщаній. Для этого они избирали какое либо мѣсто, отъ природы крѣпкое, или укрѣпляли его, чтобы найти въ немъ убѣжище, для себя и для стадъ своихъ, въ случаѣ опасности. Средоточіе такой позиціи, обыкновенно какая нибудь возвышенность, называлось *Capitolium*, *Arx*. Оно окружалось широкой оградой *(Oppidum, Urbs)*. Иногда такимъ образомъ возникалъ городъ, но иногда укрѣпленная ограда оставалась незанятой. Остатки ихъ встрѣчаются до настоящаго времени въ южной Италіи и въ Швейцаріи, и долгое время назначеніе такихъ древнихъ стѣнъ, окружавшихъ пустыри, было загадкой для археологовъ.

Племена, находившіяся въ сношеніяхъ другъ съ другомъ и собиравшіяся въ такихъ сборныхъ пунктахъ, составляли одно цѣлое, которое называлась *народомъ (populus)* или *государствомъ (civitas)*. Это—первая соціальная единица, появившаяся въ Италіи.—Нѣсколько такихъ единицъ было въ Лаціумѣ; всѣ онѣ были независимы одна отъ другой, но такъ какъ онѣ были одного и того же происхожденія, и говорили однимъ языкомъ, то находились въ постоянной связи между собой, и собирались въ *Альбѣ* для чествованія *латинскихъ празднествъ*.

Первые жители римской территоріи назывались не *римлянами*, а *рамнами*, по древнему, давно исчезнувшему выраженію, говорящему въ пользу глубокой древности этого названія [3]). Они соединились съ двумя другими небольшими наро-

---

[1]) Вначалѣ земли у римлянъ составляли нераздѣльную собственность семейства или рода. Личная собственность могла состоять только изъ движимаго имущества, рабовъ и скота (familia pecuniaque). Отдѣльная собственность сына или раба называлась *peculium*, что̀ значитъ маленькая овца. *(Mommsen*, I, 172).

[2]) *Mommsen*, I, 36.

[3]) *Mommsen*, I, 43.

дами — *тиціенами (titienses)* [1]) и *луцерами (lucerenses)*. Этотъ союзъ, повидимому, совершился миролюбиво, такъ какъ каждый изъ трехъ народовъ сохранилъ свое богослуженіе, и пользовался одинакими политическими правами. Это обстоятельство должно было оказать тоже весьма замѣтное вліяніе на укрѣпленіе права между римлянами, потому что первое ихъ разширеніе совершилось такимъ образомъ не посредствомъ насилія, но мирнымъ способомъ, путемъ юридическаго договора.

Вотъ какимъ образомъ, идея права, среди самыхъ благопріятныхъ для нея условій, приняла въ Римѣ развитіе, выразившееся особеннымъ типомъ и отличавшееся необыкновеннымъ закаломъ. Оно легко уловляется въ семействѣ, племени, народѣ, во всевозможныхъ фазахъ римскаго величія, даже тогда, когда Римъ сдѣлался столицей всего цивилизованнаго міра. Среди всѣхъ этихъ видоизмѣненій, римское общество сохранило главныя черты своего первобытнаго устройства; понятія о правѣ и власти испытали въ немъ самыя незначительныя перемѣны. Они измѣнены были гораздо позже, въ эпоху Гракховъ и Цезаря. Римское государство было не иное что̀, какъ размножившееся семейство, избравшее мѣстомъ своего пребыванія городъ. И дѣйствительно, семейство и городъ были два фактора, изъ которыхъ состоя-

[1]) То обстоятельство, что римскій народъ началъ свое существованіе смѣшеніемъ трехъ племенъ, подало поводъ къ ошибочному мнѣнію, долгое время бывшему въ ходу, что это былъ разный сбродъ или, вѣрнѣе, шайка разбойниковъ и бродягъ. Момзенъ замѣчаетъ по этому случаю, что римляне несомнѣнно принадлежали къ латинской расѣ, люцеры тоже вѣроятно принадлежали къ ней, и что одни только тиціане были самнитскаго происхожденія. Но эта раса была весьма близкакъ римской, въ особенности, въ отдаленныя времена, — такъ что, какъ только тиціане вошли въ составъ римскаго народа, то должны были скоро слиться съ нимъ. Это подтверждается фактомъ, случившимся нѣсколько столѣтій позже. Самнитскій родъ *Атта Клауза* прибылъ въ Римъ съ своими кліентами, поселился на отведенныхъ ему земляхъ, и вскорѣ смѣшался съ остальнымъ народонаселеніемъ. Онъ игралъ весьма замѣтную даже роль въ римской исторіи подъ именемъ рода *Аппія Клавдія*, принятымъ имъ по созвучію въ латинскомъ языкѣ съ его бывшимъ именемъ. *(Mommsen*, I, 43).

ла организація римскаго общества. Власть отца семейства служила моделью для власти общественной, а муниципальныя учрежденія города Рима кончили тѣмъ, что сдѣлались политическими учрежденіями всего цивилизованнаго міра [1]).

Организація римской семьи показываетъ, до чего можетъ дойти власть, основанная на правѣ, когда ничто не препятствуетъ ея одностороннему развитію. Отъ одного строгаго логическаго вывода къ другому, она доходитъ до представленій, повидимому, невяжущихся ни съ какимъ человѣческимъ чувствомъ.

Жена, сыновья, внуки, незамужнія дочери считались предметами права совершенно наравнѣ съ бездушными вещами, животными и рабами, составлявшими имущество отца семейства. Въ отдаленныя времена отпущеніе на волю не допускалось въ Римѣ, и могло существовать только de facto; de jure же вольноотпущенный по прежнему принадлежалъ своему господину. Освобожденіе раба дозволено было прежде освобожденія сына. Поэтому, сынъ, до смерти отца, находился въ худшемъ положеніи, чѣмъ рабъ. Если римскій гражданинъ продавалъ раба, то послѣдній могъ быть отпущенъ на волю новымъ господиномъ, только не сынъ, потому что онъ поступалъ снова во власть отца. Уже въ послѣдующую эпоху постановлено было, что троекратная продажа сына освобождала наконецъ послѣдняго. Еще позже, дозволено было освобождать сына, но съ условіемъ, чтобы послѣдній прошелъ пред-

---

[1]) Государство поглощалось городомъ во всемъ греко-римскомъ мірѣ. Римскіе преторы вели правосудіе, цензоры завѣдовали сооруженіями и общественными работами во всѣхъ колоніяхъ, а до того во всѣхъ римскихъ городахъ.

Заботы сената ограничивались назначеніемъ префектовъ (исправлявшихъ обязанности претора) въ отдаленныя страны для рѣшенія дѣлъ, нетерпящихъ отлагательства. Въ провинціяхъ римскую власть представляли преторы, проконсулы, пропреторы.

Только въ VII столѣтіи отъ основанія Рима эта чрезмѣрная централизація была нѣсколько ослаблена. Итальянскимъ городамъ предоставлено было муниципальное управленіе, сходное съ римскимъ, но подчиненное однако же послѣднему. *(Mommsen,* II, 360).

варительно чрезъ рабское состояніе [1]). Такое же безусловное право имѣлъ отецъ семейства надъ своей женой, находился ли онъ съ нею въ религіозномъ бракѣ (matrimonium confarreatione) [2]), или въ гражданскомъ (matrimonium consensu). Въ томъ и другомъ случаѣ принималось, что онъ пріобрѣлъ жену на правахъ вещи. Только на первый бракъ смотрѣлось, какъ на спеціальное пріобрѣтеніе, между тѣмъ какъ гражданскій бракъ сопровождался такими же формальностями, какія соблюдались вообще при пріобрѣтеніи всякой вещи: передачей (coemptio) и давностью (usus) [3]). Такъ какъ обладаніе женщиной приравнено было обладанію вещи, то и рожденныя ею дѣти подлежали тому же праву. Отецъ семейства могъ продать свою жену, какъ и дѣтей, или подкинуть послѣднихъ. Одна только религія смягчала отчасти эту безграничную власть. Проклятіе грозило тому, кто продастъ жену, женатаго сына, или кто покинетъ своихъ дѣтей, за исключеніемъ, впрочемъ, старшей дочери или дѣтей съ физическимъ уродствомъ. Но эти проклятія не имѣли никакого гражданскаго значенія, такъ какъ они оказывали дѣйствіе только на того, кто боялся гнѣва боговъ.

Отецъ семейства могъ подвергать своихъ подчиненныхъ, какъ тѣлесному наказанію, такъ и смертной казни, не подвергаясь за это отвѣтственности предъ кѣмъ бы то ни было. Существовалъ, правда, обычай созывать въ чрезвычайныхъ случаяхъ семейный совѣтъ, но роль послѣдняго ограничивалась выраженіемъ мнѣнія, которое отецъ семейства могъ, по своему усмотрѣнію, принять или отвергнуть [4]). Изъ этого слѣдуетъ, что ни одно лицо, находящееся въ зависимости отъ отца семейства, не могло имѣть никакихъ личныхъ правъ; всѣ послѣднія поглощались его правомъ. Сынъ или рабъ не

---

[1]) *Mommsen*, I, 144.

[2]) Религіозный бракъ, confarreatio, есть самый древній римскій обычай, какой только мы знаемъ. Обычай этотъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, вошелъ въ писанный законъ въ концѣ III вѣка по основаніи Рима. (*Mommsen*, I, 147).

[3]) *Mommsen*, I, 54, 75.

[4]) *Mommsen*, I, 56.

могли имѣть ничего, иначе какъ съ разрѣшенія главы семейства; все, принадлежащее имъ, могло быть ежеминутно отнято имъ.

Римское семейство представляло нѣчто замкнутое, вполнѣ независимое отъ прочихъ соціальныхъ учрежденій. Общественныя власти не имѣли никакого вліянія на власть и права, входящія въ эту сферу. Они могли заключить въ тюрьму и казнить смертью гражданина, но не могли отнять у него сына или поле, ни даже обременить послѣднее какою либо общественною повинностью [1]). Въ римлянинѣ признавались два лица, отецъ семейства и гражданинъ. Въ качествѣ послѣдняго онъ имѣлъ обязанности относительно общества, но разъ исполнивъ ихъ, онъ оставался безусловнымъ господиномъ своего семейства и имущества. Эти странныя воззрѣнія показываютъ, что въ Римѣ право, какъ право, находилось въ большемъ почетѣ, чѣмъ личность, которой оно принадлежало. Рука налагалась на самую личность, но не прикасалась ни къ ея праву, ни къ ея власти. Это служитъ сильнѣйшимъ подтвержденіемъ уваженія къ праву, какое только можетъ быть представлено. Одни только римляне способны были достигнуть до такой утонченной отвлеченности и до примѣненія ея къ дѣйствительности.

Вслѣдствіе такого крайняго толкованія права, становится особенно интересно изученіе римскихъ законодательныхъ и судебныхъ учрежденій, имѣвшихъ цѣлью поддержать его. Вотъ почему, прежде чѣмъ приступить къ изслѣдованію общественной власти въ Римѣ, небезполезно представить нѣсколько указаній на то, какъ понималось римлянами правосудіе.

Такой безграничной власти, какая принадлежала въ Римѣ, какъ семейству, такъ и государству, свойственно не обращать особеннаго вниманія на законы. Вотъ почему послѣдніе находились въ хаотическомъ состояніи и въ пренебреженіи, пока децемвиры не привели ихъ хоть въ какой нибудь порядокъ; тѣмъ не менѣе, воля сената и высшихъ властей всегда стояла выше законовъ.

[1]) *Mommsen*, I, 75.

Вскорѣ законодательство XII таблицъ загромождено было въ свою очередь массой противурѣчащихъ законныхъ постановленій, и почти вышло изъ употребленія. Съ другой стороны, оно было крайне ограничено, потому что охватывало только небольшое число случаевъ частнаго права, и относилось къ однимъ только римскимъ гражданамъ, тогда какъ сношенія послѣднихъ съ чужестранцами съ каждымъ днемъ получали все большее значеніе. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ дала почувствовать римлянамъ необходимость въ преобразованіи ихъ законовъ. Это породило совершенно новое законодательство, въ основу котораго легло уже не правосудіе, а равноправность, какъ ее понимали римляне, то есть, способность судить съ личной точки зрѣнія, независимо отъ какого бы то ни было существующаго закона [1]). Въ этомъ и состояло преторское законодательство.

Вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, преторъ обнародывалъ *ежегодный эдиктъ*, называвшійся также *неизмѣннымъ*, въ которомъ указывались принципы и правила, которыми преторъ будетъ руководствоваться. Но произволъ до такой степени входилъ въ привычки римскихъ чиновниковъ, что преторы не только считали ни во что эдикты и рѣшенія своихъ предмѣстниковъ, но не обращали вниманія на собственные свои эдикты. Вотъ почему законъ Корнелія (687 отъ осн. Рима), которымъ преторы обязывались соблюдать собственные свои эдикты, составляетъ эпоху въ этой области законодательства. Онъ произвелъ въ ней преобразованіе, подобное тому, какое сдѣлано было въ древнемъ законодательствѣ XII таблицами [2]).

Преторское законодательство пріобрѣло впослѣдствіи большее значеніе, чѣмъ законодательство XII таблицъ, какъ въ

---

[1]) Преторское законодательство руководилось, впрочемъ, не одними только личными воззрѣніями или выводами изъ неопредѣленнаго принципа равноправности. Въ него входилъ элементъ болѣе прочный. Это—юридическія правила и обычаи, заимствованные у всѣхъ народовъ, и составлявшіе то, что называлось въ Римѣ *частнымъ народнымъ правомъ*.

[2]) *Mommsen*, III, 342.

Римѣ, такъ и въ странахъ, подчиненныхъ римскому праву. Преторы, незадумываясь, отстраняли постановленія XII таблицъ, противурѣчившія ихъ эдиктамъ, что породило чрезвычайную юридическую путаницу, окончившуюся только съ преобразованіями Юстиніана [1]).

Въ римскихъ провинціяхъ и у союзниковъ эдиктъ ограничивался установленіемъ торговыхъ сношеній между лицами разныхъ странъ и юридическими сдѣлками, неподходящими строго подъ мѣстное законодательство [2]).

Гражданское правосудіе отправлялось, стало быть, произвольно, но еще большій произволъ господствовалъ въ уголовномъ судѣ. До временъ Суллы, римляне не имѣли уголовнаго свода. Кодексъ, составленный по повелѣнію Суллы, былъ единственнымъ, какимъ они обладали. Сулла ввелъ нѣкоторый порядокъ въ эту отрасль правосудія, отдѣливъ ее отъ гражданскаго суда, съ которымъ она до этого смѣшивалась [3]). Уголовная расправа существовала только для нѣкоторыхъ случаевъ: для политическихъ преступленій, вѣдавшихся въ комиціяхъ (народныхъ собраніяхъ), и для нѣкоторыхъ тяжкихъ преступленій, какъ убійство и злоумышленный поджогъ. Преступленія меньшей важности, какъ и нѣкоторыя важныя гражданскія тяжбы, судились въ коммисіяхъ, состоявшихъ изъ присяжныхъ. Собственно такъ называемые проступки и второстепенныя гражданскія тяжбы вѣдались судомъ одного присяжнаго. — Судья устанавливалъ факты (что называлось *jus*), а присяжный произносилъ приговоръ *(judicium)*.—Сулла учредилъ огромное число спеціальныхъ коммисій для различнаго рода преступленій и проступковъ; впослѣдствіи же, смотря по обстоятельствамъ, создавались новыя. — На всѣ эти судебныя учрежденія не было апелляціи, пока не разрѣшено

---

[1]) *Mommsen*, III, 543.

[2]) Впрочемъ, не одни только преторскіе суды руководствовались принципомъ равноправности. *Hasta* или трибуналъ *cta nati* дѣлалъ то же самое. Судъ этотъ былъ учрежденъ по дѣламъ наслѣдства, и состоялъ изъ присяжныхъ, избиравшихся для 35 участковъ римской территоріи. *(Mommsen*, II, 358).

[3]) *Mommsen*, I, 250. II, 357.

было Цезаремъ апеллировать на нихъ къ нему лично, что̀ и породило систему инстанцій, до этого неизвѣстную въ Римѣ.

Сенатъ и высшіе чиновники уважали болѣе приговоры присяжныхъ, чѣмъ приговоры комицій; они не кассировали первые, какъ приговоры послѣднихъ [1]). Вотъ почему списокъ присяжныхъ получилъ такое важное значеніе въ Римѣ, и обратился въ предметъ ожесточенной борьбы. Долгое время списокъ этотъ состоялъ изъ однихъ сенаторовъ. Кай Гракхъ отнялъ у нихъ эту привилегію, и передалъ ее римскимъ всадникамъ. Сулла возвратилъ ее сенаторамъ, Помпей ввелъ измѣненія въ составѣ присяжныхъ, и наконецъ, Цезарь раздѣлилъ право это поровну между сенаторами и всадниками [2]).

Составъ римскихъ судовъ показываетъ, до какой степени они должны были находиться подъ вліяніемъ партій. Но что̀ болѣе всего усиливало это зло, это — безотчетная власть, какой пользовались въ дѣлахъ уголовнаго правосудія, нетолько суды и преторы, но всѣ высшія власти: консулы, цензоры, народные трибуны, а въ провинціяхъ — проконсулы и пропреторы. Курульные эдилы (полицейскіе чиновники) пользовались тоже самою широкою властью. Каждое изъ этихъ чиновныхъ лицъ могло произносить приговоръ, который товарищи его, преемники, или одинъ изъ народныхъ трибуновъ могли отмѣнять.

Такъ какъ въ Римѣ долго не существовало уголовнаго кодекса, и всюду царствовалъ произволъ, то нетолько политическія, но и обыкновенныя преступленія разбирались въ интересѣ разныхъ партій [3]). Въ особенности разоряли противниковъ огромными пенями; о размѣрахъ ихъ можно составить себѣ понятіе по тому обстоятельству, что запрещено было наконецъ назначать ихъ въ половину состоянія преступника.

Вотъ какому пристрастному и произвольному правосудію подчинены были римскіе граждане. Это былъ судъ привилегированнаго меньшинства [4]); что̀ же сказать послѣ этого

---

[1]) *Mommsen*, II. 246.

[2]) *Mommsen*, III, 475.

[3]) *Mommsen*, I, 404.

[4]) Число римскихъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, простира-

о римскомъ правосудіи между союзниками [1]), и особенно въ провинціяхъ [2]); и наконецъ, каково же было правосудіе относительно слугъ и рабовъ? — 20,000 рабовъ, распятыхъ консуломъ Публіемъ Рупиліемъ въ Сициліи, и 6,000 товарищей Спартака, повѣшенныхъ на кресты вдоль всей дороги изъ Капуи въ Римъ, служатъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ [3]).

лось до 298,000 вскорѣ послѣ экспедиціи Регула въ Африку (502 отъ осн. Рима). Пуническія войны понизили эту цифру до 214,000 (550 г.) (*Mommsen*, I, 834). Въ Римѣ считалось около 400,000 гражданъ въ VII вѣкѣ, когда вспыхнуло возмущеніе итальянцевъ, которые считали въ своихъ рядахъ отъ 5 до 600,000 воиновъ. (*Mommsen*, II, 219). Сулла далъ права гражданства всѣмъ итальянцамъ, Цезарь—большому числу галльскихъ округовъ, и наконецъ Юстиніанъ — всѣмъ своимъ подданнымъ, родившимся свободными.

[1]) Существовало различіе между латинскими союзниками, которыми были первоначально жители Лаціума, и прочими итальянскими союзниками. Первые пользовались привилегированнымъ положеніемъ, сравнительно со вторыми, такъ что латинское право предоставлялось какъ бы отличіемъ, подходящимъ къ римскому праву. Впрочемъ, съ союзниками, какъ той, такъ и другой категоріи, римляне обращались одинаково дурно. Но имъ предоставлялось, по энергическому выраженію Момзена, утѣшеніе—передавать провинціаламъ тѣ пинки, которые сами они получали. Можно представить множество примѣровъ насильственныхъ поборовъ, которыми римляне произвольно обременяли своихъ союзниковъ, не говоря уже о постоянномъ ихъ притѣсненіи. (См. *Mommsen*, II, 213).

[2]) Высшіе чиновники, откупщики открыто грабили провинціи, и снабжали себя рабами. Въ 650 царь Виѳиніи объявилъ, что не въ состояніи выслать требуемаго Римомъ военнаго отряда, ибо откупщики вывезли изъ его государства всѣхъ людей, способныхъ носить оружіе. (*Mommsen* II, 73). Коммисія, учрежденная для изслѣдованія злоупотребленій и преступленій, совершенныхъ римскими чиновниками, дѣйствовала, въ рукахъ всадниковъ, съ такимъ криводушіемъ, что достаточно было челобитчику упомянуть о правѣ и правосудіи, чтобы навлечь на себя осужденіе. (*Mommsen*, II, 210).

[3]) Эти казни массами показываютъ всю жестокость римлянъ, въ особенности, если припомнить, что рабы ихъ состояли главнымъ образомъ изъ цѣлыхъ народовъ, очутившихся во власти безпощаднаго побѣдителя. Нерѣдко это были люди, занимавшіе до того высокое положеніе, которые приведены были въ отчаяніе варварскимъ обращеніемъ. Ибо ничто не можетъ сравниться съ варварствомъ римлянъ относительно рабовъ. Послѣдніе были вѣчно скованы, не покидали

И тѣмъ неменѣе, несмотря на то, что правосудію не удалось прочно утвердиться въ Римѣ, несмотря на всѣ эти беззаконія въ частности, нельзя не замѣтить въ римской исторіи общаго стремленія идеи правосудія къ независимости и къ противудѣйствію злоупотребленіямъ власти. Когда все преклонялось предъ Суллой, одно судебное сословіе противилось его деспотизму. Судебныя учрежденія не признавали корнеліевыхъ законовъ, отмѣнившихъ права гражданства, дарованныя предъ тѣмъ нѣсколькимъ итальянскимъ городамъ. Они удержали также права римскихъ гражданъ за лицами, проданными Суллой въ рабство. (*Mommsen*, III, 3). Во времена тріумвирата Цезаря, Помпея и Красса, у однихъ судей уголовныхъ судовъ достало смѣлости осудить приверженцевъ тріумвировъ, вслѣдствіе чего послѣдніе лишены были полезныхъ союзниковъ. (*Mommsen*, III, 313).

Указавъ, какъ римляне понимали право, и какъ они отправляли правосудіе, мы приступимъ къ изученію ихъ общественной власти, то есть, къ изслѣдованію ихъ политическихъ. учрежденій.

Мы встрѣчаемъ между многими народами произвольную, неограниченную власть, но у нихъ она является безпорядочной, капризной; у однихъ только римлянъ она представляется въ раціональной системѣ, строго вытекающей изъ принципа и освященной обычаемъ. Нельзя не замѣтить, что въ основѣ ея лежали понятія, глубоко проникнувшія во всѣ классы общества.

Цари пользовались въ государствѣ властью, во всѣхъ отношеніяхъ сходной съ властью отца надъ своимъ семействомъ [1]).— Повелѣнію (imperium) царя повиновались слѣпо. Онъ былъ верховный судья, и распоряжался жизнью своихъ подданныхъ, какъ и ихъ свободой, ибо онъ могъ обращать ихъ въ рабство.

цѣпей даже во время земледѣльческихъ работъ, ихъ клеймили каленымъ желѣзомъ, а на ночь загоняли толпами въ сырыя подземелья. Момзенъ, горячій поклонникъ Рима, говоритъ, что всѣ страданія, переносимыя въ наши дни черными невольниками, ничто въ сравненіи съ муками, какія испытывали римскіе рабы. (М. II, 75).

[1]) *Mommsen*, I, 59.

Всѣ общественныя власти не знали другаго источника, кромѣ его власти. Цари были нетолько верховными первосвященниками, но и пользовались атрибутами, посвященными богамъ: торжественной колеснищей, жезломъ изъ слоновой кости съ орломъ на одной его оконечности, золотымъ вѣнцомъ изъ дубовыхъ листьевъ, румянами для лица.

Переворотъ, унесшій царей, измѣнилъ скорѣе внѣшній видъ принципа власти, чѣмъ общее ея значеніе. Власть перешла сначала въ руки консуловъ [1]) безъ всякой перемѣны, съ тѣмъ только различіемъ, что она принадлежала теперь двумъ лицамъ, изъ коихъ одно, въ случаѣ разногласія, могло остановить другое своимъ veto. Другое различіе состояло въ томъ, что консулы пользовались своей властью только годъ; но по истеченіи этого срока власть ихъ не необходимо оканчивалась, потому что имъ предоставлено было право слагать свое достоинство по собственному усмотрѣнію. Подчиненіе римлянъ своимъ начальникамъ, а съ другой стороны, могущество и неотвѣтственность консуловъ [2]) простирались до того, что ничто не препятствовало послѣднимъ держаться на своихъ мѣстахъ сверхъ опредѣленнаго срока [3]). Римляне обязаны были повиноваться имъ даже и въ этомъ случаѣ.

---

[1]) Вначалѣ консулы не имѣли опредѣленнаго названія. Они назывались то начальниками (praetores), то судьями (judices), то просто товарищами (consules). Послѣднее названіе и осталось за ними. (*Mommsen*, I, 229).

[2]) Основнымъ принципомъ общественнаго права въ Римѣ было повиновеніе всякому приказанію, исходящему отъ должностнаго лица, пока лице это исправляло свои обязанности, хотя бы приказаніе его было и противузаконно. (*Mommsen*, I, 237). Если чиновникъ дѣйствовалъ несогласно съ законами, то не могло быть и вопроса о его наказаніи; онъ подвергался одному только стыду, то есть, воображаемому нравственному наказанію, которое не имѣло ровно никакого значенія въ глазахъ римлянъ. На фактъ такого рода смотрѣли, какъ на ошибку, а не какъ на преступленіе, такъ какъ для римлянъ главный вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы не ослабить принципа власти. (*Mommsen*, I, 231).

[3]) Какъ ни ослаблена была власть консуловъ въ VII вѣкѣ, нашлись между ними такіе въ эту эпоху, которые произвольно удерживали за собой власть долѣе опредѣленнаго срока, для введенія монархіи. (*Mommsen*, II, 349).

Римляне любили отличать внѣшнимъ и точнымъ признакомъ всякое различіе въ правѣ, какъ частномъ, такъ и общественномъ. Поэтому, извѣстные внѣшніе признаки указывали на различіе между царской и консульской властью. Вмѣсто двадцати четырехъ ликторовъ, сопровождавшихъ царя, за каждымъ консуломъ слѣдовало по двѣнадцати. Царскіе ликторы носили сѣкиру въ пучкѣ прутьевъ, которой не имѣли кунсульскіе ликторы [1]). Вмѣсто пурпурной одежды, консули носили тогу, только окаймленную красной каймой [2]). Они не ѣздили, подобно царямъ, въ колесницѣ, и могли являться въ Римѣ только пѣшкомъ; въ распоряженіи ихъ не находился *tribunus celerum*, начальникъ конницы, весьма важный сановникъ, состоявшій при особѣ царя.

По духу безграничной власти, которою облечены были цари, послѣдніе естественно сами назначали себѣ наслѣдника. Консулы дѣлали то же самое до 273, когда это право было отнято во всякомъ случаѣ у одного изъ нихъ, если не у обоихъ [3]), и съ виду передано было комиціямъ, а въ сущности сенату.

Всемогущество консуловъ продолжалось весьма недолго, ибо, почти со дня учрежденія ихъ, власть ихъ стѣснялась понемногу различными мѣрами. Несмотря на это, имъ принадлежала наибольшая часть исполнительной власти до самаго конца республики. Годъ спустя послѣ переворота, закономъ Валерія дозволено было апеллировать къ народу на смертный приговоръ, произнесенный консуломъ, что̀ называлось *provocatio*. Спустя еще нѣкоторое время, постановленіе это распространено было и на приговоръ къ тяжкимъ пенямъ. — Въ 260 власть консуловъ была еще болѣе стѣснена учрежденіемъ народныхъ трибуновъ. Вслѣдствіе возмущенія, вспыхнувшаго

---

[1]) Значеніе этого различія понятно: цари имѣли право тотчасъ же употребить въ дѣло сѣкиру, такъ какъ они имѣли право жизни и смерти надъ каждымъ подданнымъ. Консулы не имѣли этого права, ибо гражданинъ могъ апеллировать на ихъ приговоръ къ народу; но они могли произвольно употреблять въ дѣло розги, которыя ликторы и носили всюду за ними.

[2]) *Mommsen*, I, 254.

[3]) *Mommsen*, I, 232.

противъ децемвировъ, управленіе военной кассой было отнято у консуловъ, и поручено двумъ квесторамъ, избиравшимся центуріями [1]). Пять лѣтъ спустя, должность консуловъ была отмѣнена; они замѣщены были *военными трибунами съ консульской властью* [2]). Въ сущности, это были тѣ же консулы, только неносившіе этого названія, въ которомъ имъ упрямо отказывали патриціи, вслѣдствіе почестей, связанныхъ съ званіемъ консула, почестей, которыя могли такимъ образомъ пасть и на плебеевъ. Ибо эти *кунсульскіе трибуны* назначались центуріями, которыя избирали ихъ изъ среды своихъ офицеровъ; а между тѣмъ, по древнимъ обычаямъ римской арміи, каждый солдатъ могъ сдѣлаться офицеромъ, такъ что послѣдними могли быть плебеи, какъ и патриціи.

Ежегодно возникали распри, чтобы знать, будутъ ли возстановлены консулы, которые избирались въ то время изъ однихъ только патриціевъ, или же будутъ удержаны консульскіе трибуны, которыми могли быть, какъ патриціи, такъ и плебеи.

Видя это паденіе консульскаго достоинства, патриціи, вздумали отдѣлить часть консульской власти, чтобы присвоить себѣ исключительное пользованіе ею. Съ этою цѣлью установлена была, въ 311, обязанность цензоровъ, которыхъ положено было избирать, хотя и въ центуріяхъ, но изъ однихъ только патриціевъ. Эта новая должность сдѣлалась охраной патриціевъ во все время, пока она находилась въ ихъ рукахъ [3]). Цензоры опредѣляли доходы и расходы государства, содержали списки гражданъ и лицъ, подлежавшихъ

---

[1]) *Mommsen*, I, 260.

[2]) Число ихъ простиралось обыкновенно до шести. Не должно смѣшивать этихъ *военныхъ трибуновъ съ консульской властью* съ *военными трибунами* въ легіонахъ.

[3]) Первоначально цензоры назначались на пять лѣтъ, но потомъ срокъ ихъ дѣятельности ограниченъ было полутора годами; остальное же время обязанности ихъ исполнялись консулами. Позже, цензоровъ нерѣдко вовсе не назначалось, а такъ какъ въ эти промежутки времени обязанности ихъ продолжали исправляться консулами, то въ результатѣ эти должности оставались большею частью за послѣдними. (*Mommsen*, II, 306).

налогу, исправляли каждыя пять лѣтъ списки сенаторовъ и всадниковъ, что̀ давало имъ возможность исключать изъ нихъ своихъ противниковъ. Они-же назначали на вакантныя мѣста, открывавшіяся въ сенатѣ и кавалеріи. Впрочемъ, значеніе цензоровъ выросло только мало по малу; они кончили тѣмъ, что заняли первое мѣсто въ чиновничьей іерархіи, но достигли этого только исподоволь, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій [1]).

Закономъ, изданнымъ по предложенію народныхъ трибуновъ, Лициній и Секстія (въ 387 г.), должность консульскаго трибуна была уничтожена, а должность консула возстановлена, но въ то же время установлено было, что одинъ изъ консуловъ долженъ быть плебеемъ [2]). Патриціи прибѣгли тогда къ той же хитрости, при содѣйствіи которой имъ удалось учредить цензорство: они добились отдѣленія еще одной части отъ консульской власти, чтобы удержать ее исключительно за собой. Подъ тѣмъ предлогомъ, что они одни обладали знаніемъ законовъ, они предложили избирать третьяго консула, подъ именемъ *претора*, которому поручено было бы отправленіе правосудія; послѣдній долженъ былъ избираться изъ патриціевъ [3]).

Такимъ образомъ, весьма значительная часть судебной и законодательной власти была отдѣлена отъ прочихъ государственныхъ властей, такъ какъ преторы были одновременно, и судьями, и законодателями. Но это раздѣленіе шло слишкомъ въ разрѣзъ съ представленіями римлянъ о единствѣ и неограниченности власти, чтобы проникнуть до самой сущности предмета. Власть, порученная преторамъ, не была естественнымъ продуктомъ развитія идеи правосудія, ни на

[1]) *Mommsen*, I, 265.

[2]) *Mommsen*, I, 267.

[3]) Претора окружало только шесть ликторовъ, что̀ служитъ указаніемъ, что съ самаго происхожденія своего онъ стоялъ ниже консуловъ. Въ 511, вмѣсто одного, назначалось два претора для отправленія правосудія. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣдовательно стали назначать четырехъ преторовъ для управленія провинціями. Сулла прибавилъ еще двухъ, а Цезарь довелъ наконецъ число преторовъ до шестнадцати.

теоретической почвѣ, чтобы стать отдѣльно, ни на практической, вслѣдствіе необходимости имѣть лучшее правосудіе; она была результатомъ борьбы между партіями. Поэтому, и результатъ этотъ не могъ имѣть общаго значенія. Рядомъ съ преторскимъ судомъ и законодательствомъ, существовали въ Римѣ другіе суды и законодательство. Для самихъ патриціевъ должность претора потеряла все свое обаяніе, какъ только къ ней стали допускаться плебеи; а между тѣмъ, разъ созданное учрежденіе продолжало свои дѣйствія, ибо установилось правило, чтобы консулы, въ рукахъ которыхъ сосредоточилось все высшее управленіе, не вмѣшивались въ отправленіе правосудія въ городѣ Римѣ [1]).

Въ тѣхъ же видахъ своей партіи, патриціи добились учрежденія отдѣльнаго управленія для полицейскихъ дѣлъ и общественныхъ увеселеній. Чиновники, которымъ поручено было это управленіе названы были *курульными эдилами*, для отличія ихъ отъ *плебейскихъ эдиловъ* [2]).

Но консулы были представителями верховной власти въ государствѣ только въ обыкновенное время, когда все шло правильнымъ порядкомъ. При чрезвычайныхъ же обстоятельствахъ, особенно въ случаѣ опасности, общественная власть получала еще болѣе широкіе размѣры подъ именемъ диктатуры. Всѣ стѣсненія, ограничивавшія власть консуловъ, отмѣнялись, за исключеніемъ одного—сенатъ сохранялъ управленіе государственной казной [3]). Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, власть, которою облечены были диктаторы, была та же, какой пользовались древніе цари; они окружены были всѣми

---

[1]) *Mommsen*, II, 351.

[2]) *Плебейскіе эдилы* были помощниками народныхъ трибуновъ, и исполняли нѣкоторыя судейскія обязанности. Происхожденіе этой должности относится къ тому времени, когда диктаторъ Маній Валерій предложилъ назначить двухъ чиновниковъ для охраненія закона, установившаго должность народнаго трибуна. Законъ этотъ положенъ былъ для храненія въ храмѣ или зданіи, спеціально предназначенномъ для этой цѣли; оттого и чиновники эти получили свое названіе отъ храма (aedes), при которомъ они состояли. (*Mommsen*, I, 248).

[3]) *Mommsen*, I, 239.

внѣшними признаками царскаго достоинства [1]). Апелляція къ народу на ихъ приговоръ допускалась не иначе, какъ съ ихъ согласія; сопровождавшіе ихъ 24 ликтора вооружены были сѣкирами [2]). Подобно царямъ, диктаторы имѣли въ своемъ распоряженіи начальника конницы (*tribunus celerum*).

Учрежденіе это никогда, впрочемъ, не пользовалось популярностью въ Римѣ. Въ 391 году сенату вздумалось назначить диктатора исключительно для исполненія одной религіозной церемоніи; но какъ только диктатору передана была безграничная власть, онъ тотчасъ же присвоилъ себѣ всѣ атрибуты своего званія. Другіе диктаторы уважали, впрочемъ, цѣль своего назначенія, и довольствовались исполненіемъ тѣхъ спеціальныхъ обязанностей, которыя имъ поручались. Вслѣдствіе пораженія при Каннахъ, сенатъ избралъ въ послѣдній разъ диктатора, съ назначеніемъ его главнокомандующимъ арміей. Съ этихъ поръ должность диктатора, хотя и не была упразднена, вышла изъ употребленія [3]). Однако же, Сулла присвоилъ себѣ диктатуру съ такимъ полномочіемъ, какого она не имѣла до этого, а именно, съ правомъ измѣнять организацію государства и его границы [4]). Помпей получилъ титулъ *консула безъ товарища* [5]), и наконецъ Цезарь, къ числу присвоенныхъ себѣ должностей, заставилъ назначить себя диктаторомъ, сначала на срокъ, а затѣмъ, на всю жизнь. Но это уже не была правильно установленная власть, ограниченная хоть временнымъ ея продолженіемъ

---

[1]) *Mommsen*, I, 233.

[2]) Закономъ 304 года диктаторы обязывались допускать апелляцію къ народу, но они не обращали вниманія на этотъ законъ, какъ и на многіе другіе. Цинцинатъ, напримѣръ, назначенный диктаторомъ въ 315, получилъ особенное право не допускать *provocatio*, то есть, апелляціи къ народу. (*Mommsen*, I, 266).

[3]) Диктатура только отчасти замѣнялась чрезвычайной властью, которою облекалъ сенатъ консуловъ во время мятежа, или въ случаѣ особенныхъ обстоятельствъ. (*Mommsen*, I, 799).

[4]) *Mommsen*, II, 235: Сулла принялъ титулъ «диктатора для изданія законовъ и для устройства государства».

[5]) *Mommsen*, III, 318.

это было уже необузданное своеволіе, перешедшее изъ рукъ демагоговъ въ руки военначальниковъ.

Такъ какъ диктаторъ облеченъ былъ самой широкой властью, сравнительно съ прочими сановниками, то и продолжительность его власти была самая кратковременная; она не могла длиться болѣе шести мѣсяцевъ. Одинъ диктаторъ не имѣлъ товарища, который бы могъ его контролировать; даже народные трибуны не имѣли на него никакого вліянія. Это служитъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ диктаторскаго всемогущества, ибо народные трибуны были учреждены именно съ тою цѣлью, чтобы ограничивать произволъ высшихъ чиновниковъ.

Интереснѣе всего прослѣдить за учрежденіемъ *народныхъ трибуновъ*, потому что въ немъ выразилась яснѣе, чѣмъ гдѣ либо, характеристическая черта римскаго соціальнаго устройства.

Вслѣдъ за политическимъ переворотомъ, уничтожившимъ царей [1]), вспыхнуло (въ 260 году) возстаніе, которое можно назвать соціальнымъ, такъ какъ оно вызвано было столкновеніемъ между различными классами общества.—Патриціи захватили всѣ высшія государственныя должности, и страшно угнетали плебеевъ. — Все, что было между послѣдними позначительнѣе и побогаче, поднялось, чтобы свергнуть съ себя иго притѣснителей.

Въ средневѣковой Европѣ народная партія, очутившись въ подобныхъ обстоятельствахъ, добивалась обыкновенно какой нибудь хартіи, которая утвердила бы за ней ея права, или предоставила бы ей новыя. Въ наше время та же самая цѣль достигается посредствомъ раздѣленія власти или посредствомъ народнаго представительства; но древній міръ не имѣлъ никакого понятія ни объ общественныхъ хартіяхъ, ни о раздѣленіи властей, ни о народномъ представительствѣ. Что же касается въ частности до римлянъ, то они не понимали, чтобы власть, сама по себѣ, могла быть ограничена

---

[1]) Переворотъ этотъ, согласно съ исправленной хронологіей, относятъ къ 244 году отъ основанія Рима.

иначе, какъ оставленіемъ ее на менѣе продолжительное время въ рукахъ одного и того же лица, или же противупоставленіемъ ей другой власти, столь же широкой. Раздѣленіе власти они замѣняли правомъ veto, которымъ пользовались должностныя лица относительно другъ друга. Такія воззрѣнія, вовсе не похожія на воззрѣнія новѣйшихъ народовъ, объясняютъ, почему плебеи искали облегченія своихъ бѣдствій въ учрежденіи новой власти, которая сдерживала бы власти, находившіяся въ распоряженіи патриціевъ.

Плебейская армія, имѣя въ главѣ своихъ военныхъ трибуновъ, взбунтовалась, и, удалившись на Священную гору, объявила намѣреніе основать свой городъ, который грозилъ бы въ такомъ случаѣ существованію Рима. Диктаторъ Маній Валерій, прозванный Великимъ, изъ того великаго рода Валеріевъ, который всегда пользовался популярностью въ Римѣ, примирилъ враждовавшія партіи договоромъ, вслѣдствіе котораго учреждены были *народные трибуны* (*tribuni plebis* [1]), Они облечены были существенно опозиціонной властью, которая давала имъ возможность прервать ходъ всего управленія страной. Сами они не принимали никакого участія въ администраціи, и не имѣли никакого вліянія на военныя дѣла. Поэтому, диктаторъ находился въ совершенной отъ нихъ независимости, такъ же какъ и консулы, какъ только послѣдніе выходили за черту города. Трибуны не могли воспрепятствовать судьямъ произносить приговоръ, ни сенату обнародывать какое либо рѣшеніе, ни центуріямъ—собираться и подавать голоса. Но они могли остановить исполненіе этого приговора или рѣшенія, ибо имѣли право уничтожить всякое повелѣніе, отъ какой бы гражданской власти оно ни исходило [2]). Они могли также кассировать приговоръ присяжныхъ [3]).

---

[1]) Между *военными трибунами* и *народными трибунами* не было ничего общаго, кромѣ названія. Послѣдніе избирались сначала въ куріяхъ, зависѣвшихъ отъ патриціевъ, но потомъ стали избираться въ центуріяхъ. Первоначально ихъ было пять, но въ 297 число это было увеличено до десяти. (*Mommsen*, I, 256).

[2]) *Mommsen*, I, 248.

[3]) *Mommsen*, III, 475.

Главная ихъ обязанность состояла въ защитѣ плебеевъ отъ несправедливостей и притѣсненій со стороны патриціевъ. Для этого они имѣли право вызывать къ себѣ на судъ всѣхъ, не исключая консуловъ. Еслибы кто либо отказался отъ повиновенія имъ, то трибуны могли взять насильно его, и приговорить даже къ смертной казни [1]). Помощниками ихъ въ отправленіи этого уголовнаго правосудія были *плебейскіе эдилы*.

Народные трибуны были уволены отъ соблюденія основнаго правила римскаго общественнаго права, по которому должностныя лица считались неотвѣтственными, ибо имѣли право преслѣдовать ихъ за поступки и по сложеніи ими своего званія. Сами же трибулы были лица *священныя* и *неприкосновенныя (sacro-sancti)*. Весь народъ, поочередно, человѣкъ за человѣкомъ, принесъ торжественную присягу за себя и за своихъ дѣтей защищать до послѣдняго своихъ трибуновъ. Послѣдніе могли сзывать комиціи по трибамъ, и предлагать имъ высказать *народное рѣшеніе (plebiscitum)*. Впродолженіи нѣкотораго времени эти рѣшенія имѣли только фактическое значеніе, потому что самъ народъ обязывался наблюдать за ними, но въ 307 за ними признана была законная сила [2]). Никто не смѣлъ прерывать трибуна въ то время, какъ онъ говорилъ народу.

Однако же, необходимо было единодушіе между трибунами, ибо римляне не придавали никакой цѣны большинству, принципу, вытекающему изъ идеи свободы. Достаточно было veto одного трибуна, чтобы парализировать рѣшеніе, принятое всѣми остальными. Люди, облеченные такими широкими правами, тѣмъ не менѣе, должны были довольствоваться только сущностью своей власти, и не имѣли тѣхъ внѣшнихъ отличій, которыми пользовались прочіе высшіе римскіе сановники. Ихъ не сопровождали ликторы; на тогѣ ихъ не

[1]) Такимъ образомъ, въ 603 и 616, трибуны арестовали консуловъ, прибѣгнувшихъ къ слишкомъ суровымъ мѣрамъ для набора арміи для испанской войны. Консулы исполняли свой долгъ, но мѣра эта была непопулярна въ Римѣ. *(Mommsen*, II, 64).

[2]) *Mommsen*, I, 260.

было пурпурной каймы; они имѣли доступъ въ сенатъ, но сидѣли на скамьѣ у самаго входа.

Однако же, спустя столѣтіе послѣ учрежденія трибуната, произошло сближеніе между патриціями и богатымъ классомъ плебеевъ, которымъ вызвано было это учрежденіе. Этотъ классъ перешелъ въ лагерь своихъ прежнихъ противниковъ, патриціевъ, и увлекъ за собой трибуновъ. Съ этихъ поръ послѣдніе держали руку сената; они не только заняли въ немъ мѣсто рядомъ съ высшими должностными лицами, но получили право созывать его, что до этого могли дѣлать только консулы и преторы [1]). Трибуны обратились такимъ образомъ въ послушное орудіе въ рукахъ сенаторовъ, то для направленія комицій, то для обузданія произвола сановниковъ. Въ то же самое время имъ поручено было управленіе дѣлами собственно города Рима.

Тѣмъ не менѣе, трибунатъ былъ всегда могущественнымъ средствомъ для народной агитаціи, которое часто ускользало изъ подъ контроля сената; трибуны въ родѣ Гракховъ всегда держали сенатъ въ трепетѣ.

Итакъ, въ Римѣ существовали должности, діаметрально противуположныя другъ другу; каждая облечена была законодательной и судебной властью, каждая имѣла возможность наносить самые чувствительные удары своимъ противникамъ, призывать ихъ къ собственному своему суду или разорять огромными пенями. Между ними существовало только то различіе, что лица, представлявшія правительство, облечены были административной и исполнительной властью, между тѣмъ какъ трибуны не принимали прямаго участія въ политическихъ дѣлахъ, но могли парализировать правительство и останавливать управленіе, оставаясь сами внѣ всякаго законнаго преслѣдованія. Словомъ, они могли требовать изданія новыхъ законовъ.

Двѣ партіи, борьба между которыми породила учрежденіе трибуната возникли съ первыхъ дней существованія римскаго общества.

---

[1]) *Mommsen*, I, 286.

Первоначально патриціи были не иное что̀, какъ римскіе граждане: каждый гражданинъ былъ патриціемъ. Закономъ признавались браки, заключенные только между лицами этого класса [1]). Вотъ почему одни только римскіе граждане могли имѣть законный титулъ отцевъ *(patres)*, или сыновей отцевъ *(patricii)*. Но, по мѣрѣ умноженія числа гражданъ, названіе патриція получило болѣе ограниченное значеніе, и относилось только къ небольшому числу древнихъ фамилій. Между послѣдними различались *старшіе роды* (*gentes majores*), которые искони пользовались правами римскаго гражданства, и *младшіе роды*, (*gentes minores*) которымъ право это даровано было по случаю какого нибудь извѣстнаго историческаго событія. Но это было только дѣломъ патриціанскаго тщеславія, неимѣвшимъ никакого политическаго значенія [2]). Во власти этихъ патриціанскихъ родовъ, уже весьма могущественныхъ по своимъ богатствамъ и по многочисленности кліентовъ, находились всѣ священнослужительскія должности и наука законовѣдѣнія.

Flamines [3]), *salii* [4]) *fratres arvales* [5]) были патриціями. Древній родъ *Фабіевъ* заправлялъ *луперкаліями* [6]), роды *Потиціевъ* и *Пинаріевъ* завѣдывали торжествами въ честь Геркулеса. Это были настоящіе жрецы; на авгуровъ и на

---

[1]) Закономъ Канулея (изданнымъ въ 309) признаны были законными браки между патриціями и плебеями (*Mommsen*, I, 262), но браки эти заключались рѣдко. Когда въ 458 одна патриціанка вышла замужъ за плебея, достигшаго высшихъ ступеней общественной іерархіи, то прочія патриціанскія дамы исключили ее изъ своей среды. Онѣ даже не позволили ей принять участіе въ празденствахъ въ честь богини цѣломудрія, которыя однако же праздновались до того съобща женщинами обоихъ сословій. Вслѣдствіе этого обстоятельства, назначена была въ Римѣ другая богиня цѣломудрія, такъ что для каждаго изъ сословій существовало по одной богинѣ. (*Mommsen*, I, 273).

[2]) *Mommsen*, I, 69.

[3]) Обязаны были зажигать огни во время жертвоприношеній.

[4]) Исполняли пляски въ честь бога Марса.

[5]) Призывали богиню плодородія при наступленіи посѣва.

[6]) Эти праздники волковъ (lupercі) напоминали эпоху, когда римляне были еще пастушескимъ племенемъ. Волки, представляемые людьми, покрытыми козлиными шкурами, били присутствовавшихъ длиннымъ ремнемъ, что̀ и вызывало всеобщее веселіе.

первосвященниковъ смотрѣли, какъ на свѣдущихъ людей, привыкшихъ къ сношеніямъ съ богами и опытныхъ въ истолкованіи ихъ воли. Сословія авгуровъ и первосвященниковъ получили, вслѣдствіе, этого важное политическое значеніе. Авгуры считались понимающими языкъ боговъ, выражавшійся полетомъ птицъ [1]). Первосвященники были хранителями наукъ и законовѣдѣнія [2]). Къ двумъ этимъ древнѣйшимъ сословіямъ слѣдуетъ присоединить сословіе *феціаловъ*, на обязанности которыхъ лежало сохраненіе въ памяти договоровъ, заключенныхъ съ сосѣдними народами [3]); кромѣ того, существовало еще сословіе, назначенное для охраненія листовъ, заключавшихъ пророчества Сибиллы [4]). Во всѣ эти сословія долгое время допускались одни патриціи [5]).

До реформы, произведенной царемъ Сервіемъ Тулліемъ, одни только граждане или патриціи имѣли право носить

---

[1]) Авгуры переводили этотъ языкъ, представлявшій цѣлую науку—*мантику*. Момзенъ говоритъ, что эта наука спеціально латинскаго происхожденія, а Курцій увѣряетъ, что *мантика* посвящалась поклоненію Аполлону, и была въ употребленіи въ Каріи и Ликіи, гдѣ возникло поклоненіе этому богу. *(Curtius*, прив. соч. I, 69 и 390).

[2]) Первосвященникамъ *(pontifices)* первоначально поручено было наводить и разводить мостъ на Тибрѣ; отсюда произошло и названіе ихъ. Это были римскіе инженеры; они обладали наукой числа и мѣры, или, какъ они сами говорили, знали всѣ божественныя и человѣческія вещи. Они обнародывали календарь, опредѣляли праздничные дни, новолуніе и полнолуніе, и наблюдали, чтобы религіозныя и судебныя дѣла производились только въ благопріятные дни. Вотъ причина, почему старшина этого сословія, *pontifex maximus*, получилъ въ свое вѣдѣніе высшее управленіе религіозными дѣлами, и имѣлъ такое огромное вліяніе на судопроизводство. *(Mommsen*, I, 158).

[3]) Сословіе феціаловъ представляло живой архивъ Рима. Въ случаѣ нарушенія международнаго права, имъ принадлежало право рѣшить вопросъ; на ихъ же обязанности лежало объявленіе войны.

[4]) Копія пророчествъ Сибиллы, жрицы Аполлона, была передана римлянамъ греками, прибывшими къ нимъ въ гости. *(Mommsen*, I, 165).

[5]) Закономъ Огульнія открытъ былъ въ 454 плебеямъ доступъ въ сословіе авгуровъ и жрецовъ, но они постоянно отклонялись отъ занятія нѣкоторыхъ жреческихъ обязанностей.

оружіе. Поэтому, они назывались *народомъ—populus* [1]) или *копьеносцами (quirites)* [2]). Они собирались по куріямъ [3]), которыя однѣ только присуждали права гражданства. Сервій Туллій хотѣлъ подчинить военной службѣ всю массу населенія (plebs), и для этого онъ организовалъ въ военномъ отношеніи Римъ по центуріямъ [4]). Населеніе, имѣвшее опредѣленное жилище и собственность, смотря по размѣрамъ послѣдней, раздѣлено было на пять классовъ, изъ которыхъ набирались легіоны [5]). Чины распредѣлялись въ послѣднихъ по классамъ, смотря по болѣе или менѣе полному вооруженію, требовавшемуся отъ нихъ; классы эти неизмѣнно занимали все одинъ и тотъ же чинъ [6]). Люди, неимѣвшіе жи-

---

[1]) Слово *populus* происходитъ отъ *populare* — разорять, или отъ *pora*—мясникъ.

[2]) Позже названіе это спеціально прилагалось къ гражданамъ въ противуположность воинамъ, когда послѣдніе перестали избираться изъ однихъ только гражданъ. *(Mommsen,* I, 238).

[3]) Въ древнія времена въ Лаціумѣ десять домовъ или семействъ составляли *родъ (gens)*, десять родовъ—*курію*. Десять курій составляли общину или племя. Въ Римѣ считалось тридцать курій, составлявшихъ три племени или трибы. Слово *триба* означало часть, потому что она дѣйствительно составляла часть цѣлаго. Вотъ почему соединеніе нѣсколькихъ трибъ на самомъ дѣлѣ называлось *цѣлымъ (tota)* у умбровъ и осковъ. (*Mommsen*, I, 65).

[4]) Сервій Туллій раздѣлилъ Римъ и его территорію на четыре части или трибы, чѣмъ нарушено было древнее территоріальное раздѣленіе на три части или трибы, вслѣдствіе совершеннаго слитія трехъ племенъ, составлявшихъ римскій народъ.

[5]) *Легіонъ* происходилъ отъ *legere*—избирать, и означаетъ избранное войско.

[6]) Марій преобразовалъ римское войско, уничтоживъ въ немъ всѣ аристократическія отличія и различія въ вооруженіи рядовъ. Въ этомъ отношеніи древній порядокъ вещей сохранялся до Марія: однако же, легіонеры занимали мѣста уже не по размѣрамъ своего имущества, а по старшинству службы. Марій замѣнилъ древніе военные знаки: волка, быка съ человѣческой головой, лошадь и кабана, которые служили отличіемъ для чиновъ, серебреными орлами. Онъ приказалъ набирать легіоны призывомъ охотниковъ изъ гражданъ, и этимъ спасъ государство, какъ Арбогастъ и Стилихонъ еще разъ спасли его нѣсколько столѣтій позже призывомъ охотниковъ изъ иностранцевъ. Ря-

лища, или пролетаріи [1]), приписаны были къ легіонамъ, какъ мастеровые, музыканты, а также для замѣщенія рядовъ, выбывшихъ во время боя. Самое почетное мѣсто предоставлено было конницѣ. Въ ней считалось 18 центурій, изъ конхъ 6 первыхъ состояли изъ патриціевъ, а остальныя 12 изъ богатѣйшихъ плебеевъ [2]).

Устройство, введенное Сервіемъ Тулліемъ, благопріятствовало возвышенію достаточнаго плебейскаго класса. Послѣдній состоялъ главнымъ образомъ изъ людей, вышедшихъ изъ класса кліентовъ, изъ латинскихъ союзниковъ, поселившихся въ Римѣ [3]), изъ жителей покоренныхъ городовъ и изъ разбогатѣвшихъ вольноотпущенныхъ. Люди эти продолжали называться плебеями въ противуположность патриціямъ, несмотря на то, что положеніе ихъ улучшилось, и что офиціальное ихъ названіе было *граждане безъ права голоса.* (*Cives sine suffragio*) [4]),

---

домъ съ легіонами образовался отрядъ *преторіанцевъ* (praetorium — главная квартира): Сципіонъ первый окружилъ себя такимъ отрядомъ тѣлохранителей, ради личной своей безопасности, во время осады Нуманціи. (*Mommsen*, II, 191).

[1]) *Пролетарій* означаетъ производитель дѣтей: слово это имѣло почетное значеніе. (*Mommsen*, III, 510).

[2]) Таково было происхожденіе римскихъ всадниковъ. Конница мало по малу перестала нести дѣйствительную службу. Въ послѣдній разъ она выказала себя въ кампанію 614 года. Это было въ Испаніи, гдѣ она взбунтовалась противъ главнокомандующаго, и кончила открытымъ возстаніемъ. (*Mommsen*, II, 191). Съ этого времени всадникомъ стали называть на обыкновенномъ языкѣ всякаго человѣка, владѣвшаго состояніемъ по меньшей мѣрѣ въ 400,000 сестерцій, такъ какъ такимъ имуществомъ должно было обладать для поступленія въ конницу. (*Mommsen*, II, 107). Сенаторы служили по большей части въ этой конницѣ до 625 года, когда воспрещено было занимать одновременно два такія мѣста. Римскіе всадники представляли денежную аристократію, всюду находящуюся въ естественной враждѣ съ родовой аристократіей. Поэтому, и римскіе всадники находились въ непримиримой враждѣ съ патриціями.

[3]) Право селится въ Римѣ было признано за ними формальными договорами. (*Mommsen*, I, 78).

[4]) Этотъ классъ общества исчезъ послѣ войны съ Аннибаломъ, и

Съ первыхъ дней республики плебеи занимали высокія мѣста въ арміи, и засѣдали въ сенатѣ, но это не давало имъ участія въ правительствѣ, пока они не допускались къ высшимъ административнымъ должностямъ. Единственный органъ политической власти, находившійся въ распоряженіи богатыхъ плебеевъ, былъ народный трибунатъ. Этотъ порядокъ вещей былъ глубоко измѣненъ, когда всѣ общественныя должности стали доступны плебеямъ, въ особенности вслѣдствіе законовъ Лицинія и Секстія, изданныхъ въ 387 [1]).

Одинъ изъ виновниковъ этого закона, плебей Секстій, избранъ былъ консуломъ въ тотъ же годъ, что̀ и продолжалось цѣлое столѣтіе. Маній Курій, консулъ въ 464, цензоръ въ 482, и Кай Фабрицій, консулъ въ 472 и цензоръ въ 479, были плебеи. Но съ этого времени консула изъ плебеевъ не было до 582, а цензора плебея — до 623 [2]).

Къ эпохѣ, въ которую плебейскія фамиліи исполняли кулульныя обязанности [3]), относится происхожденіе *плебейскихъ курульныхъ фамилій*. Онѣ смѣшались съ *патриціанскими курульными фамиліями*, и образовали новую аристократію, которую называли *знатью*, (*nobilitas*). Послѣдняя овладѣла государственнымъ управленіемъ полнѣе, чѣмъ это могли сдѣ-

---

замѣненъ былъ классомъ *иностранныхъ подданныхъ* (*peregrini dediticii*), по положенію стоявшимъ ниже предъидущаго, потому что онъ лишенъ былъ гражданскихъ правъ, и не смѣлъ носить оружія. Это было наказаніемъ, наложеннымъ римлянами на итальянскіе города и мѣстности, передавшіеся, подобно Капуѣ, на сторону Аннибала. (*Mommsen*, I, 774).

[1]) Первыя общественныя должности, къ которымъ допущены были плебеи, были мѣста *квесторовъ*, находившіяся въ распоряженіи народныхъ трибуновъ съ 330. (*Mommsen*, I, 265). Въ 386 за плебеями признано право занимать мѣсто *начальника конницы* (*tribunus celerum*). Въ 387 постановлено было, что за патриціями останется мѣсто одного только консула, а закономъ 415 тоже правило распространено было и на мѣста цензоровъ. Въ 398 изданъ законъ, которымъ признавалось, что плебей можетъ быть избранъ диктаторомъ, а въ 417 — что онъ можетъ быть преторомъ. (*Mommsen*, I, 271).

[2]) *Mommsen*, I, 769 и 796.

[3]) То есть, обязанности консуловъ, преторовъ и курульныхъ эдиловъ.

лать одни патриціи. Вліяніе ея было до того сильно, въ особенности въ комиціяхъ, что консулы почти постоянно, до самаго конца республики, избирались изъ среды этихъ фамилій, которыя можно назвать правительственными. Вся демократическая партія, съ Цезаремъ и Помпеемъ во главѣ, была безсильна противъ потаеннаго вліянія этихъ фамилій на комиціи при избраніи высшихъ должностныхъ лицъ [1]).

Фактъ этотъ объясняется обаяніемъ, производимымъ на римскій народъ фамиліями, къ управленію которыхъ онъ привыкъ [2]). Но дѣло измѣнялось, когда подымался вопросъ о раздѣленіи земель, о даровой колонизаціи, или о какихъ либо другихъ интересахъ народа. Комиціи вотировали въ такомъ случаѣ противъ желаній сената.

Рядомъ съ этой знатью смѣшаннаго происхожденія, патриціи стараго закала составляли особенный кружекъ, зам-

---

[1]) Въ 700 году Домицій, принадлежавшій къ этой знати, назначенъ былъ консуломъ, несмотря на всѣ усилія демократической партіи воспрепятствовать этому избранію, и несмотря на то, что Цезарь и Помпей отпустили множество своихъ солдатъ въ отпускъ въ Римъ для участія въ выборахъ. Знать не смѣла стать въ открытую оппозицію военначальникамъ въ сенатѣ, но она отплачивала имъ за это неуловимой оппозиціей въ комиціяхъ. (*Mommsen*, III, 310).

[2]) Ничто не характеризуетъ такъ глубокое уваженіе, которымъ пользовалась въ Римѣ правительственная аристократія, какъ затрудненіе Катилины въ пріисканіи способныхъ людей для управленія задуманнымъ имъ заговоромъ. Сами римскіе бунтовщики придавали большее значеніе высокому общественному положенію государственныхъ людей, чѣмъ ихъ способностямъ. Они разсчитывали на успѣхъ не иначе, какъ если будутъ имѣть во главѣ человѣка, принадлежащаго къ консульскому или, по меньшей мѣрѣ, къ преторскому званію. (*Mommsen*, III, 173). Вотъ почему главной причиной неудачи этого опаснаго заговора была неспособность и нерѣшительность начальниковъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого предрасположенія римскаго народа къ аристократіи, потребовался строгій законъ, воспрещавшій избраніе народныхъ трибуновъ изъ патриціевъ. Но впослѣдствіи законъ этотъ былъ забытъ. Гракхи принадлежали къ самой высокой аристократіи. Отецъ ихъ былъ типъ вельможи, а мать была дочерью Сципіона Африканскаго. Вотъ почему сами Гракхи имѣли въ виду болѣе собственные свои честолюбивые замыслы, чѣмъ народные интересы. (*Mommsen*, II, 82).

кнутый болѣе чѣмъ когда либо. Куріи, которыя однѣ только имѣли право создавать патриціевъ, впродолженіи цѣлыхъ столѣтій не прибѣгали къ этому праву, и наконецъ цѣликомъ передали его Юлію Цезарю. Самъ происходя отъ патриціанской фамиліи, онъ старался унизить олигархическую аристократію республиканской эпохи, и вслѣдствіе этого, дѣлалъ всевозможное для возвращенія прежняго блеска патриціанскимъ фамиліямъ, ведшимъ свое происхожденіе отъ эпохи царей [1]).

Когда смѣшеніе патриціевъ съ богатыми плебеями привело къ появленію такъ называемой знати, то въ концѣ V вѣка образовалась противъ послѣдней новая оппозиція. Она сложилась на этотъ разъ изъ людей простаго званія, главнымъ образомъ изъ крестьянъ. Консулы Маній Курій и Кай Фабрицій были первыми вождями этой народной партіи. Оба плебеи и бѣдные, они были энергическими противниками аристократіи. Для нихъ главный вопросъ состоялъ въ принципахъ, но вскорѣ основаніемъ борьбы между двумя партіями снова сдѣлались личные интересы и страсти.

Комиціи (собранія) были ареной, на которой вступали въ борьбу эти партіи. Народныя собранія назывались такимъ образомъ, потому что первоначально они созывались [2]). Комиціи имѣли различный составъ. Самыми древними изъ нихъ были куріи. На послѣднія смотрѣли преимущественно, какъ на собранія собственно такъ называемыхъ гражданъ. Поэтому, эти комиціи были проникнуты аристократическимъ духомъ, и долго сохраняли нѣкоторое преимущество надъ центуріями. Онѣ могли даже отмѣнять рѣшенія послѣднихъ. Но такъ какъ центуріи представляли военную силу, то онѣ кончили тѣмъ, что отводили куріи [3]) на задній планъ, по мѣрѣ того какъ римлянъ охватывали военныя стремленія.

Собранія по центуріямъ происходили со временъ реформы Сервія Туллія; они состояли изъ легіонеровъ. Собранія эти съ ранняго времени отличались оппозиціоннымъ характеромъ,

[1]) *Mommsen*, III, 466.
[2]) *Comitia* (calata).
[3]) *Mommsen*, I, 234.

такъ какъ въ нихъ преобладали плебеи, въ особенности зажиточные крестьяне [1]); но чисто демократическій характеръ они получили не ранѣе VI вѣка, когда они были преобразованы въ этомъ духѣ [2]).

Учрежденіе народныхъ трибуновъ повело къ введенію новаго рода собраній: ибо трибуны не имѣли военной власти, то есть, они не смѣли отдавать приказаній военнымъ людямъ, и не имѣли никакого права касаться военной организаціи Рима; а между тѣмъ, центуріи служили основой этой организаціи.

Поэтому, чтобы дать возможность трибунамъ созывать народъ, Римъ и его территорія раздѣлены были на двадцать одинъ участокъ, которые названы были *трибами*. И хотя въ комиціяхъ по центуріямъ и въ комиціяхъ по трибамъ участвовали одни и тѣ же люди, но духъ этихъ собраній былъ весьма различенъ. Дѣло въ томъ, что при раздѣленіи всей территоріи на участки, Римъ, въ которомъ сосредоточивалась крупная собственность, составилъ всего четыре участка, между тѣмъ какъ въ остальныхъ, сначала семнадцати, а позже въ тридцати одной трибѣ [3]), большинство составляли мелкіе

---

[1]) *Mommsen*, I, 234.

[2]) Въ комиціяхъ по центуріямъ всадники издревле пользовались правомъ подавать голоса первыми: сначала вотировали шесть патриціанскихъ центурій, потомъ двѣнадцать плебейскихъ. За ними шли легіонеры перваго класса, то есть, опять таки богатые люди. Два эти разряда неизмѣнно заправляли ходомъ голосованія, такъ что, если патриціи и богатые плебеи были въ согласіи, то они распоряжались полновластно выборами въ комиціяхъ по центуріямъ. Голосованіе по центуріямъ отличалось еще тою особенностью, что голоса пожилыхъ людей, хотя и менѣе значительные по числу, считались, равными голосамъ молодыхъ людей. (*Mommsen*, I, 241). Преобразованіе, введенное около 513 въ комиціяхъ по центуріямъ, измѣнило этотъ порядокъ вещей. Всадники лишены были права вотировать первыми, а вольноотпущенные сравнены были съ свободными людьми; вѣроятно также, что по этому случаю введено было болѣе справедливое распредѣленіе голосовъ по центуріямъ. (*Mommsen*, I, 196).

[3]) Число сельскихъ участковъ, впродолженіи періода съ 267 по 513, послѣдовательно доведено было до тридцати одного, а съ присоединеніемъ къ нимъ четырехъ римскихъ, всѣхъ участковъ было тридцать пять.

собственники. Они и заправляли выборами въ этихъ комиціяхъ, такъ какъ вотированіе происходило по трибамъ, а въ нихъ восемнадцать составляли большинство. Это различіе въ групировкѣ голосовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что трибы собирались подъ предсѣдательствомъ народныхъ трибуновъ, придавало имъ болѣе демократическій характеръ, чѣмъ тотъ, который выказывался въ комиціяхъ по центуріямъ. Но, несмотря на это, патриціи все таки оказывали весьма значительное вліяніе на трибы посредствомъ своихъ кліентовъ, принимавшихъ участіе въ выборахъ. Это злоупотребленіе было предметомъ постоянныхъ пререканій между плебеями и патриціями [1]). Какъ бы то ни было, собранія по трибамъ никогда не имѣли такого значенія, какъ собранія по центуріямъ, за которыми оставалось неизмѣнное право избранія консуловъ и цензоровъ. Въ прочихъ же отношеніяхъ рѣшенія центурій и трибъ имѣли одинакую законную силу [2]).

Въ Римѣ не было обыкновенія строго повѣрять права лицъ, являющихся въ комиціи, такъ что въ послѣднія являлись всякаго рода люди: пролетаріи, рабы, уличные мальчишки, иностранцы, между которыми на первомъ планѣ по своей многочисленности были египтяне и евреи [3]). Вслѣдствіе этого, народныя собранія нерѣдко были въ высшей степени шумны, и держали въ страхѣ весь городъ.

Комиціи собирались въ прежнія времена передъ сенатомъ, но съ 609 въ ихъ распоряженіе отданъ былъ форумъ [4]). Лица знатнаго происхожденія, домогавшія консульскаго или цензорскаго достоинства, обходили ряды избирателей, и при

---

[1]) Причина этихъ столкновеній лежала въ томъ, что положеніе, дающее право входа въ комиціи, не было строго опредѣлено. То же самое было и съ правомъ римскаго гражданства. Послѣднее искони признано было за плебеями и за вольноотпущенными, поселившимися въ Римѣ, но въ немъ отказывали союзникамъ до той поры, когда за ними формально было признано это право. (*Mommsen*, I, 225).

[2]) *Mommsen*, I, 280. Это постановленіе очевидно не всегда соблюдалось, такъ какъ потребовалось неоднократное подтвержденіе его, а именно въ 415 и 465 годахъ.

[3]) *Mommsen*, II, 92.

[4]) *Mommsen*, II, 69.

этомъ должны были каждому изъ нихъ пожать руку и назвать его по имени. Но если римскіе вельможи нисходили до такой фамильярности, то они дѣлали это съ цѣлью отклонить отъ себя такимъ дешевымъ средствомъ всегда непріятную оппозицію: ибо могущество народа было скорѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное [1]). Вотъ почему серьезные люди, принадлежавшіе къ оппозиціи, подобно Катону, вовсе не заботились о привлеченіи на свою сторону комицій для достиженія своихъ преобразованій.

Въ комиціяхъ дѣло шло скорѣе о частныхъ выгодахъ и личныхъ интересахъ, чѣмъ о принципахъ [2]). Онѣ занимались главнымъ образомъ избраніемъ въ общественныя должности. Въ прежнія времена главнокомандующіе арміями сами назначали 24 военныхъ трибуна и офицеровъ своего штаба. Въ VI вѣкѣ назначенія эти совершались въ комиціяхъ; аристократія прибѣгала къ этому средству, чтобы проводить на эти мѣста людей своего класса. Уже по этому можно судить о размѣрахъ ея вліянія на выборы въ комиціяхъ [3]). Тѣмъ не менѣе, выборы эти иногда ускользали изъ подъ ея контроля. *Кай Фламиній* [4]) и *Маркъ Теренцій Варронъ* [5]), начальствовавшіе надъ арміей противъ Аннибала въ несчастные дни Тразименскаго и Канскаго пораженія, были предводителями народной оппозиціи, и избраны были въ комиціяхъ. Эти же комиціи принудили одного непопулярнаго главнокомандующаго раздѣлить начальство надъ арміей съ своимъ популярнымъ товарищемъ [6]). Мало того, комиціи имѣли притязанія на утвержденіе общественныхъ договоровъ и на распредѣленіе земель, составлявшихъ государственную собственность.

---

[1]) Говоря о комиціяхъ послѣднихъ вѣковъ республики, Момзенъ высказывается, что государь, облеченный самой ничтожной властью, никогда не игралъ такой жалкой роли, какую заставляли играть державный римскій народъ. (М., 1, 801).

[2]) *Mommsen*, II, 69.

[3]) *Mommsen*, I, 768.

[4]) *Mommsen*, I, 570.

[5]) *Mommsen*, I, 578.

[6]) *Mommsen*, I, 576.

Комиціи нерѣдко слѣпо подчинялись вліянію демагоговъ или честолюбивыхъ патриціевъ. Вслѣдствіе этого, сенату часто приходилось отказываться отъ самыхъ мудрыхъ распоряженій, чтобы бороться то противъ самозванныхъ демагоговъ, то противъ патриціевъ, въ родѣ Публія Сципіона, который, пользуясь чуть не самодержавнымъ положеніемъ, опирался на народъ въ борьбѣ съ сенатомъ [1]).

Аристократія, подобно демагогамъ, старалась привлечь на свою сторону комиціи всѣми средствами, находящимися въ ея распоряженіи [2]). Плебейскіе эдилы соперничали съ эдилами курульными, консулами и преторами въ великолѣпіи празденствъ, устраиваемыхъ для народа [3]). Демагоги имѣли на своей сторонѣ то преимущество въ этой борьбѣ, что могли расточать предъ народомъ щедроты на счетъ своихъ противниковъ или на счетъ государства: щедроты эти состояли главнымъ образомъ въ раздачѣ земель, захваченныхъ аристократіей [4]), въ уменьшеніи долговъ, подлежащихъ возвращенію богатымъ людямъ, въ освобожденіи отъ общественной и военной службы. Дѣло кончилось подкупомъ наличными деньгами комицій, какъ это подтверждается закономъ, обнародованнымъ въ 595 для прекращенія этого злоупотребленія, — но это было напрасно [5]).

Иногда, впрочемъ, комиціи проникались благороднымъ по-

---

[1]) *Mommsen*, I, 803.

[2]) Съ 322 года изданъ былъ законъ для прекращенія избирательныхъ интригъ, но онъ оказался вполнѣ безсильнымъ, подобно многимъ другимъ римскимъ законамъ. Когда чиновникамъ, наблюдавшимъ за выборами, не удавалось добиться желаннаго исхода борьбы, то они предлагали многихъ кандидатовъ, чтобы разбить голоса, или выпускали имена людей, которые имѣли больше всего шансовъ быть избранными. (*Mommsen*, I, 266).

[3]) *Mommsen*, I, 788.

[4]) Земли, о которыхъ идетъ рѣчь, составляли собственность государства, которою владѣла аристократія; нѣкоторыя изъ этихъ земель перешли въ другія руки путемъ правильныхъ сдѣлокъ, другія же оставались во владѣніи одной и той же фамиліи около 300 лѣтъ. (*Mommsen*, II, 90).

[5]) *Mommsen*, II, 70.

рывомъ; онѣ высказывались въ пользу безпристрастнаго рѣшенія; иногда выборъ ихъ опирался на дѣйствительное достоинство, но эти благородные порывы составляли исключеніе.

Интересно, что уже въ эту эпоху въ тайной подачѣ голосовъ видѣли средство для отстраненія вліянія аристократіи на народъ. Она введена была въ комиціи въ 615 при избраніи курульныхъ должностей, въ 617 — при назначеніи приговоровъ въ народныхъ судахъ, и въ 623 — при вотированіи законовъ [1]).

Еслибы верховная государственная власть, въ отправленіи своемъ, не встрѣчала сопротивленія въ комиціяхъ, то она была бы безгранична. Средоточіемъ этой власти былъ сенатъ во все продолженіе республики, за исключеніемъ немногихъ незначительныхъ промежутковъ; такъ что, еслибы кто захотѣлъ составить себѣ понятіе о совокупности римскихъ учрежденій, то ему слѣдовало бы прежде всего познакомиться съ устройствомъ того изъ нихъ, которое господствовало надъ остальными.

Общественное устройство римлянъ сложилось по типу, представляемому семьей. Въ обществѣ, какъ большаго, такъ и малаго размѣра, власть была одинакова. Въ первомъ семейный совѣтъ представлялся *сенатомъ*, то есть, совѣтомъ старѣйшихъ. Мнѣнія совѣта не были болѣе обязательны въ одномъ обществѣ, чѣмъ въ другомъ.

Перемѣна общественной формы, случившаяся въ Римѣ въ 244, первоначально передала верховную власть консуламъ, но сенатъ пользовался уже значительнымъ могуществомъ. Онъ состоялъ главнымъ образомъ изъ представителей древнихъ родовъ [2]), составлявшихъ могущественную корпорацію, сильную нетолько богатствомъ и многочисленными кліентами, но и тѣмъ, что она одна владѣла духовными должностями и свѣдѣніями въ юриспруденціи.

Консулы принадлежали къ классу патриціевъ по рожденію,

---

[1]) *Mommsen*, II, 68.

[2]) Есть вѣроятность предполагать, что плебеи засѣдали въ сенатѣ уже во времена царей. (*Mommsen*, I, 64, 85).

по воспитанію, по личнымъ интересамъ. Естественно, поэтому, что сенатъ, представлявшій главное орудіе ихъ партіи, всѣ силы которой сосредоточивались въ немъ, имѣлъ въ ихъ глазахъ по меньшей мѣрѣ такое же значеніе, какъ консульское званіе, которое принадлежало имъ только временно, и которое составляло предметъ ихъ исканій главнымъ образомъ вслѣдствіе связанныхъ съ нимъ личныхъ и наслѣдственныхъ почестей. Сверхъ того, консулы, предсѣдательствовавшіе въ сенатѣ въ періодъ исправленія своихъ обязанностей, по сложеніи ихъ, оставались въ сенатѣ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что сенату удалось въ короткое время, и не встрѣчая противудѣйствія со стороны самихъ консуловъ, захватить въ свои руки бо́льшую часть принадлежащей имъ власти. Изъ повелителей сената, консулы обратились въ исполнителей его воли [1]), но и послѣ этого они не избавились отъ его неусыпнаго и недовѣрчиваго надзора.

Сенатъ присвоилъ себѣ высшее управленіе финансами; всѣ, относящіяся къ послѣднему дѣла, поручены были двумъ *квесторамъ* [2]), назначавшимся консулами, но находившимся въ совершенной зависимости отъ сената.

Согласно съ основнымъ принципомъ римскаго общественнаго права, то есть, что высшая власть должна быть неограниченной, каждый изъ консуловъ могъ вмѣшиваться во всѣ общественныя дѣла, и править неограниченно. Но такъ какъ на практикѣ принципъ этотъ порождалъ множество столкновеній и недоразумѣній, то консулы съ самаго начала раздѣлили все управленіе на двѣ отдѣльныя части, и каж-

[1]) *Mommsen*, I, 239.

[2]) Во времена царей обязанности обоихъ квесторовъ были чисто юридическія; по причинѣ, объясненной выше, къ нимъ присоединено было управленіе финансовой частью; позже число квесторовъ доведено было до четырехъ, изъ коихъ два избирались въ комиціяхъ по трибамъ. Въ 333 этимъ комиціямъ передано было право избранія всѣхъ четырехъ квесторовъ. Долгое время курульные эдилы, по прекращеніи своихъ обязанностей, поступали въ сенатъ. Сулла лишилъ ихъ этого права, которое было передано квесторомъ; въ то же время онъ увеличилъ ихъ число до двадцати. (*Mommsen*, II, 346). Цезарь довелъ число квесторовъ до сорока. (*Mommsen*, III, 468).

дый бралъ себѣ одну изъ нихъ по жребію. Впослѣдствіи же, сенатъ распредѣлялъ дѣла между консулами и преторами [1]), и наконецъ, главнѣйшія дѣла сталъ оставлять за собой. Миръ не могъ быть заключенъ безъ утвержденія сената; центуріи никогда не отказывали ему въ своемъ согласіи на объявленіе войны; онъ же на дѣлѣ назначалъ диктаторовъ, что̀ въ то же время давало ему возможность прекращать обязанности консуловъ [2]). Могущество сената еще болѣе возросло вслѣдствіе распредѣленія исполнительной власти между нѣсколькими высшими сановниками: консулами, преторами и цензорами.

По примѣру царей, первоначально консулы назначали сенаторовъ, какъ и на остальныя государственныя должности [3]). Впослѣдствіи сенатъ пополнялся собственной властью, по крайней мѣрѣ косвеннымъ образомъ. Чтобы попасть въ сенатъ, существовало два пути: одинъ—посредствомъ прямаго назначенія, сначала консуловъ, а потомъ цензоровъ; другой путь состоялъ въ исполненіи курульныхъ обязанностей, то есть, консуловъ, преторовъ и курульныхъ эдиловъ [4]).—Но оба эти пути фактически были въ собственномъ распоряженіи сената, такъ какъ онъ рѣшалъ назначеніе на всѣ должности посредствомъ вліянія, оказываемаго на комиціи. Только во времена великихъ народныхъ волненій или въ исключительныхъ случаяхъ вліяніе это ускользало изъ его рукъ [5]).

---

[1]) *Mommsen*, II, 354.

[2]) *Mommsen*, I, 285.

[3]) *Mommsen*, I, 235, 284.

[4]) Что̀ касается до послѣднихъ, то эти должности давали право на поступленіе въ сенатъ только до преобразованій Суллы.

Мѣста народныхъ трибуновъ и квесторовъ (до Суллы) не давали права на поступленіе въ сенатъ. Но когда дѣло шло о пополненіи послѣдняго, то консулы или цензоры обязаны были принимать въ соображеніе достоинства людей, занимавшихъ эти мѣста, и если люди эти заслуживали, то отдавать имъ предпочтеніе предъ прочими конкурентами.

[5]) *Mommsen*, I, 763. Назначеніе должностныхъ лицъ въ эпоху республики происходило при различныхъ условіяхъ, потому что общественное положеніе людей, имѣвшихъ право занимать общественныя

Изъ 300 членовъ, составлявшихъ сенатъ до временъ Суллы [1]), считалось 164 плебея, и только 136 патриціевъ. Но это различіе въ числѣ не имѣло на дѣлѣ никакого значенія, потому что правительство было въ рукахъ патриціанскаго меньшинства, или, вѣрнѣе, въ рукахъ кружка или партіи, образовавшейся въ этомъ меньшинствѣ.

Сенаторы-плебеи долгое время были удалены отъ всякаго прямаго участія въ дѣлахъ [2]). Они назывались *conscripti* (внесенные въ списки), тогда какъ сенаторы-патриціи назывались *patres* (отцы). Отсюда произошло и выраженіе *patres conscripti* (отцы-сенаторы) для совокупнаго обозначенія тѣхъ и другихъ.

Сенаторы, назначенные цензорами, назывались *senatores pedarii* (низшіе сенаторы); они участвовали въ подачѣ голосовъ, но не участвовали въ преніяхъ [3]). А такъ какъ большинство сенаторовъ принадлежало къ этой категоріи [4]), то вслѣдствіе этого втораго подраздѣленія, только меньшинство изъ меньшинства сенаторовъ принимало дѣйствительное участіе въ дѣлахъ.

Можно сказать, что римскій сенатъ находился въ апогеѣ своего всемогущества въ V вѣкѣ отъ основанія Рима, вслѣдствіе сближенія, совершившагося между патриціями и богатыми плебеями. Въ это время онъ правилъ почти безкон-

---

должности, и распредѣленіе послѣднихъ между патриціями и плебеями составляло главный предметъ борьбы партій впродолженіи всей этой эпохи. Этимъ назначеніемъ заправляли поочередно консулы, сенатъ и комиціи. Говоря же вообще, главная роль въ этомъ дѣлѣ, прямо или косвенно, принадлежала сенату. Нерѣдко также онъ самовластно удерживалъ должностныя лица на мѣстахъ годъ и больше противъ срока, опредѣленнаго закономъ. Вслѣдствіе реформы, произведенной Кайемъ Гракхомъ, комиціи получили право избирать опредѣленное число кандидатовъ, изъ которыхъ сенатъ дѣлалъ выборъ. Сулла возстановилъ права сената въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ прочихъ. (*Mommsen*, II, 353).

[1]) Сулла увеличилъ число сенаторовъ вдвое (*Mommsen*, II, 347), а Цезарь довелъ это число до 900 (*Mommsen*, III, 468).

[2]) *Mommsen*, I, 240.

[3]) *Mommsen*, I, 289.

[4]) *Mommsen*, II, 346.

трольно, и встрѣчалъ самую ничтожную оппозицію. Но въ VI вѣкѣ среди самого сената возникли двѣ партіи: *оптиматовъ* (аристократовъ) и *защитниковъ народа*, названіе которыхъ указываетъ и на различіе между ними.

Сенатъ искони придерживался обыкновенія не входить въ мелочныя подробности управленія; онъ довольствовался высшимъ направленіемъ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ [1]). Что̀ касается до остальнаго, то онъ старался, чтобы на него смотрѣли, какъ на высшее центральное управленіе, въ которое слѣдуетъ обращаться только въ крайнемъ случаѣ, и требовать его распоряженій только въ дѣлахъ первостепенной важности. Онъ ограничивался пользованіемъ властью, освященною временемъ, не входя въ изслѣдованія относительно ея принципа. Согласно съ этимъ правиломъ, онъ не касался учрежденій и административныхъ мѣръ, существовавшихъ съ древнихъ временъ. Онъ предпочиталъ лучше обходить затрудненія или отстранять ихъ ловкостью, нежели встрѣчать ихъ открыто; въ такомъ случаѣ, онъ охотно прибѣгалъ къ содѣйствію, предлагавшемуся ему его товарищами по дѣламъ религіи [2]). И только въ крайней необходимости онъ становился въ открытую оппозицію съ комиціями, и кассировалъ ихъ рѣшенія [3]).

Несмотря на это разсчитанное благоразуміе и умѣренность, сенатъ, подобно прочимъ римскимъ властямъ, легко уступалъ влеченію къ произволу. Такимъ образомъ, онъ присвоилъ себѣ право формально освобождать правительственныя лица отъ соблюденія законовъ [4]), удерживалъ за санов-

---

[1]) Вся финансовая система римлянъ основывалась на откупѣ. Въ ней все отдавалось на откупъ: поставка хлѣба и соли на государственный счетъ, взиманіе налоговъ, всѣ предстоявшіе платежи. Вотъ источникъ тѣхъ колоссальныхъ богатствъ, которыя играли такую важную политическую роль въ Римѣ.

[2]) Закономъ Элія, изданнымъ въ VII вѣкѣ, постановлено было, что народныя собранія должны расходиться, какъ только объявлено будетъ лицемъ, занимающимъ высшую правительственную должность, неблагопріятное положеніе небесныхъ знаковъ.

[3]) *Mommsen*, I, 242.

[4]) Фактъ этотъ ярче всего показываетъ, до такой степени въ Римѣ

никами власть сверхъ срока, опредѣленнаго закономъ [1]), а съ 447 онъ продолжалъ даже срокъ начальствованія надъ арміей.

Неограниченная власть, слава именъ, связанныхъ со всѣми великими событіями римской исторіи, громадныя богатства, толпы рабовъ и кліентовъ, окружавшія сенаторовъ, вызывали въ народѣ чувство любви, уваженія и страха къ людямъ, которые правили имъ [2]). Высокое общественное по-

---

принципъ законности подчиненъ былъ принципу произвола. Право обходить законы отнято было у сената въ очень позднюю эпоху, закономъ, изданнымъ въ 687 отъ основанія Рима. (*Mommsen*, III, 157).

[1]) Консулъ, преторъ или квесторъ принимали въ такомъ случаѣ временный титулъ *проконсула, пропретора, проквестора*. (*Mommsen*, I, 290). Сулла опредѣлилъ ихъ положеніе постановленіемъ, что консулы и преторы должны оставаться на своихъ мѣстахъ годъ: консулы во главѣ общаго управленія, а преторы, число которыхъ онъ увеличилъ еще двумя, для отправленія правосудія, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго. Въ главѣ послѣдняго стояло шесть, а въ главѣ перваго два претора. По истеченіи годоваго срока, эти десять должностныхъ лицъ получали на второй годъ управленіе десятью большими территоріальными подраздѣленіями, называвшимися провинціями, и принимали въ такомъ случаѣ титулъ проконсуловъ, и пропреторовъ. Но Сулла не забылъ сдѣлать по этому случаю оговорку, что эти назначенія могутъ быть сдѣланы только съ согласія сената. А въ сущности это были начальствованія надъ арміей, къ которымъ присоединена была, побочнымъ образомъ, власть административная и судебная. (*Mommsen*, II, 353). Проквесторы были тоже военные начальники, которые не имѣли права входить въ гражданскія дѣла, но это нисколько не мѣшало имъ постоянно вмѣшиваться въ нихъ. (*Mommsen*, I, 232).

[2]) Трагическій конецъ Тиберія Гракха характеризуетъ въ высшей степени покорность народа предъ сенаторами. Дѣло шло объ избраніи Тиберія Гракха трибуномъ. Среди шумныхъ сценъ, возникшихъ во время выборовъ, бывшій консулъ, Сципіонъ Назика, предложилъ сенаторамъ вооружиться чѣмъ попало, и послѣдовать за нимъ. Они вооружались палками и ножками отъ креселъ, и ватагой бросились въ толпу, робко разступившуюся предъ разгнѣванными сановниками, которыхъ она привыкла бояться. Гракхъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, какъ вдругъ споткнулся, и тотчасъ же получилъ смертельный ударъ въ голову. Публій Сатурей и Луцій Руфъ оспоривали затѣмъ другъ у друга въ присутствіи сената честь этого убійства. Триста приверженцевъ Гракха пали подъ ударами разъяренныхъ сенаторовъ, а между тѣмъ ни у одного изъ послѣднихъ не было въ рукахъ никакого желѣзнаго оружія. (*Mommsen*, II, 88).

ложеніе ихъ было какъ бы наслѣдственное, такъ какъ курульныя должности оставались постоянно въ однихъ и тѣхъ же семействахъ. Вотъ почему между сенаторами издревле существовалъ обычай приводить съ собой въ засѣданія сената сыновей своихъ. Послѣдніе еще въ дѣтскомъ возрастѣ носили консульскія тоги и золотыя застежки—знакъ тріумфаторовъ [1]).

Но злоупотребленія властью и беззастѣнчивые пріемы для обогащенія развратили римскихъ сенаторовъ, такъ что, вскорѣ послѣ славной эпохи, въ которую они выказали столько душевнаго величія въ борьбѣ съ Аннибаломъ, это были не болѣе, какъ тщеславные и алчные аристократы. Общественныя должности сдѣлались въ ихъ глазахъ только средствомъ для обогащенія, какъ ихъ самихъ, такъ и близкихъ или преданныхъ имъ людей. Сципіоны и Фламинін не стыдились выводить въ люди только своихъ родственниковъ; они не обращали никакого вниманія на достоинство, и покровительствовали только льстецамъ и своимъ креатурамъ. Продажность сенаторовъ была поразительна. Посланный сирійскаго царя, Антіоха Епифана, подалъ первый примѣръ, заплативъ наличными деньгами за уступки, сдѣланныя ему сенатомъ [2]).

---

[1]) Тога, или верхняя одежда, у консуловъ была обшита пурпурной каймой. (*Mommsen*, I, 232). Цензоры носили тогу древнихъ царей; она была вся пурпурнаго цвѣта; тога тріумфаторовъ была вышита золотомъ. (*Mommsen*, I, 837). Сенаторы и всадники украшали свою тунику (нижнюю одежду) обшивкой (*clavus*). Эта была пурпурная же полоса на передней части туники, широкая у сенаторовъ и узкая—у всадниковъ. Потомки курульныхъ должностныхъ лицъ носили такіе же знаки отличія. Мужчины носили clavus и золотое кольцо на пальцѣ; существовали особенныя серебреныя украшенія для лошадей, принадлежавшихъ молодымъ людямъ, консульская тога и золотыя застежки—для дѣтей, принадлежащихъ къ этимъ семействамъ. Мало по малу, отличія эти распространялись все болѣе и болѣе. Достовѣрно извѣстно, что золотыя кольца носились въ V вѣкѣ только членами курульныхъ семействъ, въ VI вѣкѣ право это распространено на всѣхъ сенаторовъ и на сыновей ихъ, въ VII — на всадниковъ, а во времена императоровъ—на всѣхъ свободныхъ людей. (*Mommsen*, I, 761).

[2]) Примѣръ былъ такъ заразителенъ, что партія Помпея пыталась прекратить это злоупотребленіе, закономъ, изданнымъ въ 687, кото-

Обычай принимать подарки до такой степени распространился между сенаторами, что всѣ были удивлены, когда Сципіонъ Эмиліанъ передалъ въ военное управленіе подарки, присланные ему сирійскимъ царемъ. Проконсулы и пропреторы, грабившіе провинціи, по возвращеніи своемъ, предавались суду, но только для того, чтобы принудить ихъ подѣлиться добычей съ товарищами, остававшимся въ Римѣ [1]).

Провинціи подвергались систематическому грабежу: онѣ отдавались на произволъ хищнымъ сановникамъ и откупщикамъ, и разорялись до конца налогами и всякаго рода поборами, чтобы избавить отъ послѣднихъ римскихъ гражданъ. Самые цвѣтущіе города разрушались на томъ только основаніи, что они возбуждали опасенія въ римскихъ спекуляторахъ.

Римляне никогда не отличались щекотливостью въ средствахъ, употреблявшихся ими противъ враговъ, но по мѣрѣ того какъ они развращались, они становились все болѣе и болѣе глухи къ требованіямъ чести и справедливости. Всѣ преступленія, всѣ низости, совершавшіяся въ VII вѣкѣ въ Испаніи: убійства опасныхъ людей, измѣна, разнаго рода предательства нисколько не тревожили населенія Рима. Оно занималось только денежными спекуляціями или политическими интригами [2]).

Разсматривая римское общество, кажется, что переносишься совсѣмъ въ иной нравственный міръ. Учрежденія сложились въ немъ подъ вліяніемъ идей и принциповъ, принятыхъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой придается имъ въ новѣйшее время. Одна изъ соціальныхъ идей, идея свободы, оставалась совершенно чуждой римскому міру, а когда она проникла въ него, то уже не могла оказать никакого дѣйствія,

---

рымъ воспрещалось принимать къ суду какое бы то ни было требованіе уплаты со стороны чужеземныхъ пословъ. Этимъ хотѣли отнять у нихъ средства подкупать сенатъ. (*Mommsen*, III, 157).

[1]) *Mommsen*, III, 89.

[2]) *Mommsen*, II, 64.

ибо Римъ былъ уже слишкомъ дряхлъ, чтобы выступить на новые соціальные пути. Сверхъ того, древній міръ не имѣлъ иныхъ представленій о свободѣ, кромѣ тѣхъ, которыя шли изъ Греціи, а этотъ источникъ, никогда, впрочемъ, неотличавшійся особенной прозрачностью, былъ совершенно въ мутномъ состояніи въ ту эпоху, въ которую стали широко черпать изъ него римляне.

Вотъ почему въ Римѣ нечего и искать результатовъ, производимыхъ идеей свободы. Настоящій интересъ при изученіи его соціальныхъ учрежденій состоитъ въ изслѣдованіи въ немъ развитія идеи права. Идея эта привела къ произвольной личной власти; правительственныя лица не знали иной преграды для своего произвола, кромѣ той, которая противуполагалась имъ другими лицами, облеченными во всѣхъ отношеніяхъ точно такою же властью. Отрицательный принципъ власти—veto—былъ обращенъ въ высшее правило, которое должно было разрѣшать всѣ затрудненія, успокоивать всѣ страсти, отстранять всѣ распри, неизбѣжно возникавшія вслѣдствіе столкновенія столькихъ соперничествующихъ властей, имѣвшихъ въ виду самые противуположные интересы. Римляне не имѣли точнаго понятія о раздѣленіи властей, они не могли представить себѣ иной власти, какъ безграничной. Такъ что, для удержанія ея, имъ осталось одно только средство—просто прекращать ее. Однако же, раздѣленіе властей, хотя крайне смутно понимаемое и въ весьма ограниченномъ размѣрѣ, фактически существовало въ Римѣ, такъ какъ преторы отчасти облечены были законодательной и судебной властью. Но это было результатомъ борьбы между партіями, а вовсе не продуктомъ развитія идеи свободы [1]).

Общественное устройство римлянъ представляетъ другое,

---

[1]) Примѣромъ этого можетъ служить тотъ случай, когда Кай Гракхъ передалъ всадникамъ обязанности присяжныхъ, до того принадлежавшія сенаторамъ. Отнимая, такимъ образомъ, у сената, то есть, у верховнаго правительственнаго учрежденія, часть судебной власти, Кай Гракхъ вовсе не имѣлъ въ виду придать бо́льшую независимость судебному сословію. Онъ хотѣлъ только отнять у своихъ противниковъ, сенаторовъ, весьма дѣйствительное орудіе власти, чтобы передать его

болѣе рѣзкое раздѣленіе властей. Главной основой всѣхъ ихъ соціальныхъ отношеній было право, въ самомъ исключительномъ смыслѣ; къ нему присоединился другой принципъ, военной силы; но оба эти принципа являются въ полнѣйшемъ отдѣленіи одинъ отъ другаго. Принципъ права былъ предоставленъ гражданамъ и иностранцамъ, находящимся въ Римѣ. Что же касается до прочихъ народовъ, то за ними римляне не признавали права, и управляли ими на основаніи права силы. Это раздѣленіе власти строго поддерживалось, въ особенности относительно города Рима. Самыя высшія должностныя лица, даже консулы, какъ только вступали въ черту города [1]), тѣмъ самымъ слагали съ себя всѣ свои военныя права. Какъ только они входили въ Римъ, то становились не болѣе какъ гражданскими властями. Армія не смѣла входить въ черту города, и если, несмотря на это, ей случалось, хотя и весьма рѣдко, вступать въ Римъ, то это было дѣломъ возмущенія, или безпрекословнаго повиновенія военначальнику, какъ напримѣръ, Суллѣ.

Впрочемъ, этому же самому Суллѣ принадлежитъ честь болѣе точнаго разграниченія между гражданской и военной властью, разграниченія, распространеннаго имъ далеко за предѣлы города. Онъ хотѣлъ, чтобы сила права царила не только въ стѣнахъ Рима, но чтобы она распространена была на всѣ мѣстности, населенныя римскими гражданами.

По заведенному имъ новому порядку, всѣ дѣла, касающіяся администраціи и правосудія, поступали въ исключительное завѣдованіе консуловъ и преторовъ; но послѣдніе, съ своей стороны, должны были воздерживаться на будущее время отъ вмѣшательства въ военныя дѣла. Имъ было предписано ограничиваться официальными сношеніями съ сенатомъ и комиціями, и запрещено было входить въ сношенія съ военными властями.—Проконсулы и пропреторы, напротивъ того, обращены были исключительно въ военныя должностныя лица.

своимъ приверженцамъ, всадникамъ. Послѣдніе, напротивъ того, самымъ безсовѣстнымъ образомъ злоупотребляли полученнымъ преимуществомъ.

[1]) Черта эта называлась *pomerium*.

Реформа эта повела къ отдѣленію сѣверной Италіи отъ средней, такъ какъ въ послѣдней, получившей отъ Суллы права гражданства, не могли уже быть расположены войска [1]).

Въ военной сферѣ римляне руководствовались такой же неумолимо строгой логикой, какъ и въ сферѣ права. Они были такъ же строги въ дисциплинѣ, какъ и въ приложеніи права силы къ покоренныымъ народамъ. Начальникъ арміи могъ наказывать розгами, какъ солдатъ, такъ и подчиненныхъ ему генераловъ, или же казнить ихъ смертью. Онъ имѣлъ право наказывать ихъ, какъ за преступленіе или неповиновеніе, такъ и за отступленіе, или за то, что они допустили напасть на себя врасплохъ непріятелю [2]). Въ VII вѣкѣ этотъ ужасный военный кодексъ былъ смягченъ, но только въ интересахъ гражданъ, которымъ дозволено было аппеллировать въ комиціи на приговоры начальниковъ [3]). Сила права, присвоеннаго гражданамъ, проникала такимъ образомъ въ самую армію.

Результатомъ примѣненія права силы къ побѣжденнымъ народамъ было лишеніе ихъ имущества и продажа ихъ въ рабство; цари и вожди непріятельскіе, попавшіе въ плѣнъ, предавались смерти, послѣ того какъ они пройдутъ за торжественной колесницей побѣдителя. Помпей былъ первый тріумфаторъ, который не хотѣлъ воспользоваться этимъ варварскимъ обычаемъ [4]).

Римляне отличались отъ новѣйшихъ народовъ еще по одному пункту общественнаго права, столь же важному, какъ равновѣсіе властей или дозволенное утотребленіе права силы. Власть, приписываемая большинству, есть одно изъ слѣдствій, вытекающихъ изъ идеи свободы. Идея права приводитъ, напротивъ того, къ единоличной власти, или, что̀ ближе всего подходитъ къ ней, къ власти меньшинства. Поэтому, нечего

---

[1]) Рѣка Рубиконъ была пограничной чертой между средней и сѣверной Италіей;—вотъ почему переходъ черезъ эту рѣку во главѣ арміи былъ нетолько дѣломъ противузаконнымъ, но и посягательствомъ на гражданскія права.

[2]) *Mommsen*, I, 411.

[3]) *Mommsen*, II, 217.

[4]) *Mommsen*, III, 11.

и надѣяться встрѣтить въ римской республикѣ что либо иное, кромѣ послѣдней. Самое ничтожное меньшинство сената правило міромъ.—То же явленіе мы встрѣчаемъ и въ народныхъ собраніяхъ. Куріи представляли преимущественно принципъ меньшинства, ибо какъ по составу, такъ и по духу своему, онѣ были существенно аристократическими корпораціями. Въ центуріяхъ принципъ меньшинства проявлялся двумя различными путями. Во первыхъ, тѣмъ, что всадники и первый классъ легіонеровъ, то есть, люди, занимавшіе самое высокое положеніе по рожденію и по богатству, долгое время заправляли выборами, не обращая вниманія на мнѣніе прочихъ легіонеровъ, представлявшихъ большинство. Во вторыхъ, отдѣленія центурій разбивались по возрасту на два подраздѣленія, молодыхъ и старыхъ легіонеровъ, рѣшенія которыхъ, въ случаѣ ихъ противуположности, не принимались въ разсчетъ; но такъ какъ стариковъ было меньше, то меньшинству снова отдавалось предпочтеніе. Выборы комицій по трибамъ рѣшались простымъ большинствомъ, считая каждый участокъ за одинъ голосъ [1]). Здѣсь общимъ правиломъ является большинство; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что собранія послѣдняго рода введены были гораздо позже собраній по куріямъ и по центуріямъ; они учреждены были въ эпоху, когда аристократическій принципъ былъ поколебленъ, ибо комиціи по трибамъ были именно уступкой, вырванной плебеями изъ рукъ патриціевъ. Слѣдовательно, демократическій принципъ большинства естественно долженъ былъ одержать верхъ въ этомъ случаѣ. Но даже и въ этихъ собраніяхъ пробивался иногда принципъ меньшинства. Такимъ образомъ, въ VI вѣкѣ комиціямъ этимъ дозволено было избирать старшинъ въ религіозныя корпораціи, но для этихъ выборовъ созывалось только меньшинство владѣющихъ правомъ голоса.

[1]) Такъ какъ было всего 35 участковъ, то большинство составляли 18 голосовъ. При содѣйствіи такого большинства, 18 противъ 17, Кай Гракхъ добился обратнаго дѣйствія вновь изданнаго закона объ апелляціи къ народу, что дало ему возможность осудить патриція Публія Попилія (*Mommsen*, II, 112).—Въ Римѣ, впрочемъ, нерѣдко случалось предводителямъ партій давать законамъ обратное дѣйствіе.—Такъ поступилъ Помпей въ 702. (*Mommsen*, III, 319).

Мало того, демократическое по самой сущности своей учрежденіе народныхъ трибуновъ все же подчинялось принципу меньшинства, ибо достаточно было несогласія одного трибуна для уничтоженія приговора всѣхъ остальныхъ. Изъ этого должно заключить, что голосованіе у римлянъ не имѣло того значенія, какое оно получило въ нашу эпоху. Въ сенатѣ не могло быть и рѣчи о голосованіи, какъ мы понимаемъ его, пока незначительное меньшинство рѣшало всѣ дѣла. Подача голосовъ въ комиціяхъ состояла большею частью въ заявленіи одобренія и въ восторженныхъ крикахъ, которыми встрѣчали мѣры, предлагавшіяся сенатомъ или правительственными лицами; противное случалось въ видѣ исключенія. Одна только подача голосовъ въ комиціяхъ по трибамъ согласовалась съ тѣмъ, какъ мы понимаемъ ее въ настоящую эпоху. Но эти собранія, а другія еще болѣе ихъ, находились подъ вліяніемъ руководившихъ ими чиновниковъ [1]), и аристократія добивалась отъ нихъ обыкновенно, чего только хотѣла.

Общественный строй Рима и во многихъ другихъ отношеніяхъ совершенно не походилъ на тотъ, который сложился въ новѣйшія времена.

Римляне не имѣли никакого понятія о народномъ представительствѣ. Римское государственное устройство, возникшее въ предѣлахъ одного только города, и приспособившееся ко размѣрамъ небольшой территоріи, непосредственно допускало въ народныя собранія всѣхъ, имѣвшихъ право участвовать въ нихъ. По мѣрѣ распространенія римскаго государства, прибавлялись новые участки къ существовавшимъ уже. Число гражданъ возрастало, но государственное устройство сохраняло все тѣ же внѣшнія черты до временъ Цезаря.

Всѣ граждане естественно не могли являться на выборы въ Римъ по причинѣ значительной отдаленности отъ города; вслѣдствіе этого, народныя собранія наполнялись необузданной толпой.

Новѣйшіе народы уважаютъ принципъ законности; они желаютъ, чтобы законъ стоялъ выше воли должностныхъ лицъ.

---

[1]) *Mommsen*, I, 283, 291.

Эта точка зрѣнія опредѣляется идеей свободы. У римлянъ, напротивъ того, воля правительственныхъ лицъ уважалась болѣе, чѣмъ законъ. Основное ихъ правило состояло въ слѣпомъ повиновеніи правительственному лицу во все продолженіе исполненія имъ своихъ обязанностей: но сдѣланное имъ распоряженіе могло быть уничтожено его товарищемъ, преемникомъ или народнымъ трибуномъ [1]).

Римляне не желали слитія съ покоренными ими народами, за исключеніемъ однихъ итальянцевъ. Прочимъ народамъ едва дозволялось употреблять латынскій языкъ [2]). Италія должна была стоять въ главѣ народовъ, но не смѣшиваться съ ними. Правило это оставлено было Цезаремъ. Въ его эпоху латинская національность уже значительно сгладилась вслѣдствіе столкновеній съ эллинизмомъ. Послѣдній еще болѣе проникъ въ нее, и заставилъ ее принять космополитическій характеръ.

Совокупность римскихъ учрежденій до такой степены была тѣсно связана съ воззрѣніями нетолько римлянъ, но всѣхъ итальянскихъ народовъ, что когда послѣдніе возстали противъ Рима, то не нашли ничего лучшаго, какъ рабски слѣдовать образцу римскаго общественнаго устройства. Это были, какъ и въ Римѣ, муниципальныя учрежденія, примѣненныя ко всему государству, олигархическій сенатъ, правительственныя лица, облеченныя неограниченной властью, и стоявшія въ оппозиціи одно къ другому. У нихъ были консулы и преторы, принимавшіе, какъ въ Римѣ, послѣ тріумфа титулъ императора. Одно и то же изображеніе чеканилось на ихъ монетахъ, какъ и на монетахъ римскихъ, съ тою только разницей, что легенда объ *Италіи* заняла мѣсто легенды о *Римѣ* [3]).

Неограниченная власть въ рукахъ лицъ, находящихся въ постоянномъ соперничествѣ, безпорядочныя народныя собранія, произволъ въ администраціи, какъ и въ судѣ, непримиримая вражда между партіями, а затѣмъ между предводителями армій, должны были породить страшные безпорядки. За то ничто не можетъ идти въ сравненіе съ анархіей, царившей

[1]) *Mommsen*, I, 403.
[2]) *Mommsen*, I, 423.
[3]) *Mommsen*, II, 228.

въ Римѣ впродолженіи большей части періода республики [1]). Не было никакого законнаго средства сдержать ее, ибо законъ не позволялъ вводить войска въ предѣлы Рима или содержать въ немъ достаточную полицію [2]), а римляне ревниво охраняли этотъ законъ, потому что съ нимъ связаны были всѣ ихъ представленія о правѣ.

И все таки, несмотря на эти безпорядки и внутреннюю междоусобицу, несмотря на эти аномаліи въ учрежденіяхъ, представляющіяся просто непонятными въ наше время, Римъ достигъ до такой степени могущества, какой не достигалъ ни одинъ народъ. Для людей, занимающихся соціальными науками, нѣтъ вопроса, заслуживающаго бо́льшаго вниманія.

На военное могущество, разумѣется, не приходится смотрѣть, какъ на цѣль, къ которой должно стремиться человѣческое общество; это значило бы, напротивъ того, унизить до нельзя задачу человѣчества, пробудить въ немъ самые злые инстинкты—жажду крови и золота; но еслибы, помимо этихъ соображеній, дѣло шло о томъ, чтобы узнать главную причину могущества государствъ, то нельзя найти лучшаго средства для разъясненія этого вопроса, какъ изученіе древняго Рима.

Право, принятое въ самомъ исключительномъ и строгомъ смыслѣ, получившее еще болѣе суровой оттѣнокъ вслѣдствіе его сочетанія съ военнымъ духомъ, породило въ римскомъ обществѣ такія крайнія отношенія между властью и повино-

---

[1]) *Mommsen,* III, 289.

[2]) *Mommsen,* III, 176. Сулла передалъ въ распоряженіе сената 10,000 отборныхъ людей, набранныхъ изъ числа рабовъ, принадлежавшихъ изгнаннымъ его противникамъ, и организовалъ ихъ по отрядамъ для удержанія въ повиновеніи римской черни. Онъ завелъ также военныя поселенія на конфискованныхъ земляхъ, чтобы у сената была армія, на которую онъ могъ бы опереться внѣ Рима. (*Mommsen,* II, 341). Марій опирался не столько на армію, какъ на самостоятельную вооруженную силу, сколько на своихъ солдатъ, находящихся въ отпуску въ Римѣ. (*Mommsen,* II, 201). Несмотря на всѣ безпорядки, происходившіе въ Римѣ, настоящаго вооруженнаго столкновенія въ самыхъ стѣнахъ города не было до 654 года, когда произошла схватка между войсками Марія, принявшаго сторону сената, и народной партіей, къ которой Марій принадлежалъ до этого времени. (*Mommsen,* II, 206).

веніемъ, что достаточно было приложить ихъ къ войску, чтобы имѣть удивительно дисциплинированную арміею. Во все время распространенія римскаго владычества дисциплина въ арміи была ужасна: паденіе республики совпадаетъ съ ослабленіемъ въ ней военной дисциплины.

Тѣмъ не менѣе, ни гражданская и военная организація Рима, ни доблести его гражданъ не были еще достаточны для возвышенія его надъ всѣмъ человѣчествомъ, еслибы этому возвышенію не оказали своего содѣйствія поразительно благопріятныя внѣшнія обстоятельства. Послѣ ужаснаго пораженія при Каннахъ, Римъ находился на волоскѣ отъ погибели. Занявъ среднюю Италію, Аннибалъ могъ прочно въ ней утвердиться; ибо это не было мимолетное вторженіе въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлались кельтами или другими варварскими народами, неимѣвшія иной цѣли, кромѣ грабежа; на этотъ разъ дѣло шло о войнѣ на смерть съ геніальнымъ человѣкомъ, разсчитавшимъ всѣ шансы успѣха. Аннибалъ ошибся въ двухъ пунктахъ: онъ не достаточно взвѣсилъ то обстоятельство, что во главѣ управленія большею частью стоятъ люди посредственные, и что нерѣдко сами они не понимаютъ собственныхъ интересовъ, какъ это предполагаетъ геніальный человѣкъ, ибо послѣдній видитъ то, чего они не видятъ. Вотъ почему Аннибалъ ошибся на счетъ союза съ Македоніей и съ государствами Азіи, на который онъ разсчитывалъ. Во вторыхъ, ему извѣстно было, что всѣ итальянскіе народы одушевлены были самою искренней ненавистью къ Риму; но онъ ошибся относительно того значенія, какое могли имѣть ея послѣдствія. Многіе города и мѣстности Италіи дѣйствительно присоединились къ Аннибалу, но всеобщаго возстанія, какое случилось столѣтіе позже не произошло. И если судить по той ужасной войнѣ, которую долженъ былъ выдержать въ то время съ Италіей Римъ, то погибель его не подлежала бы сомнѣнію, еслибы это возстаніе совпало съ нашествіемъ Аннибала. Съ другой стороны, силы Карѳагена были парализованы взаимной враждой между знатнѣйшими карѳагенскими фамиліями, и въ особенности завистью всѣхъ ихъ къ могущественнѣйшей между ними — къ фамиліи Баркасовъ.

Изъ этого слѣдуетъ заключить, что ни общественныхъ учрежденій Рима, ни особенно счастливыхъ обстоятельствъ, взятыхъ въ отдѣльности, не было бы достаточно для обезпеченія римскаго могущества. Римъ сдѣлался всемогущимъ единственно потому, что внѣшнія условія позволили ему воспользоваться его крѣпкой внутренней организаціей. Общество, не столь прочно устроенное, не могло бы обратить въ свою пользу тѣ же обстоятельства; и если существовало когда либо другое общество съ такою же прочной организаціей, то оно должно было пройти безъ слѣда вслѣдствіе того, что не встрѣтило такихъ же благопріятныхъ условій.

Не должно упускать изъ виду, что очеркъ, сдѣланный въ этой главѣ, представляетъ римскія учрежденія не въ неподвижномъ состояніи, но охватываетъ собой порядокъ вещей, который безпрерывно измѣнялся впродолженіи пяти столѣтій въ самыхъ противуположныхъ направленіяхъ. Говоря вообще, аристократія оставалась всесильной во все продолженіе республики, хотя она нерѣдко затмѣвалась, то плебейскими партіями, то демагогами или предводителями армій, иногда же, даже консулами или лицами патриціанскаго происхожденія. Такіе повороты счастія влекли за собой совершенную перемѣну въ отношеніяхъ между партіями и въ положеніи высшихъ правительственныхъ лицъ. Значеніе комицій по отношенію другъ къ другу и по отношенію къ сенату измѣнялось втеченіи столѣтій. Сенатъ кассировалъ приговоры комицій; въ другихъ случаяхъ, комиціи, въ свою очередь, кассировали рѣшенія сената [1]). Консулы изъ повелителей сената обратились въ исполнителей его воли, а затѣмъ, по упраздненіи обязанностей цензоровъ, снова заняли болѣе высокое положеніе. Диктаторы изъ всемогущихъ властелиновъ, какими они были, кончили тѣмъ, что назначались для исполненія какой либо религіозной церемоніи, или для производства какого либо уголовнаго слѣдствія [2]). Цензоры изъ незначительныхъ

[1]) Впрочемъ, это могло быть въ такомъ только случаѣ, когда враждовавшія между собою власти дѣлали возваніе къ народу. Такой случай представился въ первый разъ въ 364. (*Mommsen*, I, 282).

[2]) Въ 440 назначенъ былъ диктаторъ для суда надъ врагами Рима въ Капуѣ. (*Mommsen*, I, 341).

чиновниковъ достигли до самаго высокаго общественнаго положенія, а впослѣдствіи должность эта оставалась безъ употребленія, хотя формально она никогда не была отмѣнена [1]). Всѣ эти термины: сенатъ, комиціи, плебеи, консулы, народные трибуны и другіе, только съ виду представляются одними и тѣми же учрежденіями или властями; въ дѣйствительности же они относились къ предметамъ, имѣвшимъ различное значеніе, смотря по тому, къ какой эпохѣ они относятся.

Съ переходомъ власти къ Цезарю, всякое броженіе остановилось, и уступило мѣсто постоянному порядку вещей. Сенатъ и комиціи обратились въ пассивное орудіе его воли; всѣ должностныя лица одинаково назначались и смѣнялись имъ.

Римляне были чрезвычайно пристрастны къ формѣ, къ преданію. Цезарь уважалъ это пристрастіе. Онъ не отмѣнилъ ни одного учрежденія, но сосредоточилъ всѣ общественныя должности въ своихъ рукахъ; такъ что онъ создалъ такимъ образомъ новую власть, которую никакая другая власть не могла контролировать. Veto исчезло изъ римскаго государственнаго устройства.—Цезарь началъ тѣмъ, что заставилъ избирать себя ежегодно диктаторомъ; въ 708 онъ назначенъ былъ имъ на 10 лѣтъ, и въ 710—на всю жизнь. Такимъ же образомъ онъ избирался нѣсколько разъ консуломъ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Онъ присвоилъ себѣ власть, подобную власти народныхъ трибуновъ и цензоровъ, и приказалъ назначить себя предсѣдателемъ сената, что̀ дало ему право первымъ подавать голосъ. Онъ былъ также первосвященникомъ и членомъ всѣхъ религіозныхъ корпорацій. Ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ атрибутамъ сенатъ присовоку-

[1]) Цензоровъ не для чего было назначать послѣ того, какъ право гражданства дано было всей Италіи, потому что послѣдняя тѣмъ самымъ освобождалась отъ налоговъ, и послѣ того, какъ армія стала пополняться не одними гражданами, а всякаго рода людьми. Обязанности цензоровъ стали снова исполняться консулами, какъ это было впрочемъ всегда, въ случаѣ если мѣста цензоровъ оставались вакантными. (*Mommsen*, II, 348 и 356).

пилъ чрезвычайную власть и почести, нарочно для него придуманныя. Все вмѣстѣ представляло новый санъ, который окрестили именемъ *императора*. Титулъ этотъ давно уже былъ въ употребленіи у римлянъ, но только какъ почетный, и не относился къ какой либо общественной обязанности. Его давали тріумфаторамъ и главнокомандующимъ арміей [1]). Цезарь выражалъ этимъ титуломъ высшую власть, которую онъ присвоилъ себѣ [2]). Власть эта была совершенно тожественна съ властью древнихъ царей. Самъ Цезарь подтвердилъ это тѣмъ, что приказалъ поставить свою статую рядомъ съ семью статуями древнихъ царей, находившимися съ незапамятныхъ временъ на вершинѣ Капитолія, а такъ же и тѣмъ, что носилъ костюмъ древнихъ царей Альбы. Онъ не хотѣлъ только принять титулъ царя, потому что къ этому слову римляне чувствовали отвращеніе, хотя и мирились съ тою властью, которая скрывалась за нимъ [3]). Но, вѣрный прежней своей роли демократическаго вождя [4]), всѣ свои рѣшенія Цезарь подвергалъ утвержденію комицій, которыя оказывали ему не больше сопротивленіе, чѣмъ сенату во времена республики [5]). Главная забота его состояла въ упроченіи новой, созданной имъ общественной формы. Вотъ почему онъ старался, чтобы она добровольно была принята населеніемъ. Но какъ только она укрѣпилась, онъ подчинилъ военную

---

[1]) Такъ титулъ императора дарованъ былъ Суллой Помпею, когда послѣдній примкнулъ къ его партіи. (*Mommsen*, II, 320).

[2]) Съ этого времени, для отличія двухъ значеній, принадлежавшихъ титулу *императора*, слово это ставилось впереди имени, когда ему давали значеніе монарха, и послѣ имени, когда подъ нимъ подразумѣвался только почетный титулъ. (*Mommsen*, III, 459).

[3]) *Mommsen*, III, 459.

[4]) По рожденію своему, Цезарь принадлежалъ къ патриціямъ по отцу, и къ плебеямъ по матери, которая была сестрой Марія. По предшествовавшей политической дѣятельности, Цезарь принадлежалъ не только къ демократической, но къ разрушительной партіи, ибо все заставляетъ думать, что онъ принималъ участіе въ заговорѣ Катилины. (*Mommsen*, III, 165). — Человѣкъ, по уши находившійся въ долгахъ, непремѣнно долженъ былъ сочувствовать предпріятію, имѣвшему цѣлью уничтоженіе долговъ.

[5]) *Mommsen*, III, 467.

власть власти гражданской, и распустилъ свои знаменитые галльскіе легіоны. Онъ старался поднять нравственный уровень народа, и въ интеллектуальномъ отношеніи уподобить римлянъ грекамъ.

Для достиженія этой цѣли онъ ввелъ общественное воспитаніе юношества по греческому обычаю, между тѣмъ какъ до него въ Римѣ дѣти воспитывались въ родительскомъ домѣ [1]). Для занятія общественныхъ должностей Цезарь въ особенности пріискивалъ людей, отличавшихся знаніемъ и умомъ; поэтому, и сенатъ его пополнялся уже не одною только знатью [2]), но всѣми классами общества.

Цезарю не удалось, впрочемъ, привести въ исполненіе всѣхъ задуманныхъ реформъ; онъ заложилъ главнымъ образомъ фундаментъ будущему зданію, надъ которымъ трудились его преемники [3]). Цезарскія идеи о принципахъ, которымъ надлежало слѣдовать во внутренней и внѣшней политикѣ, руководили всѣми римскими императорами. Самое имя Цезаря сдѣлалось титуломъ, который передавался его преемниками изъ поколѣнія въ поколѣніе.

ГЛАВА IX.

Общественное право.

(Вторая часть).

Республика.

Въ VI главѣ мы изслѣдовали идею свободы, и разсмотрѣли различныя, представляемыя ею фазы и ея отношенія къ прочимъ идеямъ; теперь же, приступивъ къ изученію соціальныхъ формъ, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, какая изъ послѣднихъ болѣе всего согласуется съ стремленіями этой идеи.

---

[1]) *Mommsen*, III, 557.

[2]) Римскую знать не должно смѣшивать съ патриціями. Первую составляли потомки курульныхъ фамилій, какъ патриціанскихъ, такъ и плебейскихъ. Патриціи же представляли замкнутую касту изъ однѣхъ патриціанскихъ фамилій.

[3]) *Mommsen*, III, 468.

Представимъ себѣ общество, установившееся на основаніи одного только права, общество, въ которомъ безусловно задушено всякое стремленіе къ свободѣ. При такомъ предположеніи, мы встрѣтимъ въ подобномъ обществѣ только учрежденія, составляющія неизбѣжный продуктъ идеи права. Эти учрежденія мы находимъ во всякомъ обществѣ, поставленномъ въ такія же условія, и они могутъ оставаться неизмѣнными впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ, если не произойдетъ въ обществѣ никакой перемѣны въ понятіяхъ.

Всѣ соціальныя отношенія, сплотятся подъ господствомъ идеи права въ одно неразрывное цѣлое, въ которомъ право одного или нѣсколькихъ вождей поглотитъ всѣ личныя права. Если общество сложилось вполнѣ согласно съ требованіями идеи права, то есть, путемъ размноженія одного семейства, то право вождя будетъ переходить въ немъ изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ того родоначальника, отъ котораго произошло это общество. И если понятія о правѣ не подвергнутся въ немъ съ тѣхъ поръ никакому измѣненію, если вождь сохранитъ принадлежащее ему право въ первоначальномъ его объемѣ, то всѣ остальныя права, сравнительно съ его правомъ, будутъ имѣть ничтожное или сомнительное значеніе. Права эти, по происхожденію своему, будутъ зависѣть отъ права вождя, или, по меньшей мѣрѣ, будутъ считаться связанными съ нимъ, и легко могутъ быть снова поглощены имъ.

Учрежденія, построенныя на основаніи одного только права, будутъ вполнѣ логичны, хотя и строго однообразны. Разнообразіе, подвижность проникаютъ въ соціальныя отношенія только подъ вліяніемъ идеи свободы. Поэтому, всякая перемѣна въ обществѣ, изъ котораго изгнана свобода, можетъ быть объяснена только капризомъ людей, обладающихъ властью. Перемѣны эти будутъ имѣть только преходящій, случайный характеръ, и могутъ касаться только внѣшнихъ отношеній, формъ и размѣровъ права. Онѣ нисколько не будутъ походить на перемѣны, производимыя идеей свободы, ибо послѣднія имѣютъ тотъ отличительный признакъ, что состоятъ въ различныхъ ограниченіяхъ идеи права, то есть, самой его сущности.

Въ обществѣ, такимъ образомъ сложившемся, всякое самобытное развитіе, всякое умственное движеніе, имѣющее предметомъ общіе интересы общества, будутъ задушены. Однако же, подобный порядокъ вещей сохранился между нѣкоторыми человѣческими народами со времени ихъ историческаго существованія, такъ что онъ представляется какъ бы соотвѣтствующимъ ихъ естественнымъ склонностямъ. Но не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что люди могутъ быть подчинены всякому общественному устройству, если они привыкнутъ къ нему съ малолѣтства, если имъ недоступны иныя понятія, и если ихъ держатъ въ повиновеніи страхомъ.

Тѣмъ неменѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что однѣ расы легче, другія труднѣе переносятъ гнетъ неограниченной власти, смотря по своему характеру, или, смотря по особеннымъ обстоятельствамъ, содѣйствующимъ развитію между ними понятій о свободѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, возникнетъ умственное движеніе, которое будетъ стремиться къ видоизмѣненію существующаго общественнаго порядка.

Если идея свободы проникаетъ въ общество медленно и постепенно, то всѣ сочетанія между правомъ и свободой могутъ совершаться послѣдовательно, и даже вовсе незамѣтно. Постепенное развитіе идей неизбѣжно должно сопровождаться соотвѣтствующими ему измѣненіями во внѣшнихъ фактахъ, будетъ ли это происходить мирнымъ путемъ или вслѣдствіе борьбы.

Но какъ медленно, такъ и внезапно совершающая реакція направится прежде всего противъ послѣдняго выраженія права — власти, или же приметъ характеръ коммунистическаго противудѣйствія всякому проявленію права. Если побѣду одержатъ идеи свободы, то въ первомъ случаѣ перемѣна ограничится одною только властью; власть закона займетъ мѣсто власти, вытекающей изъ права. Во второмъ случаѣ, всѣ предметы права перестанутъ находиться въ исключительной собственности отдѣльныхъ лицъ, и обратятся въ собственность всего общества.

Личныя права распустятся въ одномъ общемъ правѣ. Предметы обратятся въ общую, публичную собственность — *res*

publicae;—воля цѣлаго общества займетъ мѣсто воли отдѣльныхъ людей.

Въ этомъ состоитъ отличительный характеръ общества, называемаго республиканскимъ. Впрочемъ, это слово употребляется обыкновенно не въ этомъ крайнемъ смыслѣ, но для обозначенія всякой общественной формы, въ которой, въ противуположность монархіи, власть находится въ рукахъ многихъ людей. Въ такомъ случаѣ, необходимо знать, идетъ ли дѣло объ аристократической или демократической республикѣ, то есть, о томъ, принадлежитъ ли въ республикѣ власть меньшинству, или же дѣйствительному или воображаемому большинству. Всякая республика, учрежденія которой соотвѣтствуютъ до извѣстной степени приведенному опредѣленію, необходимо должна быть демократическая, то есть, чтобы власть принадлежала въ ней большинству народа. Но народъ можетъ получить болѣе или менѣе преобладающее значеніе и въ монархіи, если въ послѣднюю проникнутъ демократическія воззрѣнія и учрежденія. Такъ что, хотя настоящую форму демократіи и составляетъ республика, но развитіе демократіи возможно и при монархической формѣ.

Пользованіе предметами, которые по праву одинаково принадлежатъ всѣмъ членамъ общества, опредѣлитъ ту или другую изъ этихъ формъ. Въ обществѣ можетъ сохраниться гармонія, такъ что согласіе не будетъ нарушено между его членами. Люди будутъ жить мирно, трудясь совокупными силами и раздѣляя плоды своего труда безъ всякаго протеста съ чьей бы то ни было стороны, такъ какъ всѣ они отказались отъ эгоистическихъ стремленій и личныхъ интересовъ. Но такое совершенное состояніе общества противурѣчитъ естественному порядку вещей, и потому, оно нигдѣ не встрѣчается.

Тогда является другая форма. При отсутствіи всякой власти въ обществѣ, общее пользованіе предметами, необходимыми для жизни, вызоветъ несогласія между людьми, подобныя тѣмъ, которыя ставятся Гоббсомъ при началѣ всякаго общества, и которыя онъ характеризуетъ выраженіемъ: война всѣхъ противъ всѣхъ.

Гипотеза Гоббса была бы вполнѣ основательна, еслибы человѣческое общество начиналось владѣніемъ съобща всѣми предметами, еслибы право начинало тѣмъ, что сначала было бы общимъ, а потомъ становилось бы личнымъ, и наконецъ, еслибы такой порядокъ вещей могъ продлиться значительное время, и окрѣпнуть. Въ такомъ случаѣ, минута, въ которую приступили бы къ дѣлежу имуществъ, была бы сигналомъ къ борьбѣ и ко всеобщему замѣшательству.

Но гипотеза, о которой идетъ рѣчь, невозможна. Факты, которые можно привести въ ея пользу, представляютъ весьма несовершенную аналогію. Общее владѣніе имуществомъ можетъ существовать развѣ только въ первобытномъ обществѣ, въ которомъ собственность состоитъ изъ предметовъ, неимѣющихъ особенной цѣнности. Но какъ только потребности его станутъ возрастать, а удовлетвореніе ихъ сдѣлается болѣе затруднительнымъ, въ людяхъ обнаружится стремленіе удержать за собой выгоды, доставляемыя трудомъ — возникнетъ личное право.

Если противудѣйствіе свободы праву разрушитъ общественное устройство, построенное на правѣ, если исчезнетъ всякая общественная власть, то, за отсутствіемъ всякаго контроля, всякаго соціальнаго правила, возникнетъ безпорядочное состояніе общества, называемое *анархіей*.

Въ предъидущей главѣ мы уже показали, какимъ образомъ слагается при такихъ условіяхъ власть, составляющая выраженіе воли большинства. Она установитъ, хоть какъ нибудь, обладаніе предметами, если не самую собственность, и поведеніе членовъ общества. Такимъ образомъ, возстановится въ обществѣ порядокъ. Но чѣмъ многочисленнѣе будетъ это большинство, тѣмъ труднѣе ему будетъ сойтись на законахъ, которые должны охватить всѣ отношенія между гражданами и всѣ поступки послѣднихъ. Чтобы выдти изъ этого затрудненія, оно придетъ къ необходимости поручить составленіе законовъ нѣсколькимъ лицамъ или одному законодателю.

Но, такъ какъ республика есть такая общественная форма, въ которую преимущественно облекается идея, непредставляю-

щая непосредственныхъ результатовъ, но только преобразовывающая продукты другой идеи, то законодатели, которымъ поручено будетъ составленіе для общества учрежденій, вынуждены будутъ заимствовать ихъ тамъ, гдѣ они возникли самобытно, то есть, изъ соціальнаго порядка, выросшаго на правѣ. Затѣмъ, они видоизмѣнятъ ихъ въ смыслѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ республики, такъ что всѣ права, какія возникнутъ въ ней, будутъ существовать только во имя закона. Право окажется такимъ образомъ въ полнѣйшемъ подчиненіи закону, и потеряетъ то значеніе, которое оно получаетъ въ томъ случаѣ, когда оно слагается самобытно, изъ развитія присущей ему идеи. Оно не будетъ имѣть иной силы, инаго значенія, кромѣ тѣхъ, которыя ему указаны будутъ закономъ.

Вотъ какимъ образомъ чистая республика, не имѣя возможности создать собственными силами общественныхъ учрежденій, должна искать ихъ въ иномъ порядкѣ идей. Болѣе или менѣе удачное исполненіе этой задачи будетъ зависѣть, стало быть, отъ мудрости законодателя и отъ той точки зрѣнія, на которую онъ станетъ. Эта точка зрѣнія можетъ быть только субъективной, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ не объ открытіи творческихъ идей общественнаго устройства, но объ избраніи изъ инаго порядка идей такихъ учрежденій, которыя могли бы быть примѣнены къ предположенной цѣли.

Законодательство въ чистой республикѣ не можетъ имѣть главной своей основой принципъ правосудія, ибо послѣднее можетъ быть примѣнено только тамъ, гдѣ существуютъ личныя права. Поэтому, правосудіе можетъ проявиться въ республикѣ только настолько, насколько въ ней снова всплывутъ личныя права; во всемъ остальномъ оно будетъ замѣщено равноправностью, такъ какъ послѣдняя есть не иное что, какъ свобода, примѣненная къ соціальнымъ отношеніямъ.

Основой равноправности служитъ равное духовное достоинство людей; это равенство представляется только въ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ, получающемъ большую точность лишь по мѣрѣ отожествленія его съ матерьяльнымъ равенствомъ. А такъ какъ всякое законодательство требуетъ

извѣстной точности, то оно незамѣтно придетъ къ послѣднему толкованію. Вслѣдствіе этого, оно обнаружитъ стремленіе къ введенію однообразія во всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ, къ приведенію всего къ одному общему уровню, и подойдетъ такимъ образомъ къ той административной, военной или полицейской регламентаціи, которая имѣетъ въ виду одну только цѣль — поддержать внѣшній порядокъ, равно обязательный для всѣхъ.

Предписанія такого рода дѣйствительно обладаютъ способностью установлять порядокъ въ человѣческомъ обществѣ; но основаніемъ для нихъ служитъ принципъ внѣшняго благочинія, а не творческая идея, которая одна только можетъ дать прочные результаты. По мѣрѣ того, какъ это законодательство будетъ дѣлаться все болѣе и болѣе отвлеченнымъ, оно будетъ все болѣе и болѣе связывать личную волю, ибо, отвергнувъ естественный порядокъ вещей, законодатель вынужденъ будетъ опредѣлить до мельчайшихъ подробностей тотъ субъективный и искуственный порядокъ, который станетъ на его мѣсто.

Такъ какъ устройство, придуманное законодателемъ, принято будетъ въ республикѣ большинствомъ, то и законы его будутъ обязательны для всѣхъ гражданъ, а опирающаяся на нихъ власть представитъ собой волю всего народа.

Пока власть эта останется въ границахъ, предписанныхъ закономъ, до тѣхъ поръ она будетъ сдержана. Но если большинство, увлекаясь чувствомъ своего всемогущества, перестанетъ обращать вниманіе на писанный законъ, такъ какъ оно можетъ измѣнять его по своему усмотрѣнію, то царство произвола замѣнитъ собой царство законности. Демократическая власть можетъ сдѣлаться столь же необузданной и произвольной, какъ и законная власть, дошедшая до крайнихъ своихъ послѣдствій. Въ томъ и другомъ случаѣ, результатъ будетъ одинаковъ: всякое проявленіе личной воли будетъ задушено.

Итакъ, крайнія послѣдствія, какъ права, такъ и свободы, ведутъ къ одному и тому же результату, къ отрицанію собственнаго своего принципа, то есть, къ настоящему логиче-

скому противурѣчію. Идея права, вызывая чрезмѣрнымъ своимъ развитіемъ противудѣйствіе со стороны свободы, оканчивается приведеніемъ къ одному уровню, или къ уничтоженію всѣхъ правъ; а свобода, доведенная до крайности, кончается деспотизмомъ.

Мы уже замѣтили, что ни одинъ изъ продуктовъ идеи права, ни собственность, ни правосудіе, ни власть, не могутъ существовать въ состояніи чистой отвлеченности, внѣ всякаго сочетанія съ идеей свободы.—Свобода, въ свою очередь, не можетъ существовать въ безусловной раздѣльности съ идеей права. Она существуетъ только путемъ преобразованій и измѣненій, совершаемыхъ ею въ области права. Безъ права у нея не было бы предмета, между тѣмъ какъ право можетъ сложиться и помимо идеи свободы; въ такомъ случаѣ, оно развивается даже въ наибольшей чистотѣ. Но тогда оно приводитъ къ страшнымъ послѣдствіямъ для человѣка: послѣдній, лишаясь воли, уподобляется бездушнымъ предметамъ.

Невозможность установить общественный порядокъ на одной только свободѣ, независимо отъ всякаго права, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ случаѣ даже уничтоженія всѣхъ личныхъ правъ въ обществѣ, право, какъ право, не можетъ быть отстранено. Только это будетъ общее право, въ которомъ коллективная воля всѣхъ членовъ общества займетъ мѣсто воли индивидуальныхъ личностей, отдѣльно владѣющихъ предметами.

Главное затрудненіе для учрежденія чистой республики заключается, поэтому, не въ установленіи общаго владѣнія имуществами. Препятствіе состоитъ въ невозможности продлить это общее владѣніе, потому что оно противурѣчитъ естественному порядку вещей. Нигдѣ нельзя найти людей, одаренныхъ природными свойствами, необходимыми для упроченія общаго владѣнія имуществомъ, людей, которые были бы недоступны эгоизму, и смотрѣли бы безучастно на то, что распоряжаются ихъ трудомъ. Вотъ почему всѣ законодатели, даже шедшіе впереди другихъ по пути свободы, допускали частное право, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ границахъ.

Если личное право снова пріобрѣтетъ силу въ обществѣ, въ которомъ оно потеряло кредитъ, то оно можетъ получить значеніе, независимое отъ того, которое признано за нимъ законодательствомъ, и уподобиться тѣмъ самымъ порядку вещей, прямо вытекающему изъ идеи права. Неравенство проникнетъ въ общественное положеніе людей: нѣкоторыя лица или нѣкоторые классы получатъ вліяніе, которое дастъ имъ возможность захватить въ свои руки законодательную власть, и дать иное направленіе общественному развитію.

Вотъ какимъ образомъ право и законодательство находятся въ томъ же состояніи дѣйствія и противудѣйствія, въ какомъ находятся право и свобода, или вѣрнѣе, это — борьба между двумя этими принципами на почвѣ законодательства. Послѣднее является только средствомъ, орудіемъ, при содѣйствіи котораго совершаются перемѣны въ правѣ и въ свободѣ. Результатомъ этого является движеніе, въ которомъ нельзя уловить ни начала, ни конца. Право порождаетъ законодательство, власть; но послѣдняя, принимая чрезмѣрные размѣры, вызываетъ противудѣйствіе со стороны свободы. Власть, законы, права новаго происхожденія устанавливаются въ противуположность прежнимъ, и кончаютъ тѣмъ, что уподобляются имъ же, и вызываютъ тѣ же послѣдствія,—и движеніе снова возобновляется. Средоточіемъ этого круговаго движенія служитъ человѣкъ, ибо движеніе это опредѣляется то однимъ, то другимъ прирожденнымъ ему свойствомъ.

Перемѣны въ понятіяхъ проявляются въ фактахъ, наибольшее число которыхъ, рѣзче всего обозначающее различіе между старымъ и новымъ порядкомъ вещей, представляетъ явленіе, называемое общественнымъ переворотомъ.

Итакъ, идея свободы порождаетъ новыя соціальныя учрежденія, но, между тѣмъ какъ въ общественномъ устройствѣ, основанномъ на правѣ, движеніе начинается съ личнаго права, и приводитъ къ власти,—въ строѣ, вызванномъ свободой, развитіе идеи начинается съ власти, и только впослѣдствіи переходитъ къ противудѣйствію личному праву. Вотъ почему, какъ только совершится переворотъ, направленный противъ результатовъ права, тотчасъ же устанавливается какая нибудь

власть, и преобразованіе соціальныхъ учрежденій совершается только при ея содѣйствіи.

Если республиканская соціальная форма и не осуществилась до сихъ поръ во всей своей чистотѣ, то намеки на нее мы встрѣчаемъ какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ обществахъ. Нѣкоторыя греческія республики стремились, если не ко введенію полной общности имуществъ, то къ обезпеченію жизни бѣдныхъ классовъ на счетъ богатыхъ и союзниковъ. Съ другой стороны, всюду, гдѣ только существуетъ собственность въ общинномъ владѣніи, изъ какихъ бы предметовъ ни состояла она, въ обществѣ слагаются, относительно этой собственности, отношенія, согласныя съ республиканскимъ духомъ: воля большинства служитъ въ нихъ закономъ для всѣхъ.

Матерьяльное, даже приблизительное равенство между лицами, одаренными различными способностями и дѣятельностью, до такой степени противурѣчитъ естественному порядку вещей, что оно могло бы продлиться на нѣкоторое время только посредствомъ насилія. Но какъ только общество будетъ предоставлено на произволъ собственнаго своего роста, то въ него проникаетъ неравенство, и увеличивается по мѣрѣ разширенія могущества и богатства общества.—Съ этой минуты рѣшеніе общественныхъ вопросовъ будетъ зависѣть отъ самыхъ могущественныхъ и вліятельныхъ гражданъ. Сила, принадлежащая большинству, перейдетъ въ ихъ руки, въ особенности если они будутъ находиться въ согласіи между собой.

Общество, въ которомъ будетъ такимъ образомъ господствовать меньшинство, получило названіе аристократіи. Оно получитъ характеръ, свойственный классу или сословію людей, интересы которыхъ отличаются отъ интересовъ остальнаго общества. Эти классы будутъ стараться поддержать свое привилегированное положеніе, отдѣлившись отъ остальнаго населенія по всѣмъ пунктамъ частной и общественной жизни.

На большинство и на меньшинство принято смотрѣть, какъ на отличительный признакъ соціальной формы аристократической и демократической, то есть, принадлежитъ ли власть меньшинству или большинству. Но въ дѣйствительности это невѣрно, ибо даже въ самыхъ чистыхъ республикахъ, какія

когда либо существовали, корпорація людей, обладавшихъ верховной властью, составляла всегда меньшинство, сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Еще ни разу не существовало республики, въ которой всѣ лица входили бы въ правительственную корпорацію; вслѣдствіе этого, они находились, относительно послѣдней, или въ состояніи подчиненности, или въ состояніи настоящаго подданства. Таковы были жены и дѣти гражданъ, жители покоренныхъ странъ, рабы и люди, находящіеся въ какой бы то ни было зависимости.

Общество, сложившееся въ республику, предполагаетъ ассоціацію людей независимыхъ и равныхъ. Но такое сближеніе людей можетъ быть вызвано только чрезвычайными или случайными обстоятельствами, какъ общее владѣніе имуществами, посѣщеніе однихъ и тѣхъ же храмовъ, спасеніе въ одномъ общемъ убѣжище [1]). — Вотъ почему и исторія представляетъ только весьма немногіе примѣры обществъ республиканскихъ по своему происхожденію; республика всегда почти основывается на развалинахъ другаго соціальнаго строя, или же, вслѣдствіе переворотовъ, испытанныхъ послѣднимъ.

Эти перевороты совершаются, какъ мы показали, посредствомъ измѣненій въ понятіяхъ, но они могутъ произойти, не выходя изъ области права. Если, напримѣръ, монархія потеряетъ своего государя, который не успѣетъ передать своихъ правъ другому лицу, то всѣ люди, находившіеся въ подчиненіи ему, окажутся независимыми. Если соціальныя отношенія, существующія въ монархіи, до того проникнутъ въ обычаи людей, что послѣдніе не захотятъ перемѣны въ нихъ, то они приступятъ къ избранію новаго государя. Но если люди, получившіе независимость, увлекутся другими соображеніями, если они захотятъ сохранать личную свободу, которая досталась имъ, то они установятъ республику.

Поэтому, ошибочно было бы осуждать республику съ точки зрѣнія законности, потому что она можетъ быть устроена на основаніи такого же права, какъ и монархія. Но, съ другой

[1]) Таково было происхожденіе венеціанской республики. Множество людей, бѣжавшихъ предъ Аттилой, находило убѣжище въ венеціанскихъ лагунахъ, и образовало въ нихъ республику.

стороны, не подлежитъ также сомнѣнію, что стремленія, свойственныя двумъ этимъ соціальнымъ формамъ, неизбѣжно выкажутся болѣе или менѣе рѣзко въ каждой изъ нихъ; вслѣдствіе чего, по принципамъ, онѣ всегда противуположны другъ другу.

Смотря по болѣе или менѣе значительному числу людей, захватившихъ въ свои руки верховную власть, сдѣлавшуюся вакантной, монархія обратится въ аристократическую или демократическую республику.

Такимъ образомъ, аристократія можетъ установиться и инымъ путемъ, кромѣ постепеннаго уменьшенія числа людей, составляющихъ корпорацію, которой принадлежитъ верховная власть въ республикѣ. Если числительность аристократическихъ классовъ общества увеличивается, то она можетъ, въ свою очередь, привести къ республикѣ демократической; если же числительность эта уменьшается, то она можетъ окончиться властью одного.

Въ такомъ случаѣ, если монархъ унаслѣдуетъ безъ всякого ограниченія, власть, существовавшую въ республикѣ, то власть его можетъ превзойти власть, вышедшую изъ самаго крайняго развитія права. Однако же, нѣкоторые правительственные принципы и формальности, соблюдаемыя въ общественныхъ дѣлахъ, подобныя тѣмъ, которыя употреблялись римскими императорами, будутъ свидѣтельствовать о республиканскомъ происхожденіи монарха. Можетъ представиться даже противурѣчіе, которое дѣйствительно неоднократно повторялось. Монархія популярнаго происхожденія можетъ заговорить языкомъ правительства, свойственнаго только монархіи, основанной на правѣ; а послѣдняя, уступая вліянію ходячихъ ученій или преданій, существующихъ со временъ римской имперіи, можетъ, въ свою очередь, прибѣгнуть къ внѣшнимъ формамъ, свойственнымъ только монархіи популярнаго происхожденія.

ГЛАВА X.

Объ общественныхъ учрежденіяхъ въ древнихъ Аѳинахъ.

Глава VIII представляетъ очеркъ общественныхъ учрежденій въ древнемъ Римѣ, какъ примѣръ крайняго развитія идеи права, когда идея эта получаетъ преобладающее значеніе. Исторія не представляетъ примѣра такого же характеристическаго развитія идеи свободы, уже по той причинѣ, что эта идея обнаруживается только преобразованіями, производимыми ею въ правѣ. Поэтому, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ такъ рѣзко отдѣлиться отъ другой соціальной идеи, и явиться въ такомъ же отвлеченномъ состояніи, какое возможно для идеи права.

Аѳины всегда считались отечествомъ свободы въ древнемъ мірѣ, такъ что изученіе учрежденій этой республики, если и не столь поучительное въ теоретическокъ отношеніи, какъ изученіе учрежденій Рима, тѣмъ неменѣе, показываетъ, какъ понималъ свободу народъ, болѣе всего развитый въ дѣлѣ свободы между всѣми древними народами.

Мы замѣтили, что правильному установленію права между римлянами благопріятствовало то обстоятельство, что они первые заняли Италію. Поэтому, развитіе идеи права началось у нихъ безъ насилія при первомъ завладѣніи территоріей, то есть, явленіемъ, которымъ самобытно устанавливается право. Соціальныя учрежденія между греческими племенами возникли, напротивъ того, среди условій, менѣе всего благопріятныхъ для упроченія права. Впродолженіи длиннаго ряда поколѣній имъ приходилось бороться за обладаніе территоріей, и они долго не знали инаго закона, кромѣ силы. Когда дѣйствіемъ времени право успѣло наконецъ упрочиться между ними, то правильное развитіе его неоднократно прерывалось сильными потрясеніями: истребительными междоусобными войнами и поголовными переселеніями изъ одной мѣстности въ другую.

Происхожденіе грековъ [1]) должно искать въ Малой Азіи. Все

[1]) Это самое древнее названіе этого народа, составлявшаго множество племенъ. *Эолянами* звали пелазговъ, которые, слившись съ мало-

говоритъ въ пользу того, что еще въ эпоху ихъ пребыванія въ этой странѣ они уже были разбиты на двѣ вѣтви, впослѣдствіи получившія названіе *іонянъ* и *дорянъ*. Послѣдніе переплыли черезъ Гелеспонтъ, и овладѣли сѣверной Греціей, между тѣмъ какъ первые заняли мало по малу острова и берега Архипелага [1]).

Въ отдаленную эпоху, о которой повѣствуетъ Гомеръ, моря, окружающія Грецію, кишали разбойниками, которые опустошали берега, и проникали внутрь страны для грабежа и увода рабовъ. — *Миносъ* [2]) вооружилъ флотъ для уничтоженія разбойниковъ, и далъ законы многочисленнымъ странамъ, находившимся подъ его владычествомъ.

Въ послѣдующую эпоху движеніе охватило всѣ народы Греціи. Понуждаемые другъ другомъ, они постоянно мѣняютъ свое мѣстопребываніе, и впродолженіи многихъ поколѣній борятся за свое существованіе. Первый толчекъ этому великому движенію данъ былъ неизвѣстнымъ народомъ, спустившимся съ горъ верхней Греціи [3]). — Эпирскіе греки получили первый ударъ, и одна вѣтвь ихъ, фессалійцы, покинула отечество, и заняла страну, которая съ тѣхъ поръ получила ея названіе, вытѣснивъ между прочими народами *дорянъ* [4]). Послѣдніе пытались сначала утвердиться въ фесса-

---

азіатскими греками, достигли наивысшей степени цивилизаціи: *Язонъ, Улиссъ* были эолійскими героями. (*Curtius*, *Griechische Geschichte*, I, 76). *Ахеяне*, по мнѣнію однихъ (*Курцій*), составляли расу или избранныя семейства между эолянами; по мнѣнію другихъ (*Dunker*, *Geschichte des Alterthums*, III, 228), всѣ греки назывались ахеянами въ эпоху, предшествовавшую переселенію фессалійцевъ и дорянъ; но это названіе въ особенности приписывалось Микенамъ, могущественнѣйшему изъ греческихъ государствъ въ эту эпоху. Позже, всѣ жители этой страны разумѣлись подъ общимъ названіемъ эллиновъ, имѣвшимъ религіозное значеніе, по отношенію ли къ Амфиктіонову суду въ Дельфахъ (*Curtius*, I, 96), или по отношенію къ древней Додонѣ (*Dunker*, III, 14).

[1]) *Curtius*, I, 53.

[2]) Подъ именемъ царствованія Миноса эллины разумѣли весь финикійскій періодъ Крита, то есть, всю эпоху, впродолженіи которой финикіяне владѣли этимъ островомъ, и впродолженіи котораго флоты ихъ господствовали на Эгейскомъ морѣ. (*Dunker*, III, 256).

[3]) *Curtuis*, I, 84.

[4]) *Dunker*, III, 16. Это случилось около 10 столѣтій до Р. Х.

лійскомъ Олимпѣ, а потомъ, подъ предводительствомъ Ираклидовъ, призванныхъ ими къ себѣ на помощь, они направились на югъ. Первую остановку они сдѣлали въ странѣ между Парнасомъ и Этой, названной съ тѣхъ поръ *Доридой*.

Здѣсь они составили амфиктіонію, или религіозный союзъ между нѣсколькими народами, средоточіемъ котораго были Дельфы [1]). Амфиктіоніи имѣли въ виду главнымъ образомъ интересы религіи; онѣ стремились къ установленію единства священныхъ обрядовъ и къ охраненію ихъ. Но это согласіе и дѣйствіе совокупными силами многихъ государствъ, косвеннымъ образомъ, вызывало политическія столкновенія, имѣвшія важное значеніе въ эту безпримѣрно хаотическую эпоху. Дельфійская амфиктіонія пользовалась не бо̀льшими преимуществами, чѣмъ другіе религіозные союзы, имѣвшіе сборными мѣстами Лариссу, близъ Аргоса, или Олимпію. Только она дѣйствовала во имя большинства двѣнадцати союзныхъ народовъ, тогда какъ въ двухъ другихъ одни только аргивяне и элеяне охраняли религіозныя учрежденія. Общая казна и амфиктіоновъ судъ имѣли тоже только религіозное назначеніе [2]).

Доряне пользовались особаго рода первенствомъ въ Дельфійской амфиктіоніи, къ которой принадлежала также Аттика;

---

[1]) Амфиктіоніи (*Ἀμφικτίονες* значитъ сосѣдъ. *Dunker*, III, 319) были древнѣйшей формой ассоціаціи между греками. *Антельская* амфиктіонія, при входѣ въ Фермопилы, освятила союзъ между фессалійцами и покоренными ими народами. Прочія греческія племена тоже приняли въ немъ участіе. Она постановила за правило, «что члены союза, въ случаѣ войны между собой, не должны разрушать поселеній до основанія, ни лишать воды осажденный городъ.» Это самыя древнія постановленія международнаго права, какія мы только знаемъ. Дельфійская амфиктіонія приняла ихъ, и, кромѣ того, обязалась защищать дельфійскій храмъ: «рукой, ногой, голосомъ и всѣми своими силами». (*Dunker*, III, 546). Послѣдній союзъ стоялъ во главѣ двухъ другихъ небольшихъ амфиктіоній (*Curtius*, I, 93). Вскорѣ послѣ установленія олимпіадъ, Антельская амфиктіонія присоединилась къ Дельфійской. Въ первой празднованія въ честь Аполлона происходили осенью, а во второй—весною. (*Dunker*, III, 545).

[2]) *Dunker*, III, 549.

вотъ начало того главенства, которымъ Спарта такъ долго пользовалась въ Греціи.

Но этимъ не окончилось движеніе дорянъ. Во главѣ нѣсколькихъ другихъ народовъ Дельфійской амфиктіоніи, они поднялись еще разъ. Греція снова была залита кровью и покрыта развалинами; страны ея еще разъ перемѣнили свое населеніе и названіе.

Одной только Аттики не коснулся этотъ всеобщій переворотъ. Географическое ея положеніе въ сторонѣ, незначительное плодородіе ея почвы охраняли ее отъ нашествій, но главнымъ образомъ она обязана была своимъ спасеніемъ тому обстоятельству, что изъ всѣхъ греческихъ государствъ она одна достигла внутренняго объединенія [1]). Это доставило ей достаточно силы для отраженія беотянъ на сѣверъ, а дорянъ на югъ.

Вотъ почему и исторія Аттики представляетъ болѣе единства, чѣмъ исторія всякой другой страны Греціи. Во всѣхъ ихъ народы различныхъ племенъ, послѣ продолжительныхъ войнъ, приходили къ соглашенію, на основаніи котораго земли раздѣлялись весьма неравномѣрно между побѣдителями и побѣжденными. Въ Аттикѣ распространено было гораздо большее равенство между населеніемъ, хотя послѣднее было весьма разнообразно, и жило отдѣльными группами. Финикіяне, критяне, карійцы, ликіяне населяли Аттику отдѣльными общинами, строго сохранявшими свою національность недопущеніемъ браковъ между лицами, принадлежавшими къ двумъ различнымъ общинамъ [2]).

---

[1]) *Dunker*, III, 507.

[2]) Пока греки и римляне жили подъ гнетомъ строгаго права, до тѣхъ поръ они ограничивали браки самыми тѣсными предѣлами. Въ Греціи браки могли заключаться между гражданами различныхъ государствъ въ такомъ только случаѣ, если по этому предмету существовали особенные договоры. (*Curtius*, II, 47). Однако же, они никогда не запрещались въ Аѳинахъ между людьми различныхъ сословій, какъ это было въ Римѣ между патриціями и плебеями. Но бракъ между аѳинскимъ гражданиномъ и женщиной, не бывшей гражданкой, считался незаконнымъ. Солономъ допущены были такіе браки съ извѣстными ограниченіями. Сыновья, родившіеся отъ такого брака, полу-

Въ то время какъ вся Греція опустошалась вторженіями, Аттика была убѣжищемъ для множества людей и цѣлыхъ населеній, блуждавшихъ и лишенныхъ имущества. Въ этомъ числѣ было нѣсколько знаменитыхъ фамилій. Стекаясь изъ различныхъ мѣстностей Греціи, онѣ приносили съ собой драгоцѣнныя знанія, бывшія до того разбросанными. Вслѣдствіе сосредоточенія ихъ, возникло то всестороннее умственное движеніе, которое такъ прославило Афины.

Слѣдуетъ также замѣтить, что въ глубокой древности Афины столько же отличались отъ прочихъ греческихъ государствъ широкимъ и строгимъ развитіемъ права, насколько въ болѣе позднюю эпоху онѣ обогнали ихъ успѣхами свободы. Сближая этотъ фактъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это отдаленное время въ цѣлой Греціи одна Аттика пользовалась спокойствіемъ, мы найдемъ въ немъ новое подтвержденіе, что правильное развитіе права возможно только внѣ сильныхъ потрясеній, или когда оно не останавливается противуположнымъ развитіемъ идеи свободы. Вліяніе послѣдней никогда, впрочемъ, не обнаруживается въ первобытную эпоху народа; оно остается чуждымъ еще долгое время послѣ того, какъ установится его общественная жизнь.

Этому огромному скопленію людей недоставало мѣста на такой незначительной территоріи. Тогда они стали выселяться массами: цѣлыя семьи, роды, отдѣльныя колѣна перешли въ

чали гражданскія права, но не могли наслѣдовать имуществу отца, если у послѣдняго были сыновья отъ законнаго брака. (*Dunker*, IV, 234). Они не допускались также къ гимнастическимъ упражненіямъ молодыхъ гражданъ въ лицеѣ и академіи; они упражнялись отдѣльно въ Киносаргѣ. (*Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer von Hermann*, 222). Въ такомъ положеніи находился Фемистоклъ, хотя и происходившій отъ знатнаго афинскаго семейства Ликомидовъ, такъ какъ мать его была иностранка. Когда самосская аристократія приняла во время Пелопонезской войны сторону спартанцевъ, то демократическая или афинская партія этого острова дала торжественное обѣщаніе не допускать браковъ между обѣими партіями. (*Curtius*, II, 584). Такимъ образомъ, запрещеніе браковъ служило между греками и римлянами выраженіемъ отвращенія или, вѣрнѣе, ненависти между различными національностями, сословіями и даже партіями.

Малую Азію, откуда вышли ихъ предки. Направившееся изъ Аттики и состоявшее главнымъ образомъ изъ іонянъ, выселеніе это названо было *іонійскимъ* [1]). За нимъ послѣдовало выселеніе дорійское и эолійское. Всѣ они направились къ Азіи, Италіи, Архипелагу, гдѣ они утвердились открытой силой. Движеніе это происходило впродолженіи многихъ поколѣній, такъ что эллины получили привычку къ переселеніямъ.

Преданіе гласитъ, что Тезей подчинилъ своей власти всѣ участки Аттики. Это было единственное греческое государство, отличавшееся политическимъ единствомъ. Всѣ остальныя, Фессалія, Беотія, Аркадія, Арголида состояли внутри изъ различныхъ союзовъ, образовавшихся между городами и прилегавшими къ нимъ сельскими округами, союзовъ, находившихся почти въ независимости отъ главнаго города [2]). Въ Лаконіи различіе между пришлой военной колоніей и туземнымъ населеніемъ никогда не исчезало. Эти государства сохраняли такую соціальную форму во все время своего существованія. Между ними сильнѣе прочихъ была организована Беотія. Фиванская аристократія съ VI вѣка до Р. Х. съ такой настойчивостью стремилась къ обезпеченію за собой главенства въ странѣ, она такъ строго наблюдала за прочими городами: Орхоменами, Платеей, Феспіей, что сдѣлалась весьма могущественной. Въ этомъ отношеніи Фивы уступали только Спартѣ и Афинамъ. Высшіе классы въ нихъ превосходили въ физическихъ упражненіяхъ самихъ спартанцевъ, а бэотійская конница считалась лучшей и многочисленнѣйшей послѣ фессалійской [3]).

Въ самыя отдаленныя времена въ Аттикѣ были цари, а жители ея раздѣлялись на три класса; *эвпатридовъ* (благородныхъ), *геоморовъ* (земледѣльцевъ) и *деміурговъ* (ремесленниковъ). Первый классъ подраздѣлялся на четыре *филы*, носившія каждая особенное названіе, и владѣвшія опредѣленнымъ количествомъ земли. Эти четыре благородные класса существовали уже, когда Аттика составляла четыре независи-

[1]) *Curtius*, I, 101.
[2]) *Dunker*, III, 101.
[3]) *Dunker*, III, 334.

мыхъ государства [1]). Первая фила—*гелеонтовъ*(блистательныхъ), состояла изъ афинянъ; вторая—*оплитовъ* (воиновъ)—изъ жителей марафонской равнины; къ третьей и четвертой филѣ принадлежало сельское дворянство изъ *аргадовъ* (работниковъ) и горныхъ жителей, *эгикоровъ* (пастуховъ овецъ) [2]). Каждая фила состояла изъ трехъ *фратрій* (братствъ), изъ коихъ каждое состояло изъ тридцати колѣнъ или родовъ [3]); послѣдніе, въ свою очередь, считали у себя каждый по тридцати семействъ, вслѣдствіе чего число ихъ простиралось до 10,800. Цифра эта слишкомъ велика, такъ что трудно допустить, чтобы всѣ эти семейства принадлежали къ классу эвпатридовъ. Кромѣ того, невозможно было бы поддерживать ихъ комплектъ продолжительное время, даже при содѣйствіи усыновленія, которое введено было съ этою цѣлью. Въ это число необходимо должны были входить пользовавшіяся гражданскими правами семейства геоморовъ и деміурговъ.—Какъ бы то ни было, но первое мѣсто въ племени принадлежзло эвпатридамъ [4]). Во главѣ каждой филы стоялъ верховный начальникъ *(филобазилеисъ)*, избиравшійся на всю жизнь или на десять лѣтъ. Эти начальники присоединены были, сначала къ царю, а затѣмъ къ архонтамъ, для участія въ дѣлахъ управленія и суда [5]). Трибуналу, называемому *Ареопагомъ* [6]), состоявшему изъ двѣнадцати членовъ, спеціально былъ порученъ судъ надъ предумышленными убійствами.

[1]) *Dunker*, III, 511.

[2]) Названія эти производятъ также отъ четырехъ сыновей Іона. (*Curtius*, I, 251),

[3]) Главная забота братствъ и родовъ состояла въ наблюденіи за правильнымъ присужденіемъ благороднаго происхожденія и гражданскихъ правъ. *(Hermann*, 188).

[4]) *Curtius*, I, 543. *Dunker*, III, 515.

[5]) Курцій относитъ происхожденіе этой соціальной организаціи къ эпохѣ, слывущей подъ именемъ царствованія Тезея. (I, 249). Дункеръ же — къ эпохѣ, въ которую наслѣдственная монархія превратилась въ избирательную. (III, 510).

[6]) Слово *Ареопагъ* значитъ *холмъ Арея,* бога войны. На холмѣ, находившемся близъ Акрополя, существовалъ древній храмъ, посвященный этому богу; здѣсь то афинскіе цари разбирали въ древнія времена случаи умышленнаго убійства. Когда же дѣло шло объ убійствѣ, дозво-

Всѣ государства Греціи первоначально были монархіями, которыя въ первую эпоху олимпіадъ всѣ почти пали подъ давленіемъ военнаго или благороднаго класса [1]). Особенную силу придавало этому классу то обстоятельство, что составлявшія его лица жили не врозь, подобно рыцарямъ германской расы, но населяли города, и находились въ безпрерывномъ общеніи другъ съ другомъ [2]).

Люди благороднаго происхожденія не одной только страны, но всѣхъ греческихъ государствъ, поддерживали другъ друга, и въ случаѣ надобности могли разсчитывать на помощь Персіи. Между членами благородныхъ сословій господствовало полнѣйшее равенство; рѣшенія принимались ими большинствомъ голосовъ. Они называли себя *единственными добрыми и настоящими гражданами*; прочіе же граждане слыли у нихъ *дурными и подлыми* [3]).

За исключеніемъ римской, греческая аристократія была самая могущественная въ древнемъ мірѣ. Подобно римской, она соединяла съ званіемъ всадника званіе священника: ни у римлянъ, ни у грековъ не было сословія или отдѣльнаго класса жрецовъ. Впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ жертвоприношенія могли совершаться, какъ у однихъ, такъ и у другихъ, одними только благородными [4]).

Въ Спартѣ монархія сохранилась, но послѣдняя заключена была въ самыя тѣсныя границы относительно управленія страны; цари ея продолжали пользоваться только военною властью въ самыхъ широкихъ размѣрахъ [5]).

ленномъ законами и невольномъ, или о приговорѣ надъ отсутствующимъ преступникомъ, то цари совершали судъ то предъ Дельфиніумомъ, то предъ изображеніемъ Паллады, то предъ своимъ дворцемъ, пританеемъ. (*Dunker*, III, 520).

[1]) *Dunker*, III, 588.

[2]) *Dunker*, III, 439.

[3]) *Hermann*, 108.

[4]) Поэтому, молодые эвпатриды получали существенно религіозное воспитаніе. Священная музыка и поэзія служили ему основаніемъ. (*Dunker*, III, 590).

[5]) Молосы въ Эпирѣ тоже удержали форму монархическаго ограниченнаго правленія (*Dunker*, III, 590).

Въ Фессаліи, въ Беотіи, въ Халкидѣ (Эвбеѣ) аристократія отняла власть у царей около VIII вѣка; въ Аргосѣ и въ другихъ странахъ Греціи цари удержались по имени и послѣ этой эпохи, но они лишены были всякой власти, и разыгрывали роль только при жертвоприношеніяхъ, чтобы избѣжать гнѣва боговъ, привыкшихъ къ ихъ присутствію [1]).

Переходъ отъ монархическаго правленія къ аристократическому нигдѣ не совершался съ такой постепенностью и съ такими ничтожными потрясеніями, какъ въ Аѳинахъ. Наслѣдственные цари замѣщены были въ нихъ сначала царями или архонтами, избиравшимися эвпатридами на 10 лѣтъ изъ потомковъ Кодра. Около 712 до Р. Х. объявлено было, что эту должность могутъ занимать всѣ эвпатриды. Въ 682 [2]) произведено было новое измѣненіе въ правленіи. Ежегодно стали избираться девять архонтовъ, между которыми распредѣлена была верховная власть.—Первый архонтъ пользовался особеннаго рода главенствомъ въ государствѣ, и преимущественно считался представителемъ исполнительной власти. Второй, носившій титулъ царя и внѣшніе знаки царскаго достоинства [3]), руководилъ религіозными церемоніями; третій предводительствовалъ войскомъ, и назывался полемархомъ. Остальные шесть носили имя *тесмотетовъ* (стражей священнаго права), и завѣдовали дѣлами правосудія [4]).

Такимъ образомъ, верховная власть или общее правительство было отдѣлено отъ военной власти и судебной, а также

---

[1]) Положеніе ихъ сходно было съ положеніемъ въ Римѣ *царя жертвоприношеній (rex sacrorum)*, вся роль котораго ограничивалась присутствіемъ при священнодѣйствіи. Онъ былъ на лицо, но въ жертвоприношеніи не принималъ никакого участія.

[2]) *Dunker*, IV, 149.

[3]) Знаки эти были: миртовый вѣнокъ и сандаліи, называвшіяся *базилидами*. Миртовый вѣнокъ былъ символомъ неприкосновенности; вотъ почему его возлагали на голову оратора, говорившаго къ народу. (*Hermann*, 245).

[4]) Въ Греціи никогда не существовало строгаго отдѣленія административной власти отъ судебной. (*Hermann*, 99). Тесмотеты стояли во главѣ судебной власти, но и прочіе архонты, ареопагъ, совѣтъ, гелиея тоже пользовались весьма широкой судебной властью.

и отъ религіозной. Но это раздѣленіе обусловливалось практическими выгодами, а не было результатомъ какой нибудь теоріи или научныхъ соображеній; ибо ни греки, ни римляне вовсе не останавливали своего вниманія на томъ значеніи, какое имѣетъ раздѣленіе властей.

Во время этого преобразованія вся Аттика раздѣлена была на 48 навкрарій или участковъ, изъ коихъ каждая обязывалась поставить трирему и контингентъ сухопутныхъ войскъ. Эвпатриды каждой навкраріи избирали одного *притана*. Эти 48 притановъ, вмѣстѣ съ естественнымп своими вождями, четырьмя начальниками филъ, составляли совѣтъ съ весьма обширной властью. Такимъ образомъ, навкраріи были территоріальные участки, служившіе основаніемъ для распредѣленія общественныхъ должностей и для образованія той власти, которой пользовался совѣтъ; но это территоріальное раздѣленіе не касалось филъ, фратрій и родовъ, которые оставались неприкосновенными.

Итакъ, эвпадриды, съ одной стороны, захватили въ свои руки всю царскую власть, а съ другой, угнетали низшіе классы. Они разоряли земледѣльцевъ налогами, поглощавшими пять шестыхъ ихъ дохода, такъ что положеніе послѣднихъ было хуже положенія несчастныхъ спартанскихъ илотовъ. Такъ какъ земледѣльцамъ было не въ моготу уплачивать всѣ повинности, то они впали въ неоплатные долги передъ эвпатридами, которые завладѣли наконецъ ихъ землями [1]).

Такой порядокъ вещей естестественно долженъ былъ породить страшное неудовольствіе между населеніемъ, и вызвать въ немъ желаніе имѣть писанные законы. До сихъ поръ эвпатриды, державшіе въ своихъ рукахъ правосудіе, руководствовались только обычаями, которые они толковали по своему усмотрѣнію. — Афинскіе олигархи уступили народному желанію, съ намѣреніемъ наказать свои жертвы за то, что онѣ осмѣлились высказать его. *Драконъ*, избранный въ 620 первымъ архонтомъ, получилъ порученіе написать законы. Изданные законы нетолько служатъ выраженіемъ воззрѣній этой

---

[1]) *Dunker*, III, 527.

эпохи, суровой самой по себѣ, но даже пошли еще далѣе относительно крайней своей строгости [1]).

Народъ приведенъ былъ въ отчаяніе. Килонъ хотѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ умовъ, чтобы захватить верховную власть. При содѣйствіи войскъ тестя своего, мегарскаго тирана [2]), онъ овладѣлъ Акрополемъ. Но такой поступокъ, по характеру своему, долженъ былъ уязвить національную щекотливость афинянъ; вооруженный народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ, чтобы отразить иностранное вторженіе: сторонники Килона были перебиты у самаго подножія алтарей. Эвпатриды осквернили себя этимъ святотатствомъ, вызвавшимъ негодованіе народа, прославившагося своимъ энтузіазмомъ въ дѣлахъ религіи. Революція была неизбѣжна. Тогда Солонъ предложилъ враждовавшимъ партіямъ свое посредничество, чтобы привести ихъ къ примиренію.

Онъ одинъ въ состояніи былъ исполнить такую задачу. Великій по своему генію, знаменитый по происхожденію [3]), Солонъ былъ любимцемъ народа за щедрость, которую расточалъ предъ нимъ. По своему общественному положенію онъ принадлежалъ къ аристократіи, но всѣ его симпатіи были на сторонѣ угнетенныхъ. Всѣмъ были извѣстны его благородныя

---

[1]) Многіе изъ законовъ Дракона извѣстны; это различнаго рода уголовныя постановленія: между ними находились *атимія*, или лишеніе гражданскихъ правъ, и пени въ 20 штукъ рогатаго скота, которыя могли выплатить развѣ одни богатые. Кража овощей или плодовъ, а также и многія другія незначительныя преступленія наказывались смертью. Согласно со многими древними законодательствами, несостоятельный должникъ приговаривался къ рабству до уплаты долга или на всю жизнь; одно только драконовское законодательство давало право заимодавцу продать несостоятельнаго должника на вывозъ изъ страны, что дѣлало изъ послѣдняго настоящаго раба.

Драконъ дозволилъ также отцу продавать дѣтей для уплаты своего долга, а опекуну продавать своего питомца: все это было въ интересахъ эвпатридовъ. (*Duncker*, IV, 155).

[2]) Слово *тиранъ* лидійскаго происхожденія, и значило просто государь. Эллины обозначали этимъ именемъ людей, захватившихъ верховную власть и пользовавшихся ею по примѣру восточныхъ деспотовъ. (*Curtius*, I, 204).

[3]) Солонъ былъ потомокъ Кодра.

побужденія; всѣ партіи имѣли къ нему довѣріе. Къ тому же, обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали его намѣренію. Эвпатриды готовы были на уступки, потому что были перепуганы, ибо въ эту эпоху во всей Греціи народы находились въ какомъ то ослѣпленіи, и передавали власть тиранамъ, чтобы освободиться отъ гнета аристократовъ [1]).

Избранный эвпатридами въ 594 первымъ архонтомъ, Солонъ нашелъ свое исключительное назначеніе «въ установленіи мира между благородными и народомъ [2]), чтобы вызвать тѣмъ самымъ необходимость законовъ». Но прежде всего необходимо было очиститься отъ святотатства, совершеннаго убійствомъ приверженцевъ Килона. Дѣло искупленія поручено было Эпименіду Критскому, прославившемуся своими добродѣтелями и искуствомъ въ дѣлѣ очищенія. Ему удалось успокоить умы афинянъ, и разсѣять ихъ опасенія гнѣва боговъ.

Солонъ установилъ болѣе тѣсныя границы для чрезмѣрнаго развитія права, въ особенности же, для отцевской власти. Послѣдняя никогда не достигала въ Греціи такихъ размѣровъ, какъ въ Римѣ. Въ Афинахъ, даже въ эпоху монархіи, каждый гражданинъ могъ подать царю жалобу на своего отца [3]). Афинскій гражданинъ не распоряжался, подобно римскому отцу семейства, жизнью своихъ дѣтей до конца своей жизни; ему принадлежала ихъ жизнь только одинъ разъ, въ минуту ихъ рожденія. Новорожденнаго приносили къ ногамъ отца; если

[1]) Тираны недолго существовали въ Греціи. Извѣстны только двѣ династіи, удержавшіяся дольше двухъ поколѣній: это были *Ортагориды* въ Сикіонѣ и *Кипселиды* въ Коринѳѣ. (*Hermann*, 119).

[2]) Подъ словомъ народъ, когда рѣчь идетъ о Греціи или Римѣ, слѣдуетъ разумѣть всю массу гражданъ. Въ настоящемъ случаѣ слово народъ относится ко всѣмъ гражданамъ не эвпатридамъ, то есть, къ *метоикамъ* (кліентамъ), болѣе многочисленнымъ въ Аѳинахъ, чѣмъ гдѣ либо въ иной мѣстности Греціи (*Hermann*, 217), и къ еще болѣе многочисленнымъ рабамъ. Ни тѣ, ни другіе не имѣли никакихъ политическихъ правъ. Вотъ почему также, подъ выраженіемъ «народное собраніе» всегда слѣдуетъ разумѣть собраніе гражданъ, ибо одни только граждане имѣли право принимать въ нихъ участіе. Если же иногда проникали въ собранія другіе люди, то это дѣлалось или украдкой, или же было злоупотребленіемъ.

[3]) *Dunker*, III, 267.

послѣдній поднималъ его, то тѣмъ самымъ признавалъ его, и затѣмъ уже не имѣлъ права лишить его жизни. Но если онъ оставлялъ его на землѣ, то ребенокъ долженъ былъ быть подкинутъ кому нибудь [1]). Обычай подкидывать новорожденныхъ дѣтей былъ, впрочемъ, распространенъ во всей Греціи, за исключеніемъ Фивъ, гдѣ это запрещено было подъ страхомъ смерти [2]). Если афинскій отецъ семейства умиралъ, оставляя малолѣтнихъ дѣтей, то послѣднія поступали подъ опеку ближайшаго его родственника мужескаго пола; но между отцемъ покойника и братомъ, преимущество отдавалось послѣднему [3]). Уже одна эта черта показываетъ, какая разница существовала въ отцевской власти въ Афинахъ и въ Римѣ, въ которомъ внукъ составлялъ такую же собственность отца семейства, какъ и сынъ.

Власть гражданина надъ рабомъ еще болѣе ограничивалась въ Афинахъ, сравнительно съ Римомъ. Въ Афинахъ убійство раба или дурное обращеніе съ нимъ наказывалось также строго, какъ если бы дѣло шло о свободномъ человѣкѣ. Рабъ могъ быть лишенъ жизни не иначе, какъ по приговору суда. Ему можно было бѣжать отъ жестокосердаго господина, и укрыться въ храмѣ Тезея, въ которомъ онъ могъ потребовать продажи его другому. Кажется даже, что хозяинъ обязанъ былъ отпускать на волю раба, за котораго вносили закономъ опредѣленный выкупъ [4]). Эллины вообще человѣколюбиво обращались съ своими рабами; они признавали за ними нѣкоторыя гражданскія права, между прочимъ, законность ихъ браковъ, чего никогда не дѣлали римляне [5]).

Солонъ уменьшилъ долги недостаточныхъ гражданъ, и объявилъ отмѣненными всѣ долги, «сдѣланные подъ залогъ собственнаго тѣла»; вслѣдствіе чего, граждане, обращенные въ рабство, были освобождены. Что же касается до долговъ, совершенныхъ подъ закладъ собственности, то они были по-

---

[1]) *Dunker*, IV, 240.
[2]) *Hülmann*, *Staatsrecht des Alterthums*, 44.
[3]) *Dunker*, IV, 262.
[4]) *Hermann*, I, 215.
[5]) *Mommsen*, I, 24.

нижены посредствомъ измѣненія достоинства монеты.—Отцу и опекуну запрещено было продавать сына или питомца, и объявлена была смертная казнь тому, кто осмѣлится продать афинскаго гражданина.

Солонъ ввелъ также свободный принципъ въ сплошную массу родовыхъ имуществъ, дозволивъ гражданамъ, неимѣвшимъ законныхъ дѣтей, распоряжаться своей собственностью путемъ завѣщаній, между тѣмъ какъ до этого она считалась неотчуждаемой. Для воспрепятствованія поглощенія мелкихъ поземельныхъ участковъ большими, онъ опредѣлилъ наибольшее количество земли, какое можетъ быть во владѣніи одного лица. Всѣ эти постановленія закона извѣстны подъ общимъ именемъ *Сезахтеи*, то есть, «облегченія повинностей».

На слѣдующій годъ Солонъ назначенъ былъ законодателемъ съ титуломъ «распорядителя государственнаго устройства и законодателя, съ правомъ сохранить тѣ изъ существующихъ законовъ, которые онъ найдетъ хорошими, и отмѣнить другіе» [1]).

Дѣло, совершенное Солономъ, дало ему право на славу величайшаго государственнаго человѣка древняго міра: цѣль его была достигнута примиреніемъ и посредничествомъ. Онъ старался установить равновѣсіе между различными классами общества, но достигнуть этого не могъ иначе, какъ отмѣной установленныхъ правъ, «скрѣпляя супружескими узами насиліе съ правомъ» по собственному его выраженію. Онъ надѣялся упрочить соглашеніе, достигнутое имъ между партіями [2]), устроивъ его на такой умѣренности и равноправ-

---

[1]) *Duncker*, IV, 181.

[2]) Въ Аѳинахъ всегда было гораздо болѣе партій, чѣмъ въ какой либо другой странѣ Греціи; но за то партіи эти были болѣе подвижны, и не имѣли того консервативнаго характера, какимъ онѣ отличались въ Лаконіи, напримѣръ, въ которой партіи группировались по національностямъ. Въ эту эпоху предводители всѣхъ партій въ Аѳинахъ всегда были эвпатриды, что̀ свидѣтельствуетъ объ уваженіи, которымъ пользовался этотъ классъ гражданъ (*Curtius*, I, 283).

Недовольные эвпатриды образовали общества, называвшіяся *гетеріями*, имѣвшія каждое свой лозунгъ. Общество, къ которому принадлежалъ, напримѣръ, Ѳемистоклъ, имѣло лозунгомъ «Война Персіи».

ности, какія только допускались тогдашними обстоятельствами. «Я далъ афинянамъ не лучшіе законы, говорилъ онъ, но лучшіе изъ тѣхъ, какіе могли быть приняты ими». Законодательство Солоно заслуживаетъ тѣмъ бо̀льшаго удивленія, что оно было первымъ въ этомъ родѣ, ибо онъ не имѣлъ инаго руководителя при составленіи ихъ, кромѣ собственнаго здраваго смысла. И несмотря на это, учрежденія его до такой степени соотвѣтствовали своему назначенію, что они оставались основой общественной организаціи Афинъ среди всѣхъ совершавшихся въ нихъ переворотовъ [1]).

Солонъ положилъ предѣлъ всякому превышенію власти, всѣмъ злоупотребленіямъ, въ которыхъ обвиненъ былъ привилегированный классъ, и доставилъ прочимъ классамъ участіе въ управленіи страной. Но это было болѣе въ принципѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; въ дѣйствительности власть оставалась въ рукахъ эвпатридовъ. Солономъ постановлено было, что на будущее время политическія права гражданъ будутъ зависѣть не отъ происхожденія, а отъ обладанія поземельной собственностью, но такъ какъ эвпатриды были самые значительные землевладѣльцы въ странѣ, то на первое время положеніе ихъ нисколько не измѣнилось. Тѣмъ неменѣе, новый принципъ, введенный Солономъ въ политическое устройство Афинъ, не могъ не произвесть переворота неизбѣжными своими послѣдствіями, оказывавшими только медленное и постепенное дѣйствіе. Имѣя противъ себя всемогущую аристократію, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ злоупотреблявшую своимъ положеніемъ, Солонъ не могъ рѣшиться на радикальное преобразованіе; но онъ, повидимому, прекрасно понималъ, что цѣль, имѣвшаяся имъ въ виду, могла быть достигнута только развитіемъ принципа, который удалось ему провести. И онъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ [2]).

(*Curtius,* II, 15). Аристотель приводитъ слѣдующую присягу, приносившуюся въ одной изъ гетерій: Клянусь во враждѣ къ народу и въ причиненіи ему вреда всѣми возможными средствами». *Hermann,* 128). Впослѣдствіи гетеріи получили огромное политическое значеніе.

[1]) *Dunker,* IV, 224.

[2]) Изъ греческихъ законодателей одинъ только Солонъ признавалъ,

Солонъ раздѣлилъ всѣхъ гражданъ Аттики на четыре класса, смотря по получаемому ими чистому доходу съ своихъ земель ячменемъ [1]), масломъ и виномъ. Первый классъ состоялъ изъ людей, получавшихъ ежегоднаго дохода 500 мѣръ ячменя, масла или вина [2]). Второй классъ составляли граждане, получавшіе отъ 300 до 500 мѣръ; годовой доходъ гражданъ третьяго класса составлялъ 150 до 300 мѣръ; и наконецъ, четвертый классъ состоялъ изъ гражданъ, получавшихъ съ своихъ земель менѣе 150 мѣръ, или вовсе неимѣвшихъ земли. Они назывались *тетами* (поденщиками), и что̀ было замѣчательно, классъ этотъ составлялъ все населеніе городовъ: ремесленники, купцы, моряки, какъ бы велики ни были ихъ капиталы или движимое имущество. Матерьяльной основой общественнаго устройства, основаннаго Солономъ, была одна только поземельная собственность.

что общественныя учрежденія должны измѣняться со временемъ, если въ нихъ допущенъ будетъ принципъ свободы. Учрежденія же, дарованныя имъ афинянамъ, допускали этотъ принципъ въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Но онъ указалъ въ то же время, какимъ образомъ слѣдуетъ приступать къ этимъ послѣдовательнымъ преобразованіямъ. Одинъ только совѣтъ имѣлъ право почина въ измѣненіи существующаго закона. Предложеніе, сообщенное имъ по этому предмету народному собранію, должно было быть изслѣдовано комитетомъ *номотетовъ* (законодателей), число которыхъ доходило иногда до тысячи. Они избирались гражданами. Шесть архонтовъ тесмотетовъ предсѣдательствовали въ этомъ комитетѣ, который рѣшалъ, принять или отвергнуть предложеніе, сдѣланное совѣтомъ.

Прочіе законодатели Греціи воображали, что создаютъ незыблемыя общественныя учрежденія. *Ликургъ* заставилъ поклясться спартанцевъ, что они ничего не измѣнятъ въ его законахъ до его возвращенія, и не возвращался болѣе. *Залевкъ* постановилъ, что если кто потребуетъ измѣненія закона, то долженъ явиться передъ народомъ съ веревкой на шеѣ, чтобы быть немедленно задушеннымъ, если предложеніе его будетъ отвергнуто. *Хелонъ*, самъ введшій важныя измѣненія въ конституціи Ликурга, прервалъ свои близкія сношенія съ Солономъ, какъ только узналъ, что послѣдній допускаетъ возможность перемѣны въ устанавливаемомъ имъ соціальномъ устройствѣ. (*Dunker*, IV, 220).

[1]) Ячмень составлялъ главную пищу эллиновъ.

[2]) Ячмень мѣрился медимнами; масло и вино—метретами; 500 медимновъ равны почти 900 гектолитрамъ.

На землевладѣльцевъ перваго класса, называвшихся по величинѣ своего дохода *пентакозіомедимнами*, исключительно пало съ этого времени бремя, которое до того лежало на всемъ народѣ, а именно—поставка и содержаніе триремъ отъ каждой навкраріи. Они распредѣляли между собой расходы на этотъ предметъ, или принимали ихъ на себя поочередно. На нихъ же лежала обязанность содержать хоры для божественной службы, и расходы по религіознымъ процессіямъ, торжественнымъ посольствамъ въ священныя мѣста прочихъ странъ, а также расходы по угощенію въ празденства, совершаемыя въ филахъ. Граждане втораго класса—*гиппеи* (всадники), обязаны были, въ случаѣ войны, явиться каждый на конѣ въ сопровожденіи оруженосца. Третій классъ *зеугиты* [1]), составляли тяжелую пѣхоту, оплитовъ. *Теты* обязаны были сражаться только во время вторженія въ страну непріятеля.

Обыкновенные доходы государства состояли изъ таможенныхъ сборовъ, изъ доходовъ, доставлявшихся серебреными рудниками, государственными имуществами, и изъ подати съ иностранцевъ *(метоиковъ)* [2]). Доходовъ этихъ было достаточно для покрытія обыкновенныхъ расходовъ. Когда приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ сборамъ, то налогъ на низшіе классы уменьшался не только соотвѣтственно съ меньшимъ ихъ доходомъ, но съ каждаго класса дѣлалась еще особенная сбавка. Если, напримѣръ, сборъ производился въ два процента съ дохода, то одни только *пентакозіомедимны* выплачивали сполна по 120 драхмъ; всадники платили только 60, вмѣсто 72 драхмъ, которыя пришлось бы имъ выплатить соразмѣрно съ ихъ доходомъ; такимъ образомъ, сбавка составляла для нихъ одну шестую. Зеугиты пользовались еще болѣе значительной сбавкой, потому что, вмѣсто 36, они платили всего 20 драхмъ [3]). Теты были освобождены отъ всякаго прямаго налога.

---

[1]) Они назывались такъ, потому что имъ необходимо было имѣть для полевыхъ работъ упряжь для муловъ—*Зеугосъ*. (*Dunker*, IV, 190).

[2]) Они были обязательными кліентами аѳинскихъ гражданъ.

[3]) *Dunker*, IV, 192.

Такимъ образомъ, богатые афинскіе поземельные собственники обременены были тѣмъ бо̀льшими налогами, чѣмъ болѣе облегчены были прочіе классы гражданъ. Въ этомъ отношеніи Солономъ обезпечены за низшими классами огромныя преимущества.

Взамѣнъ этого, онъ постановилъ, что одни только пентакозіомедимны могли занимать высшія правительственныя должности, именно, архонтовъ. Но послѣдніе избирались уже не одними только эвпатридами, а всѣми четырьмя классами гражданъ въ народныхъ собраніяхъ. Это самая либеральная черта конституціи Солона. Тѣмъ неменѣе, на самомъ дѣлѣ, мѣста архонтовъ оставались во власти эвпатридовъ, потому что, за немногими исключеніями, они составляли классъ пентакозіомедимновъ.

До этого времени въ Аѳинахъ было два совѣта: одинъ состоялъ изъ начальниковъ 360 колѣнъ или родовъ эвпатридовъ, но онъ созывался рѣдко; въ другомъ собирались, подъ предсѣдательствомъ предводителей филъ, 48 притановъ, избиравшихся въ навкраріяхъ. Солонъ замѣнилъ два эти совѣта однимъ, состоявшимъ изъ 400 членовъ, избиравшихся четырьмя филами по 100 отъ каждой. Эти 100 членовъ составляли одинъ изъ четырехъ отдѣловъ совѣта, изъ коихъ каждый исправлялъ свою должность три мѣсяца, и назывался въ такомъ случаѣ *пританіей*. Чрезъ каждые три мѣсяца одинъ изъ отдѣловъ совѣта поочередно смѣнялся другимъ. Каждый гражданинъ изъ первыхъ трехъ классовъ могъ быть избранъ въ совѣтъ, но на дѣлѣ и эти мѣста занимались почти исключительно эвпатридами, такъ какъ съ этими мѣстами не было соединено никакого жалованія.

На обязанности новаго, какъ и стараго, совѣта лежало общее управленіе: приведеніе въ исполненіе его постано̀вленій принадлежало архонтамъ. Онъ завѣдывалъ иностранными дѣлами и финансами, назначалъ ежегодно количество государственныхъ расходовъ и доходовъ; ему же принадлежалъ починъ въ законодательствѣ.

Первый архонтъ во главѣ совѣта предсѣдательствовалъ въ народномъ собраніи гражданъ. Въ послѣднемъ прочиты-

валось рѣшеніе, принятое совѣтомъ; глашатый приглашалъ поднять руку тѣхъ, которые были согласны съ нимъ; затѣмъ, онъ приглашалъ къ тому же гражданъ, несогласныхъ съ сдѣланнымъ предложеніемъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ глашатаи считали голоса. Если большинство было согласно, законъ проходилъ; въ противномъ случаѣ начинались пренія. Прежде всего говорили граждане, имѣвшіе болѣе пятидесяти лѣтъ, а за ними—другіе. Но никто не имѣлъ права говорить о предметѣ, неотносящемся къ вопросу, ни говорить болѣе одного раза [1]).

Граждане собирались акуратно четыре раза въ годъ, при вступленіи въ обязанности новой *пританіи*. Но, кромѣ этихъ, были еще и чрезвычайныя собранія [2]).

Народное собраніе пользовалось также и высшей судебной властью. Архонты ежегодно назначали по жребію изъ каждой изъ 4 филъ по 1,000 гражданъ, имѣвшихъ болѣе 30 лѣтъ отъ роду. Эти 4,000 гражданъ составляли судебный трибуналъ подъ предсѣдательствомъ архонтовъ-тесмотетовъ, стоявшихъ во главѣ судебнаго управленія. Собраніе это называвалось *Геліеей*, въ отличіе отъ всеобщаго народнаго собранія — *Эклезіи*. Всякій гражданинъ, приговоренный къ какому бы то ни было наказанію, имѣлъ право обратиться къ суду Геліеи, представлявшей высшую судебную инстанцію [3]). Граждане имѣли также право жаловаться въ этотъ трибуналъ на всякое должностное лице въ теченіи мѣсяца по сложеніи имъ своего достоинства. Геліея могла призвать къ своему суду отвѣтчика, и наложить на него наказаніе или приговорить его къ уплатѣ протырей и убытковъ.

Въ вознагражденіе той власти и значенія, какія отняты были новыми учрежденіями у эвпатридовъ, Солонъ создалъ для нихъ новую власть, преобразовавъ съ этою цѣлью арео-

---

[1]) *Dunker*, IV, 201.

[2]) Позже, когда число пританій увеличено было Клисѳеномъ до 10, и когда онѣ стали чередоваться десять разъ въ годъ, на столько же стали чаще созываться и обыкновенныя народныя собранія.

[3]) За исключеніемъ, впрочемъ, высшей во всѣхъ отношеніяхъ власти, признанной Солономъ за членами ареопага.

пагъ. Въ самыя отдаленныя времена это былъ верховный трибуналъ страны по уголовнымъ дѣламъ. Сначала въ немъ засѣдали наслѣдственные цари, окруженные своими геронтами [1]), потомъ выборные цари съ своими совѣтниками, и наконецъ, архонты-правители съ пританами и эфетами [2]). По законамъ Солона, архонты, по прекращеніи своихъ обязанностей, вступали въ ареопагъ, а такъ какъ всѣ они были пентакозіомедимны, то это постановленіе сосредоточивало въ одномъ учрежденіи избраннѣйшихъ людей этого класса. Ареопагъ оставался попрежнему верховнымъ уголовнынъ судомъ, но Солонъ придалъ ему еще и произвольную власть, чрезъ что онъ получилъ совершенно иное значеніе. Подобно цензорамъ, учрежденнымъ въ Римѣ въ позднѣйшую эпоху, члены ареопага получили право наблюдать въ государствѣ за всѣмъ, за гражданами, какъ и за учрежденіями, руководствуясь въ этомъ дѣлѣ одними только собственными убѣжденіями. Они вмѣшивались во всѣ явленія общественной жизни, во всѣ поступки частной жизни, наблюдали за дѣлами религіи и за законами, а также и за воспитаніемъ юношества. Всѣ преступленія, всѣ проступки, даже всѣ нарушенія нравственности, ускользнувшіе изъ подъ контроля законовъ, подпадали подъ судъ ареопага. Моты и лѣнивцы обязаны были отдавать ему отчетъ въ своемъ поведеніи. Во всей Греціи никто не могъ быть привлеченъ къ суду иначе, какъ вслѣдствіе жалобы или обвиненія; одинъ только ареопагъ имѣлъ право начать судебное преслѣдованіо противъ всякаго, кто показался ему виновнымъ. Онъ призывалъ къ своему суду всѣ должно-

---

[1]) Въ древнѣйшія времена геронтами назывались въ Аѳинахъ люди, избиравшіеся въ монархическій періодъ царями между эвпатридами, для суда надъ убійствами, когда цари не могли творить суда сами. (*Dunker*, III, 268).

[2]) До реформы, произведенной Дракономъ, къ архонту-правителю присоединялись предводители филъ для суда надъ убійствами. Драконъ передалъ эти обязанности судьямъ, называвшимся *эфетами* и избиравшимся въ навкраріяхъ вмѣстѣ съ пританами. (*Dunker*, IV, 152). Различные случаи убійствъ судились не архонтами-тесмотетами, а архонтомъ-правителемъ, такъ какъ случаи эти требовали религіознаго очищенія, лежавшаго на обязанности архонта-правителя.

стныя лица, и между тѣмъ какъ послѣднія должны были отвѣчать за всѣ свои поступки, члены ареопага были неотвѣтственны и несмѣняемы. Ареопагъ могъ кассировать всякое рѣшеніе, какъ совѣта, такъ и народнаго собранія; словомъ, онъ пользовался по закону неограниченной и произвольной властью [1]).

Понятно, что за подобное вознагражденіе эвпатриды согласились пожертвовать своими древними преимуществами. Такая жертва могла показаться даже болѣе кажущейся, чѣмъ дѣйствительной, такъ какъ могущество ихъ, повидимому, не уменьшилось, и продолжалось только въ другой формѣ. Однако же, какъ только измѣнена была опиравшаяся на преданія основа ихъ власти, то она не могла уже получить прежняго значенія.

Учрежденіямъ Солона не удалось окрѣпнуть: признанное за гражданами право участвовать въ выборахъ и отвѣтственность правительственныхъ лицъ предъ геліеей остались призрачными [2]).

Клисфенъ, представитель великаго рода алкмеонидовъ, убѣдился, что не было инаго средства добиться отъ эвпатридовъ честнаго исполненія реформы, какъ отнявъ у нихъ бо̀льшую часть власти, чѣмъ это сдѣлано было Солонамъ. Послѣдній не коснулся вѣковой организаціи филъ, составлявшей всю ихъ силу. Клисфенъ оставилъ въ этой организаціи только то, что̀ относилось къ религіи, къ веденію списковъ родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, и уничтожилъ въ ней все, что̀ имѣло политическое значеніе и обезпечивало за эвпатридами преобладаніе въ государствѣ. Организація филъ, фратрій и родовъ опиралась на числа, считавшіяся священными. Клисфенъ замѣнилъ ихъ десятичной системой. Вся страна раздѣлена была на десять новыхъ филъ, сохранившихъ отъ прежнихъ одни только имена: это были простыя территоріальныя раздѣленія. Каждая изъ новыхъ филъ состояла изъ десяти участковъ — *деменовъ* [3]). Два демена составляли навкрарію.

[1]) *Dunker*, IV, 217.

[2]) *Dunker*, IV, 300.

[3]) Слово *демосъ* съиздавна существовало въ Аттикѣ, и употребля-

Онъ перенесъ центръ тяжести общественной власти изъ архонтата, состоящаго изъ эвпатридовъ, въ совѣтъ, въ которомъ засѣдали граждане трехъ высшихъ классовъ. Ключи отъ Акрополя и архивы, а также большая государственная печать были отняты у перваго архонта, и переданы *эпистату* [1]). Послѣдній занялъ мѣсто перваго архонта какъ въ совѣтѣ, такъ и въ народныхъ собраніяхъ. Управленіе финансами перешло изъ рукъ перваго архонта къ десяти казначеямъ, избиравшимся изъ пентакозіомедимновъ, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы ихъ имуществомъ гарантировать ихъ поведеніе. За первымъ архонтомъ остались только почести, присвоенныя его сану. Власть архонта-полемарха была ограничена присоединеніемъ къ нему десяти стратеговъ, избиравшихся филами. Власть архонтовъ-тесмотетовъ тоже была уменьшена. Солонъ дозволилъ апеллировать на ихъ приговоры только въ важныхъ случаяхъ; Клисфенъ разрѣшилъ это во всѣхъ случаяхъ. Онъ ничего не измѣнилъ въ положенія одного только архонта-правителя, такъ какъ это значило бы коснуться вопроса религіи.

Чтобы совѣтъ соотвѣтствовалъ новому порядку вещей, число его членовъ доведено было до 500. Каждая фила ежегодно назначала въ него по пятидесяти человѣкъ. Эти десять отдѣловъ его чередовались въ исправленіи обязанностей, подобно четыремъ отдѣламъ совѣта Солона. Подобно послѣднимъ, они носили названіе пританій впродолженіи 35 или 36 дней ихъ управленія.

Такъ какъ кругъ дѣятельности геліеи увеличился, то число присяжныхъ доведено было до 5,000 съ 1,000 запасныхъ; они раздѣлены были на 10 отдѣленій по 500 человѣкъ въ каждомъ. Каждый изъ отдѣловъ составилъ отдѣльный, самостоятельный трибуналъ [2]). Такъ какъ обязанности присяжныхъ

лось для обозначенія то древнихъ городовъ, то поземельныхъ участковъ, принадлежавшихъ великимъ родамъ Бутадовъ, Эталидовъ, Пайонидовъ, и проч. (*Curtius*, I, 311).

[1]) *Эпистатъ* предсѣдательствовалъ въ пританіи, и смѣнялся ежедневно; пританы кидали жребій, кому изъ нихъ исполнять эту обязанность въ каждый данный день.

[2]) *Dunker*, IV, 470.

хорошо вознаграждались, то онѣ доставляли нуждавшимся афинянамъ самыя легкія средства для существованія. Вотъ почему афиняне ревностно посѣщали судебныя засѣданія. Утромъ, когда присяжные большими толпами отправлялись въ суды, цѣлый городъ принималъ видъ огромнаго трибунала [1]).

Клисфенъ нанесъ еще болѣе чувствительный ударъ аристократіи: послѣдняя захватила въ свои руки всѣ государственныя должности, посредствомъ вліянія, оказываемаго ею въ народныхъ собраніяхъ. Для отстраненія этого вліянія Клисфенъ измѣнилъ способъ назначенія на общественныя должности, замѣнивъ выборы жребіемъ между конкурентами [2]).

Всѣ граждане объявлены были способными для занятія общественныхъ мѣстъ, съ однимъ только условіемъ, чтобы они принадлежали къ одному изъ трехъ высшихъ классовъ. Избраніе ихъ было отдано подъ покровительство боговъ, и принималось за выраженіе ихъ воли [3]).

---

[1]) *Curtius*, II, 184.

[2]) Гротъ распространилъ мнѣніе, что назначеніе на общественныя должности посредствомъ жребія не было извѣстно въ Аѳинахъ до эпохи Перикла. Дункеръ полагаетъ, что обычай этотъ былъ введенъ Аристидомъ. (*Dunker*, IV, 475). Курціи приписываетъ это нововведеніе Клисфену, и подтверждаетъ свое мнѣніе ссылкой на Геродота, который положительно говоритъ, что въ сраженіи при Марафонѣ, полемархъ назначенъ былъ по жребію. (*Curtius*, I, 546). По вопросу греческой исторіи, во всякомъ случаѣ можно положиться предпочтительнѣе на Геродота, если достовѣрность мѣста его книги никѣмъ не оспаривается. Назначеніе должностныхъ лицъ по жребію съ самыхъ древнихъ временъ употреблялось въ Аѳинахъ, и подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что такимъ образомъ назначался *Гіеромнемонъ*—представитель Аѳинъ въ Дельфійскомъ амфиктіоновомъ судилищѣ. (*Hermann*, 31).

[3]) Киданіе жребія совершалось посредствомъ бобовъ, черныхъ и бѣлыхъ. Сократъ и Пиѳагоръ осуждали это учрежденіе. Вотъ почему послѣдній говорилъ фигурально, что слѣдуетъ воздерживаться отъ употребленія бобовъ.—Выраженіе это вызвало множество ошибочныхъ толкованій, вслѣдствіе того, что упускался изъ виду историческій фактъ, къ которому оно относилось. Эмпедоклъ, ученикъ Пиѳагора, употребилъ, по примѣру учителя, такое же сравненіе, только болѣе ясное: «не трогайте бобовъ», говорилъ онъ. Аристофанъ прекрасно понялъ смыслъ Пиѳагоровой шутки, ибо называлъ *ѣдоками бобовъ* людей, домогавшихся общественныхъ должностей. (*Hüllmann*, 137).

Впрочемъ, не всѣ общественныя должности раздавались по жребію. Мѣста стратеговъ всегда были избирательными, вслѣдствіе чего значеніе ихъ все возрастало, тогда какъ должности, отдававшіяся по жребію все болѣе и болѣе падали въ общемъ мнѣніи. Въ эпоху Перикла стратегамъ принадлежало высшее начальство надъ сухопутными и морскими силами и управленіе иностранными дѣлами; они назначали день, въ который желали представить народу чужеземныхъ пословъ, и могли даже распускать народныя собранія, если послѣднія получали мятежный характеръ [1]). Десять казначеевъ тоже подъ конецъ замѣщены были однимъ, избиравшимся на четыре года, и, по истеченіи ихъ, имѣвшимъ право снова быть избраннымъ. *(Curtius,* II, 187).

Къ довершенію своихъ преобразованій, Клисфенъ далъ болѣе широкое значеніе правамъ гражданина. Ремесленники, горожане всякаго рода допущены были въ филы, но съ другой стороны, на нихъ наложена была обязанность носить оружіе.

Къ преобразованіямъ, совершеннымъ Клисфеномъ, слѣдуетъ присовокупить остракизмъ, введенный въ его время и вѣроятно подъ его покровительствомъ [2]). Это учрежденіе было не иное что̀, какъ произволъ, облеченный въ законную форму, и пригодный для одной только интриги. Достаточно было, чтобы кто нибудь, по общественному своему положенію, богатству, талантамъ, даже добродѣтелямъ, вызвалъ опасенія въ предводителѣ какой нибудь партіи, чтобы подвергнуться изгнанію на основаніи приговора 6,000 гражданъ. Гнусность подобной мѣры старались ослабить тѣмъ, что она не могла касаться ни добраго имени, ни имущества изгнаннаго, и что само изгнаніе продолжалось не болѣе десяти лѣтъ. Предполагалось также, что остракизмъ послужитъ охраной противъ тираніи. Но при такой кажущейся цѣли, остракизмъ то и ввелъ въ Аѳины

---

[1]) Значеніе, полученное впослѣдствіи стратегами, подтверждается въ особенности тѣмъ, что Периклъ не имѣлъ другаго офиціальнаго титула. Онъ былъ стратегомъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду; затѣмъ, онъ былъ назначенъ стратегомъ всею массой гражданъ, сверхъ десяти стратеговъ, избиравшихся обычнымъ порядкомъ десятью филами.

[2]) *Curtius*, I, 326.

принципъ тиранніи. Даже съ самой демократической точки зрѣнія онъ наносилъ ударъ верховной власти народа, потому что служилъ выраженіемъ воли не большинства, а меньшинства [1]). Достаточно было опезпечить за собой 6,000 голосовъ, чтобы самое большинство гражданъ оказалось безсильнымъ остановить самый несправедливый приговоръ.

Остракизмъ сопровождался особенными формальностями, которыми думали прикрыть его произволъ, но онѣ облекали послѣдній только въ лицемѣрную форму. Когда господствовавшая партія имѣла въ виду удалить опаснаго противника посредствомъ остракизма, то починъ въ этомъ дѣлѣ принималъ на себя совѣтъ пятисотъ. Онъ предлагалъ народному собранію вопросъ: "подлежитъ ли изгнанію гражданинъ, сдѣлавшійся опаснымъ для государства?„ Если собраніе отвѣчало утвердительно, то назначался день для совершенія остракизма. Каждый гражданинъ подавалъ тогда глиняную дощечку съ именемъ человѣка, котораго онъ считалъ опаснымъ для государства, и если на 6,000 этихъ дощечекъ оказывалось одно имя, то лице, носившее его, изгонялось [2]).

На преобразованія Клисфена можно смотрѣть, какъ на реформу, давшую демократіи положеніе независимое, но вовсе не преобладающее. Пентакозіомедимны все еще были весьма могущественны. Архонтатъ, ареопагъ, а также мѣста казначеевъ находились въ ихъ рукахъ. Доступъ въ совѣтъ открытъ былъ только тремъ высшимъ классамъ, а стратеги могли избираться только изъ землевладѣльцевъ [3]).

---

[1]) По мнѣнію Дункера, 6,000 голосовъ составляли около трети всѣхъ афинскихъ гражданъ. Германъ полагаетъ число ихъ въ 10,000 во всю классическую эпоху, но Геродотъ положительно говоритъ, что въ Аѳинахъ считалось 30,000 гражданъ. (*Curtius*, II, 43).

[2]) Къ закону, установившему остракизмъ, Клисфенъ присоединилъ слѣдующую добавочную статью, представляющую такое же исключительное постановленіе, какъ и самъ остракизмъ: «Нѣтъ закона, касающагося аѳинянина, который бы (законъ) не могъ быть примѣненъ ко всякому если только въ пользу закона окажется 6,000 голосовъ, поданныхъ тайной балотировкой». (*Dunker*, IV, 481). Другими словами, это означало, что каждый аѳинянинъ могъ пасть подъ ударами всякаго исключительнаго закона, какъ только 6,000 голосовъ выскажутъ тайно это желаніе.

[3]) *Dunker*, IV, 485.

Эти преобразованія введены были не безъ кровавыхъ столкновеній. Аристократія, лишенная значительной части своей власти, призвала на помощь къ себѣ спартанцевъ.

Главенство, которымъ Спарта пользовалась въ Греціи, породило въ ней обычай передавать свою волю посредствомъ глашатаевъ. Она послала, поэтому, къ афинянамъ герольда объявить имъ, чтобы они возстановили прежній порядокъ, и изгнали всѣхъ алкмеонидовъ, которые не очистились еще отъ убійства приверженцевъ Килона. Клисфенъ немедленно добровольно покинулъ страну, чтобы не вызвать опустошительной войны по вопросу чисто личному. Несмотря на это, спартанскій царь Клеоменъ занялъ Аттику. Тогда началось преслѣдованіе семействъ, принадлежащихъ къ демократической партіи, и 700 изъ нихъ было изгнано. Народъ возсталъ. Клеоменъ, видя, что онъ не въ силахъ одолѣть этого волненія, очистилъ Аттику.

Клисфенъ возвратился въ Афины, но, сдѣлавшись подозрительнымъ въ глазахъ народа, былъ изгнанъ тѣмъ самымъ остракизмомъ, введенію котораго онъ несомнѣнно содѣйствовалъ [1]). Покушеніе, приписываемое Клисфену, захватить въ свои руки верховную власть, было послѣднимъ въ этомъ родѣ въ Афинахъ. Общественная организація, установленная Солономъ и видоизмѣненная Клисфеномъ, утвердилась.

Возраставшее богатство Афинъ, огромные, скопившіеся въ нихъ капиталы все болѣе и болѣе обнаруживали ту аномалію въ политическомъ устройствѣ Солона, вслѣдствіе которой распредѣленіе общественныхъ должностей и власти зависѣло отъ одной только поземельной собственности. Пламенное увлеченіе свободой, великія усилія и жертвы, принесенныя всѣми классами населенія во время войны съ Персіей, въ особенности же платейское сраженіе дѣлали неизбѣжнымъ преобразованіе по этому вопросу [2]).

Предложеніе о допущеніи всѣхъ гражданъ, безъ различія классовъ, къ общественнымъ должностямъ, сдѣлано было

---

[1]) *Curtius*, I, 319.
[2]) *Curtius*, II, 98.

Аристидомъ, но настоящими предводителями партіи, требовавшей реформы, были сначала Фемистоклъ, а затѣмъ, Периклъ и Эфіалтъ [1]).

Ареопагъ былъ учрежденіемъ въ высшей степени аристократическимъ, какъ по своему составу, такъ и по одушевлявшему его духу. Въ немъ засѣдали самые знатные или самые богатые люди страны; по закону они пользовались произвольной властью. Эфіалтъ воспользовался отсутствіемъ Кимона, предводителя аристократической партіи, чтобы провести черезъ народное собраніе преобразованіе ареопага. За нимъ оставлены были его права въ дѣлахъ правосудія и религіи, но у него отнята была принадлежавшая ему произвольная власть и всякое участіе въ дѣлахъ законодательства и политики. По возвращеніи Кимона началась ожесточенная борьба между двумя партіями, окончившаяся изгнаніемъ Кимона остракизмомъ.

Правительство состояло изъ двухъ только факторовъ: большаго совѣта и народнаго собранія. Пустота, образовавшаяся вслѣдствіе преобразованія ареопага, давала себя чувствовать. Для пополненія ея граждане избирали ежегодно комитетъ, которому поручено было наблюдать за исполненіемъ законовъ и за тѣмъ, чтобы между ними не было противурѣчій. Комитетъ этотъ тоже засѣдалъ въ народныхъ собраніяхъ, но имѣлъ право вмѣшиваться въ нихъ въ такомъ только случаѣ, когда при изданіи новаго закона не было соблюдено какой либо формальности. Чтобы законы были доступны всѣмъ, таблицы, на которыхъ написаны были постановленія Солона, перенесены были изъ Акрополя на Пниксъ [2]) и въ пританію [3]).

Только послѣ этихъ реформъ, произведенныхъ Перикломъ и Эфіалтомъ, принципъ свободы получилъ настоящее преобладаніе въ Афинахъ. Въ нихъ совершился окончательный переходъ къ господству закона, и только писанные законы

---

[1]) *Curtius*, II, 127.

[2]) Площадь, на которой собирался народъ.

[3]) Зданіе, въ которомъ засѣдали пританы и гдѣ давались пиршества народу.

стали считаться обязательными [1]). Принципъ равенства между всѣми афинскими гражданами получилъ широкое значеніе вслѣдствіе примѣненія его къ собственности. Сила партіи, стоявшей за реформу, опиралась на поддержку бѣдныхъ классовъ [2]); на нихъ расходовались государственные доходы. Уже до этого раздѣляли между гражданами излишки доходовъ, доставлявшихся государственными имуществами и рудниками. Эта раздача съ каждымъ годомъ становилась все значительнѣе и разнообразнѣе: она состояла уже не изъ одного только хлѣба, но нерѣдко изъ денегъ. Сначала выдавали по два обола для входа въ театръ Діониссія (Бахуса); потомъ выдавали ихъ для входа на общественныя пиршества, на празденства, число которыхъ съ каждымъ днемъ все увеличивалось.

До сихъ поръ всѣ общественныя должности отправлялись безплатно въ Аѳинахъ, какъ и во всей остальной Греціи. Вотъ почему онѣ оставались въ рукахъ благороднаго сословія, единственнаго класса, обладавшаго необходимыми для этого условіями. Но со временъ Перикла за общественную службу начали выдавать вознагражденіе, чтобы открыть къ ней доступъ всѣмъ классамъ общества. Войско тоже стало получать тогда правильное жалованіе [3]). Вознагражденіе выдавалось за засѣданія присяжныхъ, и даже за присутствіе въ народныхъ собраніяхъ [4]); платили ораторамъ, говорившимъ въ нихъ въ пользу правительства.

Доходовъ государства недостаточно было для покрытія подобныхъ расходовъ: главенство, полученное аѳинянами на

---

[1]) *Curtius*, II, 136. Писанные законы всегда существовали въ Греціи, но къ нимъ прибѣгали только въ исключительныхъ случаяхъ. Составленіе ихъ поручалось обыкновенно одному лицу, облекавшемуся для этого неограниченной властью. (*Hermann*, 99). Одной статьей ликургова законодательства строго предписывалось, чтобы въ Спартѣ не было писанныхъ законовъ, что давало неограниченный произволъ должностнымъ лицамъ. (*Hermann*, 52).

[2]) *Curtius*, II, 138.

[3]) *Curtius*, II, 180.

[4]) Послѣдняя плата введена была *Каллистратомъ*, и въ этомъ случаѣ безъ согласія Перикла. (*Curtius*, II, 185).

моряхъ, доставило новый источникъ обильныхъ доходовъ. Главенство это установилось правильнымъ образомъ кажется въ 474 до Р. Х., въ видѣ амфиктіоніи, сосредоточившейся вокругъ храма на ос. Делосѣ. Члены этой амфиктіоніи, въ качествѣ афинскихъ союзниковъ вносили въ храмъ ежегодные вклады. Во времена Перикла вклады эти составляли 460 талантовъ (около 2,600,000 франковъ), но впослѣдствіи достигли 1,300 талантовъ [1]).

Такъ какъ эта сумма, по своей значительности для той эпохи, не могла быть истрачиваема въ мирное время, то отъ нея скопился излишекъ, который впослѣдствіи перевезенъ былъ въ Аѳины подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ онъ былъ въ большей безопасности. При началѣ Пелопонезской войны казна эта простиралась до 6,000 талантовъ.

То обстоятельство, что въ распоряженіи Аѳинъ постоянно находились весьма значительныя суммы, давало имъ огромное преимущество предъ Спартой, которая, несмотря на признанное превосходство своихъ войскъ, въ рѣшительную минуту никогда не могла дѣйствовать за недостаткомъ денегъ, Въ такомъ случаѣ ей приходилось занимать ихъ у дельфійскихъ или олимпійскихъ жрецовъ, великихъ банкировъ этой эпохи, вслѣдствіе чего она становилась въ зависимость отъ нихъ [2]).

Но ни обыкновенныхъ доходовъ, ни контрибуцій съ союзниковъ недоставало для удовлетворенія возраставшихъ требованій афинскихъ гражданъ, желавшихъ жить въ довольствѣ безъ труда и работы. Когда денегъ не хватало болѣе, то аѳиняне отправлялись требовать ихъ вооруженной рукой у союзниковъ, которыхъ они грабили немилосердно [3]). Или же, демагоги, искавшіе популярности, предлагали народному собранію утвердить колонизацію какой либо покоренной или союзной страны. Къ этой такъ называемой колонизаціи приступали слѣдующимъ образомъ: Извѣстное количество территоріи подвергалось конфискаціи; его дѣлили на равные

[1]) *Hermann*, 303.
[2]) *Curtius*, II, 203.
[3]) *Curtius*, II, 367.

участки [1]), которые распредѣлялись по жребію между охотниками.

Граждане отправлялись въ свои новыя владѣнія, только когда въ послѣднихъ все было приготовлено для ихъ пріема на счетъ государства. За ними оставалось званіе афинскихъ гражданъ.

Эти грабежи въ огромныхъ размѣрахъ были главной причиной ненависти къ афинянамъ, ибо послѣдніе производили ихъ съ неслыханнымъ насиліемъ и жестокостями, и обращали въ рабство цѣлыя населенія элиновъ, или безжалостно истребляли ихъ [2]). Первыя колоніи такого рода заведены были въ Эвбеѣ: вслѣдствіе войны съ Халкидой, всѣ земли, принадлежавшія благородному сословію этого города, были захвачены. Клисфенъ предложилъ пожертвовать часть ихъ богамъ и въ государственную казну; остальное раздѣлено было на 4,000 участковъ, приносившихъ каждый около 300 гектолитровъ доходу ячменемъ или виномъ, и роздано было бѣднымъ афинскимъ гражданамъ [3]). Затѣмъ поочередно поступлено было такъ же съ Наксосомъ, Скиросомъ, Лемносомъ, Имбросомъ. Въ Наксосѣ сначала назначено было афинскимъ гражданамъ 500 участковъ, но вслѣдствіе возстанія, поднявшагося на островѣ, всѣ жители его были изгнаны или обращены въ рабство, а земли ихъ распредѣлены между афинянами [4]).

250 семействъ афинскихъ колонистовъ поселено было такимъ образомъ въ Андросѣ, 600—въ Синопѣ, 1000—въ Херсонесѣ фракійскомъ, и такъ далѣе.

При такихъ условіяхъ, афиняне чрезвычайно какъ дорожили званіемъ гражданина. Периклъ приказалъ пересмотрѣть

---

[1]) Участки эти назывались *Клеруи*, а владѣльцы ихъ—*Клерухами*.

[2]) *Curtius*, II, 206.

[3]) *Dunker*, IV, 469. Замѣчательно, что этотъ первый дѣлежъ земель между афинянами совершился при обстоятельствахъ, хоть сколько нибудь оправдывавшихъ жестокость подобной мѣры, такъ какъ сама Халкида начала наступательную войну противъ Аѳинъ. Но позднѣйшіе захваты земель въ подвластныхъ странахъ большею частью ни какимъ образомъ не могли быть оправданы. Это были просто грабежи, производившіеся подъ покровительствомъ государства.

[4]) *Curtius*, II, 127.

списки гражданъ, и многіе были исключены изъ этихъ списковъ. Нѣкоторые изъ исключенныхъ обратились въ суды для подтвержденія своего воображаемаго права. Но тѣ, которымъ не удалось это, были проданы въ рабство [1]).

Вотъ какими учрежденіями пользовались Афины во времена Перикла, славнѣйшую эпоху существованія этого города, когда въ него стекались со всѣхъ концевъ Греціи всѣ знаменитости на поприщѣ науки и художественнаго творчества. Эти учрежденія, сначала опиравшіяся на право, въ самомъ строгомъ его смыслѣ, видоизмѣнились затѣмъ подъ вліяніемъ свободы до такой степени, что нельзя было уже отличить ихъ дѣйствительной основы.

Во время Пелопонезской войны народныя собранія измѣнили свой видъ. Демагоги старались стать на одинъ уровень съ народомъ, чтобы снискать его расположеніе, и прибѣгали къ самымъ грубымъ уловкамъ. Вслѣдствіе этого, лучшіе граждане не показывались въ собранія. Но, держась въ сторонѣ, они навлекали на себя подозрѣніе. Это породило ремесло *сикофантовъ*, готовыхъ представить обвиненіе противъ перваго встрѣчнаго. *Клеонъ* въ особенности отличался въ этомъ искуствѣ, бывшемъ источникомъ его могущества [2]). Онъ потворствовалъ слабости афинянъ къ судебнымъ процессамъ, и возвысилъ плату присяжнымъ къ великому ущербу для финансовъ государства.

Бѣдствія Пелопонезской войны были причиной государственнаго разстройства: произволъ и безпорядокъ проникали всюду. Не обращалось болѣе вниманія ни на частное, ни на общественное право. Напримѣръ, законъ не позволялъ подвергать обсужденію рѣшеніе, принятое народнымъ собраніемъ; граждане освобождены были отъ пытки, а между тѣмъ совершалось и то, и другое [3]). Уже до экспедиціи въ Сицилію афиняне потеряли вѣру въ свои учрежденія; вся власть находилась въ рукахъ гетерій, которыя хотя и невидимо, но неодолимо пользовались ею.

[1]) *Curtius*, II, 23.
[2]) *Curtius*, II, 365.
[3]) *Curtius*, II, 528.

Измѣна Алкивіада и слѣдовавшія за нею бѣдствія произвели окончательный поворотъ въ мнѣніяхъ афинянъ. Демагоги потеряли свое обаяніе, общественная власть перешла въ руки умѣренной партіи. Послѣдняя видѣла, что причиной несчастія республики было легкомысліе народа въ рѣшеніи самыхъ важныхъ вопросовъ. Для отстраненія этого зла учрежденъ былъ комитетъ изъ 10 членовъ, названныхъ *пробулами*, которымъ поручено было изслѣдованіе всѣхъ законовъ, предлагавшихся на утвержденіе народныхъ собраній, и отстраненіе тѣхъ, которые казались имъ опасными.

Такимъ образомъ, афинскій народъ, освободившійся отъ всякой верховной власти со времени уничтоженія ареопага, создалъ новую верховную власть, которая не замедлила обратиться въ произвольную и несправедливую.

Новыя бѣдствія, вызванныя Пелопонезской войной, до такой степени удручили афинянъ, что они готовы были измѣнить свои учрежденія, такъ какъ это было необходимымъ условіемъ, чтобы добиться мира отъ Спарты и ея союзниковъ.

Сами пробулы склонялись къ этой новой реформѣ, а афинская аристократія пустила входъ всѣ средства для достиженія этой цѣли. Она располагала огромными денежными суммами, и приняла на свое содержаніе чужеземныхъ наемниковъ, которые освободили ее отъ предводителей противной партіи [1]). Съ виду правительственная форма оставалась та же, но на дѣлѣ страной управляли уже заговорщики.

Но эта конституція просуществовала не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Для введенія ея воспользовались отсутствіемъ арміи и флота, находившихся въ Самосѣ. Ни армія, ни флотъ не хотѣли признать этой конституціи, и держались въ Самосѣ въ независимомъ положеніи.

Потеря острова Эвбеи вызвала волненія въ Афинахъ, окончившіяся новой реакціей. Сенатъ былъ распущенъ, и возстановленъ старый порядокъ вещей съ тою разницей, что число гражданъ ограничено было 5,000, а общественная

---

[1]) *Curtius*, II, 599.

служба объявлена безвозмездной. Но послѣ сраженія при Кизикѣ, выиграннаго Алкивіадомъ, старая либеральная конституція была возстановлена во всей своей неприкосновенности. Такимъ образомъ, это сраженіе вызвало такія же послѣдствія, какъ въ былое время платейское. Послѣднее предоставило политическія права низшимъ классамъ, а первое открыло ихъ всѣмъ гражданамъ [1]).

Безконечная борьба между партіями, интриги и всякаго рода уловки, порождавшіяся этой борьбой, тайное вліяніе гетерій и синомозій [2]), безпрестанное нарушеніе законовъ подорвали общественное устройство. Никто уже не зналъ въ Афинахъ, какіе законы имѣли силу. Наконецъ, граждане постановили приступить къ разсмотрѣнію всѣхъ законовъ, скопившихся со временъ Солона: исключить вышедшіе изъ употребленія и согласить противурѣчащіе другъ другу. Дѣло это поручено было комитету, во главѣ котораго стоялъ вольноотпущенный *Никомахъ*, прославившійся искуствомъ въ веденіи процессовъ. Но онъ не оказался достойнымъ довѣрія, оказаннаго ему согражданами. За деньги отъ него добивались отмѣны или сохраненія любаго закона; нерѣдко онъ создавалъ даже новые исключительно для какого нибудь подходящаго случая. Аристократическая партія старалась уничтожить послѣдніе слѣды законности, чтобы лишить тѣмъ самымъ всякой опоры существующую конституцію [3]). Попытка поднять государство посредствомъ законодательства не имѣла никакого успѣха: всеобщее разстройство и разложеніе были уже слишкомъ сильны; силы, необходимой для созданія новаго соціальнаго порядка, совершенно не доставало.

---

[1]) *Curtius*, II, 623.

[2]) Подкупы для привлеченія на свою сторону голосовъ, какъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ народномъ собраніи, гораздо болѣе распространены были въ Афинахъ, чѣмъ въ Римѣ. Фукидитъ и Ксенофонтъ, Демосѳенъ и Эсхинъ положительно говорятъ, что въ Аѳинахъ организованы были общества для вспомоществованія другъ другу въ привлеченіи голосовъ. Эти общества распространены были до такой степени, что получили особенное названіе — *Синомозіи*. (*Hullmann*, 144).

[3]) *Curtius*, II, 663.

Послѣдній изъ велихъ современниковъ Перикла, Софоклъ, умеръ; многіе замѣчательные люди по своимъ дарованіямъ и заслугамъ, чувствуя отвращеніе къ господствовавшей въ Афинахъ анархіи, удалились изъ отечества. Ихъ привлекалъ къ себѣ Сѣверъ. Въ Пеллахъ, столицѣ Македоніи, развивалась новая цивилизація, привитая къ древнимъ патріархальнымъ учрежденіямъ. Тамъ кипѣла жизнь и броженіе. Царь Архелай любилъ науки и искуства, и покровительствовалъ имъ. Эврипидъ, поэтъ Агафонъ отправились ко двору его. Афины умственно бѣднѣли [1]).

Сраженіе при Эгосъ-Потамосѣ, погубшее весь афинскій флотъ, положило конецъ Пелопонезской войнѣ. Спартанцы любили прикрывать юридическими формальностями самые несправедливые поступки. Они собрали всѣхъ своихъ союзниковъ для суда надъ афинскими плѣнниками, которые были осуждены, и преданы смерти именемъ всего эллинскаго народа.

Раздраженіе противъ Афинъ достигло въ это время во всей Греціи до такой степени, что мало было несомнѣнной погибели этого города, необходимо было еще доставить себѣ удовольствіе продленіемъ его агоніи. Лизандръ захватилъ въ свои руки поочередно всѣ города, принадлежавшіе Афинамъ, но онъ оставлялъ жизнь и свободу находившимся въ нихъ афинянамъ съ условіемъ, чтобы они возвратились въ столицу. Въ нее со всѣхъ сторонъ приходили одновременно самые ужасные слухи, и распространяли въ ней всеобщее смятеніе. Сами Афины должны были понести кару послѣдними, на глазахъ всѣхъ эллиновъ.

Окруженные съ суши и съ моря, афиняне защищались съ мужествомъ, вызваннымъ отчаяніемъ. Но между ними не было согласія. Аристократическая партія вступила въ переговоры съ Лизандромъ, и замышляла погибель своего отечества. Остальная масса населенія, одушевленная чувствомъ горячаго патріотизма, была настолько еще многочисленна, что спартанская партія считала дѣломъ благоразумнымъ прибѣгнуть

---

[1]) *Curtius*, II, 664.

къ хитрости для достиженія своихъ цѣлей. Она начала тѣмъ, что учредила правительственный комитетъ изъ пяти членовъ, которые названы были эфорами, чтобы польстить спартанцамъ намѣреніемъ принять ихъ государственное устройство. Эфорамъ поручены были временно всѣ общественныя власти.

Наконецъ, обнаружился голодъ въ осажденномъ городѣ. Афиняне, лишенные всѣхъ средствъ для сопротивленія, поручили Ферамену, принадлежавшему къ аристократической партіи, заключеніе мира. Послѣдній отправился въ Спарту, гдѣ собрались посланные отъ всѣхъ союзниковъ. Посланные разсуждали уже не о мирѣ, а о мѣрѣ наказанія, какой слѣдуетъ подвергнуть Аѳины.—Фивы и Коринѳъ требовали, чтобы городъ былъ срытъ, а мѣсто, занимаемое имъ, засѣяно травой. Другіе, во главѣ которыхъ стояли фокеяне, были противъ такого крайняго мщенія; Спарта приняла сторону послѣднихъ. Совершенное разрушеніе Аѳинъ не входило въ ея планы, потому что Фивы вскорѣ заняли бы въ такомъ случаѣ ихъ мѣсто.

Постановленіе спартанскихъ эфоровъ дало знать аѳинянамъ о произнесенномъ противъ нихъ приговорѣ. Городскія стѣны ихъ должны были быть срыты; они теряли всѣ свои владѣнія внѣ Аттики, вступали въ Пелопонезскій союзъ, и выдавали всѣ свои триремы, кромѣ 12.

Капитуляція не касалась вопроса о внутреннемъ управленіи; за рѣшеніе его взялась аристократія. Начальники демократической партіи были обвинены въ мятежѣ, и казнены смертью.

Въ эту критическую минуту Лизандръ вошелъ въ Пирей со всѣмъ союзнымъ флотомъ, по возвращеніи отъ Самоса, оказавшаго болѣе продолжительное сопротивленіе, чѣмъ сами Аѳины. Капитуляція не была произведена аѳинянами въ опредѣленный срокъ. Лизандръ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для ея уничтоженія, и поступилъ съ городомъ на правахъ немилосердаго побѣдителя.

Дѣло разрушенія началось; союзные воины увѣнчали свои головы цвѣтами, какъ въ день празденства: при звукѣ флейтъ

и хоровъ приступлено было къ сожженію кораблей и къ разрушенію стѣнъ. Враги афинянъ торжествовали. Они полагали, что отплачивали имъ за ихъ насилія и жестокости, за хищничество и за тираническія причуды. Но всѣ эти доводы въ сущности были лицемѣрны. Злодѣянія, приписываемыя Афинамъ, были въ нравахъ всего античнаго міра, и въ этомъ отношеніи враги афинянъ ни въ чемъ имъ не уступали. Настоящая причина ихъ злобы состояла, во первыхъ, въ томъ, что въ Афинахъ слагались и укрѣплялись всѣ демократическія стремленія Греціи; но, что́ еще болѣе возбуждало ихъ ненависть, это — то необычайное умственное превосходство афинянъ, вслѣдствіе котораго, по мнѣнію всего міра, они такъ высоко стояли надъ остальными эллинами. Слава, падавшая на Афины отъ всѣхъ этихъ мыслителей, поэтовъ, художниковъ эпохи Перикла была такъ лучезарна, что она оставляла въ тѣни прочихъ эллиновъ. Такого рода превосходство труднѣе всего прощается людьми съ узкими чувствами. Римляне, видя, что они не могутъ выдержать сравненія съ афинянами, облекались въ притворный стоицизмъ, и выказывали презрѣніе ко всякаго рода умственнымъ вопросамъ. Эллины поклялись въ истребленіи братственнаго народа, поднявшагося на высоту, недоступную для остальныхъ.

Въ этой катастрофѣ погибло и демократическое государственное устройство Афинъ; верховная власть передана была въ руки комитета изъ 30 членовъ, приверженцевъ Спарты.

Такъ кончилось величіе Афинъ. Со временъ Солона изъ этого города исходилъ толчекъ на всѣ великія дѣла, прославившія Грецію. Спарта и прочія государства никогда не брали на себя почина въ тѣ великія минуты, когда дѣло шло о существованіи нетолько Греціи, но всего человѣчества, которое погрузилось бы въ мракъ, еслибы побѣда оказалась на сторонѣ Персіи. Со времени этой катастрофы Афины потеряли свое политическое значеніе, но на нихъ не

переставали смотрѣть съ уваженіемъ, вслѣдствіе соединенныхъ съ ихъ именемъ великихъ воспоминаній.

При бѣгломъ взглядѣ на совокупность афинскихъ учрежденій, нетрудно замѣтить, что они не оправдываютъ надежды найти въ нихъ образецъ общественнаго устройства, логически вытекающаго изъ идеи свободы. Причина этого заключается въ ошибочности основнаго его принципа. Афиняне выводили идею свободы не изъ настоящаго ея источника: равнаго духовнаго достоинства всѣхъ людей между собою. Въ Афинахъ свобода существовала исключительно въ пользу небольшаго числа людей; рабство, учрежденіе болѣе всего противурѣчащее сущности свободы, постоянно существовало въ нихъ, а благосостояніе гражданъ основывалось на грабежѣ подчиненныхъ имъ странъ.

Двадцать или тридцать тысячъ афинскихъ гражданъ составляли весьма незначительное меньшинство, сравнительно съ числомъ кліентовъ, вольноотпущенныхъ и другихъ свободныхъ людей, сравнительно со всей массой рабовъ, многочисленностью своей превосходившихъ въ четыре раза число всѣхъ свободныхъ людей, взятыхъ вмѣстѣ [1]), и въ особенности, сравнительно съ числомъ такъ называемыхъ союзниковъ, которыхъ афиняне угнетали несравненно болѣе, чѣмъ настоящихъ своихъ рабовъ [2]). Это маленькое привилегиро-

[1]) Въ Коринѳѣ, въ Эгинѣ рабовъ было въ десять разъ болѣе, чѣмъ свободныхъ людей. Въ Коринѳѣ считалось ихъ 460,000, а въ Эгинѣ 470,000. (*Curtius*, II, 688).

[2]) Въ самую блестящую эпоху Афинянамъ подчинено было 300 городовъ, въ числѣ которыхъ многіе были весьма значительны, и отъ 600 до 800 небольшихъ городовъ. Для удержанія въ повиновеніи такого множества подданныхъ Афины содержали флотъ, состоявшій обыкновенно изъ 300 триремъ. Онъ всегда готовъ былъ выйти въ море, и могъ поднять до 60,000 войска. Триремы сооружались превосходно во времена Перикла, и въ четыре дня проходили разстояніе отъ Пирея до Эвксинскаго понта или Родоса. (*Curtius*, II, 195). Разсматривая эти цифры, не должно упускать изъ виду, что населеніе древней Греціи было такъ многочисленно, что оно не могло бы просуществовать безъ тѣхъ грузовъ хлѣба, которые высылались изъ ея колоній въ Эвксинскомъ понтѣ, Африкѣ, Италіи и Сициліи. Въ началѣ V вѣка до Р. Х. въ одномъ Пелопонезѣ считалось два мильона жителей. (*Curtius*, II, 43).

ванное меньшинство одно только пользовалось политическими правами, и представляло такимъ образомъ настоящую аристократію относительно остальнаго общества.

Но если посмотрѣть отдѣльно на общество въ 20 или 30,000 афинскихъ гражданъ, независимо отъ ихъ отношеній къ прочимъ людямъ и къ прочимъ странамъ, то мы найдемъ, что идея свободы достигла между ними необыкновеннаго развитія, какъ относительно общественнаго, такъ и относительно частнаго права. Власть обратилась у нихъ въ выраженіе воли большинства, по крайней мѣрѣ по теоретическому требованію законовъ, послѣдовательно изданныхъ Солономъ, Клисфеномъ, Периклом и Эфіалтомъ.

Только господство закона недолго продолжалось въ Афинахъ. Ему предшествовало сначала патріархальное устройство, затѣмъ, олигархическое самовластіе, а кончилось оно произволомъ демократическимъ. Только въ промежутокъ времени между обѣими этими крайностями удалось афинянамъ прожить подъ властью закона. Это то и было блестящей эпохой ихъ историческаго существованія, эпохой, въ которую онѣ достигли наивысшаго умственнаго и матерьяльнаго благосостоянія.

Что̀ касается до личнаго права, то идея свободы оказала на него тоже огромное вліяніе въ Афинахъ. Богатые обложены были въ нихъ налогами для обезпеченія нетолько потребностей бѣдныхъ классовъ, но даже ихъ удовольствій. Равные участки, въ огромномъ числѣ раздававшіеся афинскимъ гражданамъ во всѣхъ подвластныхъ странахъ, постоянно увеличивали число людей, обладавшихъ среднимъ достаткомъ. И если въ Афинахъ никогда не вводилось общаго владѣнія собственностью, то взамѣнъ его въ нихъ существовала такъ называемая колонизація. — Къ тому же, внѣшнее грабительство доставляло нуждавшимся афинянамъ даже болѣе обильныя средства, чѣмъ могло бы доставить имъ совершенное приведеніе къ одному уровню имуществъ внутри страны.

ГЛАВА XI.

Общественное право.

(Третья часть).

Феодальное устройство.

Мы полагаемъ, что указали съ достаточной ясностью, что каждая изъ соціальныхъ идей, взятая отдѣльно, путемъ свойственнаго ей развитія, приводитъ къ теоретическимъ выводамъ, несогласимымъ съ естественнымъ порядкомъ вещей. Уже одинъ этотъ фактъ доказываетъ самъ собою, что ни та, ни другая изъ обѣихъ идей не можетъ быть единственной основой общественныхъ отношеній. Не имѣя возможности исключить одна другую, онѣ необходимо должны входить въ сочетаніе между собой въ какой либо пропорціи.

Иногда это сочетаніе остается неопредѣленнымъ, и видоизмѣняется, смотря по обстоятельствамъ; иногда же въ обществѣ обнаруживается стремленіе точнѣе обозначить его, или многочисленными постановленіями, касающимися подробностей, или однимъ какимъ либо общественнымъ договоромъ. Результатомъ этого являются два отдѣльныя общественныя устройства—*феодальное и конституціонное.* Первое мы изслѣдуемъ теперь же, а второму посвятимъ слѣдующую главу.

Появленіе феодальнаго порядка вызвано было историческими явленіями, такъ что понять его можно только при изученіи этихъ явленій [1]).

---

[1]) Первоначальное значеніе слова *феодализмъ*, *феодальный*, не опредѣлено. «По мнѣнію однихъ (сюда принадлежитъ бо́льшая часть французскихъ юристовъ, между прочимъ, Куясъ), говоритъ Гизо, слово *feodum* латинскаго происхожденія, и производится отъ слова *fides — вѣрность*; оно означаетъ землю, обладаніе которой обязывало вѣрностью государю. По мнѣнію другихъ, и главнымъ образомъ нѣмецкихъ писателей, *feodum* германскаго происхожденія, и состоитъ изъ двухъ словъ, изъ коихъ одно исчезло изъ нѣмецкихъ нарѣчій, между тѣмъ какъ другое существуетъ доселѣ во многихъ, и особенно въ англійскомъ языкѣ: изъ слова *fe, fee*—плата, и корня *od* — собственность, выданная въ вознагражденіе въ видѣ жалованія, платы. Германское происхожденіе кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ». (*Guizot, Histoire de la*

Стремленіе опредѣлить до малѣйшихъ подробностей отношеніе между правомъ и свободой, посредствомъ договоровъ, обусловливаетъ *феодальную идею*. Эти договоры сходны между собой только по общему своему стремленію, но они отличаются одинъ отъ другаго настолько, насколько различны тѣ частности, къ которымъ они относятся. Въ этомъ состоитъ и существенная причина ихъ многочисленности.

Феодальная идея чисто германскаго происхожденія; — она неизвѣстна была всему древнему міру. Созданная германцами, она опредѣлила собой характеръ преобразованія европейскаго общества среди развалинъ, оставшихся послѣ паденія римской имперіи. Вотъ почему и полнѣйшее развитіе феодализма совершилось только въ странахъ, принадлежавшихъ германскимъ расамъ. Франки ввели его во Франціи, англо-саксонцы—въ Англіи. Уже ломбардцы имѣли нѣкоторыя феодальныя понятія при утвержденіи своемъ въ Италіи. Карлъ Великій далъ ему военную и судебную организацію, но франки, оставленные имъ въ Италіи, уже со втораго поколѣнія становились итальянцами. Феодальныя учрежденія, сохранившіяся въ Италіи, обязаны были своимъ существованіемъ германскимъ императорамъ, которые раздавали своимъ соотечественникамъ огромное число свѣтскихъ и церковныхъ леновъ [1]).

---

civilisation en France, III, 232). На это слѣдуетъ возразить, что германскій терминъ для обозначенія такого помѣстья (*fief*) былъ во всѣ времена *Lehen*, производное отъ *leihen*—отдавать въ займы (*Giesebrecht*, I, 132), и что *feodum* было не болѣе, какъ переводъ этого слова на латинскій языкъ. Въ древнихъ французскихъ документахъ *fief* постоянно пишется чрезъ *fiè*, что̀ значитъ то же, что̀ confié (ввѣренное) prêté (ссуженое), и потому, имѣло тотъ же смыслъ, что̀ нѣмецкое *Lehen*. «*Fief*, говоритъ Рогронъ, происходитъ отъ латинскаго слова *feodum*, которое, въ свою очередь, произошло, по мнѣнію однихъ, отъ *fides*, вслѣдствіе вѣрности, обязывавшей вассала относительно государя, а по мнѣнію другихъ, отъ *foedus* (союзъ), вслѣдствіе особыхъ условій, какъ бы договора, связывавшаго государя съ его вассалами. (*Rogron, Codes français expliqués*. Introduction, VI). Мы придерживаемся послѣдняго толкованія, потому что оно указываетъ на существенную черту феодальнаго общества, а именно, что права и свобода его членовъ опредѣляются многочисленными договорами.

[1]) *Giesebrecht, Geschichte der deutschen Kaiserzeit*. I, 349.

При изученіи первобытной эпохи германскихъ [1]) народовъ, мы находимъ, что они раздѣлены были на племена (Stämme), разсѣянныя по кантонамъ (Gaue). Свободные люди каждаго племени собирались для избранія пожизненныхъ князей (Fürsten). Эти вожди были судьями и военными начальниками въ сотняхъ [2]). Молодые люди, хотя и вступившіе въ общину, не имѣли права участвовать въ засѣданіяхъ, пока они не имѣли собственности.

На случай войны нѣсколько племенъ выбирали *герцога*, поднимая на щитѣ храбрѣйшаго изъ храбрыхъ, а не человѣка, отличавшагося знаменитымъ происхожденіемъ или богатствомъ. Во время мира эти племена не имѣли общаго начальника. Въ каждой сотнѣ верховная власть находилась въ рукахъ князя. По призыву герцога князья собирались подъ его знамена въ сопровожденіи своихъ дружинъ, нерѣдко весьма многочисленныхъ, такъ что онѣ становились опасны для общины [3]).

Во главѣ нѣкоторыхъ племенъ мы встрѣчаемъ королей съ самаго появленія имени этихъ племенъ въ исторіи. Короли избирались у нихъ изъ знаменитыхъ родовъ, и затѣмъ удер-

---

[1]) Происхожденіе слова *германецъ* еще не объяснено. По толкованію *Вахтера*, оно происходитъ отъ *gher, her* — дротикъ, оружіе, война. По мнѣнію Савиньи, оно есть варіантъ слова *Arimann* или *Haremann*. (*Geschichte des römischen Rechts*, I, 169). Но Гизебрехтъ утверждаетъ, что это слово не германскаго, а кельтическаго происхожденія, и означаетъ неистовый воинъ, зачинщикъ драки (tobende Krieger, Rufer im Streite. *Giesebrecht*, I, 14). Отъ галловъ слово это перешло къ римлянамъ. Сами себя германцы стали называть такимъ образомъ въ самую позднюю эпоху, и только въ высокомъ слогѣ. Общее названіе ихъ, Deutsche, вошло въ употребленіе нераньше начала X вѣка, когда Оттонъ Великій отправился въ Италію. Итальянцы первые примѣнили его ко всему этому великому племени, которое до тѣхъ поръ носило названія различныхъ своихъ вѣтвей. (*Giesebrecht*, I, 766).

Это несовсѣмъ вѣрно. Общаго названія племя это не имѣетъ до сихъ поръ. Само себя оно называетъ Дейтшами; такъ же называютъ его итальянцы (Тедеско); французы называютъ его аллеманами, англичане—германцами, русскіе и славяне—нѣмцами. (Пр. перев)

[2]) Сотни (Hundertchaften, Untergaue) суть подраздѣленія кантоновъ.

[3]) *Giesebrecht*, I, 6—10.

живали за собой это достоинство. Опытъ научилъ германцевъ, что для успѣшнаго веденія войны и для удержанія за собой завоеваній необходимо сосредоточеніе военной власти въ рукахъ одного человѣка. Саксонцы и фризы, оставшіеся въ своей сторонѣ, не имѣли королей, но саксонцы, овладѣвшіе Англіей, тотчасъ же основали въ ней королевства. Ломбардцы сдѣлали разъ попытку уничтожить королевское достоинство, но вскорѣ увидѣли необходимость возобновить его [1]).

«Рядомъ съ этимъ неподвижнымъ общественнымъ устройствомъ, опиравшимся на семейство и родъ, въ основаніи которыхъ лежала собственность, мы встрѣчаемъ между германскими племенами подвижныя военныя общины. Люди, жаждавшіе войны и добычи, собирались вокругъ знаменитыхъ вождей многочисленными толпами. Одна такая толпа, состоявшая изъ франковъ [2]), завоевала Францію.

Изъ двухъ первобытныхъ германскихъ общинъ (рода и военной дружины), бродячая, основой которой служила личность, а не семья, и которая не знала земледѣльческой жизни, установила соціальный порядокъ во Франціи; въ Германіи же дѣло это было совершено земледѣльческой общиной.

«Феодализмъ развился преимущественно въ военной дружинѣ. Начальникъ послѣдней собиралъ вокругъ себя сподвижниковъ, свободныхъ людей, пристававшихъ къ нему добровольно, условно и на такое время, какое сами они благоразсудятъ. Обязательства, связывавшія ихъ, были нравственныя, и основывались исключительно на ихъ доброй волѣ [3]). На чужеземной почвѣ эти некрѣпкія связи приняли форму, установившую феодальный соціальный порядокъ. Феодальныя отношенія суть результатъ, видоизмѣненіе отношеній варвара-вождя къ своимъ сподвижникамъ [4])».

---

[1]) *Giesebrecht*, I, 70.

[2]) Frak, frek, frech значитъ храбрый, свирѣпый. На печатяхъ первыхъ франкскихъ королей мы встрѣчаемъ слова *fracorum rex*. Буква *n* вставлена ради благозвучія, какъ и во многія другія слова. (*Histoire de la conquête de l'Angleterre, etc., par Augustin Thierry*, I, 17.

[3]) *Guizot*, III, 250.

[4]) *Guizot*, IV, 24.

Вотъ почему феодализмъ установился во Франціи ранѣе, чѣмъ въ Германіи. Въ послѣдней странѣ онъ введенъ былъ за столѣтіе до *Людовика Дитяти* (X вѣкъ), и только въ это царствованіе онъ началъ вытѣснять древнюю общинную организацію, тогда какъ во Франціи феодализмъ уже прочно установился въ эту эпоху [1]).

Въ Германіи развитіе его прервано было въ періодъ царствованія саксонской и франконской династій. Власть, которою пользовались Оттоны, получила совершенно личный характеръ. Общія собранія, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, не собирались; не было и государственнаго совѣта, какъ во времена Карловинговъ. Отношенія между королемъ и его вассалами [2]) не опредѣлялись какимъ нибудь законнымъ постановленіемъ; въ распряхъ, возникавшихъ между ними, дѣло шло не о правѣ, а о силѣ. Вотъ почему и распри эти длились, не приводя ни къ какимъ положительнымъ результатамъ [3]).

«До нашествія на римскую имперію, когда германцы бродили по ея границамъ, отношенія вождя къ его сподвижникамъ были чисто личныя. По утвержденіи варваровъ въ завоеванныхъ странахъ, и послѣ того какъ они перемѣнили кочевую жизнь на осѣдлую, продолжалось то же самое; на связь между дарителемъ (феодаломъ) и пожалованнымъ (ленникомъ) смотрѣли, какъ на личную и временную; такой же характеръ должны были имѣть и бенефиціи [4]). Тѣмъ неменѣе, во всѣ эпохи между пожизненными бенефиціями встрѣчались и наслѣдственныя.—Карлъ Лысый формально призналъ въ 877 наслѣдственность бенефицій, а въ концѣ IX вѣка это было общее и господствующее явленіе во Франціи, подобно тому, какъ въ VI и VII вѣкѣ общимъ фактомъ было пожизненное владѣніе ими».

Въ Германской имперіи и въ Италіи наслѣдственность ле-

---

[1]) *Giesebrecht*, I, 177.

[2]) Первоначально называли *вассами* или *вассалами* дворовыхъ слугъ сеньора, а потомъ свободныхъ людей его свиты. (*Giesebrecht*, I, 131), и только впослѣдствіи слово это получило значеніе простой феодальной зависимости.

[3]) *Giesebrecht*, I, 284.

[4]) Бенефиція и ленъ суть равнозначущія выраженія.

новъ утверждена была Конрадомъ II нерапѣе какъ XI вѣкѣ [1]).

«Несмотря на наслѣдственныя права свои, владѣтель бенефиціи, въ случаѣ смерти своего государя, считалъ необходимымъ новое подтвержденіе своихъ правъ; до такой степени вкоренилось въ умахъ первоначальное понятіе о личномъ характерѣ этихъ отношеній и вытекавшихъ изъ нихъ правъ.»

«Въ то время какъ лены становились наслѣдственными, территоріальная собственность тоже всюду почти дѣлалась наслѣдственной. Съ V по X вѣкъ аллодіальная (независимая) собственность, не исчезая совершенно, все болѣе и болѣе стѣснялась, а количество земель, поступавшихъ въ ленную зависимость, все болѣе и болѣе увеличивалось. Причина этого заключалась въ слѣдующемъ».

«Когда варвары овладѣли римской имперіей, то они не дѣлили всей территоріи на болѣе или менѣе значительные участки. Вожди ихъ, знатные люди, присвоили себѣ большія пространства земель, а наибольшее число ихъ сподвижниковъ и слугъ, продолжало жить при нихъ, въ своихъ домахъ, состоя у нихъ на службѣ. Но, по мѣрѣ ослабленія привычки къ бродячей жизни, значительное число людей пожелало быть землевладѣльцами. Къ тому же, деньги были рѣдки, а земля служила такъ сказать обычной монетой; ею оплачивались всякаго рода услуги. Вотъ причина быстраго раздѣленія поземельной собственности и безчисленнаго множества мелкихъ владѣній».

«Вторая причина, захватъ, еще болѣе увеличила это число. Множество владѣній, слишкомъ обширныхъ, не могло быть предохранено отъ вторженій; они были захвачены силой или обманомъ. Было также множество земель пустынныхъ и невоздѣлываемыхъ; на нихъ поселились, и стали ихъ обрабатывать люди, изгнанные изъ своихъ жилищъ или продолжавшіе еще бродячую жизнь, а также монахи. Когда земли эти получили цѣнность, то нерѣдко какой нибудь могущественный сосѣдній владѣлецъ захватывалъ ихъ, чтобы затѣмъ уступить ихъ обратно на правахъ бенефицій, тѣмъ же людямъ, которымъ

---

[1]) *Giesebrecht*, II, 317.

онѣ принадлежали. Наконецъ, въ силу обычая, извѣстнаго подъ именемъ *покровительства*, множество независимыхъ помѣстій обращено было въ лены. Собственникъ такого помѣстья являлся къ сильному владѣльцу, котораго онъ желалъ имѣть своимъ патрономъ, держа въ рукахъ кусокъ дернины или древесную вѣтвь, и уступалъ ему свое помѣстье, которое тотчасъ же получалъ обратно въ видѣ бенефиціи».

«Обычай этотъ связанъ былъ съ древними германскими нравами. Сподвижникъ оставлялъ своего вождя, какъ только ему заблагоразсудится, и приставалъ къ другому. Свобода эта продолжалась и послѣ того, какъ установилось территоріальное распредѣленіе. Можно было искать покровительства у кого угодно, и такъ же произвольно мѣнять своего покровителя. Но мало по малу свобода эта начала стѣсняться. Карлъ Великій возъимѣлъ намѣреніе, съ одной стороны, опредѣлить, въ какихъ случаяхъ вассалъ можетъ оставить своего покровителя, а съ другой, обязать всѣхъ свободныхъ людей избрать себѣ покровителя, но, несмотря на это, въ такого рода отношеніяхъ долго еще господствовала крайняя перемѣнчивость» [1]).

Въ Германіи, въ царствованіе Людовика Дитяти, анархія достигла крайнихъ предѣловъ. Нѣсколько неурожаевъ сряду погубило множество народа; вторженія венгровъ покрыли развалинами бо́льшую часть страны; людямъ, разсѣяннымъ по ней, и бѣднымъ не было возможности жить въ безопасности. По этой причинѣ, они поступали подъ покровительство могущественныхъ владѣльцевъ, то съ сохраненіемъ своей свободы, то съ пожертвованіемъ ею. Въ эту эпоху обращено было въ крѣпостное состояніе гораздо болѣе свободныхъ людей, чѣмъ въ какую либо иную. Крѣпостныхъ, окружавшихъ сеньоровъ въ качествѣ слугъ, называли *министеріелями* (дворовыми). Выгоды, доставляемыя такимъ положеніемъ, оказались такъ значительны въ позднѣйшую эпоху, что даже люди благороднаго происхожденія искали такого положенія, въ особенности при дворѣ духовныхъ владѣльцевъ [2]).

[1]) *Guizot*, III, 241—252.
[2]) *Giesebrecht*, I, 174—177.

Короли и сеньоры раздавали своимъ приближеннымъ не только земли, но множество другихъ предметовъ. Въ концѣ X вѣка въ лснъ отдавалось почти все: *лѣсной судъ* или управленіе лѣсами; *право охоты* въ нихъ; часть *заставныхъ* или *дорожныхъ пошлинъ* какой либо мѣстности; *право сопровожденія* или *охраненія* купцевъ, отправлявшихся на ярмарки; *право суда* во дворцѣ государя или знатнаго сеньора; *монетныя лавки* въ городахъ, въ которыхъ чеканилась монета; *лавки* и *балаганы* на ярмаркахъ; дома, въ которыхъ помѣщались *общественныя бани*, *общественныя пекарни*, даже *рои пчелъ*, которые могли быть найдены въ лѣсахъ [1]). Въ словарѣ Дюканжа, подъ словомъ *feudum*, исчисляется до 88 родовъ различныхъ леновъ.

«Въ замѣнъ возвращаемаго лена, вассалъ принималъ относительно верховнаго своего владѣльца (сюзерена) нетолько матерьяльныя, но и нравственныя обязательства.

«Онъ обязывался охранять честь своего государя, его супруги, дочери или сестры, быть ему вѣрнымъ и преданнымъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ.

«Между матерьяльными обязанностями первое мѣсто занимала вообще военная служба, на которую можно смотрѣть, какъ на основу феодальныхъ отношеній. Много было споровъ о значеніи, продолжительности и формѣ этого обязательства. Ничего нельзя сказать опредѣлительнаго по этому предмету. Феодальная служба длилась въ одномъ мѣстѣ 60, въ другомъ 40, въ третьемъ 20 дней; по требованію своего государя вассалъ долженъ былъ являться то одинъ, то въ сопровожденіи опредѣлннаго числа людей, то въ предѣлахъ территоріальнаго владѣнія, то всюду, куда его потребуютъ, то для одной только обороны, то для нападенія, какъ и для обороны. Словомъ, разнообразіе условій и формъ обязательства было безконечно.

«Вторая служба, которою обязывался вассалъ относительно своего государя, и опредѣлявшаяся словомъ *fiducia*, *fiance*, состояла въ присутствіи при его дворѣ, въ его засѣданіяхъ,

---

[1]) *Guizot*, III, 252.

всякій разъ какъ государь созывалъ своихъ вассаловъ, какъ для совѣта, такъ и для участія въ разбирательствѣ приносимыхъ ему жалобъ. Затѣмъ, существовала служба, называвшаяся *justicia*, или обязательство признавать подсудность (юрисдикцію) своему государю. Въ феодализмѣ признавалось за общее правило, что къ государю можно всегда обратиться съ жалобой на его вассала [1]). Существовали *феодальныя подати* и *приношенія*, *законныя* или правильныя, и *добровольныя*, которыя государь могъ собирать только съ согласія вассаловъ.

«Таковы были почти всюду обязательства вассала относительно государя. Болѣе точнымъ образомъ они опредѣлялись договорами, заключавшимися между обѣими сторонами. Обычаемъ введены были въ пользу верховнаго владѣльца нѣкоторыя преимущества, на которыя нельзя смотрѣть, какъ на первоначальныя и прирожденныя черты феодальныхъ отношеній, но которыя мало по малу совершенно слились съ ними».

«Государь имѣлъ право взимать *ленную подать*, то есть, по смерти вассала, наслѣдникъ его долженъ былъ уплатить опредѣленную сумму (relevium, relevamentum), какъ будто ленъ падалъ, и необходимо было поднять его, чтобы принять въ свое владѣніе. *Placitum*, *rachatum*, *reaccapitum*, называлось право государя требовать опредѣленную сумму отъ новаго владѣльца, покупавшаго ленъ у его вассала. Если вассалъ не исполнялъ какого либо главнѣйшаго изъ своихъ феодальныхъ обязательствъ, то онъ подвергался *низложенію* (*forfaiture*, *foris factura*), то есть, терялъ свой ленъ, или на извѣстное число лѣтъ, или на всю жизнь, или же лена лишались даже его наслѣдники. Алчные государи старались постоянно объ увеличеніи числа такихъ конфискованныхъ владѣній, и добивались такихъ приговоровъ, вопреки всякой справедливости. Но эта мѣра была тѣмъ не менѣе законнымъ наказаніемъ, (самымъ сильнымъ въ феодальномъ уголовномъ кодексѣ), всюду распространеннымъ и основнымъ принципомъ феодальнаго права. Въ число преимуществъ, принадлежавшихъ госу-

[1]) *Guizot*, IV, 259.

рю, должно помѣстить также *право опеки*. Во время несовершеннолѣтія вассала, онъ принималъ на себя опеку и управленіе его владѣніями, и пользовался приносимыми ими доходами. Во французскомъ феодальномъ устройствѣ право это не имѣло такого распространенія. Государь имѣлъ также право *maritagium*, то есть, право избирать мужа для наслѣдницы лена.

«Молодая дѣвушка не смѣла отказаться отъ избранія мужа изъ трехъ предлагавшихся ей бароновъ, иначе какъ внесши государю сумму, равную той, какую бароны предложили ему за ея руку; ибо тотъ, кто имѣлъ намѣреніе жениться на ней, покупалъ ее такимъ образомъ у государя. Можно было бы привести и многія другія права, которыми обладали, или на которыя объявляли свои притязанія верховные феодальные владѣльцы относительно своихъ вассаловъ, но они не были въ такомъ всеобщемъ распространеніи.

«Исполнивъ относительно своего государя всѣ обязательства, вассалъ считалъ себя свободнымъ во всемъ остальномъ, и пользовался въ своемъ ленѣ полнѣйшей независимостью. Онъ одинъ предписывалъ законы жителямъ своего владѣнія, творилъ надъ ними судъ, назначалъ подати, и проч. Все даетъ право предположить, что первоначально владѣтель лена имѣлъ такое же право чеканить монету, какъ и его государь.

«Вассалъ, исполнившій всѣ свои феодальныя обязательства относительно государя, нетолько пользовался совершенной независимостью, но онъ имѣлъ право требовать отъ него исполненія извѣстныхъ выговоренныхъ условій. Если вассалъ былъ недоволенъ своимъ патрономъ, то онъ могъ жаловаться на него его государю, или вызвать его на поединокъ; но въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ былъ предварительно отказаться отъ лена. Государь обязанъ былъ не только не причинять никакого вреда своему вассалу, но покровительствовать ему и защищать его отъ всякаго покушенія, направленнаго, какъ противъ его владѣнія, такъ и противъ всѣхъ его правъ.» [1]).

---

[1]) *Guizot*, IV, 29—41.

«Но это было болѣе нравственное обязательство, подобное тому, какое лежало и на вассалѣ относительно его государя. Матерьяльная связь между тѣмъ и другимъ состояла въ томъ, что ленъ считался принадлежавшимъ первоначально самому государю или его предкамъ, и что *зависимость* [1]) отъ него лена продолжалась, а на уступку лена во владѣніе вассала смотрѣлось, какъ на естественное вознагражденіе послѣдняго за его службу».

«Противуположность между интересами сеньора и его вассала порождала между ними безконечныя столкновенія. Сеньоры отнимали, вассалы не возвращали леновъ, обвиняя другъ друга въ насильственномъ завладѣніи ими.» [2]).

«Во Франціи XI вѣка до такой степени все было непрочно, что независимость свою могъ поддерживать только тотъ, кто имѣлъ средства содержать войско. Вотъ причина необычайной алчности французскихъ сеньоровъ этой эпохи [3]).

«Такой же порядокъ вещей мы встрѣчаемъ и въ Германіи въ эту эпоху. Феодалы оказывали въ этой странѣ необычайную дѣятельность, и съ остервененіемъ вели борьбу для усиленія своего могущества и обогащенія. Высокое положеніе бароновъ во Франціи и въ Бургундіи возбуждало въ нихъ зависть и желаніе сравняться съ ними [4]).

Въ началѣ этого вѣка отношенія, съ одной стороны, между сильными владѣтелями и императоромъ, а съ другой, между первыми и ихъ вассалами, вовсе не были опредѣлены. Все зависѣло отъ обстоятельствъ и отъ могущества каждаго изъ нихъ въ данную минуту. Вотъ почему это неопредѣленное положеніе всѣхъ общественныхъ отношеній порождало безконечныя войны.

Подъ прикрытіемъ этихъ войнъ разбойничество процвѣтало во всей имперіи [5]).

---

[1]) *Зависимость (mouvance)* лена обозначала на феодальномъ языкѣ право того или другаго государя распоряжаться имъ.(*Guizot*, III, 231).

[2]) *Guizot*, III, 235.

[3]) *Giesebrecht*, II, 367.

[4]) *Giesebrecht*, II, 7.

[5]) *Giesebrecht*, II, 68. Генрихъ I формально организовалъ разбойни-

Въ царствованіе императора Конрада II (XI вѣкъ) въ Италіи возстали всѣ низшіе классы народа: мелкіе вассалы и дворовые противъ сеньоровъ, а города противъ епископовъ. Тѣ и другіе отказались отъ повиновенія, потому что владѣтели ихъ не обращали никакого вниманія на законы, и предавались всѣмъ злоупотребленіямъ власти. Возмутившіеся потребовали, чтобы положеніе ихъ было опредѣлено писанными законами, и угрожали отдѣлиться отъ имперіи, если Конрадъ II не исполнитъ ихъ требованій. Современники были озадачены этимъ фактомъ, такъ какъ низшіе классы уже два вѣка безропотно переносили всевозможныя притѣсненія: въ особенности они были удивлены ихъ согласіемъ и единодушіемъ.

Вслѣдствіе этого, императоръ Конрадъ II приказалъ обнародовать свой знаменитый феодальный уставъ, послужившій впослѣдствіи основой феодальному законодательству Германской имперіи. Между постановленіями этого устава существовало одно, дозволявшее мелкимъ вассаламъ приносить на приговоръ сеньора жалобу императору; другимъ утверждалось право быть судимымъ судьями, принадлежавшими къ одному сословію съ подсудимымъ [1]).

«Подданство и присяга на вѣрность, приносимая вассаломъ своему государю, имѣли цѣлью придать феодальной зависимости хоть нѣкоторую прочность. Принимая на себя обязанности подданнаго за землю, получаемую отъ государя, вассалъ приносилъ ему присягу въ вѣрности. Два эти акта были существенно различны одинъ отъ другого. На несовершеннолѣтнемъ, на ребенкѣ даже лежали обязанности подданства, но присяга на вѣрность могла приноситься только по достиженіи совершеннолѣтія. Присяга и пожалованіе помѣстьемъ (инвеститура) подтверждали тѣ чисто формальныя обязательства, которыя лежали на несовершеннолѣнемъ, при-

---

чество. Онъ обратилъ Мерзебургъ въ притонъ для всѣхъ шаекъ, давъ имъ формальное позволеніе грабить славянъ, съ условіемъ, чтобы они не трогали нѣмцевъ. (*Giesebrcht*, I, 223).

[1]) *Giesebrecht*, II, 324.

несшемъ присягу на подданство [1]). Но такъ какъ эти нравственныя обязательства могли быть прерваны, нерѣдко произвольно, такъ какъ они зависѣли отъ соблюденія условій, заключенныхъ между государемъ и вассаломъ, то они и не могли дать серьезныхъ гарантій феодальному соціальному устройству».

Никогда, никакая присяга не соблюдалась такъ плохо, въ Германіи, какъ та, которая приносилась королямъ и императорамъ [2]). А между тѣмъ, во времена многихъ изъ этихъ государей, въ особенности въ царствованіе Генриха I, присяга, приносимая герцогами, была единственнымъ звѣномъ, связывавшимъ между собою различныя части Германіи. Оттонъ I Великій, былъ первымъ императоромъ, задумавшимъ объ установленіи въ этой странѣ единства, и для достиженія этой цѣли онъ старался вернуть въ свои руки тѣ преимущества верховной власти, какими пользовались Карловинги [3]).

Германскіе императоры были могущественны внѣ страны, ибо вассалы ихъ охотно слѣдовали за ними на войну, но были слабы у себя дома. Они могли сдерживать сильныхъ своихъ вассаловъ только при содѣйствіи со стороны епископовъ; изъ всѣхъ классовъ населенія духовное сословіе отличалось наибольшей преданностью императорамъ [4]).

«Каждый ленъ составлялъ какъ бы маленькое государство, вполнѣ независимое относительно законодательства, отправленія правосудія, податей, войны, и проч. Въ обществѣ, состоявшемъ изъ такихъ элементовъ, общая связь неизбѣжно должна была быть слабой и легко разрываемой. Съ другой стороны, владѣльцы леновъ имѣли общіе интересы, права и обязанности относительно другъ друга, но въ союзѣ ихъ не было прочности, въ немъ слишкомъ мало было согласія и единодушія.

«До германскаго нашествія на галло-римскую почву большіе землевладѣльцы жили или въ городахъ, или въ прекрас-

[1]) *Guizot*, IV, 29.
[2]) *Giesebrecht*, I, 549
[3]) *Giesebrecht*, I, 478.
[4]) *Giesebrecht*, III, 6.

ныхъ замкахъ своихъ, пріятно расположенныхъ близъ городовъ, или же въ деревняхъ, въ усадьбахъ, бывшихъ средоточіемъ сельскаго хозяйства. Сначала германцы поселились въ жилищахъ галло-римлянъ. Но такъ какъ вторженія продолжались, то безпорядки и грабительства постоянно возобновлялись. Вслѣдствіе этого, города стали мало по малу окружаться рвами и укрѣпленіями. Между завоевателями многіе продолжали еще вести жизнь бродячую и грабительскую; для нихъ необходимы были притоны, въ которыхъ они были бы въ безопасности; вотъ съ какою первоначальною цѣлью построено было такое множество замковъ; ими покрыта была вся территорія, въ особенности въ царствованіе Людовика Кроткаго и Карла Лысаго. Быть можетъ, ни въ какую историческую эпоху какого бы то ни было общества мы не встрѣтимъ такого разъединенія съ остальными людьми, въ какомъ жило населеніе феодальнаго замка [1]).

«Вассалы одного и того же сеньора, поселившіеся вокругъ него на одной и той же территоріи, владѣвшіе равнозначущими ленами, обозначались въ средніе вѣка именемъ *перовъ* (pares—равные). Сношенія ихъ между собою были рѣдки и косвенны. Вассалы одного и того же сеньора имѣли дѣла, касавшіеся ихъ государя, но относительно другъ друга не имѣли ни дѣлъ, ни правъ, ни обязанностей. Они собирались вокругъ владѣтеля, когда послѣдній собиралъ ихъ для войны, для суда или для участія въ празднествѣ. Феодальная связь, отношенія между государемъ и вассаломъ были единственнымъ связывавшимъ ихъ принципомъ. Они собирались рѣже и менѣе охотно, чѣмъ древніе германцы на свои сходки (placita), на которыхъ они разсуждали о различныхъ предметахъ, творили судъ и утверждали гражданскія сдѣлки. Въ царствованіе Меровинговъ Мартовскія собранія или *placita generalia* становились съ каждомъ годомъ все болѣе рѣдкими; на нихъ подтверждались договоры, заключавшіеся между королями и ихъ ленниками или вассалами. Кромѣ того, въ этихъ собраніяхъ принимали участіе одни сеньоры, и кромѣ

[1]) *Guizot*, III, 308—319.

названія въ нихъ не было ничего общаго съ древними сходками.— Въ царствованіе второй династіи Мартовскія собранія, обратившіяся въ Майскія, получили свой прежній, вонистенный характеръ. Карлъ Великій разширилъ ихъ дѣятельность; онъ созывалъ почти всѣхъ своихъ чиновниковъ, герцоговъ, графовъ, виконтовъ, викаріевъ, сотниковъ, приставовъ, и проч., чтобы узнать отъ нихъ обо всемъ, что дѣлается. Въ царствованіе Карла Лысаго съѣзды обратились въ собранія, на подобіе конгрессовъ, на которыхъ король все болѣе и болѣе отбивается отъ вассаловъ, а эти все болѣе и болѣе отдѣляются отъ него. При послѣднихъ Карловингахъ собранія эти исчезаютъ [1]), и уступаютъ мѣсто феодальному двору. (*Guizot*, III, 287).

«Но, кромѣ духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей, связанныхъ феодальными узами, въ феодализмъ вошелъ, хотя и довольно поздно, еще одинъ элементъ—общины. Муниципальное общество, несравненно болѣе слабое и менѣе замѣтное, чѣмъ феодальное, едва обозначалось. Множество римскихъ городовъ продолжало еще свое существованіе во Франціи, и укрѣплялось въ то время, какъ среди поголовнаго мрака и безначалія слагалось феодальное общество. Слѣды муниципальнаго права, дѣйствовавшаго непрерывно съ VII по XII вѣкъ, мы встрѣчаемъ въ Перигё, Бургѣ, Марсели, Арлѣ, Тулузѣ, Парижѣ и во множествѣ другихъ городовъ. Какъ только все нѣсколько поуспокоилось и установилось, то не замедлили появиться и другія муниципіи. Вслѣдствіе завоеванія, общественное преобладаніе перешло съ городовъ на деревни, такъ какъ побѣдители варвары преимущественно селились среди своихъ земель, въ крѣпкихъ замкахъ.

[1]) Послѣ того какъ Германія отдѣлилась отъ монархіи франковъ, въ ней появилось различіе между общими собраніями имперіи (Reichstage) и княжескими собраніями или дворами (fürstliche Hoftage). Выраженіе земское собраніе (Landtag, Landtadning) въ XII вѣкѣ не имѣло еще значенія территоріальныхъ штатовъ (Landstände), но относилось къ собранію общинъ (Landesgemeinden), сходившихся каждое отдѣльно для отправленія правосудія. Выраженіе это измѣнило свое значеніе тогда только, когда общины перестали собираться. (*Zoepfl, Grundsätze des gemeinen deutschen Staatsrechts*, II, 174).

Вокругъ послѣднихъ вскорѣ сгруппировалось населеніе, на которое возложено было главнымъ образомъ воздѣлываніе земли. Судьба этихъ, вновь возникшихъ поселеній была неодинакова: большая ихъ часть оставалась въ бѣдности, другія обратились въ многолюдныя мѣстечки, города. Владѣтели мѣстности, среди которой возникали города, уступали послѣднимъ извѣстныя привилегіи и льготы, которыя, не предоставляя имъ настоящей независимости, тѣмъ не менѣе имѣли цѣлью и результатомъ привлеченіе къ городамъ населенія и умноженія въ нихъ богатства. Сборники грамотъ переполнены такого рода хартіями. Хартія, пожалованная Людовикомъ Младымъ городу Лорису въ Гатине, играла важную роль въ средніе вѣка, ибо многіе города просили о дарованіи имъ льготъ этого города [1]).

«Многіе сеньоры уступали земли и привилегіи всякому, кто поселится въ городѣ, расположенномъ въ ихъ владѣніяхъ. Они увеличивали такимъ образомъ не только свои доходы, но и вооруженную силу. Жители мѣстечекъ и городовъ обязаны были относительно своего сеньора военной повинностью; въ самую отдаленную эпоху мы встрѣчаемъ горожанъ, отправлявшихся на войну подъ предводительствомъ большею частью своего епископа.

«Рядомъ съ городами, отличавшимися римскимъ муниципальнымъ устройствомъ, пользовавшимися болѣе или менѣе широкими, но въ то же самое время и болѣе или менѣе случайными привилегіями, существовали общины, возникшія вслѣдствіе упорной борьбы съ своими сеньорами. Это были собственно такъ называемыя общины, и одна изъ главнѣйшихъ причинъ возникновенія третьяго сословія. Притѣсненія сеньорами жителей мѣстечекъ и городовъ нерѣдко были ужасны и возмутительны: несчастные нуждались въ безопасности еще болѣе чѣмъ въ свободѣ. Въ XII вѣкѣ вспыхнуло, наконецъ, повсемѣстное возмущеніе горожанъ, образовавшихъ небольшіе мѣстные союзы, чтобы защитить себя отъ насилій со стороны сеньоровъ, и выговорить себѣ гарантіи. Результатомъ этого

---

[1]) *Guizot*, IV, 228.

было безчисленное множество маленькихъ войнъ, изъ коихъ однѣ окончились гибелью горожанъ, другія — договорами, которыя, подъ именемъ «общинныхъ хартій», доставили огромному числу мѣстечекъ и городовъ родъ верховной независимости *среди ихъ стѣнъ (intra muros)*, единственной возможной въ то время гарантіи безопасности и свободы [1]).

«Хартія, дарованная въ 1128 Людовикомъ Толстымъ Лаонской общинѣ, показываетъ, каково было внутреннее состояніе города послѣ продолжительной борьбы съ сеньоромъ. Дѣло идетъ о всесторонней организаціи маленькаго, совершенно разстроеннаго общества, которому сдѣлались необходимы правильные и писанные законы. Но только въ царствованіе Людовика Святаго и Филиппа Краснваго мы встрѣчаемъ сборники великихъ указовъ, давшихъ правильное управленіе всѣмъ общинамъ въ королевскихъ владѣніяхъ. До этихъ поръ, король договаривался съ каждымъ городомъ отдѣльно. Такъ какъ наибольшая ихъ часть была независима, или по меньшей мѣрѣ пользовалась различными, признанными привилегіями, то ни король, ни какой либо могущественный сеньоръ не думали предписывать общихъ законовъ всѣмъ общинамъ своихъ владѣній, и давать имъ какую либо простую и однообразную организацію. Только въ эти два царствованія появились общія постановленія по этому вопросу [2]).

«Эти независимые, полусамодержавные города, избиравшіе себѣ начальниковъ, пользовавшіеся чуть не правомъ войны и мира, нерѣдко чеканившіе даже свою монету, мало по малу потеряли свои привилегіи и общинное устройство: начиная съ XIV вѣка число ихъ значительно уменьшилось. Подобно тому, какъ въ Венеціи, Флоренціи, Генуѣ и во всѣхъ почти итальянскихъ городахъ, политическая свобода французскихъ общинъ гибнетъ вслѣдствіе собственныхъ своихъ излишествъ. Эти безпокойныя республики быстро подпали подъ иго сильно сплоченной аристократіи. Не одна община, недовольная своей судьбой, для избѣжанія тиранніи со стороны собственнаго своего

---

[1]) *Guizot*, IV, 199—208.
[2]) *Guizot*, IV, 265.

начальства, сама просила о своемъ уничтоженіи и о поступленіи въ распоряженіе короля» [1]).

Въ Германіи города, заслуживающіе этого названія, стали появляться только въ царствованіе Оттона I. Они возникали вокругъ укрѣпленныхъ замковъ, монастырей, мѣстопребыванія епископа, и въ мѣстностяхъ, благопріятныхъ для торговли. Въ началѣ XI вѣка Кельнъ, Майнцъ, Франкфуртъ, Вормсъ, Страсбургъ, Регенсбургъ, Аугсбургъ и Магдебургъ были уже весьма многолюдными городами [2]).

«Общественныя гарантіи слѣдовали за движеніемъ и развитіемъ феодальнаго соціальнаго устройства. Пока неопредѣленность господствовала во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, до тѣхъ поръ въ случаяхъ столкновенія не было другаго суда кромѣ силы. Война и Божій судъ рѣшали всѣ распри между феодальными сеньорами. Но когда упрочился хоть нѣкоторый порядокъ, въ особенности, когда нѣсколько успокоился пылъ военныхъ людей, то установились судебныя учрежденія и особый классъ судей (baillis), засѣдавшихъ въ нихъ. Съ XI по XIII вѣкъ новый судебный порядокъ занялъ мѣсто феодальныхъ судовъ. Въ прежнія времена, когда поднимался вопросъ о правѣ между вассалами одного и того же государя, то жаловавшійся обращался къ своему сеньору. Послѣдній не имѣлъ никакого права творить судъ самъ, и обязанъ былъ созвать своихъ вассаловъ, перовъ обвиненнаго; послѣдніе, собравшись на судъ, произносили свой приговоръ. Сеньоръ утверждалъ ихъ рѣшеніе. Точно такимъ же образомъ поступали въ случаѣ распри между государемъ и его вассаломъ, касающейся ихъ феодальныхъ отношеній; она должна была разбираться въ судѣ государя перами его вассала; но если распря касалась предмета чуждаго феодальныхъ отношеній, то дѣло рѣшалось не въ судѣ заинтересованнаго сеньора, а въ судѣ его государя (сюзерена).

«Если осужденный отказывался отъ повиновенія приговору, то принудить его къ этому можно было только войной. Вой-

---

[1]) *Guizot*, IV, 270.
[2]) *Giesebrecht*, I, 768.

ну противъ осужденнаго долженъ былъ вести сеньоръ, въ судѣ котораго произнесенъ былъ приговоръ, или челобитчикъ. Вслѣдствіе безсилія этихъ судебныхъ гарантій, никто не имѣлъ довѣрія къ нимъ, и всякій самъ творилъ судъ, посредствомъ ли войны, или посредствомъ судебнаго поединка. Вотъ почему оба эти средства обратились въ настоящія учрежденія, установленныя на болѣе прочныхъ основахъ, и облеченныя въ формальности, подробнѣе обдуманныя, чѣмъ настоящіе суды. Въ памятникахъ феодальной эпохи мы встрѣчаемъ болѣе подробностей, болѣе мѣръ предосторожности и болѣе точныя правила для судебныхъ поединковъ, чѣмъ для судебнаго преслѣдованія. Первые представляли настоящую систему гарантіи для феодальнаго общества» [1]).

Изъ всѣхъ германскихъ народовъ саксонцы были наиболѣе пристрастны къ судебнымъ поединкамъ, и чаще другихъ прибѣгали къ нимъ. Принципъ силы былъ для нихъ настоящей религіей. Эллієнъ разсказываетъ, что между этимъ народомъ существовалъ такого рода обычай: прежде вступленія въ супружество, женихъ и невѣста вступали въ борьбу, чтобы рѣшить, кому изъ нихъ будетъ принадлежать власть въ семействѣ. Каждый свободный саксонецъ, недовольный судебнымъ приговоромъ, имѣлъ право обратиться къ поединку, выставивъ противъ семи осудившихъ его судей такое же число бойцевъ съ его стороны. Въ 938 поднятъ былъ вопросъ о томъ, одни

---

[1]) *Guizot*, IV, и слѣд. Въ представленномъ очеркѣ феодализма мы слѣдовали за Гизо, и заимствованія изъ него, обозначенныя кавычками, совершенно соотвѣтствуютъ тексту, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ измѣненій, бывшихъ неизбѣжными, такъ какъ содержаніе двухъ почти томовъ намъ пришлось передать на нѣсколькихъ страницахъ. Гизо превосходно изложилъ феодализмъ въ его подробностяхъ, но онъ не предлагаетъ точки зрѣнія, съ которой можно было бы обозрѣть его во всей его совокупности. Въ заключеніе Гизо говоритъ, что феодализмъ составляютъ шесть различныхъ принциповъ, которые онъ поочередно перечисляетъ, что служитъ яснымъ доказательствомъ, что имъ не было замѣчено единство ихъ, то есть, первоначальная причина этихъ шести принциповъ, представляющихъ не иное что, какъ продуктъ феодальной идеи, результаты, къ которымъ приводитъ она.

ли живые сыновья имѣли право на наслѣдство отца, или же къ послѣднему должны быть допущены также и дѣти прежде умершаго сына. Императоръ Оттонъ I, происходившій изъ саксонскаго дома, дѣйствуя въ духѣ своего народа, приказалъ рѣшить вопросъ судебнымъ поединкомъ. И такъ какъ боецъ со стороны внуковъ остался побѣдителемъ, то за ними признано было на вѣчныя времена право заступать мѣсто отца въ дѣлахъ наслѣдсава [1]).

Если бросить взглядъ на эпоху, охватывающую весь феодализмъ, съ самаго его происхожденія, то въ немъ можно встрѣтить слѣды римской цивилизаціи до конца VI вѣка; затѣмъ Европа покрывается мракомъ самаго ужаснаго варварства [2]). Карлъ Великій отчасти разсѣялъ его, но только на время. Великій императоръ заслуживаетъ несравненно бо́льшаго удивленія, какъ законодатель, нежели какъ завоеватель. Его капитуляріи все обобщаютъ, и затѣмъ все опредѣляютъ до малѣйшихъ подробностей. Они служатъ основой соціальной организаціи для всѣхъ народовъ новѣйшей Европы, какъ XII таблицъ служили основой для римскаго міра [3]). Въ IX и X вѣкѣ хаосъ господствовалъ всюду. Только въ концѣ X вѣка изъ этого хаоса начало слагаться феодальное право во Франціи. Тѣмъ неменѣе, борьба между сеньорами изъ за увеличенія своего могущества была сильнѣе, чѣмъ когда либо. При возникновеніи своемъ, феодальное право дѣлаетъ шагъ назадъ во многихъ отношеніяхъ, сравнительно съ эпохой Карловинговъ. Писанные законы были въ пренебреженіи; слѣдствіемъ этого были ужасные безпорядки, ужасныя злоупотребленія; но, разсматриваемыя во всей своей совокупности, феодальныя учрежденія болѣе соотвѣтствовали духу германцевъ, чѣмъ учрежденія, дарованныя Карломъ Великимъ [4]).

Впродолженіи пяти вѣковъ (съ V до X), въ которые слагалось феодальное право, впродолженіи трехъ или четырехъ вѣковъ, въ которые оно находилось въ полной силѣ своей,

---

[1]) *Giesebrecht*, I, 280.
[2]) *Giesebrecht*, I, 94.
[3]) *Giesebrecht*, I, 127.
[4]) *Giesebrecht*, I, 294.

пра́во это прошло черезъ множество внѣшнихъ измѣненій. Но среди всѣхъ ихъ оно постоянно обнаруживаетъ одно и то же стремленіе — опредѣлить права каждаго, вслѣдствіе чего устанавливались точными договорами, съ одной стороны, границы власти, а съ другой — границы свободы.

Неопредѣленность всѣхъ отношеній, повсемѣстное во всей Европѣ отсутствіе безопасности во все продолженіе феодальнаго періода поддерживали эту потребность. Удовлетворить ее возможно было однимъ только способомъ, вытекавшимъ изъ древнихъ германскихъ обычаевъ и изъ понятій, бывшихъ въ ходу между этимъ народомъ. Но какъ только разъ вступлено было на этотъ путь, то уже не было возможности оставить его: это былъ совершенно отдѣльный міръ, тѣмъ неменѣе охватывавшій цѣлый строй идей, находившихся въ совершенномъ согласіи между собой, міръ, въ которомъ условія, служившія первоначальной основой слагавшагося общества, постоянно давали чувствовать себя. Во Франціи, въ особенности, общество выросло изъ дружины воиновъ, сошедшихся случайно. Вотъ почему и личность играла въ ней бо́льшую роль, чѣмъ масса, а на частности обращалось больше вниманія, чѣмъ на цѣлое. По этой причинѣ, общественная связь отличалась въ этой странѣ примѣрною слабостью, а всѣ политическія учрежденія и само общество постоянно грозили разложеніемъ.

Въ Германіи феодальное право слагалось несравненно медленнѣе чѣмъ во Франціи, изъ которой она получала главный толчекъ въ этомъ отношеніи. Сила, связывавшая племена, и въ особенности общины, которыя составляли въ ней основу соціальнаго порядка, умѣряли въ этой странѣ до нѣкоторой степени сепаративныя стремленія, свойственныя феодальной Франціи. Поэтому, и феодальная анархія никогда не достигала такихъ размѣровъ въ Германіи, какъ во Франціи. Только въ Бургундіи она достигла той же степени, или даже перешагнула за нее [1]).

[1]) *Giesebrecht*, II, 366.—Гизо показываетъ, что во Франціи основаніемъ феодализму послужила военная дружина; Гизебрехтъ приводитъ факты, подтверждающіе, что въ Германіи развитіе феодализма

По мѣрѣ того, какъ жизненныя силы феодализма стали истощаться, въ немъ обнаружилось новое стремленіе—соединить то, что̀ до этого было разъединено, обобщить то, что̀ оставалось въ состояніи индивидуальности, привести безчисленные отдѣльные договоры, сначала къ небольшому числу договоровъ или хартій, а потомъ, къ единой хартіи или къ конституціи.

Но прежде чѣмъ прійти къ этому послѣднему результату, прошла довольно продолжительная эпоха, всюду заключившаяся чистой монархіей. Въ Англіи перерывъ между собственно такъ называемой феодальной эпохой и эпохой конституціонной былъ менѣе продолжителенъ, и не такъ рѣзко обозначился, какъ во всей остальной Европѣ. Тѣмъ неменѣе, границами двухъ этихъ эпохъ служитъ правленіе Генриха VII и Кромвеля.

Впродолженіи этой переходной эпохи соціальныя идеи все болѣе и болѣе приближались къ обобщенію, никогда, впрочемъ, не достигая его вполнѣ. Личности не терялись еще въ массѣ народа, но уже группировались въ классы. Послѣдніе являются, какъ коллективныя личности, отдѣляющіяся отъ остальнаго населенія, отличающіяся, каждая, собственными своими интересами и особенной точкой зрѣнія. Дѣло идетъ уже не о томъ или другомъ сеньорѣ, какъ въ эпоху феодализма, не о томъ или другомъ епископѣ или аббатѣ, но о классѣ сеньоровъ или духовныхъ лицъ, составляющемъ отдѣльную корпорацію. Дѣло идетъ не о горожанахъ того или другаго города, но обо всемъ третьемъ сословіи. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ крестьяне тоже сложились въ отдѣльный классъ [2]).

Эти различные классы стали снова собираться подъ именемъ штатовъ (чиновъ) или государственныхъ сословій [2]).

постоянно отставало отъ развитія его во Франціи, изъ чего мы имѣемъ право заключить, что во Франціи феодализмъ сложился болѣе согласно съ своей идеей потому именно, что въ основаніи его лежала военная дружина.

[1]) Въ Швеціи, Вюртембергѣ, Восточной Фрисландіи, Тиролѣ.

[2]) Сословія не были организованы одинаково во всѣхъ владѣніяхъ, входившихъ въ составъ германской имперіи.

Такъ какъ сословія не могли являться въ мѣста собраній во всей своей совокупности, то они посылали на нихъ своихъ выборныхъ. Вотъ начало представительства, сначала отдѣльныхъ классовъ, а впослѣдствіи цѣлаго народа, его депутатами. Это учрежденіе новѣйшаго происхожденія; оно неизвѣстно было древнему міру, и въ чисто феодальную эпоху имѣло только частное значеніе, касаясь однихъ только городовъ. Штаты или государственныя сословія названы были такимъ образомъ, потому что они дѣйствительно представляли различныя общественныя состоянія или сословія, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя, по воззрѣніямъ эпохи, входили въ составъ общества [1]).

Такъ какъ переходная эпоха, о которой идетъ рѣчь, въ особенности рѣзко проявилась въ германской имперіи, то мы тамъ и встрѣчаемъ самыя характеристическія черты ея.

Въ мѣстностяхъ, входившихъ въ составъ германской имперіи, то есть, въ независимыхъ владѣніяхъ различнаго наименованія, вслѣдъ за феодальной эпохой появились *сословія* или *куріи*. Мелкія княжества и города или свободныя общины не знали ихъ. Всякое сословіе или курія составляли отдѣльное цѣлое, и самостоятельно договаривались съ государемъ или прочими куріями. Государь могъ созвать сословія въ своемъ владѣніи, но послѣднія могли, въ свою оче-

---

Большею частью существовало три сословія, которыя назывались также *куріями*: прелатовъ, рыцарей и городовъ. Представители послѣднихъ являлись въ небольшомъ числѣ, а иногда такъ и вовсе не показывались въ собраніяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовала одна только курія—сеньоровъ, въ другихъ встрѣчались только двѣ куріи, изъ коихъ одна состояла изъ прелатовъ и рыцарей, а другая изъ мѣстечекъ и городовъ. Случалось также, что образовывалась одна только курія, когда представители мѣстечекъ и городовъ не являлись. (*Zoepfl*, II, 189).

[2]) Историческое развитіе различныхъ сословій въ Германіи опиралось на представленіи о товариществѣ, то есть, на сознаніи общихъ интересовъ всѣхъ членовъ какого либо общественнаго слоя. Люди, которые по рожденію принадлежали къ одному какому либо сословію, назывались, поэтому, товарищами (Schvabenspiegel). Вотъ почему и теперь еще мы слышимъ иногда про сословныхъ товарищей (Standesgenossen). (*Zoepfl*, II, 89).

редь, собраться и по собственному усмотрѣнію. Какъ государь, такъ и сословія имѣли свое особенное управленіе. Государь распоряжался государственными и коронными имуществами (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ распоряжался и косвенными налогами), какъ своей собственностью, не зная никакого контроля со стороны сословій. Но послѣднія могли отказаться отъ налога, или согласиться на него на извѣстныхъ только условіяхъ; исключеніе составляли только нѣкоторые налоги, утвержденные на вѣчныя времена. Сословія сами собирали подати, на которыя они выразили свое согласіе, сами распоряжались сборами или, по крайней мѣрѣ, слѣдили за расходованіемъ ихъ. Государи долгое время воздерживались отъ всякаго вмѣшательства во внутреннее управленіе сословій. Они рѣшились на него только впослѣдствіи, опираясь на имперскіе суды, которые въ такихъ случаяхъ постоянно потворствовали имъ.

Общественные финансы имперскихъ владѣній отличались тою особенностью, что они находились въ зависимости отъ двухъ отдѣльныхъ управленій: государя (Kammer-Casse—казначейство) и сословій (Ständische Steuer-Casse — сословная податная палата). Оба управленія были совершенно отдѣлены одно отъ другаго. Каждое изъ нихъ имѣло своихъ собственныхъ чиновниковъ и свое собственное вѣдомство; оба вступали въ сдѣлки между собой, или вели процессы одно противъ другаго. Вотъ въ какой формѣ продолжала свое существованіе древняя феодальная независимость, что̀ касается общественныхъ повинностей.

Сословія пользовались независимостью и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Они имѣли право посылать депутаціи къ императору и къ имперскому сейму, а также и къ другимъ государямъ.

Такой порядокъ вещей продолжался до Вестфальскаго мира, результатомъ котораго было ослабленіе единства имперіи поднятіемъ могущества отдѣльныхъ князей. Договоромъ (Wahlcapitulation) 1658 не только подтверждены были всѣ права князей относительно императора и имперіи, но не мало стоило труда исключить изъ договора статью такого содер-

жанія: „Если императоръ нарушитъ въ чемъ бы то ни было договоръ, то однимъ этимъ фактомъ онъ лишается короны“ [1]).

Этотъ договоръ предоставилъ князьямъ бо́льшую власть, чѣмъ какою они когда либо пользовались относительно своихъ подданныхъ. Сословія лишены были права распоряжаться налогами, собранными съ ихъ согласія, и имъ запрещено было приносить жалобы по этому вопросу въ имперскіе суды. Послѣдующими постановленіями все болѣе и болѣе стѣснено было ихъ стремленіе къ самостоятельности. Право ихъ собираться по своему усмотрѣнію и заключать отдѣльные договоры съ своими князьями было отмѣнено; отношенія между государственнымъ казначействомъ и сословной податной кассой были точно опредѣлены. Что́ касается до законодательства, то оно возвращалось все болѣе и болѣе въ кругъ власти государя; къ содѣйствію сословій находили нужнымъ обращаться въ такомъ только случаѣ, когда дѣло шло о частныхъ правахъ (jura singulorum). [2])

При такихъ обстоятельствахъ, германскимъ князьямъ тѣмъ легче было погубить значеніе сословій, что ихъ поддерживало въ эту эпоху общественное мнѣніе.

ГЛАВА XII.

Общественное право.

(Четвертая часть).

Конституціонное устройство.

Такимъ образомъ, съ паденіемъ феодализма сочетаніе между двумя основными соціальными идеями принимало другой характеръ, все болѣе и болѣе освобождаясь отъ всего личнаго и частнаго для достиженія общаго. Это стремленіе вызвало новую соціальную идею—конституціонную.

Исторія показываетъ намъ, какимъ образомъ совершалось

---

[1]) *Deutsche Geschichte von Häusser*, I, 56.

[2]) См. о приведенныхъ фактахъ у Шталя: *Philosophie des Rechts*, III, 335 и слѣд.

постепенное преобразованіе феодальной идеи въ конституціонную; и если это преобразованіе не всегда происходило правильнымъ путемъ, то это потому, что логическое развитіе идеи и вытекавшихъ изъ нея фактовъ нерѣдко прерывалось актами насилія. Но развитіе тѣмъ не менѣе постоянно поддерживалось потребностью установить общественныя отношенія и распространившимся мнѣніемъ, что хартія, въ которой замѣшаны были интересы цѣлаго сословія, или даже всего народа, представляла болѣе прочныя гарантіи, чѣмъ безчисленное множество отдѣльныхъ договоровъ. Это мнѣніе должно было развиться самостоятельнымъ путемъ въ странахъ, гдѣ господствовалъ феодализмъ, ибо конституціонная идея есть только послѣдующая фаза идеи феодальной. Въ другихъ же странахъ это мнѣніе распространено было въ особенности научными теоріями по этому вопросу.

Мы замѣтили уже, что преобразованіе феодальной идеи въ конституціонную прервано было во всѣхъ частяхъ Европы развитіемъ чистой монархіи. На сторонѣ послѣдней стояли народныя симпатіи, одушевленныя ненавистью къ феодальнымъ порядкамъ.

Этотъ перерывъ былъ менѣе замѣтенъ въ Англіи, чѣмъ въ какой либо иной странѣ; вотъ почему англійская конституція сохранила больше слѣдовъ своего послѣдовательнаго преобразованія, то есть, больше слѣдовъ феодализма, чѣмъ всякая другая конституція, сложившаяся по ея образцу.

Англійская конституція была результатомъ естественнаго развитія соціальныхъ идей, тогда какъ въ прочихъ странахъ, за исключеніемъ Нидерландовъ и въ особенности Швеціи [1]), развитіе это было остановлено. Это развитіе возстановилось только вслѣдствіе великаго толчка, даннаго всѣмъ соціальнымъ идеямъ французской революціей. Но тогда, вмѣсто того чтобы идти по пути, открытому послѣдней, по естественной аналогіи, онѣ пошли за развитіемъ соціальныхъ идей въ Англіи.

[1]) Вотъ почему шведская конституція до позднѣйшихъ временъ сохранила большую часть организаціи древнихъ государственныхъ соловій.

Нельзя, поэтому, утверждать, что конституціи, возникшія въ подраженіе англійской, было дѣломъ вполнѣ заимствованнымъ въ странахъ, находившихся въ тѣхъ же существенныхъ условіяхъ, то есть, такихъ, въ которыхъ господствовалъ феодализмъ. Конституціонная идея, возродившаяся въ этихъ странахъ, начала свое развитіе съ той точки, на которой она была прервана. Только вмѣсто того, чтобы пройти медленнымъ путемъ тѣ же фазы, что и въ Англіи, она быстро переходила къ результататъ, которые были достигнуты въ этой странѣ.

Англійская конституція состоитъ изъ ряда договоровъ, заключенныхъ сначала между королями и одними только баронами, а затѣмъ, между королями и баронами, дѣйствовавшими вмѣстѣ съ прочими классами общества, число и значеніе которыхъ все возрастало.

Но самая замѣчательная черта соціальнаго развитія Англіи состояла въ томъ, что въ ней съ самыхъ отдаленныхъ временъ возникъ общественный духъ, въ высшей степени отрѣшившійся отъ феодальной раздѣльности. Англійскіе бароны, даже въ то время, какъ они боролись съ короной, опираясь только на свои силы, имѣли въ виду не одни только собственные интересы, или интересы своего сословія, но ходатайствовали за весь народъ.

Тотъ фактъ, что англичане стали выше духа раздѣльности ранѣе другихъ европейскихъ народовъ, можетъ быть объясненъ различнымъ образомъ. Можетъ быть, ужасный гнетъ, лежавшій вслѣдствіе французскаго вторженія [1]) на всей тузем-

[1]) То, что называютъ завоеваніемъ Англіи норманами, въ сущности было чисто французскимъ завоеваніемъ. Въ сраженіи при Гастингсѣ въ арміи Вильгельма-Завоевателя, силою въ 60,000 воиновъ, было не болѣе четвертой части норманновъ, остальныя три четверти состояли изъ пришлыхъ людей со всѣхъ концевъ теперешней Франціи. Сверхъ того, жители Нормандіи уже съ X вѣка до такой степени уподобились французамъ, что норвежцы и датчане, до этого времени часто навѣщавшіе ихъ, прекратили свои посѣщенія, потому что перестали понимать ихъ языкъ. Поэтому, и называть ихъ они стали не норманами, а французами, романами или валлонами. (*Augustin Thierry, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands*, I, 165).

ной расѣ, научилъ побѣжденныхъ тѣсно держаться другъ друга, и дѣйствовать сообща во имя общихъ интересовъ. Но какая бы ни была причина этого, не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что англичане съиздавна выказывали въ политикѣ необыкновенное искуство дѣйствовать умѣренно и совокупными силами, и подчинять частные интересы общимъ интересамъ страны. Излишества, выказанныя въ революцію XVII вѣка, составляютъ исключеніе, и должны быть приписаны гораздо болѣе религіозному фанатизму, чѣмъ политическимъ страстямъ.

Итакъ, тотъ фактъ, что конституціонная соціальная форма могла осуществиться преимущественно въ Англіи, объясняется историческими условіями и духомъ, свойственнымъ ея населенію.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ парламентъ получаетъ въ ней характеръ общественнаго учрежденія. Первоначально онъ является подъ именемъ великаго совѣта (great council), въ которомъ засѣдали лорды, епископы и высшіе чиновники короны. Съ царствованія Эдуарда I, рядомъ съ палатой лордовъ, прочно устанавливается вторая палата [1]).

Съ тѣхъ поръ какъ англійскій парламентъ появляется въ исторіи, мы видимъ, что онъ исполняетъ политическія обязанности, участвуетъ въ законодательствѣ, и вотируетъ субсидіи и различные налоги. Такимъ образомъ, онъ постоянно пользовался весьма широкой властью, и отстаивалъ съ такою ревностью преимущественно общіе интересы страны, что послѣдніе охранялись имъ несравненно лучше, чѣмъ

Порабощеніе Англіи французами было до того полно, что не ранѣе какъ черезъ четыре столѣтія она была въ состояніи возвратиться къ своему природному языку. Только въ царствованіе Эдуарда III дозволено было приносить жалобу на англійскомъ языкѣ. Въ 1425 является первый актъ нижней палаты парламента на англійскомъ языкѣ, и съ 1450 уже не встрѣчается французскихъ документовъ въ изданномъ сборникѣ англійскихъ общественныхъ актовъ. *(Augustin Thierry,* III, 549). Но между англійской аристократіей французскій языкъ еще долго былъ въ употребленіи.

[1]) Правильное существованіе палаты общинъ начинается съ 23 года царствованія Эдуарда I. *(The constitutional History of England by Hallam,* II, 200).

частные интересы [1]). Парламентъ съ самыхъ раннихъ временъ состоялъ изъ людей, принадлежавшихъ къ различнымъ классамъ: изъ лордовъ, епископовъ и изъ депутатовъ, избранныхъ землевладѣльцами или городами [2]). Но всѣ они умѣли стать выше узкихъ сословныхъ интересовъ. Даже въ томъ случаѣ, когда, подъ вліяніемъ феодальныхъ обычаевъ, лорды отдѣлялись отъ общинъ по нѣкоторымъ предметамъ (въ особенности, когда они отдѣльно вотировали налоги), тѣ и другія дѣйствовали согласно относительно большей части общественныхъ вопросовъ, а именно, когда дѣло шло собственно о такъ называемыхъ законахъ (statutes), такъ какъ послѣдніе получали силу, только прошедши черезъ обѣ палаты. Парламентъ постоянно являлся единымъ, а не состоящимъ изъ двухъ отдѣльныхъ палатъ или курій, какъ это было въ это время въ прочихъ европейскихъ странахъ. Вотъ почему англійскій парламентъ всегда имѣлъ характеръ національнаго учрежденія, ибо двѣ его камеры, въ совокупности, представляли всю націю передъ короной. Рѣшенія, принятыя ими съобща, охотно принимались народомъ, смотрѣвшимъ на нихъ, какъ на выраженіе собственной воли, а если эти рѣшенія утверждались королемъ, то они становились безусловно обязательными для всѣхъ [3]). Поэтому, формула «ко-

---

[1]) Общія привилегіи націи находились въ несравненно большей безопасности, чѣмъ права частныхъ людей. Различные чиновники короны часто прибѣгали къ большимъ насиліямъ... и вообще правительство врядъ ли успѣшно обуздывалось, за исключеніемъ двухъ статей: взиманія денегъ и изданія законовъ... Мы не знаемъ ни одного закона, который былъ бы изданъ нашими королями безъ согласія и одобренія ихъ большаго совѣта... Ни одно измѣненіе въ общихъ законахъ королевства не было сдѣлано безъ согласія парламента. (*Hallam*, I, 3).

[2]) По истинѣ, подлежитъ сомнѣнію, имѣли ли представители обыкновенныхъ землевладѣльцевъ и мѣстечекъ мѣста и голоса въ этомъ собраніи впродолженіи семи или восьми царствованій послѣ завоеванія. (*Hallam*, тамъ же).

[3]) Въ различныхъмѣстностяхъ, входившихъ въ составъ Германской Имперіи, принималось за правило считать рѣшеніе, единогласно принятое куріями и утвержденное государемъ, обязательнымъ для всей страны. Но это воззрѣніе, къ тому же, появившееся въ позднюю эпоху,

роль и парламентъ» имѣла такое же значеніе въ Англіи, какъ формула »императоръ и имперія«—въ Германіи. Та и другая служили символомъ самой высокой и обширной власти, за исключеніемъ во всякомъ случаѣ духовной папской власти. Послѣдняя составляла отдѣльную область [1]).

По мѣрѣ того, какъ въ палату общинъ входили представители все большей части населенія, на ея сторону становились всѣ, имѣвшіе какую нибудь собственность, такъ какъ всѣ люди этой категоріи участвовали въ выборахъ. Это обстоятельство произвело рѣшительную перемѣну въ относительномъ положеніи двухъ камеръ. Палата общинъ долгое время считала себя какъ бы въ подчиненіи предъ палатой лордовъ;

противурѣчило феодальному духу и даже учрежденіямъ переходной эпохи, потому что собранія сословій представляли только извѣстные классы, а не все населеніе. *(Zoepfl*, I, 179). На ученіе, о которомъ идетъ рѣчь, должно смотрѣть, какъ на первый признакъ преобразованія сословій въ смыслѣ новѣйшаго представительства.

[1]) Во все продолженіе среднихъ вѣковъ такъ называемое ученіе о *двухъ мечахъ* признавалось всѣми. Духовная власть папы представлялась однимъ мечемъ, а свѣтская власть императора—другимъ. Мечи эти принимались не за простые только символы, но вѣрили, что Христосъ передалъ ихъ Св. Петру, и одинъ изъ этихъ мечей долженъ былъ служить апостолу и его преемникамъ. Свѣтскій же мечъ былъ только порученъ ему, чтобы перейти затѣмъ въ руки Константина и Карла Великаго. Такъ какъ мечи представляли даръ Божій, то они и служили основой всякой власти на землѣ. На основаніи этой теоріи, существованіе государства, независимаго отъ Германской Имперіи было столь же беззаконно, какъ существованіе епископства, независимаго отъ святаго престола. Современные публицисты, стоявшіе какъ на сторонѣ папы, такъ и на сторонѣ императора, были согласны по этому вопросу, и расходились только относительно размѣровъ власти, принадлежавшей каждому мечу. *(Stahl*, I, 64). Французскіе и бургундскіе государи являлись на сеймы, созывавшіеся императоромъ Оттономъ Великимъ, такъ какъ государства ихъ считались иногда провинціями имперіи. Такимъ образомъ, было время, когда Франція находилась въ подчиненіи у германскаго императора, хотя эта зависимость и не имѣла серьознаго значенія; ибо мы не имѣемъ свидѣтельства, чтобы французскіе и бургундскіе государи приносили присягу на подданство и вѣрность императорамъ, или чтобы послѣдніе раздавали владѣнія во Фарнціи и Бургундіи графамъ или епископамъ. *(Giesebrecht*, I, 480)

она во всѣхъ случаяхъ выказывала ей много уступчивости. Но къ концу царствованія Елизаветы она, повидимому, совершенно освободилась изъ подъ ея вліянія [1]).

Съ этой эпохи она постоянно боролась за преобладаніе въ государствѣ, съ одной стороны, противъ короны, а съ другой, противъ лордовъ. Соперничество между двумя палатами въ особенности вызывалось притязаніемъ палаты общинъ на исключительное право рѣшать одной всѣ денежные вопросы, безъ всякаго участія въ нихъ палаты лордовъ. Вслѣдствіе этого притязанія, палата общинъ не признавала за лордами право дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ вотированныхъ ею билляхъ, касавшихся монеты (money-bills). Мало того, она оспаривала законность билля, прошедшаго черезъ палату лордовъ, какъ только результатомъ его являлось какое нибудь денежное обременеіе для народа, даже въ томъ случаѣ, когда дѣло шло не болѣе какъ о пенѣ. Такъ какъ соперничество это имѣло огромное значеніе, ибо оно привело къ тому, что преобладаніе перешло изъ одной камеры въ другую, то намъ необходимо остановиться на его главнѣйшихъ моментахъ.

До царствованія Эдуарда III налоги утверждались отдѣльно каждой палатой: лорды вотировали налоги, непосредственно ихъ касавшіеся, а общины — налоги, касавшіеся всего народа. Послѣ этой эпохи обѣ палаты утверждали налоги по разсмотрѣніи ихъ съобща. Но съ царствованія Эдуарда III замѣчается перемѣна въ парламентскихъ обычаяхъ по этому предмету. Палата общинъ вздумала одна опредѣлять размѣры налоговъ, а лордамъ предоставила честь одобрять ея рѣшенія, что̀ должно было обратиться въ пустую формальность. Начиная съ перваго парламента, созваннаго Карломъ I, общины въ своихъ билляхъ о монетѣ уже вовсе не упоминали о лордахъ. Послѣдніе протестовали; но, несмотря на

---

[1]) Можно усомниться въ фактѣ, чтобы нижняя палата нарушала безусловно и постоянно всякое чувство подчиненности или, по крайней мѣрѣ, уваженія къ высшей раньше исхода царствованія Елизавеы. (*Hallam*, II, 196).

это, съ этой эпохи палата общинъ захватила въ свои руки право почина въ финансовыхъ вопросахъ. По этому поводу уже не было больше столкновеній между двумя камерами, но споръ продолжался по вопросу о границахъ, какія придавались общинами своей привилегіи, такъ какъ онѣ оспаривали право палаты лордовъ на починъ въ какомъ бы то ни было законномъ постановленіи, если только послѣднее вызывало какой нибудь платежъ или денежное обязательство, а также право дѣлать поправки въ билляхъ о монетѣ, выходившихъ изъ палаты общинъ.

Серьозная борьба по этимъ вопросамъ возникла въ первый разъ между обѣими палатами въ 1666 по случаю переданнаго лордами общинамъ билля о мощеніи вестминстерскихъ улицъ. Общины отвергли билль, какъ посягавшій на ихъ привилегіи, ибо въ немъ дѣло шло о денежномъ вопросѣ. Билль былъ отвергнутъ, а между тѣмъ не задолго до этого чрезъ общины проходили многіе билли, отличавшіеся такимъ же характеромъ. Но когда въ 1671 лорды уменьшили налогъ на сахаръ, утвержденный общинами, то между обѣими палатами произошло сильное столкновеніе. Общины приняли такого рода рѣшеніе: «Лорды не имѣютъ права измѣнять размѣровъ налоговъ, выплачиваемыхъ общинами королю.» Рѣшеніе это, разумѣется, не имѣло никакой собственно такъ называемой законной силы, но оно приглашало палату къ преніямъ по этому вопросу, и точно опредѣляло почву для нихъ. Между обѣими камерами открылись переговоры, чтобы прійти къ соглашенію, какъ это всегда бывало въ случаѣ столкновенія между ними; но на этотъ разъ переговоры не привели ни къ чему, и вопросъ остался въ томъ же положеніи до настоящаго времени.

Лорды уже не оспариваютъ болѣе права общинъ принимать на себя починъ въ собственно такъ называемыхъ финансовыхъ вопросахъ; они только требуютъ, въ свою очередь, права дѣлать поправки въ билляхъ о монетѣ, и не соглашаются на притязаніе палаты общинъ отстранить ихъ отъ участія въ рѣшеніи денежныхъ вопросовъ. Споры эти не окончились до настоящаго времени, и даже не поставлены такимъ образомъ,

чтобы они могли быть окончательно рѣшены, такъ какъ обѣ палаты постоянно избѣгали открытаго разрыва. Каждая изъ нихъ дѣйствуетъ осторожно и снисходительно относительно другой. Лорды не желаютъ подымать безполезныхъ преній по этому вопросу, а общины въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, въ которыхъ онѣ открывали нарушеніе требуемаго ими правила, довольствовались тѣмъ, что отвергали билль, предлагаемый другой палатой, но тотчасъ же возстановляли его во всей цѣлости, какъ будто бы онъ выходилъ по собственному ихъ почину.

Несмотря на эту небольшую уступку, побѣда очевидно осталась на сторонѣ палаты общинъ. Послѣдняя захватила такимъ образомъ въ свои руки привилегію, передавшую въ ея распоряженіе безусловный контроль надъ всѣми распоряженіями правительства, такъ какъ каждое такое распоряженіе неизбѣжно сопровождается извѣстными расходами [1]).

Соперничество между двумя камерами выразилось еще сильнѣе по другому вопросу — о размѣрахъ судебной власти, какіе приписывала себѣ палата лордовъ. Послѣдняя съиздавна пользовалась ею въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Она разбирала обиды, причиненныя частнымъ лицамъ и графствамъ, въ особенности въ случаяхъ злоупотребленія власти со стороны государственныхъ чиновниковъ и вельможъ. Она наказывала за государственныя преступленія и присуждала къ уплатѣ протырей и убытковъ въ гражданскихъ дѣлахъ. Судебная власть ея въ этомъ отношеніи равнялась, если не превосходила власть обыкновеннаго королевскаго совѣта [2]). Лорды облечены были этой властью королемъ, и пользовались ею, какъ въ первой, такъ и въ послѣдней инстанціи, ибо иногда они принимали всякаго рода жалобы, поданныя прямо къ нимъ, иногда же переносили къ себѣ жалобы, поданныя въ въ обыкновенные суды. Повидимому, оба рода судопроизводства совершались лордами съ давнихъ временъ, и это имѣло тѣмъ большее значеніе, что даже *Звѣздная палата (Star-chamber)*

---

[1]) *Hallam*, II, 192 и слѣд.

[2]) Этотъ совѣтъ не должно смѣшивать съ большимъ совѣтомъ, родоначальникомъ парламента.

не имѣла права начать судебное преслѣдованіе. Въ 1685 учрежденъ былъ *Судъ казначейства (Exchequer chamber)*, какъ промежуточная инстанція между *Судомъ королевской скамьи (King's-bench)* и палатой лордовъ. По этому случаю высшая подсудность предъ послѣдней признана была самымъ точнымъ образомъ. Все это подтверждаетъ, что палата лордовъ была несомнѣнно высшимъ судебнымъ трибуналомъ королевства, имѣвшимъ право призывать къ суду и судить каждое дѣло, хотя бы послѣднее прошло уже чрезъ всѣ обыкновенныя судебныя инстанціи.

Однако же, первоначально лорды, повидимому, въ рѣдкихъ только случаяхъ вмѣшивались въ судебныя дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію обыкновенныхъ судовъ. Впродолженіи двухъ столѣтій, съ 1403 до 1602, мы можемъ привести въ примѣръ одинъ только подобный случай. Но въ царствованіе Іакова I, сдѣлавшись смѣлѣе вслѣдствіе поддержки со стороны общественнаго мнѣнія, лорды стали часто прибѣгать къ такого рода суду. Они продолжали поступать такимъ же образомъ въ первыя парламентскія сессіи въ царствованіе Карла I. Когда вспыхнуло возмущеніе въ Банбюри, то они собственной властью наказали виновныхъ [1]). Во время реставраціи Карла II, общины препроводили къ лордамъ билль, предлагавшій захватить убійцъ короля и ихъ имущества. Лорды увидѣли въ немъ посягательство на принадлежавшую имъ подсудность, и замѣнили первоначальную формулу билля слѣдующей: „по повелѣнію лордовъ и по жалобѣ общинъ“ [2]). Они нетолько приказали возвратить всѣмъ членамъ верхней палаты конфискованныя у нихъ имущества, со всѣми причитавшимися доходами, но постановили общій законъ на такого рода жалобы частныхъ лицъ.

Палата общинъ смотрѣла съ завистью на судебную власть, которою пользовалась палата лордовъ. Столкновеніе по этому

---

[1]) Съ царствованія Анны парламентъ придерживался обычая начинать судебное преслѣдованіе по доходившимъ до него дѣламъ черезъ государственнаго прокурора, безъ всякаго оповѣщенія министерства. (*Hallam*, II, 441).

[2]) «On order of the lords, on complaint of commons»...

вопросу произошло въ первый разъ между ними по случаю приговора, произнесеннаго лордами въ тяжбѣ между Остъ-индской компаніей и однимъ негоціантомъ, по имени Скиннеромъ. Обѣ палаты, для противудѣйствія одна другой, не имѣли инаго средства, кромѣ заключенія въ тюрьму тяжущихся лицъ. Поэтому, обѣ стороны были подвергнуты тюремному заключенію, одна—по приказанію одной, другая — по приказанію другой палаты [1]). Преимущество въ этомъ столкновеніи оказалось на сторонѣ палаты общинъ, потому что приговоръ лордовъ надъ Остъ-индской компаніей могъ быть приведенъ въ исполненіе только отчасти, главнымъ же образомъ потому, что они перестали съ этихъ поръ вмѣшиваться въ гражданскіе процессы.

При второмъ столкновеніи, случившемся нѣсколько лѣтъ позже, дѣло шло о томъ, чтобы знать, подсудны ли палатѣ лордовъ суды по совѣсти (Court of Chancery). Король соглашался, но общины воспротивились этому на томъ основаніи главнымъ образомъ, что лорды привлекли на свою сторону многихъ членовъ нижней палаты. Начались снова тюремныя заключенія. Для прекращенія распри король отсрочилъ на долгое время засѣданія парламента. Исходъ этого столкновенія не былъ такъ неблагопріятенъ для палаты лордовъ, какъ дѣло Скиннера: за нею осталось право переносить дѣла въ *Судъ канцеляріи*. Но этимъ успѣхомъ они обязаны

---

[1]) Процессъ этотъ, получившій такое важное значеніе въ борьбѣ между двумя палатами, начался тѣмъ, что палата лордовъ получила повелѣніе короля разслѣдовать жалобу Скиннера на ограбленіе послѣдняго Остъ-индской компаніей. Лорды присудили компанію къ уплатѣ Скиннеру 500 фунтовъ стерлинговъ протырей и убытковъ. Но компанія, президентъ которой, сэръ Барнардистонъ, былъ членомъ палаты общинъ, выхлопотала у послѣдней приговоръ, отмѣнявшій приговоръ палаты лордовъ. Палата общинъ приговорила Скиннера къ тюремному заключенію; лорды, съ своей стороны, приказали заключить въ тюрьму сэра Барнардистона, и приговорила его къ 500 фунтамъ пени. Послѣдній, по истеченіи нѣкотораго времени, былъ выпущенъ изъ подъ ареста, но безъ уплаты пени. Наконецъ, по приглашенію короля обѣ палаты рѣшили забыть эту распрю и уничтожить относившіяся къ ней бумаги.

были осторожности, съ которой они обходили тѣ преимущества, на которыя выказывали притязанія общины; такъ что, послѣднія не имѣли уже прежняго повода вмѣшиваться въ ихъ дѣла [1]).

Изъ этого должно заключить, что палата лордовъ всегда пользовалась нѣкоторыми преимуществами передъ палатой общинъ относительно судебной власти. Судебная дѣятельность лордовъ безспорно шире такой же дѣятельности общинъ, и первые всегда отличались большею строгостію въ этомъ отношеніи, чѣмъ послѣднія.

Судебная власть или, выражаясь точнѣе, произвольная власть парламента принимала болѣе или менѣе широкіе размѣры, смотря по обстоятельствамъ. Смотря по обстоятельствамъ же, парламентъ выказывалъ бо̀льшую или меньшую требовательность, бо̀льшую или меньшую строгость въ присуждаемыхъ имъ наказаніяхъ. Въ эпоху Іакова I онъ приговаривалъ къ наказанію плетьми, къ клейменію желѣзомъ, къ каторжной работѣ. *Длинный* парламентъ не зналъ мѣры въ той неограниченной власти, которую онъ присвоилъ себѣ. Онъ присуждалъ къ самымъ строгимъ наказаніямъ каждаго, кто провинился передъ нимъ хоть однимъ непочтительнымъ словомъ.

За исключеніемъ дней революціоннаго возбужденія, общины выказывали всегда болѣе умѣренности въ отправленіи судебной власти, чѣмъ лорды. Онѣ довольствовались вообще присужденіемъ къ тюремному заключенію на все продолженіе сессіи. Изъ этого правила до революціи было весьма немного исключеній, а послѣ революціи ни одного. Лорды, напротивъ того, приговаривали къ пенямъ; въ 1621 они присудили нѣкоего Джона Блунта къ каторжнымъ работамъ на вѣчныя времена. Въ царствованіе Георга II, и даже позже, они еще приговаривали къ продолжительному заключенію и даже къ позорному столбу.

Обыкновенно обѣ палаты находились въ постоянномъ согласіи; да это было и неизбѣжно, такъ какъ при такомъ

---

[1]) *Hallam*, II, 180 и слѣд.

только условіи законъ могъ пріобрѣсть силу. Имъ же сообща принадлежало право отдавать подъ судъ (impeach) всякое должностное лице, виновное въ измѣнѣ странѣ или въ преступленіи по должности (misdemeanor).

Въ такомъ случаѣ, на обязанности общинъ лежало составленіе обвинительнаго акта, а на обязанности лордовъ произнесеніе приговора [1]). Но во всѣ времена палаты видѣли особенный интересъ во взаимной поддержкѣ, когда дѣло касалось ихъ привилегій. Какъ только нарушалось право одной изъ палатъ, то она тотчасъ же брала дѣло въ собственныя свои руки, вела его безъ всякихъ возраженій, и ни подъ какимъ видомъ не допускала въ него вмѣшательство короны.

Въ первый разъ такой случай представился въ 1545 по дѣлу объ арестованіи Феррерса, одного изъ членовъ палаты общинъ. Палата приказала освободить его, и заключила въ тюрьму лондонскихъ шерифовъ. Она до такой степени раздражена была этимъ столкновеніемъ, что даже всемогущій Генрихъ VIII нашелъ благоразумнымъ не вмѣшиваться въ это дѣло. Общины видѣли покушеніе противъ ихъ правъ нетолько въ судебномъ преслѣдованіи одного изъ своихъ представителей, но и во всякомъ актѣ, вынуждавшемъ ихъ обратиться къ защитѣ суда. Въ старинныхъ протоколахъ ихъ засѣданій часто упоминается о тюремномъ заключеніи, къ которому присуждались лица, нарушившія имущественныя права членовъ парламента рубкой лѣса и рыбной ловлей въ принадлежавшихъ имъ помѣстьяхъ. Прислуга ихъ, даже фермеры, пользовались тѣми же привилегіями, когда дѣло шло объ интересахъ ихъ господина.

Всѣ привилегіи, присвоенныя палатой общиной, тотчасъ же требовались и палатой лордовъ. Какъ во время революціи общины сами приводили въ исполненіе собственныя рѣшенія, такъ во время реставраціи пользовались тѣмъ же

[1]) Самый ранній случай парламентскаго преслѣдованія или торжественнаго обвиненія какого либо лица палатою общинъ у рѣшетки палаты лордовъ было обвиненіе лорда Латимера въ 1376 г. (*Hallam*, I, 357).

пріемомъ лорды. Обѣ камеры ревностно охраняли свои преимущества, но въ 1770 послѣднія были значительно ограничены. Въ судебномъ отношеніи за ними осталась одна только привилегія, а именно, что членъ парламента не можетъ быть заключенъ въ тюрьму [1]).

Принимается вообще, что обѣ палаты облечены правомъ преслѣдовать общими силами всякое нарушеніе ихъ привилегій, правомъ, считающимся безграничнымъ и приложимымъ ко всякому случаю. Однако же, такое мнѣніе существовало не всегда, въ особенности не въ ту эпоху, когда парламентъ прибѣгалъ къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что нарушались его привилегіи, или что ему выказывали неуваженіе. Королевская партія, бывшая жертвой парламентскаго произвола, естественно не признавала ученія, которое оправдывало этотъ произволъ. Но впослѣдствіи вопросъ неоднократно поступалъ на обсужденіе судебныхъ учрежденій, результатомъ котораго было положеніе: что если ничто не доказываетъ, чтобы произвольная власть парламента опиралась на какое нибудь право, то съ другой стороны, нѣтъ другой какой либо власти, которая бы могла контролировать его, ни какого либо средства удержать его отъ излишествъ [2]).

Такимъ образомъ, англійскій парламентъ съ раннихъ временъ завладѣлъ правами и преимуществами, которыя были вовсе неизвѣстны государственнымъ сословіямъ въ прочихъ европейскихъ странахъ. Онъ отличался отъ нихъ еще болѣе своимъ духомъ, стоявшимъ выше тѣхъ эгоистическихъ стремленій, которыя присущи были государственнымъ сословіямъ.

Привилегіи и исключительныя права, принадлежавшія совокупно всѣмъ членамъ каждой палаты, воспитали въ нихъ

---

[1]) *Hallam*, II, 430 и слѣд.

[2]) Послѣдствія полной безотвѣтственности каждой изъ обѣихъ палатъ покажутся еще болѣе серьезными, когда мы обратимъ вниманіе на сопряженные съ ними неограниченные размѣры наказанія. Основываясь на прежнихъ случаяхъ, ничто, повидимому, не препятствовало имъ повторять приговоры временъ Якова I: наказаніе плетью, клейменіе и пожизненную каторгу. (*Hallam*, II, 430 и слѣд.).

духъ товарищества, и содѣйствовали сглаженію тѣхъ различій въ ихъ общественномъ положеніи и интересахъ, которыя могли разъединить ихъ.

Со времени царствованія Елизаветы, члены палаты общинѣ освобождены были отъ зависимости отъ своихъ избирателей. Они не получали отъ нихъ болѣе повелѣній или спеціальныхъ инструкцій, и при подачѣ голосовъ руководствовались только своею совѣстью и личными своими убѣжденіями. Это — одна изъ характеристическихъ чертъ, отличающихъ конституціонное представительство отъ феодальныхъ курій, которыя вотировали по инструкціямъ, или, по меньшей мѣрѣ, въ духѣ своихъ корпорацій. Поэтому, на эпоху, въ которую представители общинъ освободились отъ своихъ избирателей, и образовали одну изъ государственныхъ властей, должно смотрѣть, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ моментовъ въ преобразованіи общественнаго устройства Англіи.

Вслѣдствіе того, что англійскій парламентъ съиздавна сталъ на точку зрѣнія, охватывающую всѣ интересы страны, онъ пріобрѣлъ всеобщее довѣріе. Феодальныя куріи занимались собственными своими дѣлами, то по столкновенію съ государемъ, то по столкновенію между собой; англійскій парламентъ, напротивъ того, всегда отличался въ высшей степени общественнымъ характеромъ.

Большой совѣтъ, а позже — парламентъ, долгое время не давали субсидій или податей иначе, какъ по спеціальному назначенію, нерѣдко ограничивая его извѣстными условіями, какъ это дѣлалось повсемѣстно на всемъ материкѣ въ эпоху феодализма и государственныхъ сословій. Но эта система въ Англіи оставлена была ранѣе, чѣмъ гдѣ либо, и замѣнена была бюджетомъ, содержавшимъ всѣ доходы и всѣ расходы государства. Это—тоже одна изъ характеристическихъ чертъ, болѣе всего отличающихъ конституціонную соціальную форму отъ феодальной.

Переходъ отъ одной формы къ другой отличался также не одинаковыми формальностями при веденіи дѣлъ. Когда вопросъ шелъ о частныхъ интересахъ, то выгоднѣе было держать его въ тайнѣ, чтобы имѣть возможность вести перего-

воры съ нѣкоторыми лицами секретно отъ другихъ. Такъ это и было не только въ феодальную эпоху, но и во время собранія государственныхъ сословій. Но когда дѣло пошло объ интересахъ всей страны, то не было болѣе причинъ вести его тайно, и естественно было предоставить каждому судить о поднятомъ вопросѣ.

По духу конституціонныхъ учрежденій, необходимо также, чтобы извѣстно было, въ чью сторону подаетъ свой голосъ каждый представитель, ибо это есть единственное средство узнать мнѣніе каждаго изъ депутатовъ; это сдѣлалось необходимо, какъ только они перестали получать инструкціи отъ своихъ избирателей.

Такъ какъ англійская конституція сложилась вслѣдствіе продолжительной борьбы, оканчивавшейся всякій разъ особеннымъ договоромъ, то она не представляетъ единой, выработанной системы, но состоитъ изъ различныхъ частей: *великой хартіи (magna charta)*, *билля о правахъ (bill of rights)*, *билля о престолонаслѣдіи (bill' of settlement)* и другихъ постановленій, какъ напримѣръ *habeas corpus* [1]).

Ошибочно было бы думать, что *великая хартія* Іоанна Безземельнаго (данная въ 1215) служитъ основаніемъ англійской конституціи, ибо эта хартія есть не болѣе, какъ одна изъ переходныхъ ступеней ея развитія. Хартія эта слѣдовала за другими хартіями, а именно, за хартіей Генриха I. Она

[1]) Въ числѣ главнѣйшихъ актовъ, составляющихъ англійскую конституцію, считаютъ обыкновенно знаменитый статутъ *habeas corpus*. По общему мнѣнію, постановленіе это, изданное въ царствованіе Карла II, имѣло такое сильное вліяніе на утвержденіе въ Англіи свободы, что оно составляетъ эпоху въ ея исторіи. Но Галламъ доказалъ, что такое мнѣніе ошибочно, и что законъ, извѣстный подъ именемъ *habeas corpus*, несмотря на безспорное свое значеніе, не ввелъ никакого новаго принципа въ англійскую конституцію. Въ Англіи свободный человѣкъ никогда не могъ быть подвергнутъ тюремному заключенію иначе какъ за преступленіе и долги. Судъ королевской скамьи немедленно долженъ быть извѣщенъ о причинахъ задержанія чиновникомъ, подъ надзоръ котораго поступилъ преступникъ,—съ этой минуты отъ суда зависѣло рѣшеніе по этому случаю. Но эти требованія закона невсегда исполнялись, и постановленіе *habeas corpus* имѣло цѣлью возстановить его во всей цѣлости.

подтверждаетъ ихъ, и присоединяетъ къ нимъ нѣсколько новыхъ, болѣе обширныхъ и болѣе многочисленныхъ постановленій [1]).

Одни изъ этихъ постановленій, составленныя въ феодальномъ духѣ, касаются только частныхъ интересовъ каждаго класса, духовенства, бароновъ, и опредѣляютъ ихъ отношенія, съ одной стороны, къ ихъ вассаламъ, а съ другой — къ королю; они говорятъ также объ интересахъ, какъ купечества, такъ и поселянъ. Другія постановленія имѣютъ въ виду общіе интересы страны. Они утверждаютъ, между прочимъ, что никакой налогъ для веденія войны, или подать, не могутъ быть наложены иначе, какъ большимъ совѣтомъ королевства [2]).

Нельзя не удивляться тому важному значенію, какое имѣлъ во всѣ времена въ Англіи вопросъ о налогѣ. Въ этомъ отношеніи народъ былъ болѣе всего неуступчивъ. Люди, бывшіе хладнокровными свидѣтелями самыхъ жестокихъ несправедливостей, покойно смотрѣвшіе, какъ вели на казнь невиннаго, возмущались, когда дѣло шло объ уплатѣ налоговъ [3]), иногда даже такихъ, которые были утверждены парламентомъ. Понятно, что при существованіи такой характеристической черты, вопросъ о новомъ налогѣ легко могъ обратиться въ рукахъ парламента въ самое страшное оружіе,

---

[1]) Въ параграфахъ XIX и XX ясно говорится: «Городъ Лондонъ сохраняетъ всѣ свои древнія вольности и свободные обычаи. Кромѣ того, мы желаемъ и разрѣшаемъ, чтобы прочіе города, бурги, мѣстечки и порты имѣли всякія вольности и свободные обычаи.» Это—выраженіе латинскаго экземпляра, снабженнаго большою печатью, найденнаго въ библіотекѣ сэра Роберта Коттона. (См. *The Britannie constitution by Acherley* 1127, стр. 182).

[2]) Параграфъ XVII великой хартіи гласитъ: «Никакой налогъ или повинность не можетъ быть наложенъ въ нашемъ королевствѣ иначе, какъ общимъ совѣтомъ нашего королевства.»

[3]) Первые два короля изъ дома Тюдоровъ рѣдко встрѣчали оппозицію, развѣ только при взиманіи денегъ... Это былъ, повидимому, единственный видъ тиранніи, на который стоило жаловаться. Но когда назначался общій налогъ, то тотъ самый народъ, который равнодушно смотрѣлъ на невиннаго, идущаго въ тюрьму или на эшафотъ, дважды разразился опаснымъ возстаніемъ. (*Hallam*, I, 13).

въ самое вѣрное средство для дѣйствія на массы. Вотъ почему всѣ столкновенія, бывшія въ Англіи по поводу конституціи, постоянно возникали на этой почвѣ.

Примѣръ, поданный этой страной, нашелъ подражателей: либеральныя партіи всюду замѣтили, что имъ несравненно выгоднѣе перенести политическія пренія на вопросы о налогахъ, чтобы привлечь на свою сторону массы личными ихъ интересами.

Первоначально перевѣсъ государственной власти находился въ Англіи на сторонѣ короны. Впослѣдствіи лорды неоднократно сдерживали ее, и господствовали надъ общинами. Со времени царствованія Елизаветы, и въ особенности съ вступленія на престолъ Гановерскаго дома, перевѣсъ палаты общинъ обозначился такъ рѣшительно, что она сдѣлалась средоточіемъ политическаго движенія страны.

Итакъ, всѣ три фактора общественнаго строя въ Англіи поочередно пользовались первенствующимъ положеніемъ, но это преобладаніе никогда не доходило до такой степени, чтобы вполнѣ отстранить одинъ или оба другіе фактора.

Не трудно уловить и стремленіе, свойственное каждому изъ этихъ трехъ факторовъ. Монархическій и аристократическій принципы преимущественно остаются на почвѣ права, хотя и не разъ сильно подорванной. Они силятся сохранить соціальныя учрежденія въ соотвѣтствіи съ идеей права. Факторъ, представляющій народную массу, естественно доступенъ демократическимъ стремленіямъ. Онъ дѣйствуетъ, вслѣдствіе этого, въ духѣ свободы, и представляетъ центръ, въ которомъ зарождается или сосредоточивается политическое развитіе страны. Онъ же служитъ источникомъ и всѣхъ совершающихся въ ней преобразованій.

Такимъ образомъ, англійская конституція, въ сущности, есть не иное что̀, какъ результатъ многихъ сочетаній и въ различныхъ степеняхъ между идеями права и свободы, сочетаній, постепенно опредѣленныхъ цѣлымъ рядомъ сдѣлокъ между тремя факторами, раздѣляющими общественную власть и представляющими, каждый, преимущественно одну изъ двухъ соціальныхъ идей.

Общественный строй этой страны опредѣлялся вообще путемъ практическимъ, а не теоретическимъ. Широкая власть, которою фактически пользуются общины, далеко переходитъ за ту мѣру, какая опредѣляется ей буквой и духомъ хартій или статутовъ, составляющихъ англійскую конституцію. Во многихъ случаяхъ она ничѣмъ не можетъ быть оправдана, кромѣ такъ называемаго *обычая,* и представляетъ не болѣе, какъ результатъ захватовъ на счетъ коронной власти, освященныхъ временемъ. Главное средство, которымъ пользовались общины для достиженія этой цѣли, состояло въ стѣсненіи короны въ пользованіи нѣкоторыми изъ ея правъ, вслѣдствіе чего послѣднія потеряли свое значеніе.

Вопросъ вовсе не рѣшенъ, стало быть, съ этой стороны; еще менѣе рѣшенъ онъ относительно власти, принадлежащей каждой изъ обѣихъ палатъ. Центръ политической тяжести находится, повидимому, въ палатѣ общинъ, но власть, принадлежащая палатѣ лордовъ, еще весьма значительна, хотя и не такъ бросается въ глаза.

Это естественное слѣдствіе организаціи, полученной парламентомъ, и отношеній между партіями въ обѣихъ палатахъ. Большинство въ палатѣ лордовъ представляетъ консервативные государственные интересы и учрежденія; но въ ней существуетъ также сильная партія, приставшая къ движенію. Въ палатѣ общинъ партія движенія въ наше время часто, если не всегда, представляетъ большинство. Но и противная партія въ ней весьма многочисленна. Партіи одного мнѣнія поддерживаютъ другъ друга въ палатахъ. Либеральная партія палаты лордовъ можетъ, такимъ образомъ, принять участіе во всякой комбинаціи, направленной къ какой либо мѣрѣ. Поэтому, какъ только образуется въ Англіи новое министерство въ консервативномъ или прогрессивномъ духѣ, то одна изъ двухъ партій палаты лордовъ принимаетъ въ немъ участіе, и занимаетъ многіе изъ главнѣйшихъ постовъ.

Можно смѣло сказать, что участіе лордовъ въ составленіи новаго министерства гораздо болѣе значительно, сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было бы, еслибы мѣрою ему служило одно только относительное значеніе обѣихъ палатъ. Это

происходитъ отъ того, что въ палатѣ лордовъ партіи гораздо крѣпче организованы, чѣмъ въ палатѣ общинъ. Во главѣ первыхъ стоитъ небольшое число фамилій, изъ коихъ нѣкоторыя зинимаютъ это мѣсто нѣсколько поколѣній сряду: они знакомы со всѣми текущими дѣлами, и сохраняютъ традиціонную опытность въ нихъ. Сверхъ того, для поддержанія своего обаянія и превосходства въ веденіи дѣлъ, партіямъ въ палатѣ лордовъ всегда удается привлечь на свою сторону знаменитѣйшихъ людей страны. Партіи въ палатѣ общинъ не имѣютъ такой прочности, ибо связь между ними основана не на тожествѣ одного и того же высокого общественнаго положенія, не на политическихъ преданіяхъ аристократическихъ фамилій, а на тожествѣ политическихъ убѣжденій между лицами, во всемъ остальномъ чуждыми другъ другу и нерѣдко принадлежащими къ различнымъ слоямъ общества.

Третья власть въ Англіи, представляющая монархію, опирается на преданіе, несоотвѣтствующее современному порядку вещей. Въ сущности, за ней осталось приведеніе въ исполненіе рѣшеній, принятыхъ парламентомъ; да и это право, уже крайне ограниченное, существуетъ только въ теоріи, ибо англійскіе короли только теоретически могутъ избирать по своему усмотрѣнію своихъ министровъ, облекаемыхъ исполнительной властью; въ дѣйствительности же, они навязываются имъ парламентскимъ большинствомъ. Но самые министры пользуются большей властью, чѣмъ какая принадлежитъ имъ теоретически по отношенію нетолько къ коронѣ, но и къ палатамъ. Они считаются отвѣтственными въ своихъ дѣйствіяхъ передъ послѣдними, и это правило вошло въ употребленіе, когда короли дѣйствительно назначали министровъ по своему усмотрѣнію. Но съ тѣхъ поръ, какъ коронные министры суть не иное что̀, какъ предводители господствующихъ партій въ палатахъ, отвѣтственность ихъ предъ послѣдними сдѣлалась совершенно мнимой, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока партія ихъ представляетъ парламентское большинство.

Англійская конституція сохранила за королемъ одно весьма важное право. Онъ можетъ обратить въ ничто каждый

билль, принятый парламентомъ, отказавшись отъ его утвержденія; но англійскіе короли, со времени царствованія Анны, не прибѣгаютъ къ этому праву [1]), такъ что само право это считается вышедшимъ изъ употребленія. Какъ бы то ни было, оно не можетъ получить значеніе при настоящемъ порядкѣ вещей въ Англіи.

Согласно съ англійской конституціей, король долженъ присутствовать въ засѣданіяхъ совѣта, и онъ дѣйствительно присутствовалъ въ нихъ, пока совѣтъ имѣлъ характеръ совѣщательнаго собранія. Но когда это учрежденіе замѣнено было кабинетомъ, то короли прекратили свое прямое участіе въ его занятіяхъ. Министры просто сообщали имъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ кабинетомъ. Однако же, перемѣна эта произошла не вдругъ, такъ какъ Вильгельмъ и Анна еще участвовали въ засѣданіяхъ кабинета. Но съ воцареніемъ Ганноверскаго дома, короли перестали присутствовать въ нихъ, и это вошло въ обычай. Причина этого заключалась въ томъ, что Георгъ I не зналъ по англійски, да и Георгъ II такъ плохо понималъ этотъ языкъ, что говорилъ съ своимъ министромъ, Вальполемъ, по латыни. Къ тому же, оба короля интересовались гораздо болѣе своими германскими курфиршествами, чѣмъ англійскими дѣлами.

Какъ бы то ни было, но такъ какъ англійскіе государи лишены были большей части своей власти только фактически, и эти факты никогда не были подтверждены какимъ либо закономъ или хартіей; такъ какъ, напротивъ того, конституція не перестаетъ формально признавать за ними несравненно болѣе широкую власть, чѣмъ та, которою они пользуются въ дѣйствительности, то ничего не было бы удивительнымъ, еслибы въ одинъ прекрасный день совершился поворотъ въ этомъ отношеніи: въ случаѣ, напримѣръ, еслибы честолюбивый и популярный король очутился предъ лицемъ парламента, упавшаго во всеобщемъ мнѣніи [2]).

[1]) *Hallam*, Stahl, III, 375.

[2]) Трудно предсказать, что въ самомъ дѣлѣ могло бы быть совершенно королемъ, въ одно и то же время, способнымъ, дѣятельнымъ, популярнымъ и честолюбивымъ, еслибы такой, по несчастію, явился на престолѣ. (*Hallam*, II, 459).

Политическія распри во времена Стюартовъ усложнились антагонизмомъ между религіозными принципами. Побѣжденные принуждены были искать себѣ убѣжища вдали отъ своего отечества, и отправлялись въ Америку.

Масса этихъ переселенцевъ была однородной, нетолько потому что она одушевлена была одними и тѣми же религіозными и политическими принципами, но и по общественному своему положенію, ибо она состояла почти исключительно изъ среднихъ классовъ. Если въ томъ числѣ и было нѣсколько лицъ изъ низшихъ классовъ, то были и лица, принадлежавшія къ аристократіи, и даже нѣсколько лордовъ [1]).

Въ новомъ отечествѣ эмигранты находили англійскіе законы и власти, а при ихъ опытности въ общинномъ и муниципальномъ управленіи, они вскорѣ организовали общественный порядокъ, въ основаніе котораго легли учрежденія метрополіи. Они только видоизмѣнили ихъ согласно съ своими воззрѣніями, насколько дозволялось это тѣми вольностями которыя были предоставлены имъ общественною властью.

Таковы были основы общества въ Новой Англіи [2]). Въ нее перенесена была англійская конституція, видоизмѣненная въ смыслѣ свободныхъ идей, нашедшихъ въ Америкѣ болѣе пригодную для себя почву, чѣмъ почва старой Англіи. Позже, когда эта великая колонія отдѣлилась отъ метрополіи, и образовала независимое государство, идеи свободы получили въ ней еще болѣе широкое развитіе. Вслѣдствіе того обстоятельства, что Соединенные Штаты порвали всѣ связи, соединявшія ихъ съ метрополіей, установившаяся въ нихъ власть не могла уже восходить къ источнику права, но должна была организоваться исключительно въ смыслѣ свободы, то есть,

[1]) Въ своей исторіи Англіи Ранке приводитъ имена знатныхъ людей и нѣсколькихъ лордовъ, переселившихся въ Америку.

[2]) Что̀ главнымъ образомъ придаетъ прочность сѣверо-американскимъ республикамъ, такъ это то, что ихъ конституція опирается на преданіе, вывезенное изъ Англіи; что, вслѣдствіе этого, три фактора этой конституціи, губернаторъ, сенатъ и собраніе, считаются нетолько столько же старыми, какъ и сами колоніи, но, по тамошнимъ воззрѣніямъ, своею древностью почти не уступаютъ самому англо-норманскому племени. (*Stahl*, III, 480).

она должна была руководствоваться одними только господствовавшими воззрѣніями, современными требованіями и интересами.

Соціальный порядокъ въ Соединенныхъ Штатахъ все полнѣе устанавливался на началахъ свободы, по мѣрѣ того какъ эмиграція измѣняла свой характеръ, и составлялась главнымъ образомъ изъ людей, прибывшихъ въ Америку искать счастія. Люди, имѣющіе незначительное имущество или вовсе его неимѣющіе, остаются тѣмъ самымъ чуждыми той первоначальной формѣ, въ которой является право. Они не сознаютъ ни точки его отправленія, ни прочихъ, порождаемыхъ имъ результатовъ съ тою легкостью, съ какою дѣлаютъ это, хобя бы и инстинктивно, люди, находящіеся, при посредствѣ собственности, въ естественныхъ отношеніяхъ къ идеѣ права. Стѣсняемые чужимъ правомъ и чужою собственностью, люди, лишенные того и другой, питаютъ къ нимъ инстинктивную ненависть, и тѣмъ самымъ направляются на путь свободныхъ идей.

Умноженіе населенія, полученнаго такимъ образомъ Соединенными Штатами, должно было, поэтому, дать новый толчекъ идеямъ свободы, уже весьма развитымъ въ этой странѣ, и ослабить въ ней продукты права. Вслѣдствіе этихъ фактовъ, сама конституція не испытала, правда, никакого измѣненія, но она проникалась другимъ духомъ, и видоизмѣнялось практическое ея примѣненіе. Тѣмъ неменѣе, два продукта права, собственность и судебныя учрежденія, охраняющія гражданское право, успѣли уже до такой степени укрѣпиться въ ней, что сохранили до настоящаго времени необыкновенную силу. Одно только уголовное правосудіе ослабѣло въ этой странѣ. Опасеніе подорвать личную свободу породило въ судьяхъ расположеніе къ снисходительности въ уголовныхъ дѣлахъ и къ смягченію наказаній. Но если, съ одной стороны, выигрываетъ въ ней свобода, то, съ другой, результатомъ этого оказывается уменьшеніе гарантій для общественной безопасности.

За исключеніемъ нѣкоторой слабости, обнаруживаемой въ послѣднемъ отношеніи, общественныя власти, взятыя во всей ихъ совокупности и помимо ихъ непродолжительнаго еще существованія, такъ же прочно установлены въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ самой Англіи; это означаетъ, что прин-

ципъ власти сохранилъ всю свою силу въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на испытанныя имъ внѣшнія измѣненія. Фактъ этотъ подтверждается энергіей, выказанной властями во время великой гражданской войны. Для обезпеченія побѣды за своимъ дѣломъ, онѣ не задумываясь призвали къ оружію всѣхъ годныхъ людей, и потребовали всевозможныхъ жертвъ отъ страны. Правда, онѣ были увѣрены въ сочувствіи къ нимъ населенія, но и въ самой Англіи только при такомъ условіи можно потребовать отъ страны необыкновенныхъ пожертвованій.

Итакъ, общественная власть въ Соединенныхъ Штатахъ отличается отъ общественной власти въ Англіи нестолько размѣрами, сколько своимъ составомъ. Наслѣдственные элементы, входящіе въ составъ власти въ послѣдней странѣ, король и лорды, исключены изъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, и замѣнены властями выборными и на непродолжительные сроки. Въ частомъ обновленіи общественныхъ властей законодатели этой страны видѣли достаточныя гарантіи, чтобы не искать ихъ въ болѣе широкихъ ограниченіяхъ.

Соперничество, существующее между различными властями въ Англіи, невозможно въ Соединенныхъ Штатахъ, въ которыхъ всѣ онѣ основываются на выборномъ началѣ, и потому, должны обыкновенно принадлежать къ одной и той же партіи. Къ тому же, непродолжительные сроки ихъ дѣятельности препятствуютъ возникновенію между ними того корпоративнаго духа, который служитъ источникомъ этого соперничества. Сверхъ того, главная причина столкновеній между англійскими палатами была отстранена изъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ тѣмъ, что Сенату предоставлено право дѣлать поправки въ финансовыхъ билляхъ, а самое составленіе этихъ биллей принадлежитъ палатѣ представителей [1]). Между обѣими палатами конгресса не было также столкновенія и по юридическимъ вопросамъ, какъ это случилось въ англійскихъ палатахъ, потому что теоретическій законъ и практическая

[1]) «Всякій билль по взиманію доходовъ долженъ получить начало въ палатѣ представителей, но сенатъ можетъ одобрить его, или предложить измѣненія въ немъ, какъ и въ прочихъ билляхъ». (*The constitution of the United-States of America.* Ст. I, Отд. 7. I).

жизнь находятся въ полномъ согласіи въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ нихъ не допускается ни обычая, ни бывшихъ примѣровъ, несогласныхъ съ буквой конституціи.

Изъ этого слѣдуетъ, что конгрессъ представляетъ единство, достигнуть котораго англійскій парламентъ не въ состояніи. Тотъ и другой состоятъ изъ двухъ частей, но въ конгрессѣ онѣ однородны, между тѣмъ какъ въ парламентѣ онѣ разнородны, и эта разнородность будетъ все возрастать, по мѣрѣ того какъ въ палату общинъ будетъ допускаться все въ болѣе широкихъ размѣрахъ демократическій элементъ.

Въ Англіи первенствующая власть сосредоточена въ парламентѣ только фактически, между тѣмъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ она принадлежитъ конгрессу и фактически, и по смыслу конституціи. Но еще большее различіе существуетъ между тѣмъ, что̀ принято называть исполнительной властью въ той и въ другой странѣ. Королевское достоинство не имѣетъ мѣста въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ; оно замѣнено въ ней президентствомъ. Положеніе президента Соединенныхъ Штатовъ, хотя и уступающее положенію англійскаго короля относительно внѣшняго блеска и кажущейся власти, значительно превосходитъ его властью дѣйствительной. Ибо, если англійская конституція и предоставляетъ широкія права коронѣ, то послѣдняя не можетъ ими пользоваться, между тѣмъ какъ президентъ дѣйствительно пользуется всѣми правами, предоставленными ему конституціей.

Такимъ образомъ, англійскимъ королямъ принадлежитъ право veto, которымъ они могли бы уничтожить всякое рѣшеніе парламента, но имъ такъ же невозможно пользоваться имъ, какъ и избирать министровъ по своему усмотрѣнію. Въ Соединенныхъ Штатахъ, напротивъ того, президентъ свободно избираетъ министровъ изъ людей, принадлежащихъ къ его партіи, и если онъ не обладаетъ безусловнымъ veto, то можетъ смѣло пользоваться veto, предоставленнымъ ему конституціей [1]).

[1]) «Ежели онъ (президентъ) одобритъ его (биллъ, прошедшій чрезъ двѣ камеры), то долженъ подписать его, а если не одобритъ, то долженъ возвратить его съ своими возраженіями въ ту палату, въ которой онъ получилъ начало, и которая должна внести возраженія цѣли-

Итакъ, англійская и американская конституція имѣютъ одну общую исходную точку, но онѣ видоизмѣнены идеями свободы въ различной степени. Этимъ онѣ существенно отличаются отъ конституцій, основанныхъ на однѣхъ только отвлеченныхъ теоріяхъ и разрывающихъ связь съ прошлымъ, какъ напримѣръ конституціи, возникавшія во Франціи со временъ революціи.

Эти конституціи не имѣли въ виду опредѣлить права между обществомъ, какъ обществомъ, и лицами, входящими въ составъ его; онѣ, напротивъ того, не признавали за правомъ принадлежащей ему силы и независимости, и не допускали логическихъ слѣдствій, вытекающихъ изъ этихъ свойствъ его; онѣ безусловно подчиняли его требованіямъ и мнѣніямъ, бывшимъ въ ходу въ данную минуту. Это значило становиться исключительно на точку зрѣнія идей свободы. Корифеи французской революціи черпали руководящія начала главнымъ образомъ изъ теоріи, созданной Руссо, но они примѣшивали къ ней воззрѣніе Монтескьё на раздѣленіе властей, которое рѣшительно отвергалъ Руссо. Конституція 1791 отличалась отъ теоріи Руссо еще тѣмъ, что она возлагала законодательство на народныхъ представителей, а не прямо на народъ, какъ хотѣлъ Руссо. Въ конституціи 1793 принципъ этотъ былъ принятъ. Весь народъ долженъ былъ созываться для утвержденія законовъ, но это постановленіе никогда не было приведено въ исполненіе.

Французскія конституціи революціонной эпохи менѣе походили на конституціи Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ на извѣстныя измышленія греческихъ писателей, изъ которыхъ наибольшимъ предпочтеніемъ пользовался *Гипподамъ Милетскій*. Греческія соціальныя теоріи, подобно французскимъ, имѣли цѣлью преобразовать всѣ отношенія по требо-

---

комъ въ свой протоколъ, и приступить къ разсмотрѣнію билля съизнова. Если послѣ такого пересмотра двѣ трети этой палаты согласятся пропустить билль, то онъ долженъ быть отправленъ, вмѣстѣ съ возраженіями, въ другую палату, которая должна такимъ же образомъ пересмотрѣть его, и въ случаѣ одобренія двумя третями этой палаты, онъ долженъ обратиться въ законъ». (*The constitution*, и проч. Ст. I, Отд. 1. 2).

ванію разума, не обращая вниманія на дѣйствительность. Къ нимъ въ особенности были пристрастны впечатлительные іоняне Малой Азіи и эллинскія колоніи въ Италіи и Сициліи [1]). Въ число такихъ писателей можно помѣстить также и Платона, соціальная теорія котораго основана на чистыхъ отвлеченностяхъ, и не обращаетъ вниманія на то, что̀ происходитъ въ дѣйствительномъ мірѣ.

Но, что̀ касается по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, замыслы французской революціи потеряли кредитъ въ общественномъ мнѣніи. Во всей бывшей феодальной Европѣ распространяется конституціонное устройство, стараясь приблизиться къ англійской конституціи, а во всей Америкѣ образцомъ служитъ конституція Соединенныхъ Штатовъ.

Подражанія двумъ этимъ конституціямъ не могутъ, однако же, дать результатовъ, сходныхъ съ ихъ образцами, тамъ, гдѣ соціальныя условія были не одинаковы.

Весьма значительное число конституцій, скроенныхъ по образцу англійской, изчезло или должно было примѣниться въ смыслѣ демократическомъ, когда оказывалось, что въ странѣ не было аристократіи, подобной англійской. Ибо аристократическій элементъ представляется во всякомъ случаѣ однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ англійскомъ государственномъ устройствѣ, и придаетъ послѣднему особенный характеръ, который тщетно пытались воспроизвести въ другихъ странахъ.

Англійская аристократія удержала за собой могущество до настоящаго времени не только потому, что она богата и знатна, но главнымъ образомъ потому, что она всегда оказывалась настолько мудрой и разсудительной, что не желала отдѣлять себя совершенно отъ остальнаго населенія. Въ особенности тщательно избѣгала она вызывать зависть и ненависть къ себѣ прочихъ классовъ чрезмѣрными притязаніями или оскорбительными поступками. Вотъ причина и несомнѣнной популярности англійской аристократіи. Тщетно стали бы мы искать въ другихъ странахъ аристократіи, по-

---

[1]) *Curtius*, I, 165.

ставленной въ такія же условія [1]). Еслибы это случилось гдѣ либо, то она поднялась бы сама собой до того положенія, на которомъ стоитъ англійская, не нуждаясь для этого въ содѣйствіи законодателей.

Въ странахъ, въ которыхъ вовсе не имѣется аристократическаго элемента, и въ которыхъ невозможно хоть отдаленное подражаніе англійской конституціи, принимаютъ за образецъ Соединенные Штаты. Конституція послѣднихъ была принята на всемъ протяженіи Америки.

Но если въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ общественная власть была видоизмѣнена въ смыслѣ свободы, то учрежденія, касающіяся личнаго права и правосудія, остались незыблемы. Въ ново-испанскихъ республикахъ, напротивъ того, судебныя учрежденія, за немногими исключеніями, не настолько сильны, чтобы занять первостепенное мѣсто въ государствѣ. Партіи и высокопоставленные люди стремятся стать въ независимое положеніе отъ суда: результатомъ этого являются постоянно возобновляющіеся безпорядки. Такія существенныя различія въ условіяхъ общественнаго быта служатъ причиной, что подражанія конституціи Соединенныхъ Штатовъ остаются столь же безплодными, какъ и подражанія англійскому соціальному устройству.

Итакъ, двѣ изъ трехъ главнѣйшихъ видовъ конституцій, появившихся въ человѣческихъ обществахъ, англійская и сѣверо-американская, представляютъ сходство между собой. Третія существенно отличается отъ нихъ, какъ по точкѣ своего отправленія, такъ и по цѣли, къ которой она стре-

---

[3]) Аристократія, сложившаяся во время 30 лѣтней войны въ Австріи и состоявшая изъ различныхъ національностей: нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, испанцевъ и другихъ, сдѣлалась могущественнѣйшей аристократіей на европейскомъ материкѣ. Знакомая съ дѣлами управленія и принимавшая участіе въ отправленіи верховной власти, она была единственная изъ аристократій на европейскомъ материкѣ, имѣвшая политическое значеніе, сохранившая политическія преданія и образовавшая школу государственныхъ людей (*Hausser*, I, 25). Такимъ образомъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, австрійская аристократія занимала въ государствѣ положеніе, сходное съ положеніемъ англійской аристократіи.

мится. Эти конституціи не могутъ, поэтому, имѣть общаго основанія и одинаковыхъ принциповъ, которые могли бы служить правиломъ для новой конституціи. Воображаемая наука о конституціонномъ правѣ должна быть, слѣдовательно, весьма несовершенна, такъ какъ ей не достаетъ главнаго научнаго условія—совокупности общихъ принциповъ.

Сверхъ того, по самой природѣ своей, всякая конституція необходимо подвижна, такъ какъ она представляетъ только одинъ моментъ въ развитіи идей. Конституціи оказываются результатомъ одного или нѣсколькихъ общественныхъ актовъ, нерѣдко сдѣлокъ, посредствомъ которыхъ установляются права и обязанности соперничествующихъ партій. Поэтому, дѣйствительное значеніе этихъ актовъ продолжается только до тѣхъ поръ, пока партіи остаются въ согласіи, хотя бы только внѣшнемъ. Но люди рѣдко бываютъ довольны настоящимъ, и жаждутъ перемѣнъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Конституціи же, напротивъ того, стремятся закрѣпить существующій порядокъ вещей, вслѣдствіе чего онѣ легко становятся устарѣлыми.

Конституція есть продуктъ простаго факта: установленія общественныхъ отношеній въ опредѣленной мѣрѣ. Этотъ фактъ устанавливается, разумѣется, раціональными причинами, будетъ ли онъ слѣдствіемъ полюбовнаго соглашенія, или вызванъ необходимостью, въ ожиданіи лучшаго; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы полученный результатъ былъ строго логиченъ. Ибо дѣло идетъ не о томъ, чтобы этимъ актомъ обезпечить за каждой партіей цѣликомъ всѣ ея притязанія, а о томъ, чтобы привести ихъ къ соглашенію посредствомъ взаимныхъ уступокъ. Но эти уступки противурѣчатъ логическому развитію, какъ права, такъ и свободы, такъ что принятое сочетаніе между ними будетъ въ высшей степени несовершенно съ чисто раціональной точки зрѣнія, хотя оно и разрѣшитъ затрудненія данной минуты.

Каждая конституція оказывается, слѣдовательно, общественнымъ актомъ, относящимся къ однимъ только предшествовавшимъ фактамъ, вызвавшимъ ея появленіе. Изъ этого слѣдуетъ, что между конституціей одной страны и консти-

туціей другой нѣтъ необходимой связи, если только одна не служитъ источникомъ для другой, естественнымъ—когда она вытекла изъ нея, или искуственнымъ—когда она составлена ей въ подражаніе.

Уже однихъ конституціонныхъ терминовъ, естественнаго разума ея, достаточно для рѣшенія всякаго, относящагося къ ней, спорнаго вопроса. Для рѣшенія спеціальнаго случая какой либо конституціи нельзя, слѣдовательно, обращаться къ правилу, установленному по тому же вопросу въ другой конституціи. Напротивъ того, представляемыя ими различія могутъ быть такъ велики, что они окажутся въ прямомъ противурѣчіи съ основными принципами. Какимъ образомъ обращаться къ парламентскому обычаю, существующему въ Англіи, для рѣшенія конституціоннаго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ принимается во вниманіе одна только законность? Или, какимъ образомъ указывать Англіи на законное постановленіе конституціи какой либо другой страны, когда англичане не соблюдаютъ или забываютъ постановленія собственной своей конституціи? Или, какое значеніе могутъ имѣть для Англіи или для Соединенныхъ Штатовъ измышленія французскихъ законодателей временъ революціи, въ родѣ Сіейса, Кондорсе, Геро де Сешеля, Робеспьера или Сенъ-Жюста?

То же самое слѣдуетъ сказать и о различныхъ эпохахъ образованія конституціи, въ особенности, если послѣдняя развивалась такъ же медленно, какъ англійская. Нельзя примѣнять къ одной эпохѣ то, что̀ было годно для другой, совершенно отличной отъ нея по воззрѣніямъ на всѣ вопросы.

Составныя части общественной власти въ Англіи созданы были не одновременно. Палата общинъ явилась на свѣтъ послѣдней, а между тѣмъ она занимаетъ первенствующее мѣсто въ настоящее время. Дѣйствительная власть послѣдовательно переходила отъ одной составной части общественной власти въ Англіи къ другой, такъ что акты, изданные каждой изъ нихъ, имѣютъ совершенно иное значеніе, смотря по эпохѣ, къ которой они относятся.

Образованіе англійской конституціи, значеніе различныхъ

частей, входящихъ въ составъ ея, должны были привлечь къ себѣ вниманіе мыслителей. Локкъ первый вывелъ изъ нея теорію о раздѣленіи власти, которую впослѣдствіи Монтескье развилъ и распространилъ по всей Европѣ. Но оба они различно понимали раздѣленіе власти, смотря по тому, что происходило на глазахъ у каждаго изъ нихъ въ его отечествѣ.

Въ Англіи существуютъ только двѣ власти: та, которою пользуются въ совокупности обѣ палаты подъ именемъ *законодательной власти*, и *исполнительная власть*, приписываемая коронѣ, въ дѣйствительности же находящаяся въ рукахъ министровъ. Судебная власть въ Англіи не отдѣлена совершенно, ибо парламентъ представляетъ въ ней высшее судебное учрежденіе, такъ что въ немъ сосредоточивается, какъ законодательная, такъ и судебная власть. Англійская конституція не признаетъ даже независимости или несмѣняемости судей, какъ это строго требовалось многими французскими конституціями. *Актъ о престолонаслѣдіи* утверждаетъ, что судьи сохраняютъ свои мѣста только до тѣхъ поръ, „пока они хорошо будутъ исполнять свои обязанности“, и по совокупному предложенію обѣихъ палатъ они могутъ быть законно отрѣшены отъ своей должности [1]).

Основываясь на этихъ фактахъ, Локкъ не отводитъ особаго мѣста для судебной власти, но взамѣнъ ея, онъ предполагаетъ третію власть, которую называетъ *федеративной* и которой приписываетъ право вести войну и заключать миръ, но такъ какъ онъ полагаетъ, что право это входитъ въ составъ исполнительной власти, то онъ и не признаетъ за нимъ отдѣльнаго существованія.

Во Франціи парламенты получили несравненно большее значеніе, чѣмъ то, которое принадлежало имъ въ силу судебной власти, которою первоначально они были облечены. Судебная власть, принявшая вовсе несвойственные ей размѣры, представлялась въ глазахъ Монтескье въ такомъ преувеличенномъ видѣ, что онъ отдѣлилъ ее отъ прочихъ видовъ

[1]) Судьи будутъ сохранять свои мѣста, «пока они хорошо будутъ исполнять свои обязанности».... но, по требованію обѣихъ палатъ парламента, они могутъ быть законно удалены. (*Hallam*, II, 346).

власти. Это и породило его теорію о трехъ властяхъ, имѣвшую такое огромное вліяніе на существующія понятія о конституціонномъ общественномъ устройствѣ.

Однако же, въ обществѣ существуетъ не двѣ или три власти, но и множество другихъ, которыя можно разсматривать отдѣльно отъ прочихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что можно было бы придумать еще и другіе способы раздѣленія власти, что̀ и случилось на самомъ дѣлѣ. Въ Римѣ гражданская власть была рѣзче отдѣлена отъ военной, чѣмъ когда либо были разграничены власти, установленныя новѣйшими конституціями.

Аристотель занимался изслѣдованіемъ различныхъ факторовъ, входящихъ въ общественное устройство. Согласно съ тѣмъ, что̀ находилось передъ его глазами, онъ нашелъ три такіе фактора, отличающіеся спеціальнымъ назначеніемъ: народное собраніе гражданъ, представляющее совѣщательное учрежденіе; власть, обязанная приводить въ исполненіе его рѣшенія, и судебная власть. Главная часть власти должна принадлежать, по мнѣнію Аристотеля, совѣщательному собранію. Ей онъ подчинялъ исполнительную власть и даже судебную, такъ какъ онъ отдѣлилъ отъ послѣдней, и присоединилъ къ первой, какъ важнѣйшіе гражданскіе процессы, такъ и уголовныя дѣла, сопряженныя съ смертною казнью. Соображенія Аристотеля по этому предмету не были настолько замѣчательны, чтобы получить практическое или научное значеніе.

Тацитъ сознавалъ, отчасти возможность соціальной формы, основанной на сочетаніи различныхъ элементовъ, но полагалъ что осуществленіе ея оказалось бы крайне затруднительно. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, у всѣхъ народовъ и во всѣхъ государствахъ управленіе принадлежитъ или народу, или знатнымъ людямъ, или одному человѣку. Общественная форма, которая основывалась бы на соединеніи всѣхъ трехъ (элементовъ), скорѣе заслуживаетъ одобренія, чѣмъ можетъ быть осуществлена, ибо, еслибы она и осуществилась, то *недолго просуществовала бы.* (*Tacitus*, Ann. IV, гл. 33). Слѣдующая мысль Тацита еще болѣе замѣчательна, такъ какъ она подтверждаетъ его догадку на счетъ того,

что власть и свобода могутъ войти въ сочетаніе между собой, хотя онъ и считаетъ это дѣло весьма труднымъ: "не легко уживаются между собой свобода и повелитель„. (*Tacitus*, Hist. IV, 64). Эта мысль осталась чуждой всему древнему міру, или, по крайней мѣрѣ, она никогда не доходила до теоретическаго сознанія.

Гегель тоже допускаетъ три власти, но распредѣляетъ ихъ иначе, чѣмъ Локкъ и Монтескьё. По его мнѣнію, три главныя власти суть: законодательная, правительственная и личная власть государя [1]).

Всѣ эти разногласія относительно раздѣленія властей вытекаютъ изъ того, что на власть смотрятъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но ни одно изъ этихъ раздѣленій не имѣло достаточнаго основанія, пока предполагали, что существуетъ одна только соціальная идея; ибо антагонизмъ между различными властями есть не иное что̀, какъ антагонизмъ между двумя главными соціальными идеями, проявляющійся то на одномъ, то на другомъ пунктѣ.

Когда либеральныя идеи настолько окрѣпнутъ въ обществѣ, что возбудятъ въ немъ желаніе осуществить ихъ, то вначалѣ проявляются въ немъ единичныя усилія для достиженія этой цѣли; затѣмъ усилія эти сосредоточиваются около группы людей, тѣсно связанныхъ между собой. Эти группы людей становятся въ результатѣ общественными учрежденіями, называемыми парламентомъ, конгрессомъ, палатами или народнымъ представительствомъ. Принявъ, такимъ образомъ, особенную организацію, отличающуюся опредѣленными стремле-

---

[1]) Политическое устройство разбивается, такимъ образомъ, на слѣдующія главныя отдѣльныя части:

a) законодательная власть,

b) правительственная власть,

c) государева власть. (*Hegel*, *Naturrecht*, 348). Отдѣленіемъ личной власти государя отъ правительственной или министерской, Гегель сдѣлался проповѣдникомъ въ Германіи ученія, «что король царствуетъ, но не правитъ», ученія, которое защищалъ Бенжаменъ Констанъ. Въ Англіи практически держатся этого ученія, но не проповѣдуютъ его, тѣмъ болѣе, что оно рѣшительно противурѣчитъ буквѣ англійской конституціи.

ніями, эти учрежденія, порожденныя идеей свободы, представляются чѣмъ то отличнымъ отъ власти и противуположнымъ ей.

Тогда между обоими факторами открывается борьба по какому либо вопросу; является возможность пробовать различныя средства, избирать различные пути для достиженія имѣющейся въ виду цѣли.

Въ Англіи политическое собраніе, въ которомъ сосредоточивались либеральныя стремленія, облечено было, съ тѣхъ поръ, какъ запомнитъ исторія, законодательною властью. Англійскій парламентъ всегда принималъ участіе въ собственно такъ называемомъ законодательствѣ, какъ гражданскомъ, такъ и уголовномъ, то есть, вытекающемъ изъ идеи правосудія. По этому вопросу, между нимъ и короной, повидимому, даже не было никогда никакихъ столкновеній. Законодательство, заключенное въ такіе предѣлы, даже еслибы оно было независимо отъ верховной власти, не могло нанести послѣдней никакого ущерба. Столкновеніе возникало между ними преимущественно по вопросамъ о налогахъ, совершенно чуждымъ собственно такъ называемому законодательству. Впослѣдствіи столкновеніе это перешло и на другіе пункты, на вопросы, касающіеся администраціи или вооруженной силы. Такъ Длинный парламентъ захватилъ въ свои руки администрацію и начальствованіе надъ милиціей, бывшей главной вооруженной силой въ ту эпоху [1]).

[1]) Билль, представленный по этому поводу обѣими палатами Карлу I, не получилъ его утвержденія, что̀ въ скоромъ времени повело за собой гражданскую войну. (*Hallam*, I, 554). Длинный парламентъ присвоилъ себѣ высшую администрацію и назначеніе министровъ, но онъ могъ привести въ исполненіе свои честолюбивые замыслы не иначе, какъ созданіемъ военной силы, которая вскорѣ укротила его самого. Тогда совершился вѣчно памятный фактъ. Англія выказала такія высокія чувства, такое пониманіе политическихъ дѣлъ, какія мы тщетно искали бы въ исторіи другихъ народовъ. «Наши предки, говоритъ Маколей, предвидя погибель порядка и свободы, рѣшились предать забвенію старыя обиды, и всѣ, кавалеры и круглоголовые, католики и протестанты, сомкнулись вмѣстѣ для противудѣйствія военному деспотизму.» Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого была реставрація. (*The history of England by Macaulay*, I, 149 и слѣд.). Съ перваго взгляда власть Длиннаго парламента кажется непомѣрной, а между тѣмъ власть

Во Франціи пытались обратить судебныя учрежденія, представляемыя парламентами, въ политическую арену для противудѣйствія неограниченной власти, но эта попытка имѣла весьма незначительный успѣхъ.

Въ настоящее время всѣ политическія столкновенія заканчиваются на почвѣ законодательства, которому придали первостепенное значеніе.

Англичане, со свойственнымъ имъ инстинктивнымъ пониманіемъ сущности дѣла, съиздавна отличали собственно такъ называемые законы, предназначающіеся служить неизмѣнными правилами (statutes), и повелѣнія (объявленія) или административныя распоряженія, имѣющія силу только на время существованія вызвавшихъ ихъ обстоятельствъ [1]). Поэтому англійскій парламентъ долгое время утверждалъ финансовые билли, не облекая ихъ въ законныя формы. Крайне рѣдкіе случаи, когда эти билли входили въ собраніе законовъ, вынуждены были тѣмъ обстоятельствомъ, что денежныя суммы уступались на извѣстныхъ условіяхъ, вызывавшихъ новыя законныя распоряженія. Въ царствованіе Генриха VII такого рода билли включались по временамъ въ число законовъ, но къ нимъ не примѣнялось той редакціи, которая установлена была для настоящихъ законовъ. Въ царствованіе Генриха VIII денежные билли облечены были въ законныя формальности, но объ утвержденіи ихъ королевскою властью, обыкновенно

современнаго парламента не ниже ея, только она какъ бы скрыта, и обходится съ большею осторожностью и осмотрительностью. Еслибы парламенту вздумалось не утвердить *билля о мятежѣ* (*mutiny-bill*), который ежегодно поступаетъ на его разсмотрѣніе, то армія была бы распущена, а еслибы онъ отказалъ въ налогахъ, то остановилось бы все государственное управленіе.

[1]) Нѣтъ ни одного примѣра, начиная съ перваго возникновенія нашей конституціонной исторіи, чтобы прокламаціей или приказаніемъ совѣта предписана была какая либо самая ничтожная перемѣна въ кодексѣ частнаго права или въ наказаніяхъ за уголовныя преступленія. Былъ правда, періодъ времени, позже эпохи Генриха VII, когда контроль надъ правами частнаго человѣка дѣлать то, что не запрещено закономъ, былъ захваченъ посредствомъ прокламацій. Однако же, послѣднія всегда были явленіемъ временнымъ, и не касались измѣненій положительнаго закона. (*Hallam*, I, 5).

сопровождавшемъ законное постановленіе, стали упоминать только подъ конецъ этого царствованія [1]). Только съ этой эпохи такого рода билли были вполнѣ сравнены съ законами. Любопытно, что именно въ царствованіе самаго неограниченнаго короля, какой когда либо царствовалъ въ Англіи, совершился фактъ, послужившій главнѣйшимъ средствомъ для ограниченія власти многихъ изъ его наслѣдниковъ.

Люди легко принимаютъ внѣшнюю сторону дѣла за его сущность, и такъ какъ всѣ охотно согласились считать за законъ простое финансовое распоряженіе, то всѣ нашли естественнымъ внесеніе воображаемаго закона въ законодательство, а потому, и пріобщеніе его къ сферѣ дѣятельности собранія, облеченнаго законодательною властью.

Простой признакъ даетъ легкое средство отличить собственно такъ называемый законъ отъ административнаго распоряженія. Законъ служитъ постояннымъ руководствомъ для обыкновенныхъ судовъ, между тѣмъ какъ распоряженія, военныя, финансовыя или администратрвныя, не могутъ имѣть для нихъ этого значенія, ни вызывать съ ихъ стороны обсужденія, если только распоряженія эти не нарушаютъ какого либо закона, имѣющаго общее значеніе.

ГЛАВА XIII.

Общественное право.

(Пятая часть).

Второстепенные общественные принципы.

Разсмотрѣнныя нами четыре формы общественнаго устройства обусловливаются двумя идеями, смотря по тому, будетъ ли развиваться преимущественно одна изъ этихъ идей, или обѣ онѣ войдутъ въ какое либо опредѣленное сочетаніе. Но намъ извѣстны еще три другія соціальныя формы, дающія начало теократическому, военному и комерческому общественному устройству.

---

[1]) *Hallam*, I, 198.

Когда духовная власть, военный духъ или торговыя стремленія получаютъ такое развитіе въ обществѣ, что преимущественно сосредоточиваютъ на себѣ его дѣятельность, то всѣ учрежденія такого общества преобразовываются въ смыслѣ одного изъ трехъ этихъ принциповъ, и получаютъ одно только назначеніе — служить проявленіемъ его и обезпечить ему продолжительное существованіе. Хотя принципы эти и не имѣютъ силы соціальныхъ идей, но они могутъ оказывать настолько значительное вліяніе на общественныя учрежденія, что придадутъ имъ особенный характеръ. На этомъ основаніи, нельзя не признать за ними извѣстнаго значенія и не подвергнуть изслѣдованію ихъ вліянія.

Между соціальными идеями и соціальными принципами существуетъ то коренное различіе, что первыя необходимо входятъ въ каждое общественное устройство: ни та, ни другая соціальная идея не можетъ отсутствовать въ обществѣ, хотя бы участіе ея ограничивалось самыми ничтожными размѣрами. Соціальные принципы, напротивъ того, связываются съ фактами, получающими огромное значеніе въ одномъ обществѣ, но могутъ отсутствовать въ другомъ. Существуютъ общества, въ которыхъ духовная власть вовсе не имѣетъ, или имѣетъ ничтожное значеніе, между тѣмъ какъ въ другихъ она поглощаетъ свѣтскую власть. Нѣкоторыя общества совсѣмъ лишены военнаго духа или торговой предпріимчивости, между тѣмъ какъ другія проникнуты ими въ высокой степени.

Такимъ образомъ, соціальные принципы проявляются рѣзко тогда только, когда они получаютъ настолько замѣтное преобладаніе, что опредѣляютъ общественныя отношенія въ свойственномъ каждому изъ нихъ смыслѣ. Лучшій способъ для оцѣнки ихъ вліянія состоитъ въ изученіи тѣхъ изъ нихъ, которые осуществились въ дѣйствительномъ мірѣ. Для этого, мы избрали примѣры изъ древняго міра, такъ какъ они являются въ законченномъ видѣ, и легче могутъ быть разсмотрѣны во всей своей совокупности. Новѣйшія общества не представляютъ такого же удобства въ этомъ отношеніи, ибо ни одно изъ нихъ не достигло еще до послѣднихъ результатовъ своего соціальнаго развитія.

§ I. — Теократическое устройство.

До сихъ поръ мы разсматривали одну только сторону власти, ту, которою она противупоставляетъ себя волѣ другаго человѣка, опредѣляетъ ея поступки, предписываетъ ей дѣлать то то, и не дѣлать того то. Такой смыслъ придается обыкновенно слову *власть*. Если къ нему прибавляютъ эпитетъ *свѣтскій*, то это дѣлается для отличенія такой власти отъ другой, которую называютъ *духовной*. Послѣдняя относится нестолько къ внѣшнимъ проявленіямъ воли, сколько къ самой ея сущности. Она стремится къ контролированію и къ подчиненію воли извѣстнымъ религіознымъ правиламъ, и для достиженія этой цѣли пользуется находящеюся въ ея распоряженіи свѣтскою властью.

Но человѣкъ неохотно признаетъ духовное превосходство другаго, такого же, какъ и онъ, человѣка, если это превосходство не вытекаетъ изъ болѣе высокаго, божественнаго источника. Это то расположеніе, свойственное человѣческому разуму, и составляетъ основу для духовной власти, когда послѣдняя оказывается исходящей отъ Высшаго Существа.

Общество, поставленное въ такія условія, то есть, такое, въ которомъ свѣтская власть служитъ орудіемъ духовной, получающей преобладающее значеніе, называется *теократическимъ*.

Духовная и свѣтская власть могутъ принадлежать одному только человѣку, или отдѣльно нѣсколькимъ лицамъ. Это было первымъ раздѣленіемъ власти, какое только извѣстно намъ. Но до ихъ раздѣленія, мы встрѣчаемъ ихъ въ рукахъ одного и того же лица. Родоначальники тѣхъ патріархальныхъ семействъ, о которыхъ упоминаетъ древняя исторія, пользовались одновременно обоими родами власти. Государи Египта, древнѣйшаго изъ государствъ, о которомъ мы имѣемъ историческія свѣдѣнія [1]), тоже облечены были тою и другою властью. Въ этомъ государствѣ, до смерти Рамезеса могущественнѣйшемъ въ древнемъ мірѣ [2]), теократическое

[1]) *Geschichte des Alterthums von Dunker*, I, 8.
[2]) *Dunker*, I, 96.

общественное устройство сохранялось впродолженіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ. Это устройство пережило самую независимость Египта, ибо на Птоломеевъ и на римскихъ императоровъ перенесены были тѣ же титулы и тѣ же божескія почести, какими пользовались фараоны [1]).

Послѣдніе вовсе не считались потомками или представителями боговъ: они были настоящими богами. Поклоненіе солнцу (*Ра* или *Фра*) было древнѣйшимъ въ Египтѣ. *Фра* [2]), отецъ боговъ, былъ отцемъ и государей. Но самъ государь былъ тоже солнцемъ, съ тою только разницей, что онъ царствовалъ надъ однимъ только Египтомъ, тогда какъ Фра царствовалъ надъ обоими полушаріями. Фактъ этотъ подтверждается множествомъ надписей. На Амадскомъ храмѣ, напримѣръ, существуетъ такая надпись: «Богъ, Господь Египта, Тутмесъ IV, соорудилъ сей храмъ отцу своему Фра, великому Богу обоихъ полушарій». Въ Нубіи, близъ Солеба, Аменофисъ III приказалъ соорудить храмъ, посвященный собственному своему божеству, то есть, самому себѣ [3]).

Египетскій государь-богъ облеченъ былъ самою широкою властью, какая когда либо существовала на землѣ. Онъ былъ «раздаватель жизни» [4]). Свѣтская власть его была безусловно безгранична. Ему принадлежала вся земля Египта [5]). Одни жрецы удостоивались чести служить царю, бывшему въ то же время богомъ. Мало того, сами боги находились у него въ услуженіи. Жрецы умащивали царей, какъ и изображенія боговъ въ большія празденства.

---

[1]) *Dunker*, I, 90.

[2]) Самое слово Фараонъ происходитъ, повидимому, отъ Фра. Царица была Изида. (*Dunker*, I, 56).

[3]) *Dunker*, I, 27.

[4]) Дункеръ полагаетъ, что титулъ «раздавателя жизни» основанъ былъ на томъ, что египетскіе цари могли ежеминутно лишать жизни своихъ подданныхъ. Но не для чего искать раціональнаго объясненія сумасбродствъ, лишенныхъ всякаго смысла. Такъ какъ Фараоны были солнцемъ, то ихъ естественно было надѣлить и его животворящей силой.

[5]) Такой взглядъ былъ въ общемъ ходу между всѣми восточными народами (*Dunker*, I, 98), и представлялъ неизбѣжный результатъ

Несмотря на свое всемогущество, египетскіе цари были строго подчинены этикету и религіозной обрядности, нарочно для нихъ установленнымъ. Такъ какъ въ Египтѣ каждый мѣсяцъ, каждый день, каждый часъ былъ посвященъ какому нибудь божеству, то цари могли приступить къ какому либо акту частной жизни не иначе, какъ въ благопріятную минуту. Они обязаны были соблюдать самый мелочной церемоніалъ, какой когда либо былъ придуманъ. Это было единственное стѣсненіе, какое они знали. Во многихъ отношеніяхъ они слѣдовали тѣмъ же правиламъ, какъ и жрецы, не ѣли, напримѣръ, другаго мяса, кромѣ гусей и телятъ.

Намъ неизвѣстно, до какой степени строго раздѣлены были касты; мы знаемъ только, что ихъ было три: жрецевъ, воиновъ и остальнаго народа. Послѣдняя состояла изъ подраздѣленій, все еще настолько разграниченныхъ, что никто не смѣлъ оставить званіе своего отца.

Каста воиновъ не занимала въ Египтѣ такого положенія, какое мы встрѣчаемъ въ другихъ странахъ для класса людей, посвятившихъ себя военному ремеслу, класса, который бы представлялъ богатую аристократію. Каста эта состояла изъ массы воиновъ, которымъ назначены были небольшіе, равные земельные участки [1]). Во времена Геродота въ арміи фараоновъ считалось все еще неменѣе 400,000 воиновъ, хотя незадолго предъ этимъ выселилось изъ страны 700,000. Войска Рамезеса Великаго простирались до 700,000 человѣкъ.

Каста жрецовъ занимала самое высокое положеніе, и состояла изъ нѣсколькихъ наслѣдственныхъ корпорацій. Эти жрецы обладали всѣми тайнами религіи, всей наукой, извѣстной въ Египтѣ. Священное писаніе, полученное ими отъ Фота, Бога истины и изобрѣтателя азбуки, состояло изъ 42

крайняго развитія идеи власти на счетъ личнаго права, которое не въ силахъ упрочиться.

[1]) Участокъ каждой военной семьи состоялъ неболѣе какъ изъ двухъ гектаровъ, но не должно забывать, что въ Египтѣ онъ представлялъ несравненно большую цѣнность, чѣмъ гдѣ либо, вслѣдствіе необычайнаго плодородія почвы.

книгъ [1]). Египетскіе жрецы были самыми знаменитыми врачами и астрологами древности. Они имѣли весьма подробныя таблицы звѣздныхъ сочетаній, посредствомъ которыхъ они всякому предсказывали будущее. Они одни были свѣдущи въ юриспруденціи, и отправляли правосудіе. Верховный судъ ихъ состоялъ изъ 30 жрецовъ.

Но какъ ни высоко было положеніе жрецовъ, какъ ни велико было ихъ вліяніе, они такъ же безусловно подчинены были власти Фараоновъ, какъ и остальные египтяне. Назначеніе ихъ состояло въ томъ, чтобы служить Богу, занимающему престолъ, и воспитывать народъ въ духѣ такого установленія. Для этого имъ необходимо было прежде всего направить его помышленія къ загробной жизни, и оторвать ихъ отъ земнаго существованія. Вотъ почему египетскіе жрецы первые стали проповѣдывать догматъ безсмертія души [2]). Имъ до такой степени удалось дать такое направленіе народнымъ воззрѣніямъ, что египтяне жили болѣе будущимъ, чѣмъ настоящимъ. Впродолженіи земной своей жизни они заняты были сооруженіемъ своихъ будущихъ жилищъ. Они старались предохранить свои смертные остатки отъ разрушенія, такъ что трудно понять цѣль, имѣвшуюся ими въ виду. Ибо они вѣрили, что душа имѣетъ духовную сущность, что смерть освобождаетъ ее отъ тѣла, и что душа предназначена для жизни въ свѣтозарной обители солнца или въ аду. Послѣдній жрецы ухищрялись представить, какъ вмѣстилище всевозможныхъ мученій и ужасовъ: изображенія его, дошедшія до насъ, показываютъ, какъ плодовито было въ этомъ отношеніи ихъ воображеніе [3]).

---

[1]) Религіозныя правила и законы занимали 10 книгъ; 10 книгъ содержали обряды, совершаемые при всѣхъ жертвоприношеніяхъ, 10 посвящены были искуству писать и считать, 6 врачебной наукѣ и 2 состояли изъ гимновъ въ честь боговъ и царей. (*Dunker*, I, 82).

[2]) *Dunker*, I, 70.

[3]) Намъ неизвѣстно еще отношеніе между ученіемъ египтянъ объ адѣ и ученіемъ о переселеніи душъ. Вѣроятно, муки ада предназначались для людей, душа которыхъ не была очищена прохожденіемъ чрезъ тѣло животныхъ.

Вслѣдствіе такого направленія мыслей, египтяне сдѣлались народомъ, состоящимъ изъ строителей храмовъ и гробницъ, изъ живописцевъ и скульпторовъ, занимавшихся ихъ украшеніемъ. Что̀ касается до религіозныхъ обычаевъ египтянъ, то они имѣли главною цѣлью держать въ опрятности тѣло, и исполнять то, что̀ считалось необходимымъ для чистоты душевной. Для этого они воздерживались отъ употребленія извѣстной пищи и извѣстныхъ тканей въ видѣ одежды, и старались подавлять чувственныя вождѣленія. Геродотъ говоритъ, что египтяне были самымъ религіознымъ народомъ, какой когда либо существовалъ. Они строго соблюдали посты, и, сверхъ того, никогда не ѣли ни пшеницы, ни ячменя, ни бобовъ, ни мяса многихъ животныхъ и рыбъ. Они не садились за одинъ столъ съ иностранцами, и не употребляли съ ними одной и той же утвари, ибо все чужеземное было въ ихъ глазахъ нечистымъ.

Обычаи, соблюдавшіеся жрецами, были еще строже. Они омывали все свое тѣло два раза впродолженіи дня и два раза впродолженіи ночи; постили, бичевали себя, въ разное время, 7 дней сряду, и разъ въ годъ—впродолженіи 42 дней, чтобы очиститься отъ всѣхъ грѣховъ, помѣщенныхъ въ спискѣ, нарочно для этого составленномъ.

Эта религія, эти столь сложные, столь искуственные религіозные обряды вполнѣ соотвѣтствовали характеру египтянъ, которые любили соблюдать самыя точныя формальности во всемъ; они придерживались самыхъ мелочныхъ подробностей, старались сохранить все, и имѣть писанное указаніе на малѣйшую случайность.

Египтяне болѣе всѣхъ народовъ были пристрастны къ письменности. Но всѣ эти обрядности, всѣ эти предписанія, которыя слѣдовало соблюдать въ каждую минуту жизни, были слишкомъ многочисленны, слишкомъ хитро задуманы, чтобы кто либо, кромѣ жрецовъ, былъ свѣдущъ въ нихъ; послѣдніе всю жизнь свою посвящали ихъ изученію.

Египтяне не могли, поэтому, обойтись безъ своихъ жрецовъ, представителей воли Бога-фараона. Страна управлялась именемъ этого Бога, и представляла, вслѣдствіе этого,

самый совершенный, какой когда либо существовалъ, типъ теократическаго общественнаго устройства.

§ II. — Военное устройство.

Необходимость защитить себя отъ внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ, военный духъ и предпріимчивость, или иныя побужденія могутъ призвать къ оружію все общество. Сама по себѣ вооруженная сила есть только средство для матерьяльнаго дѣйствія. Если она сложилась согласно съ правомъ, то употребленіе этой силы есть неболѣе, какъ пользованіе правомъ, пока она не причиняетъ ущерба чужому праву. Но, перейдя за эти границы, она становится насиліемъ.

Если военный духъ получитъ такое развитіе въ обществѣ, что пріобрѣтетъ преобладающее значеніе, то армія займетъ въ немъ первое мѣсто, и поглотитъ всѣ средства общества. Вліяніе это отразится на законахъ и на всѣхъ соціальныхъ учрежденіяхъ: тѣ и другія будутъ проникнуты внѣшнимъ однообразіемъ и точностью, какими отличаются распоряженія, поддерживающія порядокъ въ арміи. Правосудіе будетъ совершаться сокращеннымъ порядкомъ, согласно съ его производствомъ въ военныхъ судахъ, а послѣдніе будутъ стремиться къ вытѣсненію правильныхъ судовъ.

Можетъ случиться даже, что вооруженная сила, послужившая основанію государства, сохранитъ названіе и организацію арміи сверхъ срока, обусловливаемаго крайнею необходимостью, единственно вслѣдствіе привычекъ и воинственныхъ стремленій. Это будетъ государство среди государства. Такимъ образомъ, ломбардцы называли себя *счастливѣйшимъ войскомъ* (*felicissimus exercitus*.—См. законы Ротариса) долго спустя послѣ завоеванія Италіи.

Мы не знаемъ государства, въ которомъ военный принципъ получилъ бы такое развитіе, въ которомъ онъ вызвалъ бы такія широкія, такія поразительныя слѣдствія, какъ въ Спартѣ. Въ ней дорійское племя, состоявшее изъ 8 или 10,000 воиновъ [1]), достигло нетолько утвержденія самой

[1]) Геродотъ опредѣляетъ число спартанцевъ въ 8,000 воиновъ. Аристотель говоритъ, что они разъ только достигли до цифры 10,000. (*Dunker*, III, 361).

безусловной власти въ Лаконіи и Мессеніѣ надъ населеніемъ въ 20 или въ 30 разъ болѣе многочисленнымъ, но захватило въ свои руки главенство надъ Пелопонезомъ, а впослѣдствіи и надъ всей Греціей, въ эпоху, когда эта страна населена была несравненно больше противъ теперешняго. Поэтому, очеркъ соціальныхъ учрежденій въ Спартѣ представитъ типъ военнаго устройства лучше, чѣмъ всякій иной примѣръ, взятый изъ исторіи.

Во всей Греціи не было болѣе несчастнаго, болѣе анархическаго государства, какъ Лаконія до Ликурга. Утвердившіеся въ ней доряне продолжали враждебныя отношенія къ туземному населенію [1]). Послѣднее, въ эпоху вторженія дорянъ, состояло изъ эолянъ и ахеянъ. Позже, оба племени получили названіе лакедемонянъ, тогда какъ доряне, по имени столицы своей, назывались спартіатами, или спартанцами [2]).

Уже въ эпоху Пелопидовъ въ Пелопонезѣ существовало множество зависимыхъ царей, подчинявшихся другимъ, болѣе сильнымъ царямъ. Во время вторженія дорянъ, въ Лаконіи было шесть такихъ царей, изъ которыхъ впослѣдствіи власть удержали только два дома: *Агиса* и *Эврипона*. Оба происходили, подобно главному дорійскому племени, отъ Иракла, и находились въ великомъ уваженіи у своихъ древнихъ подданныхъ. Ликургъ принадлежалъ къ одному изъ этихъ царскихъ домовъ, хотя и неизвѣстно съ достовѣрностью, къ какому именно: былъ ли онъ дядей и опекуномъ Лаботаса, какъ предполагалъ Геродотъ, или Харилая, изъ династіи Эврипоновъ, какъ думалъ поэтъ Симонидъ. Аристотель придерживался послѣдняго мнѣнія, которое и получило всеобщее распространеніе. Согласно съ преданіемъ, заслуживающимъ наибольшаго довѣрія, Ликургъ жилъ между 825 и 775

---

[1]) Дорянамъ, утвердившимся въ Лаконіи, труднѣе было подчинить, своей власти туземцевъ, чѣмъ дорянамъ, занявшимъ прочія части Пелопонеза. Ихъ войны противъ ахеянъ (амиклеянъ) продолжались два вѣка. (*Dunker*, III, 354).

[2]) *Curtius*, I, 16. Оба эти названія постоянно, впрочемъ, смѣшивались самими эллинами, ибо спартанцевъ, владѣвшихъ Лакедемономъ, называли тоже и лакедемонянами.

до Р. Х. [1]), и оставилъ страну во время малолѣтства своего питомца, что̀ дало ему возможность изучить законы дорійцевъ, поселившихся въ Критѣ [2]). Впослѣдствіи они послужили ему образцемъ для общественнаго устройства, введеннаго имъ въ Спартѣ, но онъ видоизмѣнилъ ихъ въ болѣе суровомъ смыслѣ [3]).

Учрежденія Ликурга носятъ названіе *ретры*, то есть, *договора*, или, вѣрнѣе, *договоровъ*, ибо ихъ было нѣсколько. Они названы были такъ вѣроятно потому, что въ основѣ ихъ лежали соглашенія, которыя Ликургъ успѣлъ заключить, какъ между двумя царскими домами, такъ между послѣдними съ одной стороны и спартанцами съ другой; и наконецъ, между различными партіями самихъ спартанцевъ. Къ тому же, *ретры* касались только этихъ соглашеній, и не имѣли никакого отношенія до прочихъ жителей Лаконіи; они не были записаны, и устно передавались однимъ поколѣніемъ другому.

До этихъ поръ оба царскіе дома враждовали между собой, и царствовали безъ опредѣленнаго порядка, то одинъ, то другой, смотря по временному расположенію къ одному изъ нихъ спартанцевъ. Для прекращенія такого порядка вещей, порядка, бывшаго причиной безсилія обѣихъ династій, Ликургъ добился соглашенія между ними, вслѣдствіе котораго онѣ царствовали вмѣстѣ [4]).

Цари были поставлены во главѣ религіи, и исполняли общественныя жертвоприношенія. Чрезъ нихъ же происходили религіозныя сношенія Спарты съ дельфійскимъ оракуломъ. Матерьяльная основа ихъ власти лежала въ начальствованіи надъ арміей. Разъ выступивъ въ походъ, они получали неограни-

---

[1]) *Dunker*, III, 349.

[2]) Толпа дорянъ съиздавна утвердилась въ Критѣ, изгнавъ изъ него ахеянъ. Около восьми вѣковъ до Р. Х. Кноссосъ, Ликтосъ и вся средина острова заняты были дорянами.

[3]) На островѣ Критѣ, напримѣръ, дѣти дорянъ оставались въ своихъ семействахъ до юношескаго возраста, а въ Спартѣ они записывались въ отдѣльныя части войскъ съ 7 лѣтъ. (*Curtius*, I, 165).

[4]) Поэтому, учрежденіе въ Спартѣ двухъ царей основывалось не на какомъ либо произвольномъ соображеніи, какъ учрежденіе, напримѣръ, двухъ консуловъ въ Римѣ, но имѣло свое историческое основаніе.

ченну́ю власть, и могли наказывать смертью каждаго воина Доходы ихъ были весьма обильны, ибо они продолжали взимать подати съ тѣхъ изъ бывшихъ своихъ подданныхъ, которымъ спартанцы предоставили нѣкоторую независимость—съ періоковъ [1]); что же касается до прочихъ туземцевъ, называвшихся *илотами* [2]), то они обращены были въ рабство, и составляли собственность государства.

Ликургъ нашелъ спартанцевъ раздѣленными на двѣ партіи—богатыхъ и бѣдныхъ. Для сближенія ихъ онъ далъ имъ общинную организацію при содѣйствіи комбинаціи, въ которую вошли и цари. Каждое изъ трехъ спартанскихъ колѣнъ—*гилеевъ*, *димановъ* и *памфилеевъ*, — раздѣлено было на десять *объ*. Оба царствующіе дома вошли въ колѣно гилеевъ, происходившихъ, подобно царямъ, отъ Иракла. Каждая *оба* избирала геронта [3]).

30 геронтовъ составляли *Герузію* или совѣтъ царей, который въ то же самое время исполнялъ обязанности верховнаго суда. Цари предсѣдательствовали и въ герузіи, и въ народномъ собраніи спартанцевъ.

Послѣднему Ликургъ передалъ верховную власть въ государствѣ; но это было только теоретически, на дѣлѣ же выходило иное. Каждый спартанецъ, достигшій тридцатилѣтняго возраста, поступалъ въ это собраніе, утверждавшее новые законы, договоры, дѣла, касавшіяся мира и войны. Но это было одною только формальностью. Собраніе гражданъ не управляло, а управлялось. По недостатку образованія, по

---

[1]) Періоки обработывали на свой счетъ земли, лежавшія на возвышенностяхъ, окружавшихъ Евротскую долину, въ которой расположена была Спарта и постоянный лагерь спартанцевъ. Отсюда произошло и названіе періоковъ, то есть, окрестныхъ жителей.

[2]) Слово *илотъ* породило много споровъ. Дункеръ доказываетъ этимологически, что оно означаетъ просто плѣнникъ. Какъ бы то ни было, оно относилось не исключительно къ однимъ только жителямъ Илоса, обращеннымъ спартанцами въ рабовъ, но ко всѣмъ мессенцамъ, испытавшимъ ту же участь.

[3]) Аристотель говоритъ, что должности *геронтовъ* были династическія то есть, что геронты избирались постоянно изъ однѣхъ тѣхъ же фамилій. (*Dunker*, III, 361).

своимъ военнымъ привычкамъ, спартанцы были неспособны заниматься общественными дѣлами; они не чувствовали ни склонности къ нимъ, ни своей компетентности въ этомъ дѣлѣ [1]). Они были для этого слишкомъ хорошими воинами. Вся обязанность ихъ въ народномъ собраніи состояла въ подачѣ голоса на предложеніе, поданное царями или герузіей [2]). Они дѣлали это по военному, возгласомъ, а не поднятіемъ руки, согласно съ обычаемъ прочихъ эллиновъ. Когда дѣло шло объ избраніи должностныхъ лицъ, то кандидатовъ проводили поочередно предъ собраніемъ, и судили о выборѣ по болѣе или менѣе шумнымъ восклицаніямъ [3]). Сверхъ того, только цари и геронты имѣли право говорить въ собраніи, и законъ дозволялъ имъ закрыть засѣданіе, какъ только простые граждане станутъ дѣлать замѣчанія. [4]).

Рядомъ съ тремя властями, установленными Ликургомъ, сама собою возникла мало по малу четвертая власть: *эфораты*. Первоначально пять эфоровъ были простые судьи или полицейскіе надзиратели пяти участковъ Спарты, но они кончили тѣмъ, что затмили прочія три власти [5]).

Въ срединѣ VII вѣка все туземное населеніе Пелопонеза поднялось противъ утвердившихся между нимъ побѣдителей-чужеземцевъ. Опираясь на это возстаніе, династія Киселидовъ воцарилась въ Коринфѣ, а династія Ортагоридовъ—въ Сикіонѣ. Жители Пизы возстали противъ Элиды, а мессенцы—противъ Спарты. Послѣ страшной войны, окончившейся усмиреніемъ мятежа, спартанцы пожелали мира. Они почув-

---

[1]) *Curtius*, I, 163.

[2]) Это право геронтовъ перешло впослѣдствіи къ эфорамъ. (*Dunker*, III, 366).

[3]) Дункеръ говоритъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ граждане, подававшіе голоса, раздѣлялись на двѣ группы, и потомъ сосчитывались. По мнѣнію Курція, обычай этотъ явился гораздо позже; въ первый разъ прибѣгли къ нему по требованію эфора Стенелаида, при объявленіи войны Аѳинамъ. (*Curtius*, II, 297).

[4]) *Hermann*, 50.

[5]) По мнѣнію Курція, учрежденіе эфоровъ существовало до Ликурга; Дункеръ относитъ его къ эпохѣ между 730 и 710.

этвовали склонность къ мирнымъ занятіямъ, и начали впадать въ изнѣженность.

Одинъ изъ геронтовъ, Хейлонъ, замѣтилъ, какія пагубныя слѣдствія должна была вызвать эта распущенность нравовъ среди обстоятельствъ, полныхъ опасности. Онъ потребовалъ реформы, которая не только возстановила порядокъ вещей, введенный Ликургомъ, но придала ему еще болѣе суровый оттѣнокъ.

Главная задача состояла прежде всего въ возвращеніи спартанцевъ къ древнимъ воинственнымъ нравамъ, къ простотѣ и къ суровой жизни, въ пробужденіи въ нихъ военнаго духа и въ отстраненіи распространявшихся между ними разслабляющихъ привычекъ.

Въ то же самое время Хейлонъ хотѣлъ обезпечить за дорійскимъ племенемъ безусловное господство въ государствѣ; но для этого необходимо было заключить въ болѣе тѣсныя границы царскую власть, принявшую въ то время значительные размѣры.

Для этого Хейлонъ преобразовалъ эфоратъ, находившійся до этого времени на второмъ планѣ, въ первостепенное учрежденіе страны. Первоначально назначаемые царями, въ болѣе позднюю эпоху эфоры избирались народнымъ собраніемъ; такъ что, эти ежегодно избиравшіяся должностныя лица зависѣли непосредственно отъ всей массы гражданъ. Но имъ недоставало религіознаго посвященія, крайне необходимаго, такъ какъ спартанцы были щепетильнѣе всѣхъ остальныхъ эллиновъ въ дѣлѣ религіи. По примѣру Солона, Хейлонъ обратился за содѣйствіемъ къ Эпименіду. Послѣдній приказалъ соорудить близъ Спарты храмъ, посвященный Пазифаѣ, въ которомъ должны были по временамъ проводить ночь эфоры, чтобы во время сна получать божественныя откровенія.

Цари были безусловно подчинены власти эфоровъ. Каждый спартанецъ обязанъ былъ доносить послѣднимъ обо всемъ, что́ узналъ онъ подозрительнаго на счетъ царей. Эфоры имѣли право требовать ихъ къ себѣ на судъ; они могли дѣлать имъ выговоръ, налагать на нихъ пени, и въ случаѣ необходимости, даже арестовать ихъ. Всѣ должност-

ныя лица и конница были непосредственно подчинены эфорамъ. Управленіе казной перешло въ ихъ руки, печать ихъ обратилась въ государственную, что̀ давало имъ возможность лишать своего утвержденія всякое общественное рѣшеніе. Они опредѣляли числительность и составъ арміи, выходящей въ походъ, такъ что они могли не допустить войны, если ее не одобряли. Періоки, находившіеся до этого въ управленіи царей, подчинены были эфорамъ. Послѣдніе получили право приговоривать ихъ къ смертной казни, и принимать мѣры къ тайному умерщвленію илотовъ, безъ судебнаго разбирательства, если найдутъ это полезнымъ. Достаточно было согласія трехъ эфоровъ для иринятія какого бы то ни было рѣшенія отъ имени эфората.

Спартанцы всѣми силами старались скрыть эту великую реформу, чтобы ее можно было приписать самому Ликургу. По этой причинѣ, намъ неизвѣстны всѣ относящіяся къ ней подробности, но, что̀ касается до ея главныхъ основаній, то они введены были между 580 и 570, потому что съ этого времени общественные акты помѣчались, вмѣсто имени царей, именемъ эфора, предсѣдательствовавшаго въ своей коллегіи [1]).

Эфоры пользовались весьма широкою исправительною властью. Задача ихъ состояла въ поддержаніи между спартанцами военнаго товарищества и равенства, и въ отстраненіи всего, что̀ могло породить между ними слишкомъ большое различіе въ общественномъ положеніи. Для этого всѣ граждане обязаны были одинаково одѣваться и носить одну только шерстяную, некрашенную одежду. Дома ихъ должны были быть одинаковой сельской постройки, а чтобы они не превосходили извѣстныхъ размѣровъ, для этого предписано было: «употреблять одинъ только топоръ при сооруженіи потолка, и только пилу при приготовленіи дверей.» Эфоры слѣдили за строгимъ исполненіемъ правила, предписывавшаго обѣдать всѣмъ вмѣстѣ; въ обращеніи не было другой монеты, кромѣ желѣзной; смертная казнь грозила всякому, у кого

[1]) *Dunker*, IV, 364 и слѣд.

найдено будетъ золото или серебро. Имущества поддерживались до нѣкоторой степени на одномъ уровнѣ еще тѣмъ, что обѣднѣвшіе граждане надѣлялись отъ времени до времени землями, отнятыми у періоковъ, принадлежавшими государству или пріобрѣтенными завоеваніемъ.

Подобный порядокъ вещей могъ длиться только при условіи, чтобы люди были приспособлены къ нему съ малолѣтства посредствомъ воспитанія, и чтобы они оставались въ невѣденіи того, что происходитъ въ другихъ странахъ. Поэтому, спартанцы были отдѣлены отъ всего остальнаго міра самыми строгими мѣрами. Всѣ проходы, ведущіе въ Эвротскую долину, постоянно охранялись дозорами. Выселеніе запрещено было подъ страхомъ смертной казни [1]).

Что касается до спартанскаго воспитанія, то оно начиналось съ 7 лѣтъ, и продолжалось до 30 лѣтняго возраста. Но государство заявляло свои права съ самаго рожденія ребенка. У всѣхъ эллиновъ отецъ рѣшалъ, слѣдуетъ ли оставить жизнь новорожденному: въ Спартѣ обязанность эта лежала на предводителяхъ *объ*. Отецъ семейства не имѣлъ никакой власти, какъ только дѣло касалось военныхъ интересовъ. Если предводитель обы находилъ, что новорожденный не имѣлъ тѣлосложенія, подающаго надежду, что изъ него выдетъ хорошій воинъ, то ребенокъ относился въ разсѣлину горы Тайгеты.

Дитя поступало на попеченіе государства съ 7 лѣтняго возраста. Главное вниманіе обращалось на то, чтобы укрѣпить ребенка, и развить его силы. До двѣнадцати лѣтъ онъ носилъ одинъ только хитонъ, короткую шерстяную рубашку безъ рукавовъ. Спалъ онъ на соломѣ, и не смѣлъ имѣть ни одѣяла, ни обуви. Въ 12 лѣтъ юноша замѣнялъ хитонъ трибономъ, шерстяной одеждой, весьма мало прикрывавшей тѣло. Учениковъ держали впроголодь нетолько для пріученія ихъ къ голоду, но и для побужденія ихъ къ кражѣ, ибо имъ не запрещалось воровать съѣстные припасы, если только они не будутъ пойманы; въ противномъ же случаѣ, ихъ жестоко наказывали.

---

[1]) *Curtius*, I, 166.

Разъ въ годъ все спартанское юношество наказывалось розгами предъ олтаремъ Ортійской Артемиды. Юноша, выдержавшій наибольшее число ударовъ, не испуская крика, провозглашался побѣдителемъ *предъ алтаремъ*. Спартанцы приводятъ имена многихъ юношей, испустившихъ духъ во время этихъ истязаній, не обнаруживъ ни малѣйшаго признака боли. Гимнастика, употреблявшаяся въ Спартѣ, не имѣла цѣлью, какъ во всей остальной Греціи, развить красоту тѣла, но только придать ему бо́льшую силу. Въ этой системѣ музыка замѣняла собой все умственное воспитаніе; эта музыка имѣла цѣлью возбуждать воинственный пылъ. Хотя всѣ спартанцы поступали въ ряды арміи съ 20 лѣтняго возраста, и оставались въ ней до 60 лѣтъ, тѣмъ не менѣе, воспитаніе ихъ оканчивалось только въ 30 лѣтъ. Впродолженіи этихъ послѣднихъ десяти лѣтъ они назывались *эйренами*, и жили въ отдѣльныхъ казармахъ.

За воспитаніемъ юношества слѣдилъ высокій сановникъ — *педономъ*; ему помогали въ этомъ дѣлѣ пять *бидеевъ*, по одному на участокъ. Сверхъ того, на каждомъ спартанцѣ лежала обязанность слѣдить за поведеніемъ учениковъ. Если онъ заставалъ кого либо изъ нихъ на мѣстѣ преступленія, то обязанъ былъ немедленно же дать ему урокъ ударами палки. Греческіе писатели говорятъ объ удивленіи, съ которымъ остальные греки, собравшіеся въ Олимпіи, смотрѣли на эти дубины, которыми постоянно были вооружены спартанцы. Если жестоко избитый ребенокъ жаловался своему отцу, то онъ могъ безошибочно разсчитывать на вторичное наказаніе. Спартанское юношество росло подъ этой желѣзной дисциплиной, подъ палкой каждаго гражданина и подъ плетью педонома и бидеевъ, которые безпрерывно обходили улицы и площади, гдѣ занимались гимнастикой, въ сопровожденіи *мастигофоровъ* (роздавателей розогъ), чтобы наказать виновныхъ.

Вѣнцомъ этого воспитанія была такъ называемая *криптея*.

На эфорахъ лежала обязанность нетолько сдерживать царей, и поддерживать благочиніе между гражданами, но они должны были наблюдать, чтобы періоки и илоты не приняли

опаснаго положенія, первые — своимъ богатствомъ, вторые — своей многочисленностью. Средства, употреблявшіяся для этой цѣли эфорами, состояли, что̀ касается до первыхъ, въ обремененіи ихъ такими тяжкими налогами, чтобы они не могли сдѣлаться опасными чрезмѣрнымъ благосостояніемъ. Посредствомъ угнетенія ихъ сдѣлали до того сговорчивыми и покорными, что не видѣли особенной опасности даже въ пополненіи ими арміи. Но если число періоковъ не превышало 200,000, то число илотовъ простиралось свыше полумильона. Для отстраненія опасности съ этой стороны, спартанцы прибѣгали къ инымъ мѣрамъ.

Осенью, когда новые эфоры вступали въ отправленіе своихъ обязанностей, они набирали нѣсколько сотъ молодыхъ людей въ *криптею (тайное общество)*. Эти молодые люди, едва одѣтые, безъ обуви, съ мѣшкомъ провизіи чрезъ плечо и опоясанные мечомъ, обходили впродолженіи зимы всю страну. Они должны были держаться постоянно скрытно, ночевать всегда подъ открытымъ небомъ, и прислушиваться, что̀ говорятъ и дѣлаютъ илоты, которые, пользуясь отсутствіемъ работъ въ это время года, часто сходились между собой или въ питейныхъ домахъ. Горе илоту, какимъ нибудь неблагоразумнымъ словомъ привлекшему на себя вниманіе юнаго соглядатая. Послѣдній немедленно указывалъ на него эфорамъ, которые, въ свою очередь указывали на людей, которые приговаривались ими къ смерти. Выборъ ихъ падалъ преимущественно на илотовъ, отличавшихся силой и высокимъ ростомъ, а молодые спартанцы обязаны были приводить въ исполненіе ихъ приговоры. Имъ предписано было застигать жертвы врасплохъ, и убивать ихъ скрытно. Илоты, находясь постоянно подъ этими неожиданными ударами, всю жизнь свою проводили въ ужасномъ страхѣ, не смѣя предпринять что̀ либо для сверженія этого ига. Во всей исторіи не найдется другаго примѣра такихъ возмутительныхъ поступковъ, какіе систематически совершались спартанцами въ теченіи многихъ столѣтій. Въ особенности, впродолженіи V вѣка илоты исчезали тысячами подъ ударами криптеи, потому что они казались особенно опасными въ эту эпоху.

Что̀ касается до спартанскихъ юношей, то этой мѣрой имѣлось въ виду пріучить ихъ къ военнымъ хитростямъ и къ пролитію крови [1]),

Воспитаніе, 23 года продолжавшееся внѣ родительскаго крова, должно было значительно ослабить семейныя узы, что̀ и имѣлось главнымъ образомъ въ виду спартанскими законодателями. Семейство было въ ихъ глазахъ не болѣе какъ учрежденіе, обязанное поставлять государству воиновъ, и на брачный союзъ они смотрѣли только съ этой точки зрѣнія. Каждый землевладѣлецъ обязанъ былъ жениться. Холостые люди этой категоріи испытывали всевозможныя униженія. Въ извѣстные праздники они должны были являться нагими на рынки; женщины влачили ихъ по землѣ, осыпая ударами. Граждане, избиравшіе себѣ небольшаго роста или дурно сложенныхъ женъ, подвергались наказанію; такой участи подвергся самъ царь Архидамъ. Щедушные мужья должны были уступать свое супружеское мѣсто здоровому пріятелю. Если жена оставалась безплодна, то мужъ могъ прогнать или оставить ее у себя, но онъ во всякомъ случаѣ обязанъ былъ взять другую, а въ случаѣ надобности, и третью жену. Супружескія узы имѣли такое ничтожное значеніе въ глазахъ спартанцевъ, что обычай дозволялъ младшимъ братьямъ, неимѣвшимъ еще собственнаго хозяйства, жить сообща съ женою старшаго брата, если послѣдній жилъ въ собственномъ домѣ [2]).

Чтобы сдѣлать женщинъ способными рожать здоровыхъ дѣтей, тѣло ихъ укрѣпляли гимнастическими упражненіями [3]).

---

[1]) *Dunker*, IV, 403.

[2]) Курцій объясняетъ этотъ обычай тѣмъ обстоятельствомъ, что поземельные участки спартанцевъ были такъ незначительны, что не могли содержать болѣе одного семейства, вслѣдствіе чего младшіе братья должны были оставаться холостыми. (I, 168).

[3]) Чтобы предоставить больше свободы ихъ движеніямъ, женская шерстяная рубашка разрѣзывалась съ одного бока, такъ что она совсѣмъ раскрывала одну ногу. Вотъ почему поэтъ Ибикъ придаетъ спартанской дѣвушкѣ эпитетъ «ногу показывающая». Полунагія, всегда на открытомъ воздухѣ, на гимнастическихъ площадяхъ и улицахъ, спартанскія дѣвушки были замѣчательны по своей мускульной силѣ

Пользуясь одинакимъ воспитаніемъ съ мужчинами, онѣ пользовались такимъ общественнымъ положеніемъ и такою свободой, что остальные эллины говорили, будто бы спартанцы находились подъ владычествомъ своихъ женъ.

Всѣ соціальныя учрежденія Спарты, это продолжительное приготовительное воспитаніе имѣли одну только цѣль—образовать армію, которой нечего было бы бояться многочисленности враговъ. Окруженные со всѣхъ сторонъ внутренними и внѣшними врагами, числомъ своимъ безконечно превосходившими ихъ, спартанцы могли удержать свое господство надъ ними только неодолимой силой своего оружія.

Сами спартанцы составляли въ Лаконіи благородное сословіе; положеніе ихъ относительно прочихъ жителей страны было во всѣхъ отношеніяхъ привилегированное. Но уже во времена Ликурга одни изъ нихъ были богаты, другіе бѣдны. Для отстраненія всякаго повода къ несогласію между ними Ликургъ прибѣгнулъ къ самой энергической мѣрѣ—къ уравненію имуществъ. Всѣ земли ихъ онъ раздѣлилъ на столько равныхъ участковъ [1]), сколько было семействъ, то есть, на 8

а также и по красотѣ. Онѣ были совершенно противуположны нѣжнымъ и изящнымъ аѳинянкамъ: «Какъ ты хороша, говоритъ въ одной комедіи Аристофана аѳинянка спартанкѣ, что̀ за блестящая у тебя кожа, какъ упруго твое тѣло, что̀ за груди, — ты могла бы задушить быка».

По вступленіи въ супружество, спартанскія женщины измѣняли свои привычки, и выходили изъ дому не иначе какъ закрытыя. (*Dunker*, IV, 398).

[1]) Каждый участокъ долженъ былъ приносить своему владѣльцу около 150 гектолитровъ ячменя и соотвѣтствующее количество оливковаго масла и вина; излишекъ шелъ на содержаніе илотовъ и ихъ семействъ. (*Curtius*, I, 163). Историкъ Гротъ первый заподозрилъ возможность подобнаго дѣлежа, какъ мѣры слишкомъ радикальной. Какъ будто бы возможенъ былъ вопросъ объ умѣренныхъ мѣрахъ въ эпоху, когда каждый дѣлалъ все, что̀ только не встрѣчало какого либо противудѣйствія; и какимъ образомъ можемъ мы знать теперь, что̀ могъ сдѣлать Ликургъ и чего не могъ? Есть полная вѣроятность думать, что въ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь, власть его была весьма обширна, ибо онъ могъ опереться на партію бѣдныхъ спартанцевъ. Полибій опредѣлительно говоритъ объ этомъ раздѣлѣ земель. Платонъ указываетъ на него, хотя и смутно, а если прочіе греческіе писатели не упоминаютъ о немъ, то

или на 9,000. Но такъ какъ всѣ спартанцы находились въ Спартѣ, и постоянно заняты были военными упражненіями, то сами они не могли воздѣлывать этихъ участковъ. Для этого къ каждому землевладѣльцу приписано было извѣстное число *илотовъ*. Это были рабы, принадлежавшіе государству, которые на этомъ основаніи, не могли быть ни проданы, ни убиты спартанцами, въ распоряженіе которыхъ они поступали [1]).

Участки эти не были разбросаны, но представляли одну сплошную массу земель въ Эвротской долинѣ, въ центрѣ страны. Они не могли быть ни проданы, ни отчуждены, и переходили отъ отца къ сыну, и даже къ дочери, которая въ такомъ случаѣ должна была избрать себѣ мужемъ ближайшаго родственника. Это были настоящіе лены или военные маіораты, поступавшіе въ распоряженіе государства въ случаѣ прекращенія рода.

Каждый спартанецъ былъ воиномъ до 60 лѣтняго возраста; только по достиженіи его и по освобожденіи отъ военной службы, онъ становился просто гражданиномъ. Спартанцы проводили всю свою жизнь въ шатрахъ, въ лагерѣ, расположенномъ близъ Спарты. Въ каждомъ шатрѣ помѣщалось 15 человѣкъ; это было первое подраздѣленіе арміи— *эномотія*. Они держали общее хозяйство и общій столъ, что̀ называлось *сисситіей* [2]). Двѣ эномотіи составляли *тріаку*;

изъ этого нельзя заключить, что они не допускаютъ его. Въ ихъ время нѐ оставалось и слѣда отъ этого первоначальнаго равенства поземельныхъ участковъ, и они могли не знать о немъ, пока какое либо позднѣйшее указаніе не познакомило съ нимъ Полибія. Человѣку, отвергающему свидѣтельство подобнаго историка, слѣдовало бы противупоставить ему другія свидѣтельства, чего рѣшительно не дѣлается въ настоящемъ случаѣ. Мѣра эта отвергается нѣкоторыми историками на томъ только основаніи, что она кажется имъ неправдоподобной. Но поступать такимъ образомъ значитъ лишать исторію всякой положительной основы, и ставить ее въ совершеннѣйшую зависимость отъ личныхъ воззрѣній каждаго историка.

[1]) За исключеніемъ двухъ этихъ условій, илоты ничѣмъ не отличались отъ рабовъ прочихъ странъ. *(Hermann,* 41*)*.

[2]) Во всей остальной Греціи первое подраздѣленіе арміи состояло изъ людей, принадлежащихъ къ одному семейству или роду: члены же сисситіи соединялись по собственному усмотрѣнію.

затѣмъ шли, какъ военныя подраздѣленія *локи*, сила которыхъ зависѣла отъ числа войскъ, становившихся на ноги. Во главѣ лагеря располагались два царя [1]), составлявшіе тоже одну сисситію съ четырьмя пиѳіоями [2]) и полемархами [3]). 300 молодыхъ людей, избранныхъ между самыми сильными и богатыми товарищами, составляли конницу. Они назывались всадниками (гиппеями), и это названіе осталось за ними даже тогда, когда впослѣдствіи они служили пѣшкомъ. Они составляли отборное войско, треть котораго находилась при царяхъ, въ видѣ тѣлохранителей.

День сраженія былъ для спартанцевъ настоящимъ праздникомъ. Они одѣвались въ пурпуровыя туники, тщательно убирали свои волосы и бороду, украшали цвѣтами свой шлемъ, и шли въ битву мѣрнымъ шагомъ, при звукахъ множества флейтъ. Между тѣмъ какъ у прочихъ эллиновъ приказанія главнокомандующаго громко повторялись глашатаями, у спартанцевъ царь отдавалъ приказанія въ полголоса полемархамъ, которые передавали ихъ тѣмъ же способомъ прочимъ начальникамъ, число которыхъ было весьма значительно. Все, касающееся арміи, воинскій уставъ, числительность войскъ, выступившихъ въ походъ, держалось въ тайнѣ.

Всякое нарушеніе военныхъ обязанностей наказывалось самымъ строгимъ образомъ: воинъ, сдавшійся непріятелю, не смѣлъ занимать никакой общественной должности или располагать своимъ имуществомъ; воинъ, бѣжавшій отъ непріятеля, лишался всѣхъ своихъ гражданскихъ правъ. Ему обривали полголовы, никто не смѣлъ говорить съ нимъ, никто не могъ дать ему огня. Въ дни праздниковъ онъ выставлялся на позорное мѣсто.

Территорія Спарты занимала поверхность въ 200 квадрат-

---

[1]) Цари имѣли въ Спартѣ домъ, бѣдная обстановка котораго поражала иностранцевъ. Прочіе Спартанцы тоже имѣли дома въ Спартѣ, но они не жили въ нихъ, и проводили обыкновенно все свое время въ лагерѣ и сисситіяхъ.

[2]) Пиѳіои были должностныя лица, служившіе посредниками между царями и дельфійскимъ оракуломъ.

[3]) Полемархи были начальниками локъ.

ныхъ географическихъ миль: это было самое обширное государство Греціи. По своей воинственности, спартанцы естественно были пристрастны къ завоеваніямъ. Но продолжительная и кровопролитная война съ Тегеей, главнымъ городомъ Аркадіи, показала имъ, что они не должны отваживаться на подобныя предпріятія съ такой малочисленной арміей, какой они располагали. Поэтому, они заключили съ Тегеей договоръ, по которому послѣдняя, сохраняя свою независимость, признавала ихъ главенство.

Съ этого времени Спарта выступила на новый путь: она не искала болѣе завоеваній, но старалась утвердить свое главенство надъ прочими государствами. Впродолженіи 30 или 40 лѣтъ ей удалось образовать конфедерацію, обезпечившую за ней неоспоримое господство надъ Пелопонезомъ. Элида, бо́льшая часть Аркадіи, Коринѳъ вошли въ этотъ союзъ, въ которомъ главенство Спарты признавалось безпрекословно. Она рѣшала споры, возникавшіе между членами конфедераціи, и въ случаѣ войны, каждый изъ послѣднихъ отдавалъ подъ ея начальство двѣ трети своей тяжелой пѣхоты (оплитовъ). Вслѣдствіе этого, Спарта располагала арміей въ 40,000 оплитовъ, считая, впрочемъ, въ томъ числѣ ея собственныя войска [1]).

Но своими успѣхами Спарта обязана была не одному только превосходству своей арміи, и еще менѣе своей политикѣ, которая всегда была рутинной, и не отличалась предусмотрительностью. Несмотря на свои грубые нравы, несмотря на кажущуюся свою простоту, спартанцы были аристократы

[1]) *Dunker*, IV, 414 и слѣд. Курцій говоритъ: «Въ началѣ V вѣка до Р. Х. считалось 8,000 спартанцевъ, способныхъ носить оружіе. Каждый изъ нихъ выступалъ въ походъ въ сопровожденіи 7 илотовъ. Спарта вооружала, сверхъ того, значительное число свободныхъ поселянъ (періоковъ). Такимъ образомъ, она могла выступить въ походъ съ 50,000 арміей, не оставляя безъ защиты страну и не считая союзниковъ. (*Curtius*, II, 43). Цифры эти расходятся съ приведенными выше, заимствованными у Дункера, болѣе съ виду, чѣмъ въ дѣйствительности. Ибо одинъ говоритъ объ одной только тяжелой пѣхотѣ, оплитахъ, тогда какъ другой принимаетъ въ разсчетъ даже илотовъ, сопровождавшихъ своихъ господъ.

по духу, и въ особенности по тщеславію своимъ происхожденіемъ, ибо главное колѣно ихъ, гилеевъ, вело свое начало отъ Иракла.

Спарта была аристократической и по привилегированному своему положенію относительно прочаго населенія Лаконіи. Эти обстоятельства обезпечивали симпатіи къ ней всѣхъ аристократическихъ правительствъ Греціи, представлявшихъ вѣсьма значительное большинство. Этимъ и объясняется, что 8,000 спартанскихъ воиновъ удалось раздавить блестящія и могущественныя Афины, неимѣвшія иной внѣшней опоры, кромѣ демократіи. Но, за исключеніемъ Афинъ, греческая демократія была слишкомъ слаба для борьбы противъ союза всѣхъ аристократій, находившихся подъ начальствомъ такихъ энергическихъ людей, какими были спартанцы.

§ III. — Торговое устройство [1]).

Изъ всѣхъ государствъ древняго міра Карфагенъ достигъ наивысшей степени торговаго благосостоянія. Геродотъ говоритъ, что доходы его равнялись доходамъ великаго царя. Полибій подтверждаетъ, что это былъ богатѣйшій городъ цѣлаго міра. Но, что̀ болѣе всего дѣлаетъ Карфагенъ типомъ государства съ преобладающимъ торговымъ принципомъ, такъ это то, что онъ былъ главнымъ представителемъ той финикійской расы, которая проникнута была торговымъ духомъ еще въ сильнѣйшей степени, чѣмъ прочія семитическія племена.

До насъ дошли только отрывочныя свѣдѣнія о соціальныхъ учрежденіяхъ Тира, метрополіи Карфагена. Мы знаемъ только, что въ немъ были цари, окруженные совѣтомъ, называвшимся, какъ и въ Спартѣ, герузіей [2]). Герузія же существовала и въ Карфагенѣ, состоявшая, тоже какъ въ Спартѣ, изъ 28 членовъ и двухъ царей, обыкновенно называвшихся *суфетами* (преторами, верховными судьями) [3]). Но они не пред-

---

[1]) Факты, приведенные въ этой статьѣ, почерпнуты изъ Римской исторіи Моизена, т. I, стр. 157 и слѣд.

[2]) *Dunker*, I, 321.

[3]) Трудно понять, на основаніи какой причины названія должно-

водительствовали арміей, которая подчинена была военноначальникамъ, пользовавшимся во время похода неограниченною властью; послѣднихъ сопровождали члены герузіи, чтобы наблюдать за ихъ поступками; по возвращеніи своемъ, полководцы обязаны были дать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ эпоху децемвировъ возникла въ Карѳагенѣ новая власть, подобная спартанскому эфорату. Это—совѣтъ 104, или, какъ ее называли сокращенно, ста судей.

Облеченные произвольной властью, они овладѣли мало по малу всѣми прочими властями государства. Высокое общественное положеніе, занимаемое фамиліей *Маго*, и опасенія, возбуждаемыя ею въ карѳагенской аристократіи, были причиной учрежденія эфората. Судьи были несмѣняемы, вслѣдствіе чего римляне и эллины называли ихъ сенаторами. Масса гражданъ, повидимому, не имѣла вліянія на общественныя дѣла; члены герузіи открыто покупали себѣ голоса, что было источникомъ дохода для гражданъ. Демократическое движеніе получило силу, и сдѣлалось опаснымъ только вслѣдствіе бѣдствій, причиненныхъ пуническими войнами. Тогда только чернь, распущенностью своей превосходившая развѣ только александрійскую, сдѣлалась всемогущей. До этого времени карѳагенская аристократія умѣла отстранять мятежи, направляя свои усилія къ тому, чтобы отнимать у народа опасныхъ предводителей. Для этого она раздавала прибыльныя мѣста тѣмъ членамъ аристократическихъ семействъ, впавшимъ въ бѣдность, которые могли сдѣлаться вліятельными демагогами. Сенатъ былъ постоянно на сторожѣ, и одинаково не довѣрялъ, какъ правительственнымъ лицамъ, такъ и народу. Что касается до покоренныхъ народовъ, то ихъ обременяли налогами, и обращались съ ними еще съ

стей въ самомъ воинственномъ государствѣ, какое когда либо существовало, встрѣчаются въ государствѣ менѣе всего воинственномъ. Если существовало когда нибудь между финикійскими расами намѣреніе подражать спартанскимъ учрежденіямъ, то подражаніе это ограничивалось заимствованіемъ однихъ только словъ, которымъ придавался совсѣмъ иной смыслъ.

большею жестокостью, чѣмъ римляне. Это были только внѣшнія черты организаціи общества, неимѣвшаго иной цѣли, кромѣ пріобрѣтенія богатствъ, главнымъ образомъ посредствомъ торговли. Послѣдняя питалась во первыхъ, земледѣліемъ, и во вторыхъ, мануфактурной промышленностью [1]).

Политика, которой придерживалась финикійская раса для поддержанія интересовъ своей торговли, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Въ самую цвѣтущую эпоху Тира и Сидона, Финикія служила яблокомъ раздора для государствъ, образовавшихся на Нилѣ и на Евфратѣ. Эллинскіе города, обладавшіе силой въ два раза слабѣйшей противъ силъ, бывшихъ въ распоряженіи финикіянъ, съумѣли сохранить свою независимость. Но благоразумные финикійскіе купцы разсчитали, что прекращеніе ихъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ и Египтомъ причинитъ имъ больше вреда, чѣмъ самая тяжелая дань, и потому, они соглашались акуратно выплачивать ее то Ниневіи, то Мемфису. Наконецъ, если требовала необходимость, они отдавали свой флотъ въ распоряженіе то той, то другаго. То же благоразуміе они выказывали во всѣхъ случаяхъ, и для своего обогащенія отдавали безспорное предпочтеніе торговымъ путямъ предъ завоеваніями. Ихъ колоніи были не болѣе, какъ факторіи, заведенныя единственно въ интересахъ торговли, а ничуть не для территоріальнаго разширенія. Они избѣгали войны съ своими соперниками даже въ томъ случаѣ, когда послѣдніе были слабѣе ихъ. Они почти безъ сопротивленія позволили вытѣснить себя изъ Египта, Греціи, Италіи, восточной части Сициліи.

Въ великихъ морскихъ сраженіяхъ, данныхъ эллинамъ за

---

[1]) Карѳагеняне начали заниматься земледѣліемъ въ большихъ размѣрахъ въ концѣ V вѣка. Скованные рабы обработывали ихъ земли, и существовали землевладѣльцы, у которыхъ считалось ихъ до 20,000. Но торговля всегда шла впереди земледѣлія въ Карѳагенѣ, какъ разъ обратно относительно важности двухъ этихъ отраслей труда у римлянъ. Но это не мѣшало карѳагенянамъ быть учителями римлянъ въ земледѣліи: сочиненіе Манго по этому предмету считалось въ Римѣ классическимъ.

господство надъ Тиренскимъ моремъ, при Алаліи, при Кимѣ главное бремя пало на этрусковъ, союзниковъ финикіянъ. Въ случаѣ неотвратимаго столкновенія, финикіяне старались прійти къ соглашенію съ своими соперниками, или отдѣлаться отъ нихъ какой нибудь гнусной западней. Эратосфенъ (479—560 до Р. Х.) разсказываетъ, что экипажи судовъ, отправлявшихся къ Сардиніи или къ Геркулесовымъ столбамъ, выбрасывались въ море, если попадались въ руки карфагенянъ. Финикіяне тщательно воздерживались отъ наступательныхъ войнъ; они никогда не дѣлали попытки разрушить Массилію или Керъ, причинявшіе имъ столько вреда. Единственной войной, предпринятой въ глубокой древности африканскими финикіянами, была война противъ Гелона Сиракузскаго, въ которой они потерпѣли жестокое пораженіе. Но эта война была предпринята ими изъ повиновенія великому царю, и ради того, чтобы избѣгнуть участія въ войнѣ, объявленной имъ восточнымъ эллинамъ. И дѣйствительно, сирійскіе ихъ соотечественники въ томъ же году были разбиты при Саламинѣ.

Однако же, финикіяне такъ заботливо избѣгали войны, разумѣется, не изъ за отсутствія мужества: ихъ отдаленныя экспедиціи въ невѣдомыя моря требовали большой смѣлости, а въ случаѣ крайней необходимости, они умѣли защищать свою національную независимость съ такимъ фанатизмомъ, съ такимъ дикимъ героизмомъ, которые кажутся намъ сверхъестественными. Но въ обыкновенное время они заботились только о своемъ обогащеніи.

Во имя той же миролюбивой политики, Карфагенъ, бывшій уже весьма могущественнымъ, продолжалъ платить дань мазикамъ, первоначальнымъ владѣтелямъ занимаемой имъ территоріи, и прекратилъ ее только въ V вѣкѣ до Р. Х. Кажется, что Карфагенъ признавалъ надъ собой также владычество великаго царя, и платилъ ему, хотя и не постоянно, дань для отстраненія затрудненій, которыя могли стѣснить его торговлю на Востокѣ.

Но, несмотря на самыя миролюбивыя склонности, несмотря на самую уступчивую политику, обстоятельства, на перекоръ

ихъ волѣ, заставляли карфагенянъ вести войны. Стѣсняемые все болѣе и болѣе наплывомъ эллинскихъ переселенцевъ, видя гибель своей торговли въ Испаніи и даже Ливіи, они принуждены были наконецъ дать отпоръ своимъ противникамъ. Но, разъ вступивъ въ борьбу, они вели ее рѣшительно и успѣшно, вслѣдствіе чего за ними осталось главенство надъ всѣми финикійскими городами Сиріи, Европы и Африки. Съ этого времени Карфагенъ измѣнилъ свою политику; онъ сознадъ необходимость удержать за собой, во что̀ бы то ни стало, господство надъ большею частью Средиземнаго моря и надъ Ливіей, и онъ удерживалъ его вооруженной рукой.

Но при отвращеніи карфагенянъ къ военному ремеслу и при громадномъ богатствѣ ихъ, они естественно старались замѣнить себя въ сраженіи наемными войсками. Къ тому же, низшіе классы состояли у нихъ изъ ремесленниковъ и фабрикантовъ, которые далеко не могли доставить имъ такихъ хорошихъ воиновъ, какими были здоровые римскіе поселяне. Въ сицилійскую войну мы встрѣчаемъ еще, въ видѣ отряда тѣлохранителей, отборное, такъ называемое священное войско, состоявшее изъ 2,500 карфагенянъ, но около двухъ вѣковъ до Р. Х. въ карфагенской арміи карфагеняне были только офицеры, но между ними не было ни одного простаго солдата. Ливійцы составляли главную основу ихъ арміи; въ особенности несравненна была ливійская конница. Пѣхота набиралась также отчасти и въ Италіи; знаменитые пращники Балеарскихъ острововъ тоже находились на службѣ у Карфагена. Прочія войска набирались всюду, гдѣ только можно было найти ихъ за деньги.

На востокѣ съиздавна употреблялись наемныя войска; вѣроятно финикіяне первые распространили этотъ обычай. Въ Европѣ такія войска можно было набирать между сабеллами, жившими вокругъ Капуи и во всей Кампаніи, въ Этоліи, Лаконіи и на островѣ Критѣ.

Карфагеняне широко пользовались этими средствами, но главную свою надежду они возлагали преимущественно на свой флотъ и на свои крѣпкія стѣны. За то они не жалѣли никакихъ издержекъ, когда дѣло шло объ укрѣпленіи ихъ го-

рода. И дѣйствительно, онъ неоднократно обязанъ былъ спасеніемъ крѣпкимъ своимъ стѣнамъ.

Всѣ богатства этого народа сосредоточивались въ одномъ только Карфагенѣ при содѣйствіи столь же широкихъ, какъ и исключительныхъ монополій. Это было единственное государство древняго міра, въ которомъ были въ ходу политико-экономическія мѣры настоящаго времени. Карфагенъ прибѣгалъ къ общественнымъ займамъ за границей, и употреблялъ денежные знаки, представлявшіе золото и неимѣвшіе никакого внутренняго достоинства. Эти денежные знаки находились въ насильственномъ обращеніи между подвластными народами, какъ средство для удержанія ихъ въ покорности; но отъ этой мѣры воздерживались, когда имѣлось въ виду щадить страну, какъ напримѣръ Сицилію.

По мѣрѣ того, какъ благосостояніе Карфагена возрастало, а финикійскіе города въ Сиріи приходили въ упадокъ, большіе торговые дома оставляли послѣдніе, и переселялись въ Карфагенъ. Они приносили съ собой богатства, торговую опытность и свои политическія преданія. Когда Карфагенъ пришелъ въ первое столкновеніе съ Римомъ, то онъ безспорно занималъ такое же первое мѣсто между финикійскими городами, какое принадлежало Риму между латинскими.

Типъ торговаго соціальнаго устройства, представляемый Карфагеномъ, сложился подъ вліяніемъ могущественной аристократіи, имѣвшей въ виду только свои исключительные интересы. Поэтому, торговое устройство, которое сложилось бы подъ вліяніемъ свободныхъ идей, должно было бы видоизмѣнить этотъ типъ во многихъ отношеніяхъ. Торговля будетъ считаться въ немъ источникомъ богатства для всего народа, а не для одного какого либо города или отдѣльнаго класса людей. Средства, къ которымъ обратятся для достиженія цѣли, будутъ менѣе исключительны, соперничеству предоставлено будетъ больше свободы, въ особенности, по мѣрѣ того, какъ замѣчено будетъ, что оно не представляетъ никакой опасности, и если по духу времени осуждено будетъ всякое исключительное положеніе, какъ между государствами, такъ и между частными людьми.

Тѣмъ неменѣе, характеристическія черты, свойственныя такому соціальному устройству, всегда можно будетъ замѣтить, каковы бы ни были различія, вызванныя внѣшними условіями. Алчное стремленіе къ пріобрѣтенію и къ увеличенію богатствъ останется неизмѣннымъ, а во всѣхъ политическихъ столкновеніяхъ всегда можно будетъ уловить желаніе уладить ихъ мирнымъ путемъ, хотя бы и въ ущербъ для достоинства страны.

ГЛАВА XIV.

Соціальныя формы, разсматриваемыя въ ихъ совокупности.

Съ тѣхъ поръ какъ человѣческое общество сдѣлалось предметомъ изученія, замѣчено было, что верховная власть находится въ немъ или въ рукахъ одного человѣка, или въ рукахъ немногихъ людей, или же въ рукахъ большинства, которое называли народомъ. На этомъ основаніи, раздѣляютъ человѣческія общества на три рода: *монархическое*, *аристократическое* и *демократическое*.

Однако же, эта, освященная временемъ классификація, не имѣетъ никакого раціональнаго основанія, и опирается на одни только внѣшніе признаки, на числѣ людей, облеченныхъ общественною властью.

Исторія дѣйствительно подтверждаетъ, что верховная власть постоянно находится или въ рукахъ одного, или въ рукахъ меньшинства, но еще ни разу власть эта не принадлежала настоящему большинству народа. Въ древности *народомъ* называли гражданъ государства. Они одни считались способными къ участію въ общественныхъ дѣлахъ, но они всегда составляли только незначительное меньшинство сравнительно съ остальнымъ населеніемъ. Въ новѣйшія времена принимается, что въ нѣкоторыхъ странахъ верховная власть принадлежитъ массѣ народа, большинству, но и это было до сихъ поръ не болѣе, какъ иллюзія. Женщины, несовершеннолѣтніе и всѣ, непользующіеся политическими правами, числитель-

ностью своей естественно превосходятъ число настоящихъ гражданъ; однако же, только послѣдніе представляютъ собой дѣйствительную силу и власть въ обществѣ.

Кромѣ числительности, другое внѣшнее условіе оказываетъ вліяніе на соціальное устройство. Мы показали, что частное право представляетъ три главныя видоизмѣненія: ссуду, даръ и договоръ.

Эти три вида повторяются и въ общественномъ правѣ, то есть, въ правѣ, относящемся къ соціальному устройству и устанавливающемъ послѣднее. И дѣйствительно, въ патріархальномъ обществѣ, въ которомъ частныя права поглощаются безграничнымъ правомъ вождя, всѣ права, находящіяся въ распоряженіи людей, подчиненныхъ его власти, имѣютъ характеръ ссуды. Вождь распоряжается по своему усмотрѣнію предметами, уступленными имъ въ пользованіе своимъ подданнымъ,—онъ отдалъ ихъ только въ ссуду. Чистая республика тоже есть не иное что̀, какъ обращеніе частныхъ имуществъ въ общественное посредствомъ добровольнаго или вынужденнаго дара. Феодальное общество и производное отъ него — конституціонное, основаны, первое — на болѣе или менѣе значительномъ числѣ отдѣльныхъ договоровъ, второе— на одномъ или нѣсколькихъ договорахъ, имѣющихъ общее значеніе. Это—третье видоизмѣненіе частнаго права, встрѣчающееся равнымъ образомъ и въ общественномъ.

Формы, принимаемыя человѣческимъ обществомъ, такъ разнообразны по своему происхожденію, по различнымъ сочетаніямъ между общественными идеями, по вліянію внѣшнихъ условій, что онѣ не подчиняются классификаціи, а тѣмъ болѣе не могутъ быть объяснены простымъ отношеніемъ числительности, или какимъ нибудь другимъ внѣшнимъ признакомъ. Числительность не только не играетъ первой роли въ опредѣленіи общественнаго устройства, но имѣетъ развѣ только второстепенное значеніе. Тѣмъ неменѣе, нельзя не признать, что существуетъ нѣкоторая зависимость между соціальнымъ устройствомъ и числомъ лицъ, облеченныхъ верховной властью. Патріархальное устройство, военное или теократическое преимущественно кончаются единовластіемъ. Но исторія, какъ и въ

настоящее время, представляютъ намъ примѣры государствъ, въ которыхъ неограниченная власть принадлежитъ двумъ государямъ или небольшому числу лицъ.

Между аристократической и демократической республикой нельзя провести рѣзкой, разграничивающей черты. Общество переходитъ отъ одной къ другой, когда въ данную минуту перемѣщается отношеніе между меньшинствомъ и такъ называемымъ большинствомъ. Но пока не совершится это перемѣщеніе, можно долгое время сомнѣваться въ отношеніи между большинствомъ и меньшинствомъ; такъ что, числительность нетолько не можетъ служить правиломъ, но сама остается подъ сомнѣніемъ.

Общество, имѣющее во главѣ корпорацію или аристократическій классъ, отличается стремленіемъ передать власть въ руки нѣсколькихъ человѣкъ на томъ основаніи, что захватъ власти легче совершается тамъ, гдѣ всѣ власти сосредоточены въ рукахъ одного человѣка.

Стремленіе это еще замѣтнѣе въ демократической республикѣ. Въ Афинахъ всѣ общественныя должности, за исключеніемъ управленія финансами, поручены были коллегіямъ, Однако же, какъ аристократическія, такъ и демократическія республики, нерѣдко облекали самою обширною властью одного человѣка. Диктаторы въ Римѣ, эзимнеты въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ, Периклъ въ Афинахъ, пользовались почти неограниченной властью; однако же, это не вело за собой измѣненія въ государственномъ устройствѣ [1]).

Въ наше время, если президентъ республики Соединенныхъ Штатовъ и не облеченъ верховной властью, онъ тѣмъ неменѣе пользуется ею фактически въ промежутки между двумя сессіями конгресса.

Когда власть находится въ рукахъ одного человѣка, то республикѣ постоянно грозитъ опасность быть превращенной

[1]) Положеніе, занимаемое Перикломъ въ Афинахъ, нисколько не походило на положеніе тирановъ. Подъ управленіемъ Перикла Афины оставались демократической республикой, тогда какъ тираны обращали Афины и прочія греческія республики въ военныя или деспотическія государства.

въ военное или деспотическое государство [1]). Но краткій срокъ пользованія властью всегда считался лучшимъ средствомъ противъ злоупотребленій ею.

Мы полагаемъ, что показали съ достаточной ясностью, что соціальныя формы представляютъ результатъ идей, и что онѣ испытываютъ въ то же время вліяніе извѣстныхъ условій, которыя мы назвали соціальными принципами. Кромѣ того, формы эти могутъ быть видоизмѣнены также и случайными обстоятельствами, но эти измѣненія будутъ только внѣшнія. На этомъ основаніи, при классификаціи соціальныхъ формъ, необходимо руководствоваться тѣми идеями, изъ которыхъ онѣ вытекаютъ, и тѣми соціальными принципами, которые даютъ имъ особенный отпечатокъ. Такая классификація будетъ, стало быть, противуположна приведенной выше, и основанной на простомъ фактѣ — числѣ людей, облеченныхъ верховной властью, на фактѣ, который принимаютъ за признакъ того или другаго общественнаго устройства.

Соціальныя формы не отличаются одна отъ другой тѣмъ, что будто бы каждая изъ нихъ вытекаетъ отдѣльно изъ одной только идеи или изъ одного только соціальнаго принципа. Напротивъ того, каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ всѣ соціальныя идеи, и большею частью всѣ соціальные принципы. Особенный же характеръ соціальная форма получаетъ тогда, когда одна изъ этихъ идей или одинъ изъ этихъ принциповъ получитъ преобладающее значеніе относительно другихъ.

Если въ обществѣ преобладающее развитіе получаетъ идея права, а идея свободы будетъ въ состояніи совершеннаго подчиненія, то мы имѣемъ *монархическое* общественное устройство, и получаемъ *республиканскую* форму при обратномъ отношеніи двухъ означенныхъ соціальныхъ идей. Напротивъ того, если послѣднія входятъ въ сочетаніе въ *опредѣленныхъ пропорціяхъ*, посредствомъ ли множества договоровъ, или

[1]) Она не можетъ превратиться въ патріархальную монархію, такъ какъ послѣдняя представляетъ соціальную форму, естественно вытекающую изъ такого порядка вещей, при которомъ широкое развитіе получаетъ идея права.

посредствомъ одного, то мы получаемъ *феодальное* или *конституціонное* общественное устройство. Наконецъ, смотря по тому, получаетъ ли особенное значеніе въ государствѣ духовная власть, вооруженная сила или торговая, придающія ему особенный характеръ, мы имѣемъ соціальную форму теократичсскую, военную или торговую.

Сравнивая между собой обѣ соціальныя идеи, мы находимъ, что одна только идея права развивается самопроизвольно, инстинктивно. Предоставленная самой себѣ и не встрѣчая препятствія, она переходитъ отъ одного логическаго вывода къ другому, и достигаетъ до крайнихъ результатовъ, какіе только возможны для нея, вовсе не нуждаясь въ содѣйствіи сознательной воли. Общество, неимѣющее иной основы, кромѣ права, исключающее всякую идею свободы, само собою придетъ къ самой безусловной, къ самой безграничной власти.

Идея свободы, напротивъ того, можетъ развиваться только при содѣйствіи размышленія. Она стремится къ преобразованію общественныхъ отношеній, къ измѣненію ихъ характера, что̀ составляетъ дѣло разума. То же самое слѣдуетъ сказать и о соціальныхъ формахъ, порождаемыхъ тѣмъ, что̀ названо нами второстепенными принципами. Общество, то есть, люди, направляющіе его, должны стремиться къ предположенной цѣли при содѣйствіи приспособленныхъ къ тому учрежденій, а для этого законодателямъ необходимо руководствоваться размышленіемъ и опытностью.

Вслѣдствіе присущей ему самопроизвольности, право, разъ подорванное въ своей сущности, то есть, въ самой идеѣ своей, погибаетъ, если не навсегда, то часто весьма надолго. Оно, разумѣется, можетъ возродиться впослѣдствіи, но только въ такомъ случаѣ, когда будетъ возстановлено истинное его значеніе.

Право представляетъ основу всѣхъ соціальныхъ установленій; послѣднія суть не болѣе какъ видоизмѣненія права, то въ смыслѣ свободныхъ, то въ смыслѣ феодальныхъ, конституціонныхъ, военныхъ и другихъ идей. Лишать право существеннаго его значенія, переходить извѣстныя границы въ его

ограниченіи значитъ то же, что̀ лишать общество естественной его опоры, и подчинять его исключительно притязаніямъ разума.

Поэтому, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что право занимаетъ первое мѣсто между соціальными принципами. Безъ него не могло бы даже существовать никакого общественнаго устройства, ибо общественное устройство, болѣе всего противуположное безусловному праву, чистая республика, все же не имѣетъ иной основы, какъ право. Въ ней только всѣ частныя права сливаются въ одно, и тѣмъ самымъ превращаются въ одно общее право. Дѣятельность и трудъ всѣхъ замѣняютъ при такомъ порядкѣ вещей личную дѣятельность и личный трудъ.

Однако же, нельзя предоставить праву свободу двигаться по свойственному ѐму направленію; оно должно быть подчинено контролю, оно должно развиваться въ разумныхъ границахъ, чтобы не породить порядка вещей невозможнаго для человѣка, еще непотерявшаго употребленія своего разсудка. Но этотъ контроль должно производить съ чрезвычайной осторожностью. Не слѣдовало бы забывать, что все, теряемое правомъ относительно его основнаго значенія, теряется надолго, если не навсегда, и что оно можетъ снова окрѣпнуть только при содѣйствіи благопріятныхъ условій, которыя не могутъ быть вызваны по нашей волѣ. Только при уваженіи къ нему, при осторожномъ обращеніи съ нимъ, получаетъ оно свое самобытное значеніе, свою творческую силу, свою инстинктивно рязвивающуюся діалектическую послѣдовательность, Но это такія условія, которыя не возникаютъ по призыву законодателя.

Напротивъ того, ничто не ослабляетъ такъ права, какъ предположеніе, что у него нѣтъ инаго источника, кромѣ закона. Еслибы это было такъ, то какъ оно было установлено однимъ закономъ, такъ оно могло бы быть уничтожено другимъ. Источникъ права состоитъ въ условіяхъ существованія, окружающихъ человѣка, а потому, оно имѣетъ свою собственную силу, независимую ни отъ какого законодательства.

Обществу, въ которомъ изгладилось бы уваженіе къ праву и къ вытекающимъ изъ него учрежденіямъ, обществу, которое не опиралось бы твердо на самобытно возникшія учре-

жденія, не оставалось бы инаго руководства, кромѣ человѣческаго разума. Но не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдній легко можетъ заблудиться среди неопредѣленныхъ опытовъ или произвольныхъ соображеній.

Тѣмъ неменѣе, несмотря на чрезвычайное значеніе права для человѣческаго общества, несмотря на то, что оно обезпечиваетъ то же значеніе и независимость за личностью, при содѣйствіи правосудія, нельзя превозносить его чрезъ мѣру, и не видѣть настоящаго его значенія. Право устанавливаетъ одно только условіе для человѣческаго существованія, условіе, представляемое земными благами; но есть еще и другія отношенія между людьми, устанавливаемыя религіей и нравственностью, въ особенности есть еще отношенія между человѣкомъ и Высшимъ Существомъ, отношенія, играющія болѣе важную роль, чѣмъ право.

Только два послѣднія отношенія ускользаютъ отъ непосредственнаго вліянія общественной власти. Послѣдняя можетъ поддерживать ихъ только косвеннымъ путемъ, при содѣйствіи воспитанія и отстраненіемъ всего, что подрываетъ религіозные и нравственные принципы. Самое же соблюденіе этихъ принциповъ всегда будетъ зависѣть отъ свободной воли человѣка. А изъ этого слѣдуетъ, что отношенія, основанныя на правѣ, составляютъ главный предметъ дѣятельности общественной власти.

Но, какъ мы показали, право имѣетъ весьма сложную природу: одни изъ его установленій служатъ основой для общественныхъ отношеній, между тѣмъ какъ другія касаются подробностей частной жизни, и теряются въ мелочахъ. Вотъ почему безусловное значеніе права состоитъ въ его идеѣ: воплощаясь въ дѣйствительной жизни, оно получаетъ относительныя значенія, которыя подлежатъ отдѣльной оцѣнкѣ.

Поэтому, общества отличаются одно отъ другаго преобладающими въ нихъ идеями, и дѣйствіемъ послѣднихъ они измѣняютъ свою форму. Соціальныя учрежденія могутъ существовать еще долгое время послѣ того, какъ потеряетъ свое значеніе вызвавшая ихъ идея, но въ концѣ концевъ они уступятъ новому духу, проникшему въ общество и видоизмѣнятся по его требованіямъ.

Патріархальная монархія измѣняетъ свой духъ, когда измѣняетъ свое значеніе право. Пока послѣднее толкуется въ строгомъ смыслѣ, власть сохраняетъ свое широкое значеніе; но, по мѣрѣ развитія свободныхъ идей, идеи права ослабѣваютъ, и могутъ дойти до того, что главный продуктъ идеи права—частная собственность, потеряетъ всю свою силу. Патріархальная монархія, утративъ свою естественную опору, право, и силу, которую она черпала изъ него, окажется безсильной для противудѣйствія наплыву свободныхъ идей.

Аристократическое общество тоже измѣняется вслѣдствіе ослабленія идеи права: всеобщее равенство проникаетъ въ него въ различныхъ формахъ. Чистая республика теряетъ свойственный ей характеръ, когда въ ней появляются большія неравенства въ общественныхъ положеніяхъ; это служитъ признакомъ, что въ нее проникаютъ аристократическія стремленія. Впрочемъ, стремленія эти, какъ и демократическія, неизбѣжны въ каждой республикѣ, хотя бы они и не были выраженіемъ организованныхъ партій.

Каждая соціальная форма сохраняетъ свой первоначальный типъ, пока она запечатлѣна свойственной ей характеристической чертой. Такимъ образомъ, такой чертой для патріархальнаго, теократическаго или военнаго общества служитъ крѣпко установленная власть. Настоящая среда для идеи свободы есть чистая республика, въ которой, согласно съ самимъ названіемъ ея, частныя имущества обращаются въ собственность общественную. Идея свободы могла бы быть почти совсѣмъ изгнана изъ аристократической республики, какъ это и было въ Римѣ; что же касается до развитія, какого она способна достигнуть въ демократической республикѣ, то есть, такой, въ которой господство принадлежитъ большинству или массѣ народа, то степень этого развитія будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Вотъ почему на общность имуществъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на черту, принадлежащую чистой республикѣ, а на стремленія къ приведенію всего къ одному уровню, какъ на средства для достиженія такой общественной формы.

Феодальное общество тоже отличается спеціальнымъ харак-

теромъ. Отношенія, слагающіяся на основаніи множества договоровъ, заключенныхъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, лишены связи, такъ какъ, согласно съ природой договоровъ, они остаются въ зависимости отъ соблюденія выговоренныхъ условій. Условія эти имѣютъ такое значеніе въ феодальномъ обществѣ, что вассалы всѣми силами старались удержать за собой право вести войну противъ своего государя, въ случаѣ если онъ нарушитъ свои обязательства [1]). Это то отсутствіе прочности въ соціальномъ устройствѣ и представляетъ характеристическую черту феодальнаго общества.

Въ конституціонномъ обществѣ движеніе обѣихъ соціальныхъ идей узнается по обнаруживаемому ими стремленію. Послѣднее состоитъ въ томъ, что онѣ стараются установиться при содѣйствіи общихъ мѣръ. Большія массы народа принимаютъ участіе въ общемъ дѣлѣ, единодушно преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, и охотно повинуются начальникамъ, добровольно признаннымъ всею партіей. Дѣло идетъ объ установленіи отношеній всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ обществу, что̀ можетъ быть достигнуто не иначе, какъ посредствомъ соглашенія и общихъ мѣръ.

Однако же, въ дѣйствительности, соціальныя формы только рѣдко и не на долго сохраняютъ первоначальный типъ во всей его чистотѣ. Этотъ типъ искажается подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій и внутреннихъ кризисовъ. По мѣрѣ того, какъ общество станетъ допускать элементы, чуждые его первоначальной организаціи, оно начнетъ склоняться къ иному типу, который подъ конецъ замѣнитъ собой прежній, если эти элементы получатъ преобладаніе.

Кромѣ того, бываютъ минуты, когда соціальные принципы держатся въ равновѣсіи; это случается, когда принципъ, находившійся до того въ подчиненіи, получивъ развитіе, держитъ въ равновѣсіи другой принципъ, до того времени, какъ осилитъ его. Минута эта можетъ быть продолжена,

[1]) Великая хартія Іоанна Безземельнаго именно съ этою цѣлью отдана была подъ охрану двадцати пяти барововъ, избранныхъ изъ среды всѣхъ вассаловъ, чтобы они объявили королю войну, въ случаѣ если онъ не выполнитъ принятыхъ обязательствъ.

если будутъ приняты для этого надлежащія мѣры; такое стремленіе существуетъ въ новѣйшемъ обществѣ, ибо въ дѣйствительности въ немъ удаляются отъ крайнихъ теорій, и держатся извѣстной середины. Съ точки зрѣнія этихъ теорій, подобный пріемъ лишенъ здраваго смысла. Но еслибы руководствоваться только логикой одной какой либо соціальной идеи, то пришлось бы прійти къ выводамъ, еще болѣе противурѣчащимъ человѣческой природѣ.

Отношеніе, подлежащее установленію между двумя главными соціальными идеями, разсматриваемое какъ задача, представляетъ то затрудненіе, что по этому вопросу не имѣется никакого правила, указываемаго теорій, такъ какъ это отношеніе зависитъ именно отъ умственнаго и нравственнаго состоянія даннаго общества, а также отъ окружающихъ его внѣшнихъ условій. Поэтому, отыскать это отношеніе возможно только практическимъ путемъ, ощупью, попытками. Одинъ только опытъ можетъ показать, удовлетворительно ли сочетаніе, на которомъ остановились. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что эти попытки, какъ бы онѣ ни были тягостны для поколѣній, надъ которыми онѣ производятся, имѣютъ огромное значеніе для слѣдующихъ поколѣній, если послѣднія съумѣютъ воспользоваться чужимъ опытомъ. Онѣ научаютъ практическимъ путемъ разсчитать и опредѣлить отношеніе между обѣими идеями въ данномъ случаѣ и при данной степени развитія. Когда же извѣстно будетъ значительное число подробностей, то легче становится рѣшеніе всего вопроса.

Два порядка явленій, изъ коихъ одинъ представляетъ право, а другой—свободу, должны наконецъ встрѣтиться, и сойтись на промежуточной чертѣ, по мѣрѣ того какъ каждый изъ нихъ будетъ допускать въ болѣе широкихъ размѣрахъ принципы противуположнаго лагеря. Мы видимъ, напримѣръ, согласіе между ними на слѣдующемъ пунктѣ: что права, какъ и свобода личности должны быть подчинены потребностямъ всего общества. Такъ что, чѣмъ больше общество, какъ общество, имѣетъ нуждъ и потребностей, тѣмъ сильнѣе это будетъ отражаться на личности.

Эта общественная необходимость входитъ во всѣ научныя

теоріи подъ именемъ соціальной цѣли, и на обыкновенномъ языкѣ называется *общественнымъ благомъ* или *всеобщимъ интересомъ*. Подобно тѣмъ подвижнымъ налогамъ, которые подымаются или понижаются согласно съ извѣстными обстоятельствами, но всегда по опредѣленному закону, соціальная цѣль тоже измѣняется какъ бы по какой подвижной лѣстницѣ.

Высота соціальной цѣли въ данную эпоху обозначается степенью признаваемой за ней принудительной силы надъ частными правами и интересами.

Въ новѣйшихъ цивилизованныхъ странахъ установились по этимъ вопросамъ общіе взгляды, примирившіе мнѣнія, расходящіяся относительно подробностей. Во всѣхъ этихъ странахъ почти пришли уже къ соглашенію на счетъ той мѣры стѣсненій и обремененія, какую власть можетъ наложить на личность во имя общественнаго блага; только право это оказывается принадлежащимъ въ одномъ мѣстѣ нераздѣльной власти, а въ другомъ—власти, разбивающейся на три независимыя области.

Общественное мнѣніе обвиняетъ прогрессивное движеніе въ томъ отношеніи, что публичное или общее право получаетъ все большее преобладаніе на счетъ личнаго права. Такимъ образомъ возникло въ наше время ученіе, по которому общественныя тягости должны ложиться преимущественно на богатые классы общества, что́ породило налогъ, пропорціональный имуществамъ. Эта мѣра возникла въ самое послѣднее время, но если судить по ея приложенію, то нетрудно убѣдиться, что она не остановится на этомъ. При ея примѣненіи, болѣе рѣшительномъ и въ болѣе широкихъ размѣрахъ, она приведетъ къ ограниченію имуществъ. Границы эти могутъ постепенно стѣсняться, такъ что состоянія всѣхъ людей будутъ приведены къ одному опредѣленному уровню. Изъ этого слѣдуетъ, что такая система представляетъ лучшее средство для достиженія, если не имущественнаго равенства, то по крайней мѣрѣ порядка вещей, ближе всего подходящаго къ равенству.

Прогрессъ въ идеяхъ, относительно подчиненія личнаго

права праву общественному, можетъ быть угаданъ по нѣкоторымъ признакамъ: если входятъ въ обычай мѣры, касающіяся частнаго права, какъ напримѣръ право отчужденія и пропорціональный налогъ, тогда какъ прежде къ нимъ прибѣгали въ видѣ исключенія. Вначалѣ мѣры эти представляются вынужденными крайней необходимостью, а затѣмъ онѣ всѣми принимаются, какъ нѣчто, опирающееся на несомнѣнный государственный законъ. Это суть роздыхи въ этомъ движеніи. И тутъ нечего ошибаться: вопросы, съ виду имѣющіе только матерьяльное значеніе и чуждые политическимъ принципамъ, напротивъ того, имѣютъ огромное значеніе съ точки зрѣнія принциповъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что чистая монархія и чистая республика не имѣютъ иной основы, первая—какъ неопредѣленное личное право, а вторая—какъ общинное право. Поэтому, по мѣрѣ того какъ частная собственность подчиняется ограниченіямъ во имя общихъ интересовъ, она теряетъ свой характеръ, и принимаетъ значеніе общественной собственности, и такимъ образомъ, медленнымъ и правильно прогрессивнымъ путемъ можно, не замѣчая того, достигнуть совершенной республики такому даже обществу, которое по внѣшнему виду будетъ имѣть монархическое соціальное устройство.

Мы показали, что въ размножающемся семействѣ устанавливается непрерывное наслѣдованіе вождей, сначала неопредѣленное, но впослѣдствіи подчиненное какому нибудь правилу. Въ обществѣ завязывается такимъ образомъ крѣпкій узелъ, которымъ держится его единство и къ которому сходятся всѣ соціальныя отношенія. Порядокъ наслѣдованія измѣняется, смотря по господствующему въ обществѣ принципу. Въ патріархальномъ обществѣ порядокъ этотъ основанъ на наслѣдованіи въ одномъ и томъ же семействѣ. До тѣхъ поръ пока мудрость человѣческая основывается на одной только опытности, принимается во вниманіе главнымъ образомъ возрастъ людей, принадлежащихъ къ царствующей династіи; впослѣдствіи этотъ неопредѣленный порядокъ наслѣдованія замѣняется первородствомъ.

Послѣднее легче проникаетъ въ феодальное устройство,

ибо договоры, представляющіе матерьяльную основу такого общества, могутъ исполняться всякимъ. Въ немъ меньшее значеніе придается лицамъ, чѣмъ правильному порядку вещей. То же самое должно сказать и о конституціонномъ обществѣ, въ которомъ вся сущность соціальнаго устройства покоится на хартіи.

Такъ какъ наслѣдственность противурѣчитъ представленію о чистой или демократической республикѣ, то она и встрѣчается только въ республикѣ аристократической. Въ первыхъ двухъ она замѣняется другимъ учрежденіемъ, основнымъ закономъ, опредѣляющимъ порядокъ замѣщенія и пополненія общественныхъ должностей. Прочность республики будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ соблюденія основнаго закона, такъ какъ онъ занимаетъ въ ней мѣсто наслѣдственности.

Въ государствахъ, имѣющихъ форму теократическую, военную или торговую, передача верховной власти будетъ совершаться или на основаніи наслѣдственности, или на основаніи основнаго закона, смотря по тому, къ чему будутъ болѣе приближаться въ нихъ соціальныя учрежденія: къ сферѣ ли права, или къ сферѣ свободы.

Кромѣ результатовъ, производимыхъ соціальными идеями и принципами, мы замѣчаемъ еще въ обществѣ явленія, имѣющія своимъ источникомъ чувство. Они смягчаютъ то, что̀ есть суроваго въ общественныхъ отношеніяхъ, и ослабляютъ то, что̀ есть въ нихъ противурѣчиваго и оскорбительнаго.

Связь, основанная на чувствѣ, весьма сильна въ простомъ семействѣ; она нѣсколько видоизмѣняется въ семействѣ размножившемся, и наконецъ принимаетъ особенный характеръ въ многолюдномъ обществѣ, сохранившемъ патріархальные нравы. Государь становится въ немъ предметомъ любви, называемой царелюбіемъ (роялизмомъ). Чувство это такъ же трудно поддается анализу, какъ и всякое другое, но существованіе его не подлежитъ сомнѣнію.

Въ каждомъ обществѣ существуетъ еще одно чувство, имѣющее политическій характеръ, это — патріотизмъ. Одно и то же происхожденіе, одинъ и тотъ же языкъ, общія черты

характера и общія естественныя склонности, тожество интересовъ частныхъ и общественныхъ, порождаютъ между людьми, принадлежащими къ одной и той же расѣ, чувство патріотизма [1]). Оно непремѣнно существуетъ всюду, гдѣ встрѣчаются означенныя условія; но въ патріархальномъ обществѣ патріотизмъ не есть единственное политическое чувство; къ нему присоединяется еще любовь къ монарху. Напротивъ того, въ обществѣ, въ которомъ послѣднее чувство ногасло, или никогда не существовало, люди не могутъ имѣть инаго чувства, имѣющаго общественное значеніе, кромѣ патріотизма. Вотъ почему послѣдній получаетъ въ немъ особенную силу. Царелюбіе существуетъ только въ монархіи; патріотизмъ, напротивъ того, существуетъ въ каждомъ обществѣ, но особенное развитіе получаетъ въ обществахъ, отличающихся демократическими стремленіями, такъ какъ онъ совмѣщаетъ въ себѣ въ такомъ случаѣ всѣ политическія чувства.

Народныя стремленія, подобно всему, что̀ связано съ чувствомъ и со страстями, обнаруживаются неодинаково. Они то проявляются съ необыкновенной силой, то кажутся въ усыпленіи. Проходитъ много времени, цѣлые вѣка, прежде чѣмъ въ народѣ пробудится чувство своей народности. Различныя причины, и главнымъ образомъ развитіе демократическаго духа пробуждаютъ чувство народности: если нѣсколько народовъ находится въ продолжительныхъ дружескихъ сношеніяхъ между собой, какъ это происходитъ въ настоящее время въ Европѣ, то нравственное движеніе, возникшее въ одномъ изъ нихъ, отразится на прочіе, вслѣдствіе чего движеніе это распространится на всѣ народности, находящіяся въ связи между собой.

[1]) Удивительнымъ и вообще чуднымъ представляется то, что̀ называютъ родовымъ духомъ и характеромъ народа. Это нѣчто непзъяснимое, столь же древнее, какъ самъ народъ, какъ самая земля, на которой живетъ онъ». (*Ideen zur Philosophie der Menschheit von Herder*, III, 53).

Самые важные вопросы исторіи цивилизаціи человѣчества тѣсно связаны съ идеями о происхожденіи, о родствѣ языковъ, о неизмѣнности въ коренномъ складѣ ума и чувства. (*Cosmos*, *Humboldt*, I, 379).

Можетъ случиться, что въ продолженіи тѣхъ вѣковъ, въ которые чувство народности находилось въ летаргическомъ состояніи, существованія его вовсе не подозрѣвали, и распоряжались территоріей, занятой народомъ одного происхожденія, какъ предметомъ, неимѣющимъ никакой внутренней связи. Различныя сдѣлки, договоры, освященные международнымъ правомъ, могутъ разбить народъ на части, и подчинить послѣднія другимъ народамъ. Но въ данный моментъ, когда пробудится духъ, свойственный народу, послѣдній почувствуетъ, что его лишили самобытнаго существованія, и онъ станетъ дѣлать усилія для разрушенія преградъ, раздѣляющихъ его части. Тогда возникнетъ борьба между принципомъ, вытекающимъ изъ самой природы человѣка, и совершенно условнымъ порядкомъ явленій.

Изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ о народностяхъ, возбудившій столько споровъ въ наше время, ставится ошибочно, какъ только его приравниваютъ къ соціальнымъ вопросамъ, вытекающимъ изъ идей; народность имѣетъ особенное происхожденіе, но даетъ результаты, находящіеся въ соотношеніи съ движеніемъ идей.

Разсудочный принципъ человѣка имѣетъ существенно общій характеръ, то есть, по природѣ своей, онъ одинъ и тотъ же для каждаго человѣка. Природная организація и другія физическія условія, напротивъ того, придаютъ человѣку характеръ особности. Источникъ чувства народности состоитъ, съ одной стороны, въ условіяхъ физическаго существованія, выпавшихъ на долю извѣстной группы людей, въ чувствахъ, развивающихся между ними; но съ другой стороны, народность опредѣляется также, хотя и въ меньшей степени, побужденіями, вызываемыми общими интересами этой группы людей, а потому, насколько побужденія эти раціональны, настолько и патріотизмъ принадлежитъ къ области разума. Итакъ, чувство народности или патріотизмъ есть результатъ сочетанія между общими и индивидуальными чертами, свойственными человѣческой природѣ. Въ этомъ сочетаніи общія черты человѣческой природы подлежатъ ограниченію, такъ какъ народы различаются между собой не-

сходствами, которыя и представляютъ ограниченіе общихъ свойствъ, принадлежащихъ человѣческому роду. Съ другой стороны, особенности, свойственныя человѣку, обобщаются въ сочетаніи, порождающемъ чувство народности, ибо лица, принадлежащія къ одной національности, теряютъ нѣчто спеціально принадлежащее каждому изъ нихъ, принимая тѣ общія черты, которыя отличаютъ весь народъ. Народный духъ влечетъ людей, подчиненныхъ однимъ и тѣмъ же вліяніямъ, другъ ко другу, и тѣмъ самымъ устанавливаетъ различіе одной группы людей отъ другихъ, ей подобныхъ.

Если ничто не стѣсняетъ свободнаго развитія чувства народности, то оно представитъ всѣ характеристическія черты особности. Народъ изберетъ соціальное устройство, согласное съ его духомъ, онъ будетъ имѣть исторію, законодательство, искуства, приметъ научное направленіе, запечатлѣнныя этой особностью.

Народъ, какъ отдѣльная единица, опредѣляемая общимъ языкомъ, общими нравами, естественными склонностями, должно отличать отъ другой единицы, называемой государствомъ или страной, единство которыхъ, вполнѣ внѣшнее, есть только результатъ историческихъ явленій. Сродство, соединяющее всѣхъ людей одного народа, въ государствѣ оказывается поверхностнымъ: общую связь представляютъ въ немъ только общіе интересы, историческія воспоминанія, привязанность къ извѣстнымъ соціальнымъ формамъ или къ личности государя. Внутреннее единство, встрѣчаемое въ народѣ, замѣняется въ государствѣ, состоящемъ изъ различныхъ народностей, единствомъ внѣшнимъ.

Государство и народъ могутъ отожествляться, когда границы перваго совпадаютъ съ границами втораго. Но народъ можетъ быть раздробленъ, и входить въ составъ разныхъ государствъ, или же государство можетъ состоять изъ различныхъ народовъ. Въ государствахъ, принадлежащихъ къ одной и той же народности, естественно обнаружится стремленіе къ сближенію, въ видѣ ли союза, или въ видѣ федеральной связи. Но такъ какъ подобная политическая связь недостаточно сильна для установленія такого единства дѣй-

ствія, какое возможно въ нераздѣльномъ государствѣ, то народъ будетъ стараться войти въ болѣе тѣсное сближеніе, въ особенности, если духъ соперничества съ другими народами или опасное политическое положеніе побудятъ его къ сосредоточенію своихъ силъ.

До сихъ поръ внѣшнія границы государствъ не совпадали съ пространствомъ территорій, занимаемыхъ различными народами. Если же государства совпадали съ тѣмъ, что можно назвать естественными ихъ границами, то это случалось въ видѣ исключеній. Тѣмъ неменѣе, между ними существуетъ то различіе, что иногда основу государства представляетъ народъ, достаточно сильный для удержанія въ подчиненіи разнородныхъ частей, которыя въ такомъ случаѣ онъ мало по малу уподобляетъ себѣ: иногда же силы господствующаго народа оказываются слабыми, сравнительно съ прочими народами, входящими въ государство. Какъ первое изъ этихъ двухъ положеній представляетъ гарантію могущества и безопасности, такъ второе преисполнено опасностей при пробужденіи духа народности.

Мы живемъ въ эпоху, когда духъ этотъ проявляется сильнѣе, чѣмъ когда либо. Всюду мы видимъ, что народы собираются съ силами, ищутъ условій для отдѣльнаго существованія, и отвергаютъ чуждые имъ элементы съ настойчивостью, указывающей на вступленіе въ новую фазу человѣческаго духа. Движеніе, принятое народнымъ духомъ, обнаруживаетъ въ то же самое время тѣсную связь его съ демократическими стремленіями, ибо послѣднія никогда не обнаруживали такого рѣшительнаго характера, никогда не сознавали такъ хорошо своихъ интересовъ и своей цѣли, какъ въ наше время.

Нѣкоторыя историческія эпохи замѣчагельны тѣмъ, что запечатлѣны общимъ стремленіемъ, господствующимъ надъ всѣми частными стремленіями въ обществѣ, въ которомъ возникаетъ движеніе. Стремленіе это состоитъ то въ какомъ нибудь спеціальномъ поклоненіи Высшему Существу, то въ войнахъ, въ отдаленныхъ предпріятіяхъ [1]), въ промышлен-

[1]) Въ героическія времена португальскаго и кастильскаго племени, влекла ихъ не одна только жажда золота, (какъ это утверждаютъ по

номъ духѣ или въ какихъ либо соціальныхъ формахъ, увлекающихъ людей въ данную минуту. Всякая великая эпоха носитъ на себѣ слѣды особеннаго направленія, принятаго человѣческимъ разумомъ. Эпоха, въ которую мы живемъ, будетъ отмѣчена одновременнымъ развитіемъ всѣхъ демократическихъ и національныхъ стремленій.

Борьба между правомъ и свободой такъ же стара, какъ и само человѣческое общество, какъ это достаточно подтверждается свидѣтельствомъ исторіи, показывающей въ то же время, что борьба эта ведется болѣе живо въ однѣ эпохи, чѣмъ въ другія; въ наше время она отличается наибольшимъ напряженіемъ или по крайней мѣрѣ болѣе широкими размѣрами, чѣмъ когда либо. Причина этого лежитъ въ томъ значеніи, какое получили соціальные вопросы въ новѣйшемъ обществѣ. Всякій чувствуетъ эту борьбу между соціальными идеями, но никто не могъ дать себѣ настоящаго отчета, оцѣнить различныя слѣдствія этихъ идей, пока ученые продолжали систематически смѣшивать ихъ, наперекоръ естественному смыслу, представляемому опредѣленіями права и свободы.

Несмотря на принятое всѣми мнимое тожество между правомъ и свободой, дѣйствительный порядокъ вещей и инстинктивное сознаніе различія между этими двумя идеями, породили двойственную соціальную науку. Одна часть ея стремится къ поддержанію права, поднявъ на своемъ знамени продуктъ его — законную власть; другая защищаетъ дѣло свободы. Но и этого факта, который уже указываетъ на антагонизмъ между соціальными принципами, все еще не было достаточно для указанія ошибочнаго предположенія о тожествѣ этихъ принциповъ.

Уже творенія Платона и Аристотеля открываютъ противуположность между воззрѣніями на человѣческое общество. Платонъ былъ представителемъ свободныхъ идей, какъ ихъ понимали эллины. Воля того, что̀ слыло у нихъ подъ назва-

---

незнанію тогдашней народной жизни), но всеобщее увлеченіе отважными дальними предпріятіями (*A. Humboldt, Cosmos,* т. III).

ніемъ народа, то есть, незначительнаго привилегированнаго меньшинства, принималась за единственный источникъ всякаго соціальнаго устройства, и дѣло шло только о пріисканіи идеала для его осуществленія. Платонъ предложилъ одинъ такой идеалъ, который былъ плодомъ одного воображенія, и потому, никогда не могъ имѣть практическаго примѣненія. Аристотель искалъ объясненія соціальныхъ отношеній въ общественныхъ учрежденіяхъ, существующихъ въ дѣйствительности. Но такъ какъ вниманіе его обращено было на подробности, такъ какъ онъ не старался уловить соотношеніе между ними, такъ какъ онъ не замѣтилъ, что для этого необходимо обратиться къ идеямъ, то изслѣдованія его дали только весьма несовершенные результаты. Сверхъ того, ему невозможно было дойти до пониманія человѣческаго общества за отсутствіемъ всякаго понятія о правѣ. Представленіе о правѣ было совершенно чуждо аѳинянамъ; они не знали инаго права въ эпоху своего величія, кромѣ права, установленнаго закономъ. Всѣ политическія ихъ учрежденія принадлежали къ области свободныхъ идей, хотя и крайне изуродованныхъ и ошибочныхъ. Свобода была предоставлена у нихъ небольшому числу людей, и лишена была своего общаго характера. Эти повелители столькихъ рабовъ и кліентовъ ничего не поняли бы въ принципѣ равнаго духовнаго достоинства всѣхъ людей между собою.

Столь же мало понимали этотъ принципъ и въ Римѣ, но совершенно по другой причинѣ—потому что тамъ неизвѣстна была свобода. Но, взамѣнъ этого, тамъ имѣлись самыя точныя, самыя широкія понятія о правѣ, дошедшемъ до посдѣднихъ своихъ результатовъ. Кромѣ того, какъ замѣчаетъ Момзенъ, въ Римѣ занимались соображеніями денежными, но отнюдь не научными. Вотъ почему мы не встрѣчаемъ никакого общаго взгляда на человѣческое общество ни между римскими писателями, ни между ихъ законовѣдами. Однако же, вслѣдствіе вѣрныхъ, хотя и инстинктивно сознаваемыхъ представленій о правѣ, они признавали въ послѣднемъ собственную его силу, независимую отъ закона. Они никогда не смѣшивали *права* (*jus*) съ *закономъ* (*lex*), между тѣмъ

какъ эллины никогда не отличали ихъ, и для обозначенія ихъ имѣли одно только слово—*nomos* [1]).

Въ средніе вѣка оба порядка явленій находились въ мирномъ соглашеніи, или, вѣрнѣе, въ полнѣйшемъ смѣшеніи, потому что утрачено было самое инстинктивное пониманіе ихъ противуположности. Сочиненія Св. Августина или Фомы Аквитанскаго, несмотря на высокое достоинство этихъ писателей, свидѣтельствуютъ о такомъ непониманіи соціальныхъ принциповъ, какого мы не найдемъ у самыхъ посредственныхъ публицистовъ нашего времени [2]).

Въ сочиненіяхъ Гуго Гроція и Пуфендорфа всѣ соціальные принципы еще перепутаны. Однако же, въ эпоху того же Гуго Гроція въ Шотландіи началъ разсѣиваться мракъ, окружавшій соціальную науку. Между сторонниками верховной власти и защитниками народа возникли ожесточенныя пренія. *Спотисвудъ* поддерживалъ принципъ власти, вытекающей изъ права, *Кальдервудъ* и *Мельвиль* были защитниками свободы; въ ихъ сочиненіяхъ встрѣчаются первыя указанія на два противуположныя направленія, принятыя соціальной наукой [3]).

Безчисленныя теоріи, созданныя впослѣдствіи въ томъ и другомъ направленіи, постоянно имѣли въ виду не выходить изъ заранѣе начерченнаго круга, и не допускать въ него никакихъ другихъ воззрѣній. Ученіе, изложенное въ настоя-

[1]) Греки имѣли только *nomos* и его производныя, между тѣмъ какъ римляне, если не имѣли предъ собой греческаго оригинала, какъ это часто случалось съ Цицерономъ, никогда не смѣшивали *jus* и *lex*». (*Lehrbuch der Naturrecht von Hugo*, I, 12).

[2]) Какъ примѣръ того, что̀ сказано нами, мы приведемъ два слѣдующія мѣста изъ книги Фомы Аквитанскаго, озаглавленной *De regimine principum*. Они представляютъ два совершенно противуположныя объясненія происхожденія общества. Фома Аквитанскій говоритъ сначала о договорѣ между народомъ и государемъ, и о предосторожностяхъ, которыя должны быть приняты тѣми, кого касается избраніе государя (ad quos hoc spectat officium), чтобы онъ не злоупотреблялъ своей властью (I, гл. VI). А далѣе, въ числѣ преимуществъ государя онъ помѣщаетъ право основывать государство: «Sub regis enim officio comprehenditur etiam institutio civitatis et regni.» (*Тамъ же*, I, гл. XIII).

[3]) *Ranke, Englische Geschichte*, I, 590.

щемъ сочиненіи, нетолько не отвергаетъ прочихъ теорій, но предлагаетъ имъ почву для примиренія, ибо всѣ онѣ найдутъ себѣ мѣсто въ немъ: но это мѣсто обусловливается самимъ содержаніемъ каждой теоріи. Такимъ образомъ, та изъ нихъ, которая развиваетъ одну только соціальную идею, или только одну изъ вытекающихъ изъ нея идей, не можетъ занять въ цѣлой наукѣ иного мѣста, какъ то, которое занимаетъ въ ней эта идея.

ГЛАВА XV.

Международное право.

Мы уже замѣтили, что если право ограничивается случаемъ, касающимся одного или нѣсколькихъ лицъ, то оно называется *частнымъ* или *гражданскимъ* правомъ, и получаетъ названіе *общественнаго* права, когда простирается на цѣлое общество.

Однако же, раздѣленіе это, подобно прочимъ раздѣленіямъ, не основывается на какомъ либо существенномъ отличіи; ибо, если частное право сохраняетъ частный характеръ вслѣдствіе того, что касается нѣкоторыхъ только отношеній между лицами, или между лицами и государствомъ, то въ то же время имѣетъ и общій характеръ въ томъ смыслѣ, что всѣ члены общества могутъ очутиться въ тѣхъ же условіяхъ права. Дѣло идетъ въ такомъ случаѣ о правилѣ равно обязательномъ для всѣхъ, а потому, частное право относится, по крайней мѣрѣ временно, и къ цѣлому обществу.

Съ другой стороны, общественное право есть продуктъ совокупности частныхъ случаевъ, составляющихъ частное право; ибо общественное право слагается согласно съ понятіями, господствующими въ обществѣ о частномъ правѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что между тѣмъ и другимъ существуетъ самая тѣсная связь, и что одно отличается отъ другаго только мѣрою своего протяженія, измѣняющейся смотря по обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, въ первобытномъ семействѣ, напримѣръ, власть устанавливается на на основѣ личнаго права. По мѣрѣ размноженія общества,

частное право вождя разширяется и становится правомъ общественнымъ. Въ многолюдномъ обществѣ право отца семейства не можетъ уже получить такого широкаго развитія, какъ въ маленькомъ самостоятельномъ обществѣ, и остается въ состояніи частнаго права. Такимъ образомъ, одно и то же право представляется, смотря по обстоятельствамъ, то какъ частное, то какъ общественное право.

Тотъ и другой родъ права опираются на одно и то же законодательство, и остаются главнымъ образомъ въ границахъ одного и того же общества; но и въ этомъ отношеніи опять таки нельзя установить безусловнаго правила, ибо государство можетъ такъ же легко войти въ отношеніе какъ частнаго, такъ и общественнаго права съ членами другаго общества или съ цѣлымъ обществомъ. Такимъ образомъ, могутъ прійти въ столкновеніе два различныя законодательства, и усложнить судебные вопросы вопросомъ о томъ, изъ какого изъ двухъ средоточій они исходятъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что общественное право шире частнаго, ибо первое относится къ цѣлому обществу, а второе только къ части его; но мы прійдемъ еще къ болѣе широкой области права, когда дѣло будетъ касаться отношеній между независимыми обществами; эти отношенія, въ совокупности своей, устанавливаютъ *международное право*. Очевидно, впрочемъ, что эта постепенность имѣетъ только то значеніе, что она указываетъ на степень разширенія общественныхъ отношеній.

Въ независимыхъ обществахъ замѣчается одна, общая всѣмъ имъ черта. Каждое изъ нихъ представляетъ совокупность общественныхъ и частныхъ правъ, заключенную въ одно замкнутое цѣлое, откуда изгнана всякая посторонняя власть. Всѣ независимыя общества облечены, поэтому, атрибутами самодержавія; это суть самостоятельныя юридическія, стоящія рядомъ другъ съ другомъ единицы, вполнѣ равноправныя, ибо ни одна изъ нихъ не подчинена другой. Мы сидѣли, что равноправность, исходя изъ духовнаго равенства людей между собою, служитъ правиломъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда равенство это признано; а такъ какъ, съ точки

зрѣнія права, независимыя государства представляются коллективными личностями равнаго достоинства, то взаимныя ихъ отношенія должны опираться на равноправность, если только дѣло идетъ не о положительномъ правѣ.

Поэтому, международное право ничѣмъ не отличается отъ прочихъ видовъ права, пока государства остаются въ согласіи или рѣшаютъ возникающія между ними столкновенія полюбовно. Но въ случаѣ непримиримаго разногласія, международное право является съ иной точки зрѣнія; оно принимаетъ въ такомъ случаѣ свойственный ему спеціальный характеръ.

Распря между личностями можетъ быть разрѣшена согласно съ справедливостью, какъ она принимается законодательствомъ каждой страны. Но такъ какъ общества различаются между собой способомъ толкованія справедливости, то есть, такъ какъ они имѣютъ неодинакія законодательства, то изъ этого слѣдуетъ, что не можетъ существовать общаго правила справедливости для рѣшенія столкновеній между независимыми обществами.

Изъ идеи справедливости, въ томъ смыслѣ, который мы признали за ней, вытекаетъ, что соблюденіе ея не произвольно, а обязательно; и дѣйствительно, назначеніе спеціальной, судебной власти состоитъ только въ наблюденіи за справедливостью въ данномъ обществѣ, но власть эта не можетъ простираться на чужестранное общество, отличающееся особеннымъ взглядомъ на справедливость.

Нѣтъ, поэтому, общаго правила справедливости, которое было бы обязательно для всѣхъ независимыхъ государствъ; но гдѣ правосудіе не можетъ исключить изъ общественныхъ отношеній принципъ силы, послѣдній господствуетъ надъ ними, и становится окончательнымъ рѣшителемъ споровъ, возникающихъ между независимыми государствами.

Облеченный такимъ образомъ властью, принадлежащей суду принципъ силы испытываетъ очевидное видоизмѣненіе. Ему дали названіе, которое, послѣ вѣковаго употребленія, получило иное значеніе, чѣмъ значеніе силы. Геройскіе подвиги оружія и акты высокаго самопожертвованія бросили на слово

война блескъ, который вводитъ насъ въ обманъ. Но пущенные въ обращеніе софизмы могли только замаскировать, а не измѣнить сущность войны, которая всегда останется обращеніемъ къ силѣ.

Такъ какъ война, признана была рѣшительницей столкновеній между независимыми обществами, то обращеніе къ ея рѣшенію облечено въ спеціальныя формы. Торжественное объявленіе должно предшествовать ей, и подтвердить ея необходимость, такъ какъ обѣ стороны считаются равно убѣжденными въ справедливости своихъ доводовъ [1]). Но международное право не дѣлаетъ различія между справедливой и несправедливой войной, да и не могло бы дѣлать его, такъ какъ воюющія стороны суть единственные судьи каждаго, касающагося ихъ вопроса права. Международное право не можетъ, стало быть, имѣть иной цѣли, какъ подчинить войну извѣстнымъ правиламъ, полагающимъ ей извѣстныя границы.

Всякое существо, одаренное жизнью, заботится о своемъ сохраненіи инстинктивнымъ чувствомъ, побуждающимъ его къ отпору враждебной ему силы. То же чувство связываетъ человѣка съ предметами, обезпечивающими его существованіе или доставляющими ему удовольствіе. Насиліе надъ его правомъ возмущаетъ его, и онъ старается всѣми зависящими отъ него средствами отразить силу силой. Увѣренность, что встрѣтишь съ его стороны такое противудѣйствіе представляетъ уже первую гарантію права.

---

[1]) «Чтобы быть правильной, война должна вестись съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ совершается судъ». (*Hugo Grotius, De jure belli ac pacis Prolegomena.* XV).

«По самой сущности вещей, война не можетъ быть обоюдно справедливой, какъ и тяжба; ибо, по самой сущности вещей, не имѣется нравственной способности, которая одновременно внушала бы дѣйствіе и противудѣйствіе. Можетъ, правда, случиться, что ни одинъ изъ воюющихъ не будетъ дѣйствовать несправедливо; ибо несправеведливо никто не дѣйствуетъ, развѣ тотъ, кто знаетъ, что дѣлаетъ дѣло несправедливое: многіе же того не знаютъ. Такимъ образомъ, справедливо, т. е., чистосердечно можетъ вступить въ борьбу тотъ и другой». (*Hugo Grotius*, 604).

Въ первобытномъ семействѣ та же самая причина нерѣдко порождаетъ обычай личной расправы или личной мести. Обычай этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, какъ естественному чувству мщенія, такъ и тому обстоятельству, что лучшее средство въ первобытномъ семействѣ для огражденія своего существованія состоитъ въ полнѣйшей солидарности всѣхъ его членовъ, такъ что смерть одного изъ нихъ необходимо должна быть отомщена ближайшимъ его родственникомъ. Месть становится такимъ образомъ охраной семейства, ограниченнаго собственными своими силами. Позже, когда семейство находитъ охрану въ соціальныхъ учрежденіяхъ, личная расправа должна исчезнуть, какъ средство крайней защиты, но привычка къ ней и связанныя съ нею понятія о чести могутъ продлить ея существованіе.

Такимъ образомъ, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ независимомъ обществѣ, мы встрѣчаемъ силу, служащую гарантіей ихъ существованія, и какъ послѣднее средство для рѣшенія сомнительнаго или спорнаго вопроса.

Оставаясь въ этихъ границахъ, сила представляется, повидимому, въ условіяхъ равноправности, при предположеніи, что послѣднія будутъ признаны обязательными для всѣхъ государствъ. Но государства оказываются равноправными только относительно своей независимости, и оказываются по большей части неравными по своему относительному могуществу. Такъ что, предлагая одно и то же правило относительно употребленія этого могущества, вмѣсто того чтобы установить принципъ, согласный съ равноправностью, мы освятили бы злоупотребленіе силы, даже еслибы вышеприведенныя границы были точно обозначены съ общаго согласія между независимыми государствами.

Но, по мѣрѣ умственнаго развитія общества, то есть, развитія, отвергающаго употребленіе физической силы, война подчиняется все болѣе и болѣе стѣснительнымъ условіямъ. Эти стѣсненія и составляютъ именно существеннѣйшую часть международнаго права, часть, очевиднѣе всего свидѣтельствующую о прогрессѣ преобладанія разумнаго принципа надъ матерьяльнымъ принципомъ силы.

Общественное мнѣніе постепенно осуждало сначала жестокости, потомъ злоупотребленія силой, и такимъ образомъ пришло мало по малу къ ограниченію тѣхъ насилій, которымъ предаются люди, когда, подъ вліяніемъ духа разрушенія, они стараются причинить другъ другу какъ можно болѣе зла. Поголовное разореніе и разграбленіе города уже противны духу нашего времени. Это уже прогрессъ, но многое еще остается сдѣлать, чтобы привести войну въ строгія границы борьбы между одними только правительствами, и чтобы люди, непринимающіе въ управленіи непосредственнаго участія, женщины, дѣти, а также частная собственность, были ограждены отъ насилія со стороны непріятеля болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ это существуетъ въ настоящее время.

Во всѣ времена самые возвышенные умы высказывали желаніе, чтобы война не допускалась, но условія существованія, окружающія человѣка, отнимаютъ всякую надежду на осуществленіе когда нибудь этого желанія.

Человѣку не суждено достигнуть совершенства въ какомъ бы то ни было отношеніи. А такой порядокъ вещей, при которомъ не возникало бы ни страстей, ни насилія, при которомъ все совершалось бы согласно съ требованіями справедливости, былъ бы соціальнымъ совершенствомъ.

Но если невозможно вполнѣ достигнуть этой цѣли, то можно стремиться къ приближенію къ ней, какъ мы уже замѣтили по отношенію къ другимъ соціальнымъ вопросамъ, какъ напримѣръ, по вопросу о справедливости, объ относительныхъ размѣрахъ права и свободы. Тщетно было бы желать уничтоженія войны, но можно ограничить ее, стѣснить ея проявленія, и въ особенности, ея излишества, посредствомъ все болѣе и болѣе строгихъ требованій международнаго права. Чѣмъ болѣе будетъ признано общихъ правилъ на этотъ счетъ, тѣмъ болѣе стѣснена будетъ война, ибо, при всякомъ подчиненіи силы какому нибудь правилу, ослабляется звѣрская ея природа.

На всякій прогрессъ въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на побѣду разума надъ матеріей; такъ и смотрѣли на него люди, наиболѣе развитые въ умственномъ отношеніи. Въ настоящее время многіе изъ нихъ не довольствуются лич-

нымъ одобреніемъ этого стремленія, но стараются возбудить общее движеніе въ этомъ смыслѣ въ общественномъ мнѣніи.

Они должны встрѣтить поддержку въ особенности со стороны всѣхъ не первостепенныхъ государствъ, такъ какъ послѣднимъ въ высшей степени выгодно, чтобы ограничено было употребленіе силы, ибо это дастъ имъ возможность занять такое же положеніе, какое занимаютъ болѣе могущественныя государства.

Спеціальная общественная служба, дипломатія, по самому характеру своего отправленія, должна обратиться въ официальную опору для стремленій, враждебныхъ войнѣ. Ибо назначеніе дипломатіи состоитъ въ отстраненіи поводовъ къ столкновеніямъ между государствами и въ разрѣшеніи тѣхъ, которыя не удалось предупредить. Въ наше время дипломатія играетъ болѣе важную роль, чѣмъ когда либо, именно вслѣдствіе того, что къ силѣ прибѣгаютъ не такъ легко, какъ прежде, а потому, задача разрѣшать затрудненія становится все болѣе трудной.

Во всѣ времена понималось, или по крайней мѣрѣ инстинктивно чувствовалось, важное значеніе пословъ, парламентеровъ и другихъ чиновниковъ, представлявшихъ мирныя стремленія или служившихъ посредниками ихъ. Личность ихъ становилась подъ охрану народовъ, и облекалась неприкосновенностью. Изъ всѣхъ принциповъ международнаго права послѣдній былъ наиболѣе распространеннымъ и самымъ древнимъ, потому что постоянно признавался всѣми народами міра и на всѣхъ ступеняхъ ихъ нравственнаго развитія. Многіе народы знали одно только это правило изъ всего международнаго права. Всѣ они сознавали, что не признать неприкосновенности лицъ, представлявшихъ среди столкновенія матерьяльныхъ силъ принципъ разумности, значило бы посягнуть на самый принципъ этотъ, болѣе всего высокій въ человѣкѣ. Сверхъ того, когда одинъ народъ отдаетъ подъ защиту другаго народа честь и безопасность своего представителя, то было бы въ высшей степени невѣжливо и оскорбительно со стороны послѣдняго обмануть его ожиданія.

Вотъ почему на нарушеніе этого права, физическимъ ли

насиліемъ или нравственнымъ оскорбленіемъ, всегда смотрѣлось, какъ на обиду, причиненную всѣмъ народомъ, и потому требовавшую возмездія и вражды со стороны всѣхъ людей, желающихъ ограниченія принципа силы.

Выше мы замѣтили, что между государствами могутъ возникнуть отношенія, опирающіяся на тѣ же основанія, которыя служатъ для юридическихъ сдѣлокъ между лицами. Эти отношенія вызываются взаимными выгодами государствъ, доставляемыми общимъ участіемъ въ такихъ предпріятіяхъ, какъ торговля, рыбная ловля, промышленность, такія общественныя учрежденія, какъ почты, пути сообщенія и другія. Вытекающія изъ этого соглашенія представляютъ неболѣе какъ распространеніе частныхъ договоровъ на интересы, имѣющіе болѣе широкое значеніе. Вслѣдствіе послѣдняго только обстоятельства, старались придать этимъ соглашеніямъ или общественнымъ договорамъ какъ можно бо̀льшую торжественность и спеціальную форму, принятую всѣми цивилизованными народами и освящаемую высшею государственною властью. Торжественныя формы нисколько не измѣняютъ сущности этихъ общественныхъ актовъ, сохраняющихъ общій характеръ права, и только яснѣе подтверждающихъ его существованіе.

Но мы видѣли, что международное право допускаетъ силу, какъ одинъ изъ своихъ элементовъ, и существуютъ общественные договоры, вытекающіе изъ того употребленія, какое сдѣлано было изъ этого принципа. Это суть соглашенія или договоры, завершающіе войну, и закрѣпляющіе ея результаты. И дѣйствительно, успѣхъ одной изъ воюющихъ сторонъ или общее истощеніе обѣихъ приводитъ къ миру, который естественно обусловливается этими обстоятельствами. Мирный договоръ становится, такимъ образомъ, торжественнымъ освященіемъ побѣдоносной силы, и утверждаетъ измѣненія въ отношеніяхъ между воевавшими государствами, вызванныя войной.

Мы полагаемъ, что показали съ достаточной ясностью, что съ точки зрѣнія права, сила есть простое физическое проявленіе и отправленіе права, пока она не переходитъ за границы его. Но какъ только она обращается въ независимый принципъ, то тотчасъ же становится въ противурѣчіе

съ правомъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ отожествленіемъ права съ принципомъ, болѣе всего враждебнымъ ему, съ самымъ торжественнымъ, какое только могли продумать люди, смѣшеніемъ двухъ началъ, исключающихъ одно другое. Изъ всѣхъ логическихъ противурѣчій, представляемыхъ соціальными отношеніями, это противурѣчіе безспорно самое поразительное, самое дерзкое. А между тѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ человѣческія общества, оно всегда было принято; мало того, нѣтъ возможности избѣжать его, что̀ служитъ новымъ доказательствомъ несовершенства дѣлъ человѣческихъ.

Этотъ родъ договоровъ отличается, стало быть, существенно отъ другаго рода договоровъ, и представляетъ спеціальную сторону международнаго права, которою послѣднее отличается вообще отъ права. Этой стороной международное право, нетолько не отвергаетъ принципа силы, на основаніи общаго стремленія права, но признаетъ за ней значеніе отвлеченнаго принципа, то есть, допускаетъ ее нетолько какъ простое отправленіе права, но какъ принципъ, имѣющій самобытное значеніе. Итакъ, международное право по необходимости признаетъ силу, какъ принципъ, но тотчасъ же подчиняетъ ее правиламъ, ограничивающимъ ее.

Однако же, несмотря на разнородную природу обоихъ родовъ вышеозначенныхъ договоровъ, ихъ нетолько постоянно смѣшиваютъ, но даже не дѣлаютъ между ними никакого различія.

Фактъ этотъ объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что оба рода договоровъ дѣйствительно обмѣниваются своими предметами. Случается, что международныя соглашенія, находящіяся въ зависимости отъ права, относящіяся, напримѣръ, къ торговымъ интересамъ, предписываются силой. А съ другой стороны, хотя происхожденіе соглашеній, касающихся внѣшняго могущества государствъ, слѣдуетъ искать въ войнѣ, тѣмъ неменѣе, источникомъ ихъ можетъ быть и право, ибо государство можетъ разширяться и путемъ частнаго права, наслѣдствомъ, брачными узами государя, уступкой, покупкой, и проч.

Другой фактъ содѣйствуетъ смѣшенію общественныхъ договоровъ, основанныхъ на правѣ, съ договорами, вынужденными силой; это—обычай облекать въ формы добровольнаго соглашенія договоры, навязанные силой. Побѣжденная воюющая сторона предпочитаетъ лучше показать видъ добровольнаго согласія, чѣмъ признаться въ своей слабости, ибо это значило бы отказаться отъ той независимости и отъ того равенства между самодержавными государствами, которому они придаютъ первостепенное значеніе.

Но, хотя съ болѣе возвышенной точки зрѣнія должно признать неудовлетворительность международныхъ договоровъ, основанныхъ на силѣ, или, вѣрнѣе, по самой причинѣ ихъ неудовлетворительности, всѣ государства заинтересованы въ строгомъ ихъ соблюденіи, ибо, въ противномъ случаѣ, сила освободилась бы отъ послѣднихъ, сдерживающихъ ее узъ. Такъ какъ разумъ оказывается безсильнымъ для отстраненія этого принципа изъ соціальныхъ отношеній, то и остается только стараться объ удержаніи его въ самыхъ тѣсныхъ границахъ.

Къ тому же, отвергая даже силу, какъ раціональный общественный принципъ, и признавая неудовлетворительность договоровъ, вытекающихъ изъ такого источника, государствамъ тѣмъ не менѣе необходимо поддерживать къ нимъ уваженіе нетолько по отношенію къ международнымъ сношеніямъ, но и по отношенію къ внутреннимъ условіямъ каждаго государства. Ибо сила представляется въ такомъ случаѣ хоть сколько нибудь сдержанной и подчиненной всѣми принятому правилу, между тѣмъ какъ еслибы она открыто не допускала никакого контроля надъ собой, и признавалась бы единственной рѣшительницей международныхъ столкновеній, то она отразилась бы на всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ, и вскорѣ въ человѣческомъ обществѣ она всюду одержала бы верхъ надъ правомъ.

Поэтому, все человѣчество заинтересовано въ томъ, чтобы международное право все сильнѣе и сильнѣе развивалось бы въ раціональномъ смыслѣ, чтобы при его содѣйствіи принципъ силы приводился бы все въ болѣе тѣсныя границы.

Вотъ почему главная задача состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего достигнуть пониманія международнаго права, чтобы ознакомиться съ его сильною и съ его слабою стороной. Съ этой точки зрѣнія, наперекоръ матерьяльной его оцѣнкѣ, самою сильной оказывается сторона его, опирающаяся на право, ибо она удовлетворяетъ требованіямъ разума; сторона его, опирающаяся на силу, оказывается слабой, такъ какъ въ основаніи ея лежитъ логическое противурѣчіе. Ибо право исключаетъ силу, а между тѣмъ, въ международныхъ договорахъ, основанныхъ на силѣ, послѣдняя отожествляется съ правомъ.

Существовало имѣніе, что международному праву принадлежитъ первое мѣсто между правами; это мнѣніе порождено тѣмъ ошибочнымъ положеніемъ, вслѣдствіе котораго матерьяльное величіе принимается за величіе нравственное. Независимыя государства суть дѣйствительно величайшія человѣческія общества; отношенія между ними имѣютъ, поэтому, самые обширные размѣры, но эта обширность только матерьяльная, и дѣло состоитъ въ томъ, чтобы узнать сохраняютъ ли они то же значеніе предъ судомъ разума. Въ числѣ этихъ отношеній существуютъ такія, которыя основаны на правѣ, но другія, и самыя важныя по своимъ размѣрамъ, вообще порождены силой.

Итакъ, международное право только отчасти вытекаетъ изъ идеи права, и только отчасти запечатлѣно высокой природой послѣдняго; другою же своей стороной оно отожествляется съ силой, и потому, можетъ имѣть значеніе только съ матерьяльной точки зрѣнія.

Но такъ какъ войны между государствами причиняютъ великія бѣдствія, и налагаютъ громадныя жертвы на общество, такъ какъ онѣ ввергаютъ въ несчастіе огромное число людей, то благоразуміе и человѣколюбіе обязываютъ уважать договоры, полагающіе конецъ этимъ разстройствамъ. Вотъ почему на соблюденіе подобнаго рода договоровъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на общественную необходимость первостепенной важности.

Мы полагаемъ, что объяснили запутанную природу между-

народнаго права, указавъ на точку соприкосновенія между двумя составными его элементами, правомъ и силой, а также, на особенный характеръ каждаго изъ этихъ элементовъ. Это́ та точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на международное право во всей его совокупности. Сущность его состоитъ отчасти изъ положительныхъ соглашеній между государствами, и обычаевъ, усвоенныхъ ими въ сношеніяхъ между собой, а отчасти изъ правилъ, постепеннно введенныхъ въ него наукой, и освященныхъ всеобщимъ одобреніемъ. Но изслѣдованіе этихъ подробностей и общихъ правилъ, порождаемыхъ ими, выходитъ изъ рамокъ настоящаго сочиненія.

Мы ограничимся только указаніемъ общей точки зрѣнія на каждый вопросъ международнаго права. Такъ какъ право это не имѣетъ иной цѣли, какъ все большее и большее ограниченіе употребленія физической силы, то на основаніи этого принципа долженъ быть обсужденъ всякій сомнительный случай. Такъ что, если дѣло идетъ о какомъ нибудь актѣ насилія, на который можно будетъ представить нѣсколько толкованій одного и того же правила, или нѣсколько противурѣчащихъ одно другому правилъ, то окончательный выборъ долженъ остановиться на томъ толкованіи, которое будетъ имѣть въ виду ограничить злоупотребленіе силой; ибо такое толкованіе ближе всего подойдетъ къ идеѣ справедливости, а слѣдовательно, и къ раціональному стремленію международного права.

Конецъ

БИБЛИОТЕКА
Института В. И. Ленина

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. Ф. БАЗУНОВА

на Невскомъ Проспектѣ у Казанскаго моста, д. Ольхиной.

Бибиковъ, П. А. О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Ц. 50 к.

Бибиковъ, П. А. Критическіе Этюды. Ц. 3 р.

КЛАССИЧЕСКІЕ ПИСАТЕЛИ КОНЦА ПРОШЛАГО И НАЧАЛА НЫНѢШНЯГО ВѢКА ВЪ ПЕРЕВОДѢ П. А. БИБИКОВА.

Биша. Физіологическія изслѣдованія о жизни и смерти. Со статьей переводчика о жизни, трудахъ и значеніи Биша. Ц. 1 р. 75.

Кабанисъ. Отношеніе между физическою и нравственною природою человѣка. Со статьей переводчика о значеніи Кабаниса въ наукѣ о человѣкѣ. 2 тома. Ц. 3 р.

Смитъ (Адамъ). Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ. Съ примѣчаніями Бентама, Бланки, Буханана, Гарнье, Макъ-Кулоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сэя, Сисмонди, Тюрго и др. Со статьями о Смитѣ и его ученіи Бланки и Гарнье. (Изданіе полное, безъ измѣненій и сокращеній противъ подлинника). 3 тома. Ц. 6 р.

Смитъ (Адамъ). Теорія нравственныхъ чувствъ. Съ письмами М. Кондорсе къ Кабанису о Симпатіи. Ц. 2 р.

Мальтусъ. Опытъ о законѣ народонаселенія. Со статьей переводчика о жизни и трудахъ Мальтуса, примѣчаніями и приложеніями. 2 тома. Ц. 4 р.

Бланки. Исторія политической экономіи. Съ критической библіографіей, примѣчаніями и приложеніями. 2 тома. Ц. 4 р.

Готовятся

Лессингъ. Собраніе сочиненій.

Вольтеръ. Собраніе сочиненій.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА.
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кв. № 3.

5p.